

ISSN: 2500-0837 (Print)
eISSN: 2687-0363 (Online)

ТЕОРИЯ государства и права

2024

апрель-май-июнь

№2 (36)

Москва

Россия

ISSN 2500-0837 (Print)
eISSN 2687-0363 (Online)

2024 / № 2 (36)

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научный журнал основан в 2016 г. и является официальным изданием Межрегиональной общественной организации «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»

2024 / № 2 (36)

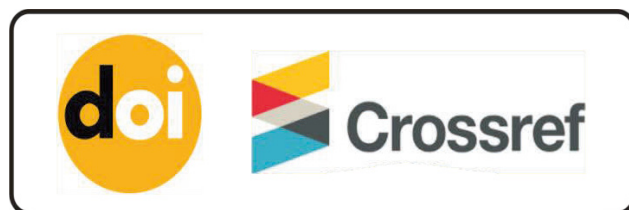
THEORY OF STATE AND LAW

The academic journal is established in 2016 and is the official publication of the Interregional Public Organization "Interregional Association of Theorists of State and Law"

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (квартиль 1)

The journal is included by the Higher Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia in the List of Peer-Reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of Doctor of Science (quartile 1)

Индексация журнала

ДЕНИСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Межрегиональная ассоциация теоретиков

государства и права

приглашает принять участие в работе

XI Международной научно-теоретической конференции

**«Человек-природа, личность-общество, гражданин-государство
в условиях информатизации и цифровизации российского общества
в интересах устойчивого развития»**

XI International Scientific Conference

**“Man-nature, personality-society, citizen-state in the context
of informatization and digitalization of Russian society in the interests
of sustainable development”**

Theory of State and Law

**14–16 июня 2024 года (10.00–16.00)
Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3**

Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, редколлегии журналов «Теория государства и права», «Юридическая мысль», «Вестник общей и отраслевой теории права», «Современное российское право», «Вестник Института права Башкирского государственного университета», «Вестник Костромского государственного университета», «Вектор науки Тольяттинского государственного университета», «Миграционное право», «Dilemas contemporaneos-educacion politica y valores» (Мексика) 14–16 июня 2024 года (Санкт-Петербург) **в очно-заочном формате** проводят XI Международную научно-теоретическую конференцию «Человек-природа, личность-общество, гражданин-государство в условиях информатизации и цифровизации российского общества в интересах устойчивого развития».

К выступлению с докладами приглашаются доктора и кандидаты наук, аспиранты (адъюнкты) и соискатели, студенты, практикующие юристы.

Регистрация 14 июня 2022 года: 9.30–10.00 (московское время), начало работы конференции: 10.30, перерыв: 13.00 – 14.00, окончание работы конференции: 16.00.

Рабочие языки конференции – русский и английский.

Проезд и проживание иностранными и иногородними участниками оплачиваются и организуются самостоятельно.

Просим Вас подтвердить свое участие в конференции (указав форму участия), пройдя электронную регистрацию до **5 июня 2024 года** по электронной почте: matgip2017@yandex.ru или lawinst-spb@mail.ru в целях составления программы конференции.

Доклады, статьи, сообщения надо направить до 30 июня 2024 года в электронном виде по адресу: matgip2017@yandex.ru или SVKomarov2008@yandex.ru.

Российский индекс научного цитирования

Информация о материалах, опубликованных в журналах по тематике конференции, будет размещена в системе E-library (РИНЦ).

Материалы конференции будут размещены в номере 2-1 журнала «Теория государства и права», в других журналах информационных партнеров.

УЧАСТИЕ В РАБОТЕ КОНФЕРЕНЦИИ – БЕСПЛАТНОЕ

Рассылка журнала в электронном виде вместе с сертификатом об участии будет производиться по мере выхода журнала в свет.

Авторам, заказавшим печатный вариант, рассылка будет производиться централизованно, посредством почты России, простой бандеролью после 20 августа 2024 года за счет авторов.

Информационные партнеры

Компания
«Консультант-Плюс»

Журнал
«Миграционное
право»

Компания «Гарант»

Журнал «Dilemas contemporaneos-educacion politica y valores» (Мексика)

Журнал
«Теория
государства
и права»

Журнал
«Юридическая
наука»

Журнал
«Современное
российское право»

Журнал
«Юридическая
мысль»

Вестник
Костромского
государственного
университета

Журнал
«Вектор науки Тольяттинского
государственного университета»
Серия: Юридические науки

Журнал
«Вестник
Института права
Башкирского
государственного
университета»

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

		Стр.
<i>Волощук Р.Д., Комарова Т.Л.</i>	Нормативно-правовое регулирование в СССР страхования и социальной поддержки институтов семьи и детства в 1970–1980 гг.	14
<i>Воробьев С.М., Комаров С.А.</i>	Внешиполитическая конфронтация СССР и США в вопросах ядерной гонки вооружения: историко-правовое осмысление	25
<i>Денисенко В.В.</i>	Лингвистический подход к сущности и реализации права	39
<i>Денисов А.М., Прокофьев К.Г.</i>	Актуальность наследия исторической школы права Ф.К. фон Савиньи для современной теоретико-правовой мысли	47
<i>Забиров Р.Ш., Старовойтова О.Э.</i>	Особенности судебно-переводческих правоотношений в современных реалиях.....	56
<i>Игнатьева С.В., Старовойтова О.Э., Крижановская Г.Н.</i>	Вызовы современной феминистской политике в области прав человека на примере сексуализированного насилия военного времени.....	78
<i>Клименко А.И.</i>	Язык права как средство господства и борьбы за права	100
<i>Кузьмин Д.С.</i>	О понятии освобождения от юридической ответственности	111
<i>Куксин И.Н., Мураева В.В.</i>	Конституция России оплот сильного правового и социального государства	123
<i>Ливенцев Д.В.</i>	Награды Юго-Восточных стран Европы в государственно-правовом статусе российской правящей династии	135
<i>Мазурин С.Ф.</i>	Роль Православной Христианской культуры в формировании духовности и нравственности в социальной среде общества	142

Теория государства и права

<i>Плешаков Е.А.</i>	Юридический приоритет как общеправовая ценность.....	159
<i>Силвеев И.М.</i>	Соотношение форм нормоконтроля законодательства субъектов Российской Федерации в рамках нормоконтролирующей деятельности	166
<i>Смирнов А.А., Исмагилов Р.Ф.</i>	Институт пассивного избирательного права при выборах в органы государственной власти в Российской Федерации.....	181
<i>Сысоев В.А., Игнатъева С.В.</i>	Проблема формы правоотношения в работах Ю.И. Гревцова.....	192
<i>Твердова Т.В.</i>	Проблема понимания защиты гражданских прав, осуществляемых в порядке реализации конституционных гарантий	205
<i>Храмцов А.Б.</i>	Особенности формирования и социального состава гласных городских дум Томской губернии по реформе 1870 г.	215
<i>Шутова В.Н.</i>	Угрозы правовой безопасности России и механизмы противодействия им.....	230
<i>Явид Я.А.</i>	Имплементация как форма правовой инфильтрации правовых норм об охране объектов культурного наследия.....	242

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Гутман М.Ю., Щукин А.О.</i>	Ответственность выборных лиц и выборных муниципальных органов местного самоуправления перед населением.....	251
------------------------------------	---	-----

ЮБИЛЕЙ

<i>Комаров С.А., Комарова Т.Л., Резнова М.Б.</i>	Наши поздравления Е.В. Серееде	264
--	--------------------------------------	-----

CONTENT

5.1.1. THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

	Pages
Voloshchuk R.D., Komarova T.L.	Legal regulation in the USSR of insurance and social support of family and childhood institutions in 1970–1980..... 19
Vorobyov S.M., Komarov S.A.	Foreign policy confrontation between the USSR and the USA in matters of the nuclear arms race: historical and legal understanding 32
Denisenko V.V.	Linguistic approach to the essence and implementation of law..... 43
Denisov A.M., Prokofiev K.G.	The relevance of the heritage of the historical school of law F.K. von Savigny for modern theoretical and legal thought 51
Zabirov R.Sh., Starovoitova O.E.	Features of judicial translation legal relations in modern realities 67
Ignatieva S.V., Starovoitova O.E., Krizhanovskaya G.N.	Challenges to modern feminist policy in the field of human rights on the example of sexualized wartime violence 89
Klimenko A.I.	The language of law as a means of domination and struggle for rights..... 105
Kuzmin D.S.	On the concept of exemption from legal liability 117
Kuksin I.N., Muraeva V.V.	The Constitution of Russia is the stronghold of a strong legal and social state 129
Liventsev D.V.	Awards of the South-Eastern countries of Europe in the state-legal status of the Russian ruling dynasty 138
Mazurin S.F.	The role of Orthodox Christian culture in the formation of spirituality and morality in the social environment of society 151
Pleshakov E.A.	Legal priority as a general legal value..... 162

Теория государства и права

Siliveev I.M.	Correlation of forms of normative control of legislation of the constituent entities of the Russian Federation within the framework of normative control activities	173
Smirnov A.A., Ismagilov R.F.	Institute of passive electoral law in elections to government bodies in the Russian Federation	187
Sysoev V.A., Ignatieva S.V.	The problem of the form of legal relationship in the works of Yu.I. Grevtsova	198
Tverdova T.V.	The problem of understanding the protection of civil rights exercised in the implementation of constitutional guarantees.....	210
Khramtsov A.B.	Features of the formation and social composition of the vowels of the city councils of the Tomsk province according to the reform of 1870	222
Shutova V.N.	Threats to the legal security of Russia and mechanisms to counter them.....	236
Yavid Ya.A.	Implementation as a form of legal infiltration of legal norms on the protection of cultural heritage objects.....	247

5.1.2. PUBLIC LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

Gutman M.Yu., Shchukin A.O.	Responsibility of elected officials and elected municipal bodies of local self-government to the population.....	258
--------------------------------	--	-----

ANNIVERSARY

Komarov S.A., Komarova T.L., Revnova M.B.	Our congratulations to E.V. Sereda	268
---	--	-----

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ:

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия) (учредитель, председатель совета)

Азнагулова Гузель Мухаметовна, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (член совета)

Арзамаскин Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия) (член совета)

Артемьев Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент (г. Коломна, Россия) (член совета)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (г. Нижний Новгород, Россия) (член совета)

Бастрыкин Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия) (член совета)

Дроздова Александра Михайловна, доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь, Россия) (член совета)

Ивлиев Павел Валентинович, кандидат юридических наук, доцент (г. Рязань, Россия) (член совета)

Ирошников Денис Владимирович, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (член совета)

Калинин Алексей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

Крылова Елена Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия) (член совета)

Матвеев Антон Геннадьевич, доктор юридических наук, доцент (г. Пермь, Россия) (член совета)

Михайлова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия) (член совета)

Мицкая Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор (г. Шымкент, Республика Казахстан) (член совета)

Певцова Елена Александровна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва) (член совета)

Прокопович Галина Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

Пузиков Руслан Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия) (член совета)

Пуиг Эспиноса Хосе Серхио, доктор политических наук (г. Мехико, Мексика) (член совета)

Ревна Мария Борисовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия) (член совета)

Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (г. Санкт-Петербург, Россия) (член совета)

Сарабариа Кориг Маура де ла Каридад, доктор педагогических наук, профессор (г. Мехико, Мексика) (член совета)

Теория государства и права

Середа Елена Васильевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

Спирин Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (член совета)

Тирских Максим Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия) (член совета)

Хачатуров Рудольф Леонович, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия) (член совета)

Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия) (член совета)

Чепус Алексей Викторович, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (член совета)

Эбзеев Борис Сафарович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия) (член совета)

Юдин Валерий Иванович, доктор политических наук, доцент, помощник сенатора Российской Федерации (г. Москва, Россия) (член совета)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Комаров Владимир Сергеевич, главный редактор, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Воробьев Сергей Михайлович, заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Саматов Андрей Валерьевич, ответственный секретарь редакции (г. Москва, Россия)

Альбиков Равиль Фатхулович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва)

Белянская Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Джалилов Эльвис Алимович, кандидат юридических наук (г. Тольятти, Россия)

Зелепукин Роман Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Комарова Татьяна Львовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия) (г. Москва, Россия)

Кузьмин Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия)

Малиненко Эльвира Владимировна, кандидат юридических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Мамитова Наталия Викторовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Полищук Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Попова Анна Владиславовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Хабибулин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия)

Theory of State and Law

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-65110 от 28.03.2016 г.

Журнал выходит с периодичностью 4 раза в год.

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (квартиль 1).

Журнал «Теория государства и права» основан в 2016 году.

Учредитель: Комаров Сергей Александрович.

ISSN: 2500-0837 (Print); e-ISSN: 2687-0363 (Online)

© Теория государства и права, 2024.

© Авторы, 2024.

Полнотекстовая версия журнала и архив номеров с 2016 г. по настоящее время доступна в Интернете на сайте Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (<http://matgip.ru/journal>).

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 38960

Подписку на журнал можно оформить также и на сайте www.matgip.ru

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Полнотекстовые выпуски журнала в свободном доступе представлены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU

При цитировании ссылка на конкретную статью в журнале обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей и результаты проверки текста на антиплагиат несут авторы.

Editorial and publishing council:

Komarov Sergey Aleksandrovich, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (chairman of the board)

Aznagulova Guzel Mukhametovna, Doctor of legal sciences, Associate professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Arzamaskin Nikolay Nikolaevich, Doctor of legal sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia) (Council Member)

Artemyev Andrey Borisovich, Candidate of legal sciences, Associate professor (Kholmna, Russia) (Council Member)

Baranov Vladimir Mikhaylovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia) (Council Member)

Bastrykin Alexander Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia) (Council Member)

Теория государства и права

Drozdova Aleksandra Mikhaylovna, Doctor of legal sciences, Professor (Stavropol, Russia) (Council Member)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Doctor of legal sciences, Associate professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Ivliev Pavel Valentinovich, Candidate of legal sciences, Associate professor (Ryazan, Russia) (Council Member)

Kalinin Alexey Yuryevich, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Krylova Elena Gennadyevna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Lipinsky Dmitry Anatolyevich, Doctor of legal sciences, Professor (Tolyatti, Russia) (Council Member)

Matveev Anton Gennadievich, Doctor of Law, Associate professor (Permian, Russia) (Council Member)

Mikhailova Irina Alexandrovna, Doctor of Law, Professor (Ryazan, Russia) (Council Member)

Mitskaya Elena Vladimirovna, Doctor of legal sciences, Professor (Shymkent, the Republic of Kazakhstan) (Council Member)

Pevtsova Elena Aleksandrovna, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Puig Espinosa José Sergio, Doctor of Political Sciences (Mexico City, Mexico) (Council Member)

Prokopovich Galina Alekseevna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Puzikov Ruslan Vladimirovich, Candidate of legal sciences, Associate professor (Tambov, Russia) (Council Member)

Revnova Maria Borisovna, Candidate of legal sciences, Associate professor (St. Petersburg, Russia) (Council Member)

Sal'nikov Victor Petrovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia) (Council Member)

Salabarría Roig Maura de la Caridad, Doctor of Pedagogical Sciences (Mexico City, Mexico) (Council Member)

Sereda Elena Vasilievna, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia) (Council Member)

Spirin Mikhail Yuryevich, PhD in Law, Associate Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Khachaturov Rudolf Levonovich, Doctor of Law, Professor (Tolyatti, Russia) (Council Member)

Tsybulevskaya Olga Ivanovna, Doctor of legal sciences, Professor (Saratov, Russia) (Council Member)

Chepus Alexey Viktorovich, Doctor of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Ebzeev Boris Safarovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia) (Council Member)

Yudin Valery Ivanovich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Assistant to the Senator of the Russian Federation (Moscow, Russia) (Council Member)

Theory of State and Law

Editorial board:

Komarov Vladimir Sergeevich, Editor in chief, PhD in Law, Associate professor (St. Petersburg, Russia)

Vorobiev Sergey Mikhaylovich, Deputy editor, Doctor of legal sciences, Professor (Ryazan, Russia)

Samatov Andrey Valeryevich, Executive secretary of the editorial board (Moscow, Russia)

Albikov Ravil Fatkhulovich, PhD in Law, Associate Professor (Moscow, Russia)

Belyanskaya Olga Viktorovna, PhD in Law, Associate professor (Tambov, Russia)

Galiyev Farit Hatipovich, Doctor of legal sciences, Professor (Ufa, Russia)

Jalilov Elvis Alimovich, PhD in Law (Tolyatti, Russia)

Zelepukin Roman Valerievich, PhD in Law, Associate Professor (Tambov, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, PhD in Law, Associate professor (Moscow, Russia)

Komarova Tatyana Lvovna, PhD in Law, Associate professor (St. Petersburg) (Moscow, Russia)

Kuzmin Igor Aleksandrovich, PhD in Law, Associate Professor (Irkutsk, Russia)

Malinenko Elvira Vladimirovna, PhD in Law, Associate Professor (Rostov-on-Don)

Mamitova Natalia Viktorovna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)

Polishchuk Nikolay Ivanovich, Doctor of legal sciences, Professor (Ryazan, Russia)

Popova Anna Vladislavovna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)

Khabibulin Alik Galimzyanovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

«Theory of State and Law» is registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. The certificate ПИ № ФС77-65110, March 28, 2016. The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals and publications, where main research results of doctoral dissertations should be published.

ISSN 2500-0837 (Print); eISSN 2687-0363 (Online)

«Theory of State and Law» according to the union catalog «Press of Russia»

© The Theory of State and Law, 2024; © Authors, 2024.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Interregional association of theorists of the state and the law (www.matgip.ru)

The journal is listed in the Citation index system of the Union Catalogue "Russian Press" (index 38960)

You can subscribe to the magazine also on the website ***www.matgip.ru***

At citing the reference to a particular series of «Theory of State and Law» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP.2024_2_36_14

Р.Д. Волощук*

Т.Л. Комарова**

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СССР СТРАХОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ИНСТИТУТОВ СЕМЬИ И ДЕТСТВА В 1970–1980 ГГ.

Аннотация. В статье анализируется динамика нормативно-правового обеспечения реализации системы страхования жизни и здоровья граждан, семьи и детей, которая легла в основу развития страховой системы современной России. Специальное внимание уделено исследованию ключевых документов, появившихся в этот период и привнесших нововведения, существенно уточняющие дальнейший вектор развития социальной политики в СССР, которая стала основой для формирования будущей социальной политики уже Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция СССР, советское государство, система социального страхования, институт семьи и детства, социальная политика государства.

Основной мотив, определяющий функционирование советского государства в период 1970–1980 гг., была идея построения развитого социалистического общества и его перерастание в будущее коммунистическое общество. Отойдя от достижения идеи «мировой революции», советское государство сконцентрировало внимание на развитии внутреннего устройства страны. Важной вехой, отражающей развитие социального государства, стала Конституция СССР 1977 года. В ее преамбуле было установлено, что в СССР «построено развитое социалистическое общество» [1]. Таким образом, на конституционном уровне было закреплено, что советское государство – это государство развитого социализма и основной идеей данного государственного строя является дальнейшее построение коммунистического общества.

Исследование данного вопроса является важным для общего понимания концепций социального развития института охраны и поддержки семьи и детей в СССР в данный период развития государственности. Данная эпоха получила название периода «Застоя», о чем было сказано в Докладе Центрального Комитета КПСС на XXVII съезде [18]. Данный период ознаменовался появлением и укреплением такого

* **Волощук Роман Дмитриевич**, аспирант кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: voloschuk.roman@yandex.ru

** **Комарова Татьяна Львовна**, проректор по науке и инновациям ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: Komarova_tl@mail.ru

важного документа, как Конституция СССР 1977 года, вобравшей в себя полный спектр социального развития СССР и указавший путь дальнейшего развития социальной сферы нашего государства. Именно в этот период была сформирована основная база системы страхования жизни и здоровья граждан, семьи и детей, которая легла в основу развития страховой системы современной России. Данный период характеризуется как период максимального социально-направленного развития правовой жизни в нашей стране.

В это время происходит активное внедрение новых социальных страховых политик внутри государства, принятие новых нормативных актов, регулирующих социальную и, в том числе, страховые сферы жизни советского общества (например, Кодекс законов о труде 1971 года [2], Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25.09.1974 «О введении пособий на детей малообеспеченных семей» [10], Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23.01.1981 «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» [13]). Необходимо понимать, что прямого акцентирования внимания именно на детях в законодательстве того периода не происходило. Институт детства неразрывно был связан с другим – одним из важнейших институтов советского общества – институтом семьи, которому отводилась большая роль в дальнейшем становлении и развитии советского общества и государства.

Стоит отметить, что возникла тенденция постепенного перехода со стороны государства к политике предоставления льгот в материальную плоскость. Основываясь на документах того периода, необходимо провести анализ каждого из ключевых документов, появившихся в этот период и привнесших нововведения, существенно уточняющие дальнейший вектор развития социальной политики в СССР, которая стала основой для формирования будущей социальной политики уже Российской Федерации.

Первым и основополагающим документом, который необходимо рассмотреть, является Конституция СССР 1977 года [1] (далее – Конституция). Уже в преамбуле мы видим, что, начиная с данного документа, советская правовая система приобретает черты развитого социалистического общества, указывается, что созданы политические, правовые и социальные условия государственности, в которой растёт благосостояние народа в целом, развиваются и создаются всё более лучшие, социально-направленные условия для развития человека как личности, развития его социальных прав, свобод и интересов. Первой статьёй данной Конституции, затрагивающей социальный аспект, является 21 статья, которая гласит, что государство заботится об улучшении условий и охраны труда с целью минимизации социальных рисков, связанных с трудовой деятельностью советских граждан. Государство, основываясь на данной статье, ставит перед собой задачу по улучшению условий труда на производстве, в связи с чем понимаем, что нормальные условия труда – ключевой аспект в развитии социальной политики государства.

Статья 42 затрагивает систему здравоохранения государства. Указывается, что все граждане СССР имеют право на получение бесплатной квалифицированной медицинской помощи. Необходимо отметить, что данное право касается не только трудоспособного населения, но и остальных категорий граждан, в том числе и несовершеннолетних. Этой статьёй закрепляется государственная обязанность обеспечения детей страны бесплатной медицинской помощью с целью формирования здорового развития ребёнка.

Статья 53 затрагивает один из ключевых институтов советского общества – институт семьи. Данная статья закрепляет в Основном законе такие материальные

блага для семей в СССР, как: создание и развитие системы детских учреждений, выплаты пособий по случаю рождения ребенка, предоставления пособий и льгот многодетным семьям, а также других видов пособий и помощи семье. Таким образом, именно Конституция СССР 1977 года дала стартовое развитие на формирование системы социального страхования жизни и здоровья граждан страны.

Немаловажным документом, вводящим государственную защиту детства, является "Кодекс о браке и семье РСФСР", утвержденный Верховным Советом РСФСР 30.07.1969 г. ещё до введения в действие Конституции 1977 года, где в статье 5 устанавливается обязанность государства по созданию необходимых условий для нормального и полноценного развития института детства в государстве. После введения в действие вышеуказанной Конституции, данная статья была издана в новой редакции [3], которая указывала на то, что именно государство проявляет заботу о детях в стране, создавая им необходимые условия для развития. Данная норма закрепляет ключевую роль советского государства в формировании и функционировании системы охраны и поддержки семьи и детей.

Следующим документом, регулирующим социальную охрану института семьи и детства, является Закон РСФСР от 09.12.1971 "Об утверждении Кодекса законов о труде РСФСР" [2] (далее – КЗоТ). Данный акт вобрал в себе большой пласт законодательных норм, направленную на защиту женщин, занимающихся воспитанием малолетних детей. Глава 11 КЗоТ называется «Труд женщин» и содержит в себе статьи со 160 по 172, регулирующие труд женщин в СССР. Статья 162 запрещает ночные, сверхурочные и командировки для женщин, воспитывающих детей возрастом до 2-х лет. Статья 163 вводит ограничения на вышеуказанные трудовые нормы для женщин, воспитывающих детей возрастом от 2-х до 8-ми лет.

Таким образом, советская правовая система делает ключевую ставку не на выполнение трудовых обязанностей со стороны женщин, а на необходимость воспитания подрастающего поколения, делая акцент именно на этой части социальной жизни общества. Статья 164 затрагивает интересы беременных женщин, а поле рождения ребенка и период до достижения им возраста полутора лет. Указывается, что на этот период облегчаются условия труда, упрощаются требования по работе. Ст.ст. 165–169 регулируют социальные льготы и отпуска по беременности и родам, а также по воспитанию малолетних детей. Стоит обратить внимание на тенденции по данной сфере социального контроля, а именно, каким образом менялся срок отпуска по беременности в СССР в различные его годы и какие социальные гарантии давались женщинам в период развития СССР.

Первый акт, введивший данное понятие, это Декрет ВЦИК от 22 декабря 1917 года «О страховании на случай болезни» [4], введивший в 25 статье понятие «денежное пособие по случаю родов», которое устанавливалось в размере полного заработка женщины. Данное пособие выплачивалось в течение восьми недель до родов и восьми недель после родов. В течение этого времени работодателю запрещалось допускать женщин к работе, то есть продолжительность отпуска составляла 112 дней.

Следующим актом является Кодекс законов о труде от 15 ноября 1922 года [5], в статье 132 которого указывается, что женщинам, работающим на тяжелых физических работах, предоставляется освобождение от труда в течении 8 недель до и 8 недель после родов, а занятые конторским и умственным трудом – в течение 6 недель до и 6 недель после родов. С 17 февраля 1935 года женщинам-колхозницам предоставлялся отпуск по беременности и родам продолжительностью в 60 кален-

дарных дней (30 дней до родов и 30 дней после родов) с сохранением за ними содержания за эти 2 месяца в половинном размере средней выработки ими трудодней [6].

С 1 января 1939 года отпуск по беременности и родам работницам и женщинам-служащим был сокращён со 112 до 63 календарных дней (35 дней до родов и 28 дней после родов). Предоставлялся тем, кто проработал без перерыва в данном учреждении не менее 7 месяцев [7]. Следующий пересмотр данной системы социального регулирования произошел 8 июля 1944 года, на основании Указа Президиума ВС СССР от 08.07.1944 "Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания "Мать-героиня" и учреждении ордена "Материнская слава" и медали "Медаль материнства" [8], когда отпуск по беременности и родам был увеличен с 63 до 77 календарных дней (35 дней до родов и 42 дня после родов). Также данный нормативный акт устанавливал многие виды пособий для матерей таких как пособия для матерей-одинок, воспитывающих детей, выплаты для многодетных матерей при рождении ребёнка и установление ежемесячных пособий.

Следующий шаг в этом направлении был в увеличении отпуска по беременности и родам с 77 до 112 календарных дней (56 дней до родов и 56 дней после родов) [9]. С 13 октября 1956 года женщинам было предоставлено право на дополнительный отпуск без сохранения заработной платы сроком до 3 месяцев после отпуска по беременности и родам, включавшийся в общий и непрерывный трудовой стаж [11]. С 1 января 1969 года женщинам, имеющим грудных детей, по их просьбе, кроме отпуска по беременности и родам, был предоставлен дополнительный отпуск без сохранения заработной платы до достижения ребёнком возраста одного года [12].

Постановлением от 22 января 1981 года Совет Министров СССР ввёл для работающих матерей частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребёнком до достижения им возраста 1 года и дополнительный отпуск без сохранения заработной платы до полутора лет [16]. С 1 декабря 1989 года дополнительный отпуск без сохранения заработной платы увеличился с полутора до 3-х лет [14], а с 1 декабря 1990 года отпуск по беременности и родам увеличился со 112 до 126 календарных дней (70 дней до родов и 56 дней после родов), в случаях осложнённых родов или рождения двух и более детей – 140 дней (70 дней до родов и 70 после родов) [15].

Рассмотрев такой важный социальный институт, как поддержка женщин во время беременности и родов, необходимо заметить, что явно видна тенденция по постепенному улучшению социальной поддержки граждан СССР, что проявляется в установленных периодах отпусков по беременности уходу за ребёнком, а также по увеличению необходимой материальной поддержки со стороны государства путём предоставления оплаты отпуска и предоставления иных материальных мер поддержки.

Дальнейшим нормативным актом, регулирующим систему социальной поддержки семьи и детства, является Указ Президиума ВС СССР от 25.09.1974 N 312-IX "О введении пособий на детей малообеспеченным семьям" [10]. Данный акт устанавливает дополнительное материальное содержание со стороны государства малообеспеченным семьям. В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 января 1981 года в подпункте «а» пункта 1 устанавливает суммы оплаты за отпуск по уходу за ребёнком до достижения им возраста одного года [13].

Постановление Совмина СССР от 02.09.1981 вводило единовременное материальное поощрение при рождении ребёнка [16]. Постановление Совмина СССР от

23.02.1984 скорректировало систему материальных пособий при рождении и уходе за ребёнком. Так, устанавливалась единовременная выплата в размере трёх минимальных заработных плат, установленных в СССР, а также устанавливалось во время отпусков по уходу за ребёнком до достижения им возраста полутора лет пособие в размере минимальной заработной платы [17].

Подводя итог вышесказанному, необходимо сделать следующие выводы. Советская система социального страхования семьи и детства прошла долгий путь развития с планомерным улучшением тех мер, которые обеспечивались со стороны государства. Плоскость социальной поддержки семьи и детства перемещалась по пути постепенного увеличения предоставляемых материальных и нематериальных мер поддержки для граждан. Стоит отметить, что последние акты СССР, регулирующие систему социального страхования, стали ключевыми базовыми элементами формирования современной социально-правовой системы обеспечения интересов граждан в советском государстве (например, Постановление Совмина СССР от 23.02.1984 последнюю свою редакцию получило в 2006 году [17]). Таким образом, данные правовые акты являются фундаментальными при проведении современной социальной политики российского государства.

Библиографический список

1. Закон СССР от 7 октября 1977 г. № 6367-IX "О порядке введения в действие Конституции (Основного Закона) СССР" // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901817660>
2. Закон РСФСР от 09.12.1971 (ред. от 31.03.1988) "Об утверждении Кодекса законов о труде РСФСР" // URL: <https://e-ecolog.ru/docs/C1Po7F79uYoxEwYVGsKwX>
3. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 декабря 1979 года «О внесении изменений и дополнений в кодекс о браке и семье РСФСР» // URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_10136.htm
4. Декрет ВЦИК о страховании на случай болезни от 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.) // URL – <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-12-22.htm>
5. Кодекс законов о труде РСФСР 1922 года // URL: http://www.hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_22.htm
6. «Примерный устав сельскохозяйственной артели» (утв. СНК СССР, ЦК ВКП(б) 17.02.1935) // «СЗ СССР», 1935, N 11, ст. 82, «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», N 44, 18.02.1935 // URL: <https://arheve.org/read/dokumenty-1933-1937/1935-02-17-primernyy-ustav-selsko-hozyayst-vennoy-arteli/13>
7. Постановление Совета народных комиссаров, Центрального комитета ВКП(б), Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов от 23.12.1938 года «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле» // URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4172.htm
8. Указ Президиума ВС СССР от 08.07.1944 "Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания "Мать-героиня" и учреждении ордена "Материнская слава" и медали "Медаль материнства" // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=7182&req=doc#026868811222142885>
9. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 марта 1956 года // URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5068.htm
10. Указ Президиума ВС СССР от 25.09.1974 N 312-IX "О введении пособий на детей малообеспеченным семьям" // URL: https://e-ecolog.ru/docs/iwqjU1znSyJ0A00ZeRiu-?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F

11. Постановление Совета Министров СССР от 13 октября 1956 года № 1414 «О дальнейших мерах помощи женщинам-матерям, работающим на предприятиях и в учреждениях» // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=28269#06340274970022459>

12. Постановление Совета Министров СССР от 5 июля 1968 № 517 «О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в стране» // URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6847.htm

13. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 22.01.1981 № 235 «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» // URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_10621.htm

14. Постановление Совета Министров СССР от 22 августа 1989 года № 677 «Об увеличении продолжительности отпусков женщинам, имеющим малолетних детей» // URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_15845.htm

15. Постановление Совета Министров СССР от 24 ноября 1990 года № 1177 «О порядке назначения и выплаты некоторых пособий и об изменении и дополнении решений правительства СССР о государственной помощи семьям, имеющим детей» // URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_17641.htm

16. Постановление Совмина СССР, ВЦСПС от 02.09.1981 № 865 "О порядке введения частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года и других мероприятий по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей" // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=452#nWAXuT6tCgX9oFs>

17. Постановление Совмина СССР и ВЦСПС от 23.02.1984 № 191 "О пособиях по государственному социальному страхованию" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1975/27d7656d54c7e7caf9c787e45a8d0f0d7b7f7191/

18. Горбачев М.С. Политический доклад Центрального комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза // URL: http://lib.ru/MEMUARY/GORBACHEV/doklad_xxvi.txt

Для цитирования: Волощук Р.Д., Комарова Т.Л. Нормативно-правовое регулирование в СССР страхования и социальной поддержки институтов семьи и детства в 1970–1980 гг.: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 2 (36). – С. 14–19.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_14

LEGAL REGULATION IN THE USSR OF INSURANCE AND SOCIAL SUPPORT OF FAMILY AND CHILDHOOD INSTITUTIONS IN 1970 – 1980

Roman D. Voloshchuk*
Tatyana L. Komarova**

Annotation. The article analyzes the dynamics of regulatory support for the implementation of the life and health insurance system for citizens, families and children, which formed the basis for the development of the insurance system of modern Russia. Special attention is paid to the study of key documents that appeared during this period and introduced innovations that significantly clarified the

* **Voloshchuk Roman Dmitrievich**, graduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Law Institute" (St. Petersburg). E-mail: voloshchuk.roman@yandex.ru

** **Komarova Tatyana Lvovna**, Vice-Rector for Science and Innovation of the Private Educational Institution of Higher Education "Law Institute" (St. Petersburg). E-mail: Komarova_tl@mail.ru

further vector of development of social policy in the USSR, which became the basis for the formation of the future social policy of the Russian Federation.

Key words: *Constitution of the USSR, Soviet state, social insurance system, institution of family and childhood, social policy of the state.*

The main motive that determined the functioning of the Soviet state in the period 1970–1980 was the idea of building a developed socialist society and its development into a future communist society. Moving away from achieving the idea of a “world revolution,” the Soviet state concentrated on developing the internal structure of the country. An important milestone reflecting the development of the social state was the Constitution of the USSR of 1977. In its preamble it was established that in the USSR “a developed socialist society has been built” [1]. Thus, at the constitutional level it was established that the Soviet state is a state of developed socialism and the main idea of this state system is the further construction of a communist society.

The study of this issue is important for the general understanding of the concepts of social development of the institution of protection and support of families and children in the USSR during this period of statehood development. This era was called the period of “Stagnation,” as stated in the Report of the Central Committee of the CPSU at the XXVII Congress [18]. This period was marked by the emergence and strengthening of such an important document as the Constitution of the USSR of 1977, which absorbed the full spectrum of social development of the USSR and indicated the path for further development of the social sphere of our state. It was during this period that the main basis of the life and health insurance system for citizens, families and children was formed, which formed the basis for the development of the insurance system of modern Russia. This period is characterized as a period of maximum socially oriented development of legal life in our country.

At this time, there is an active introduction of new social insurance policies within the state, the adoption of new regulations regulating the social and, in particular, insurance spheres of life of Soviet society (for example, the Labor Code of 1971 [2], Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR from 09/25/1974 “On the introduction of benefits for children of low-income families” [10], Resolution of the CPSU Central Committee and the Council of Ministers of the USSR dated 01/23/1981 “On measures to strengthen state assistance to families with children” [13]). It is necessary to understand that there was no direct emphasis on children in the legislation of that period. The institution of childhood was inextricably linked with another – one of the most important institutions of Soviet society – the institution of the family, which was assigned a large role in the further formation and development of Soviet society and the state.

It is worth noting that there has been a tendency for the state to gradually transition to a policy of providing benefits on a material level. Based on the documents of that period, it is necessary to analyze each of the key documents that appeared during this period and introduced innovations that significantly clarify the further vector of development of social policy in the USSR, which became the basis for the formation of the future social policy of the Russian Federation.

The first and fundamental document that needs to be considered is the Constitution of the USSR of 1977 [1] (hereinafter referred to as the Constitution). Already in the preamble we see that, starting from this document, the Soviet legal system acquires the features of a developed socialist society, it is indicated that political, legal and social conditions for statehood have been created, in which the well-being of the people as a whole is growing, increasingly better, socially -directed conditions for the development of a person as an in-

Theory of State and Law

dividual, the development of his social rights, freedoms and interests. The first article of this Constitution, affecting the social aspect, is Article 21, which states that the state takes care of improving working conditions and labor protection in order to minimize social risks associated with the work of Soviet citizens. The state, based on this article, sets itself the task of improving working conditions in production, in connection with the understanding that normal working conditions are a key aspect in the development of the state's social policy.

Article 42 affects the state's health care system. It is stated that all citizens of the USSR have the right to receive free qualified medical care. It should be noted that this right applies not only to the working population, but also to other categories of citizens, including minors. This article establishes the state obligation to provide the country's children with free medical care in order to promote the healthy development of the child.

Article 53 affects one of the key institutions of Soviet society – the institution of the family. This article enshrines in the Basic Law such material benefits for families in the USSR, such as: the creation and development of a system of child care institutions, payment of benefits on the occasion of the birth of a child, provision of benefits and benefits to large families, as well as other types of benefits and assistance to the family. Thus, it was the Constitution of the USSR of 1977 that gave the starting point for the formation of a social insurance system for the life and health of the country's citizens.

An important document introducing state protection of childhood is the “Code on Marriage and Family of the RSFSR”, approved by the Supreme Council of the RSFSR on July 30, 1969 even before the entry into force of the 1977 Constitution, where Article 5 establishes the state's obligation to create the necessary conditions for normal and full development of the institution of childhood in the state. After the above-mentioned Constitution came into force, this article was published in a new edition [3], which indicated that it is the state that takes care of children in the country, creating for them the necessary conditions for development. This norm establishes the key role of the Soviet state in the formation and functioning of the system of protection and support for families and children.

The next document regulating the social protection of the institution of family and childhood is the Law of the RSFSR dated December 9, 1971 “On the approval of the Labor Code of the RSFSR” [2] (hereinafter referred to as the Labor Code). This act incorporates a large layer of legislative norms aimed at protecting women raising young children. Chapter 11 of the Labor Code is called “Women's Labor” and contains articles 160 to 172, regulating the labor of women in the USSR. Article 162 prohibits night, overtime and business trips for women raising children under 2 years of age. Article 163 introduces restrictions on the above labor standards for women raising children aged 2 to 8 years.

Thus, the Soviet legal system places a key emphasis not on the fulfillment of labor duties by women, but on the need to educate the younger generation, placing emphasis on this part of the social life of society. Article 164 affects the interests of pregnant women, and the field of birth of the child and the period until he reaches the age of one and a half years. It is indicated that for this period working conditions are being simplified and production requirements are being simplified. Art. Art. 165–169 regulate social benefits and maternity leave, as well as for raising young children. It is worth paying attention to trends in this area of social control, namely, how the period of maternity leave in the USSR changed in its various years and what social guarantees were given to women during the development of the USSR.

The first act that introduced this concept was the Decree of the All-Russian Central Executive Committee of December 22, 1917 “On sickness insurance” [4], which introduced

in Article 25 the concept of “cash benefit for childbirth,” which was established in the amount of a woman’s full earnings. This benefit was paid for eight weeks before the birth and eight weeks after the birth. During this time, the employer was prohibited from allowing women to work, that is, the duration of the vacation was 112 days.

The next act is the Labor Code of November 15, 1922 [5], Article 132 of which states that women working in heavy physical work are granted exemption from work for 8 weeks before and 8 weeks after childbirth, and those employed in clerical and mental work – for 6 weeks before and 6 weeks after childbirth. From February 17, 1935, women collective farmers were provided with maternity leave of 60 calendar days (30 days before childbirth and 30 days after childbirth) with maintenance for these 2 months in half the amount of their average workdays [6].

From January 1, 1939, maternity leave for female workers and female employees was reduced from 112 to 63 calendar days (35 days before childbirth and 28 days after childbirth). It was provided to those who worked without a break in this institution for at least 7 months [7]. The next revision of this system of social regulation occurred on July 8, 1944, on the basis of the Decree of the Presidium of the USSR Armed Forces dated July 8, 1944 “On increasing state assistance to pregnant women, large and single mothers, strengthening the protection of motherhood and childhood, and establishing the honorary title “Mother Heroine” and the establishment of the Order of “Maternal Glory” and the medal “Medal of Motherhood” [8], when maternity leave was increased from 63 to 77 calendar days (35 days before childbirth and 42 days after childbirth). Also, this normative act established many types benefits for mothers such as benefits for single mothers raising children, payments for mothers of large families at the birth of a child and the establishment of monthly benefits.

The next step in this direction was to increase maternity leave from 77 to 112 calendar days (56 days before childbirth and 56 days after childbirth) [9]. Since October 13, 1956, women were granted the right to additional leave without pay for up to 3 months after maternity leave, which was included in the total and continuous work experience [11]. Since January 1, 1969, women with infants, at their request, in addition to maternity leave, were granted additional leave without pay until the child reaches the age of one year [12].

By a resolution of January 22, 1981, the Council of Ministers of the USSR introduced partially paid leave for working mothers to care for a child until the child reaches the age of 1 year and additional leave without pay for up to one and a half years [16]. From December 1, 1989, additional leave without pay increased from one and a half to 3 years [14], and from December 1, 1990, maternity leave increased from 112 to 126 calendar days (70 days before childbirth and 56 days after childbirth), in cases of complicated childbirth or the birth of two or more children – 140 days (70 days before birth and 70 after birth) [15].

Having considered such an important social institution as support for women during pregnancy and childbirth, it should be noted that there is a clearly visible trend towards a gradual improvement in social support for citizens of the USSR, which is manifested in the established periods of maternity leave to care for a child, as well as an increase in the necessary material support with from the state by providing vacation pay and providing other material support measures.

A further regulatory act regulating the system of social support for family and childhood is Decree of the Presidium of the USSR Armed Forces of September 25, 1974 N 312-IX “On the introduction of child benefits for low-income families” [10]. This act establishes additional financial support from the state for low-income families. The Resolution of the

Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR dated January 22, 1981, in subparagraph "a" of paragraph 1, establishes the amount of payment for leave to care for a child until he reaches the age of one year [13].

The Decree of the USSR Council of Ministers dated September 2, 1981 introduced a one-time financial incentive for the birth of a child [16]. The resolution of the USSR Council of Ministers dated February 23, 1984 adjusted the system of financial benefits for birth and child care. Thus, a one-time payment was established in the amount of three minimum wages established in the USSR, and an allowance in the amount of the minimum wage was also established during parental leave until the child reaches the age of one and a half years [17].

Summarizing the above, it is necessary to draw the following conclusions. The Soviet system of social insurance for family and childhood has come a long way in development with systematic improvement of those measures that were provided by the state. The level of social support for family and childhood moved along the path of a gradual increase in the material and non-material support measures provided to citizens. It is worth noting that the latest acts of the USSR regulating the social insurance system became key basic elements in the formation of a modern socio-legal system for ensuring the interests of citizens in the Soviet state (for example, the Resolution of the USSR Council of Ministers dated 02.23.1984 received its latest edition in 2006 [17]). Thus, these legal acts are fundamental in the implementation of modern social policy of the Russian state.

Bibliography

1. Law of the USSR of October 7, 1977 No. 6367-IX "On the procedure for enacting the Constitution (Basic Law) of the USSR" // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901817660>
2. Law of the RSFSR of December 9, 1971 (as amended on March 31, 1988) "On approval of the Labor Code of the RSFSR" // URL: <https://e-ecolog.ru/docs/C1Po7F79uYoxEwYVGsKwX>
3. Decree of the Presidium of the Supreme Council of the RSFSR of December 4, 1979 "On introducing changes and additions to the Code on Marriage and Family of the RSFSR" // URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_10136.htm
4. Decree of the All-Russian Central Executive Committee on sickness insurance of December 22, 1917 (January 4, 1918) // URL - <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-12-22.htm>
5. Code of Labor Laws of the RSFSR 1922 // URL: http://www.hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_22.htm
6. "Approximate charter of an agricultural artel" (approved by the Council of People's Commissars of the USSR, Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) 02/17/1935) // "Northwestern Territory of the USSR", 1935, No. 11, art. 82, "News of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee", N 44, 02/18/1935 // URL: <https://arheve.org/read/dokumenty-1933-1937/1935-02-17-primernyy-ustav-selsko-hozya-yst-vennoy-arteli/13>
7. Resolution of the Council of People's Commissars, the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, the All-Union Central Council of Trade Unions dated December 23, 1938 "On measures to streamline labor discipline, improve the practice of state social insurance and combat abuse in this matter" // URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4172.htm
8. Decree of the Presidium of the USSR Armed Forces of 07/08/1944 "On increasing state assistance to pregnant women, large and single mothers, strengthening the protection of motherhood and childhood, on establishing the honorary title "Mother Heroine" and establishing the Order of "Maternal Glory" and the medal "Motherhood Medal" " // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=7182&req=doc#026868811222142885>

9. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of March 26, 1956 // URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5068.htm

10. Decree of the Presidium of the USSR Armed Forces of September 25, 1974 N 312-IX "On the introduction of child benefits for low-income families" // URL: https://e-ecolog.ru/docs/iwqjU1znSyJ0A00ZeRiu-?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F

11. Resolution of the Council of Ministers of the USSR of October 13, 1956 No. 1414 "On further measures to help women-mothers working in enterprises and institutions" // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=28269#06340274970022459>

12. Resolution of the Council of Ministers of the USSR of July 5, 1968 No. 517 "On measures to further improve healthcare and develop medical science in the country" // URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6847.htm

13. Resolution of the Central Committee of the CPSU, Council of Ministers of the USSR dated January 22, 1981 No. 235 "On measures to strengthen state assistance to families with children" // URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_10621.htm

14. Resolution of the Council of Ministers of the USSR of August 22, 1989 No. 677 "On increasing the duration of vacations for women with young children" // URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_15845.htm

15. Resolution of the Council of Ministers of the USSR of November 24, 1990 No. 1177 "On the procedure for assigning and paying certain benefits and on changing and supplementing decisions of the USSR government on state assistance to families with children" // URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_17641.htm

16. Resolution of the Council of Ministers of the USSR, All-Union Central Council of Trade Unions dated September 2, 1981 No. 865 "On the procedure for introducing partially paid parental leave until the child reaches the age of one year and other measures to strengthen state assistance to families with children" // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=452#nWAXuXt6tCgX9oFs>

17. Resolution of the Council of Ministers of the USSR and the All-Russian Central Council of Trade Unions of February 23, 1984 No. 191 "On benefits for state social insurance" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1975/27d7656d54c7e7caf9c787e45a8d0f0d7b7f7191/

18. Gorbachev M.S. Political report of the Central Committee of the CPSU to the XXVII Congress of the Communist Party of the Soviet Union // URL: http://lib.ru/MEMUARY/GORBACHEV/doklad_xxvi.txt

For citation: Voloshchuk R.D., Komarova T.L. Legal regulation in the USSR of insurance and social support of family and childhood institutions in 1970–1980: article // Theory of State and Law. 2024. No. 2 (36). P. 19–24.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_14

Научная статья

УДК 327:623.454.8 (47+57+73)

ББК 67.0

DOI 10.25839/MATGIP.2024_1_36_25

С. М. Воробьев*

С. А. Комаров**

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФРОНТАЦИЯ СССР И США В ВОПРОСАХ ЯДЕРНОЙ ГОНКИ ВООРУЖЕНИЯ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

***Аннотация.** Предметом исследования являются поступательные противоречия СССР и США в области ядерной гонки вооружения. Объектом исследования являются общественно-политические отношения между ядерными сверхдержавами, возникшие на фоне роста ядерной гонки вооружения. Целью исследования является проведение комплексного анализа историко-политических фактов конфронтации во взаимоотношениях государств в области ядерной гонки вооружения. Задачи исследования: а) рассмотрение особенностей политической системы СССР и ее влияния на отношения с США; б) рассмотрение и изучение особенностей заключения международных соглашений в сфере ядерной безопасности государств; в) изучение внешнеполитических противоречий между странами в области ядерной гонки вооружений. При этом настоящая статья отражает авторскую позицию по данной проблеме. Методологическую основу исследования составил общенаучный диалектический метод познания, позволяющий рассматривать социальные явления в постоянном развитии, взаимосвязи и взаимозависимости. В работе использовались современные общенаучные и специальные методы познания: анализ, синтез, исторический, структурно-функциональный, нормативно-логический, комплексный. В статье с учетом имеющихся исторических фактов сделан обобщающий вывод о том, что сокращение ядерного арсенала СССР и США в большей степени стало являться вследствие значительных односторонних уступок советского руководства. Полученные выводы могут использоваться при дальнейшей научной разработке указанных проблем.*

***Ключевые слова:** государство, вооружение, противодействия, противоречия, безопасность, договор, политика, общество, встречи, разрушение.*

Ослабление двустороннего «железного занавеса» в первые послесталинские годы, открыло Западу возможность усиленного идеологически-психологического влия-

* **Воробьев Сергей Михайлович**, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент. E-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru. [Http://orcid.org/0000-0003-0734-7456](http://orcid.org/0000-0003-0734-7456)

** **Комаров Сергей Александрович**, Президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, Заслуженный работник науки и образования РАЕ, доктор юридических наук, профессор. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru. [Http://orcid.org/0000-0002-0425-0897](http://orcid.org/0000-0002-0425-0897)

ния непосредственно на советское общество с целью его дезорганизации и деморализации. Вторгаясь в сознание советских людей по многочисленным каналам (СМИ, кино-продукция, литература, поп-музыка, предметы народного потребления, форумы, дискуссии, туризм и др.) и превращаясь в постоянно действующий фактор жизни большого количества людей, Запад стремился насадить им несвойственные индивидуалистическую идеологию, чужую культуру, чуждый образ: жизни, мыслей и поведения.

Вместе с тем разработчики программы «психологической войны» исходили из тактического соображения о том, что чем отрицательнее будет сформировано отношение населения СССР к недавнему прошлому, тем выше будут шансы на успех в деле разрушения Советского государства и его атрибутов. В осуществлении таких намерений немалую роль сыграл и ряд противоречивых положений доклада Н.С. Хрущева «О культе личности» на XX съезде КПСС (1956). С этого момента величайшая эпоха в построении социализма стала изображаться как годы насилия и необоснованных репрессий, господства «ГУЛАГа» и тоталитаризма. И кроме того, началось «развенчание» и «ниспровержение» И.В. Сталина как исторической личности, всего, что связано с ним, путем распространения негативной о нем информации, создаваемой различными авторами в соответствии с их политическими, идеологическими и нравственными убеждениями, через телевидение, газеты, книги и т.д. [10, с. 598–599; 8, с. 497, 505, 521].

Однако после кончины И.В. Сталина (5 марта 1953 г.), в периоды партийно-государственного руководства страной Н.С. Хрущева (07.03.1953–14.10.64) и Л.И. Брежнев (14.10.1964–10.11.82), советский идеологический аппарат оказался не в состоянии в полной степени противостоять сильному потоку западной антикоммунистической идеологии, массовой псевдокультуры, пропаганды жизни на Западе и критики уклада общественной жизни, быта в СССР. В течение непродолжительного нахождения на вершине власти Ю.В. Андропова (12.11.1982–09.02.84) им была предпринята попытка укрепить основы государственности, расшатанные в предыдущие годы, организовать политическую оборону по отражению широкой антисоветской политической агрессии США и их союзников (в соответствии с директивой по национальной безопасности США NSDD-75, утвержденной президентом Р. Рейганом в январе 1983 года, целью американской политики определялось не мирное сосуществование с СССР, а изменение советской системы с помощью «внешнего нажима» и использования «демократических лиц» внутри СССР), но в связи с его уходом из жизни она не нашла дальнейшего развития в период краткосрочного пребывания у власти неомощного К.У. Черненко (13.02.1984–10.03.85), назначившего на второй пост в партии (фактически на главную роль) М.С. Горбачева, который также не принял никаких мер по идеологической мобилизации КПСС и населения СССР в целом для противодействия реализации антисоветских политических устремлений Запада [5, с. 523,526; 17, с. 259].

Западная стратегия разрушения СССР состояла уже в интенсификации мер не только по подрыву его экономики, в том числе посредством вовлечения в изнурительную гонку вооружений, применения торгово-экономических санкций, искусственного занижения мировых нефтяных цен, но и по организационному и морально-политическому расстройству КПСС, всего советского общества путем раздувания имевшихся у них слабостей и пороков.

Внутреннее реформирование советской системы, а точнее ее разложение, было продуманной, сознательно ввопившей в заблуждение социум политикой определенных сил, замысливших и реализовывавших губительные для страны перемены.

С приходом к власти 11 марта 1985 года М.С. Горбачева в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС, избранного таковым на внеочередном Пленуме ЦК партии, а впоследствии – Президента СССР, началось осуществление внутренней политики разрушения Советского государства. Результатом ее явились события, связанные: с весенне-летним 1990 года объявлением автономиями и союзными республиками (и в числе первых – РСФСР) верховенства своих законов и суверенитетов «над Центром»; попыткой августовского 1991 года путча ГКЧП, окончившейся провалом, декабрьским того же года Беловежским сговором, вследствие которого Советский Союз прекратил свое существование, а десятки миллионов русских людей оказались за границей; отстранением от власти союзного президента и переход ее к Б.Н. Ельцину, избранному президенту России 2 июня 1991 года по итогам общенародного голосования (М.С. Горбачев в отличие от Б.Н. Ельцина занял пост президента СССР в результате голосования на Съезде народных депутатов СССР).

«Горбачевские» годы правления хотя и вошли в историю как «поворот от тоталитаризма к демократизации», «перестройка», «новое мышление», но на деле проводившаяся в то время политика привела к дезорганизации социально-экономической системы, к развалу государственности, утрате страной статуса великой державы и распаду СССР, к фактической капитуляции перед Западом, а также перед антикоммунистически настроенными внутреннеполитическими силами.

Исходным моментом официально декларированной перестройки стал апрельский 1985 года Пленум ЦК КПСС, на котором М.С. Горбачев обозначил курс – *ускорение* социально-экономического развития, что обуславливало перестройку хозяйственного механизма, включавшую в себя децентрализацию экономики, реконструкцию машиностроения как катализатора форсирования научно-технического прогресса [11, с. 8–11], т.е. огласил те же идеи, которые выдвигались еще при Ю.В. Андропове, положившем истинное начало перестройки. Выступая на ноябрьском 1982 года Пленуме ЦК партии, он впервые открыто заявил о необходимости: ускорения работы по совершенствованию всей сферы руководства экономикой – управления, планирования, хозяйственного механизма; увеличения самостоятельности промышленных предприятий, колхозов, совхозов; решительности в борьбе с повальными нарушениями дисциплины. При этом в качестве экономической основы его выступления использовались тонко скорректированные сообразно с действительностью положения доклада, предназначавшегося для Л.И. Брежнева, который не успел его «озвучить» [14, с. 33].

Отметим, что в 1979 году рабочей группой под руководством Заместителя Председателя Совета Министров СССР академика В.А. Кириллина был подготовлен аналитический доклад о состоянии и перспективах советской экономики, заказчиком которого являлся Совет Министров СССР. В этом документе, ставшем «невостребованным» и сразу же засекреченным, реалистично отображалась экономическая обстановка в стране, указывалось, в частности, на неизбежное нарастание финансово-экономических проблем, на все большее отставание в применении передовых технологий, в связи с чем, по мнению аналитиков, промышленность нуждалась в радикальном, структурном реформировании) [12, с. 78].

Осознавая всю сложность и критичность создавшейся в стране ситуации в экономическом и морально-политическом отношениях, вызванной, в том числе оставкой в 1982 году, впервые после войны, роста реальных доходов населения, падением исполнительской дисциплины на всех уровнях, наличием коррупции, мафии

и теневой экономики при отсутствии должного противодействия этим негативным явлениям, Ю.В. Андропов наметил перспективу обновления общества – сначала добиться позитивных изменений в экономике, и только затем приступить к его демократизации, к политическим реформам, не ломая систему до основания [14, с. 41, 43, 46].

Научно обоснованная программа кардинальной перестройки управления народным хозяйством, разработка которой стартовала в начале 1983 года, уже к его середине обрела свои очертания. Программа открыла возможность продолжения перестроечных процессов, в том числе: приступить в январе 1984 года к эксперименту по переводу ряда предприятий союзных и республиканских министерств на хозрасчет, с тем чтобы при положительных результатах, ожидаемых через год, расширить количество его участников; начать еще до 1985 года запланированную модернизацию всего производства.

Тем не менее, дальнейшего эволюционного воплощения в жизнь намеченных Ю.В. Андроповым мер не произошло после его ухода. Несмотря на то, что М.С. Горбачев располагал немалыми партийно-государственными полномочиями при практически бездействовавшем тяжелобольном Генсеке К.У. Черненко, он не решился продолжить «андроповскую» линию на укрепление основ государственности, не взял на себя инициативу и по возобновлению разработки программы экономических преобразований, что привело к отсутствию в 1985 году конкретного плана реформ.

С этого времени Вашингтон повел М.С. Горбачева, не без участия прозападных сил из числа советских граждан, например экс-посла СССР в Канаде А.Н. Яковлева, бывшего в 1957–1958 гг. стажером Колумбийского университета США (при посещении Канады в 1983 году М.С. Горбачев, помимо всего прочего, встретился с А.Н. Яковлевым, со слов которого, тогда он и предложил ему идею перестройки [14, с. 81]) и будущего главного «прораба» катастрофических для СССР перемен, занявшего летом 1985 года по протекции Генсека должность заведомо пропаганды ЦК КПСС, а в 1987 году – вошедшего в состав Политбюро ЦК КПСС [18, с. 482–483].

Подавляющее большинство населения страны, воодушевленно воспринявшее идеи перестройки, рассматривало провозглашавшиеся изменения как преобразования в рамках социализма, его совершенствования, а не отрицания, что было подтверждено итогами мартовского 1991 года референдума за сохранение СССР. Однако все более проявлявшееся несоответствие между декларируемой и реальной деятельностью власти способствовало зарождению у людей недоверия к двуликой политике перестройки.

Внешне такая политика представляла собой вычурную смесь «перестроечной» риторики, демагогических обещаний и экспромтной совокупности популистских целей, несбыточных с точки зрения состояния экономики. За отсутствием практического плана перестройки народу преподносились только тривиальные тезисы, в том числе о необходимости всеобщего перестраивания, освоения новых подходов, уяснения того, что «другого пути нет». При этом декларативную сущность внутригосударственной политики составлял набор заявлений, сочетавших уверения в преданности социализму с идеями его усовершенствования. Подлинная же политика сводилась к расстройству сложившихся устоев общественной жизни и «модернизации» их по западным либерально-демократическим образцам [9, с. 536–537].

Вскоре после избрания М.С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС основным направлением внешней политики страны стали советско-американские от-

ношения, без улучшения которых, как он полагал, нельзя было добиться «перелома опасного противостояния СССР и США и изменения общей напряженности международной обстановки» [4, с. 601]. Нормализация этих отношений вызывалась и необходимостью предотвращения эскалации гонки вооружений, прежде всего космического оружия, так как технико-экономические возможности СССР не позволяли на равных соперничать с США в области СОИ – стратегической оборонной инициативы. Воспользовавшись данным обстоятельством, администрация Р.Рейгана инициировала развертывание в американских СМИ кампании в подтверждение значительных успехов в деле создания СОИ, тем самым советское руководство преднамеренно вводилось в заблуждение относительно достигнутого США прогресса в развитии СОИ, чего в действительности не было [19, с. 392].

По взаимной договоренности М.С. Горбачева и Р. Рейгана их первая встреча состоялась в Женеве 19–21 ноября 1985 года. При этом каждая из сторон имела свои намерения: советская – самым важным считала рассмотрение проблем ограничения гонки вооружений; американская – обсуждение совокупности вопросов, в том числе о проблемах разоружения, правах человека, региональных конфликтов, двусторонних отношений. Причем М.С. Горбачев выступал за 50% сокращение стратегических наступательных вооружений при условии отказа США от СОИ, Р. Рейган – за такое же сокращение, но не отказываясь от СОИ. В этой связи по большинству поднимавшихся вопросов стороны не пришли к единогласному решению [6, с. 420].

Однако в принятом итоговом совместном заявлении провозглашалось, в частности, что советский и американские лидеры сошлись во мнении о необходимости дальнейшей активизации диалога на разных уровнях, проявили стремление к 50% сокращению ядерных вооружений [16]. Отсюда следовало, что М.С. Горбачев, согласившись с ущербным для СССР уменьшением количества ядерных вооружений (поскольку не был решен краеугольный для советской стороны вопрос – свертывание США своей программы по созданию СОИ), а также с тем, что внутренняя политика СССР относительно соблюдения в нем прав человека может являться предметом советско-американских отношений, тем самым добровольно пошел на такие уступки американской стороне, которая и не пыталась принимать в ответ на это каких-либо однозначных действий.

Женевская встреча, положившая начало политическим контактам между СССР и США, не привела к немедленному улучшению советско-американских отношений, в связи с чем М.С. Горбачев настойчиво добивался их налаживания, в том числе через инициированную им новую встречу с Р. Рейганом, состоявшуюся 11–12 октября 1986 года в Рейкьявике. В качестве предмета обоюдостороннего рассмотрения М.С. Горбачев представил «пакет» взаимосвязанных предложений: 50% сокращение стратегической «триады» наступательных вооружений (МБР, БРПЛ, ракеты стратегической авиации); двусторонняя полная ликвидация ядерных ракет средней дальности (РСД) в Европе; отказ США от программы СОИ [7, с. 16].

Во время переговоров М.С. Горбачев шел на серьезные уступки США, в частности на 50% сокращение тяжелых межконтинентальных баллистических ракет (МБР) наземного базирования – СС-18 (с 308 до 154), составлявших основу ядерной мощи СССР, тогда как США не имели подобных ракет [3, с. 474]. На первые два предложения из советского пакета Р. Рейган сразу же дал согласие. С подачи М.С. Горбачева была достигнута и радикальная договоренность по ядерному оружию – полное его уничтожение в течение десятилетия: в первые пять лет – 50% уничтожение

стратегической «триады», и в последующее пятилетие (к 1996 г.) – ликвидация оставшихся 50%.

Вместе с тем Р. Рейган, в противоречие Договору по ПРО 1972 года, вновь считал неприемлемым для США предложение касательно СОИ – наиболее важного среди факторов давления на СССР. Несогласие американской стороны по поводу отказа от программы дальнейшего развития СОИ повлекло за собой автоматическое аннулирование всех вышеназванных договоренностей [13, с. 314–315].

После встречи в Рейкьявике, которая не принесла ожидаемых практических результатов, в начале 1987 года руководство СССР, отказавшись от «пакетного способа» рассмотрения проблемы разоружения, выдвинула на первый план вопрос о ликвидации советских и американских ракет средней и меньшей дальности (РСМД) в Европе вне связи с СОИ и сокращением стратегических наступательных вооружений, что предполагало вступление в переговоры с США.

В апреле того же года в Москве состоялись встречи М.С. Горбачева и Э.А. Шеварднадзе (экс-министр иностранных дел СССР с июля 1985 г. по декабрь 1990 г.) с госсекретарем США Дж. Шульцем по обсуждению условий будущего договора об уничтожении ракет средней дальности (от 1000 до 5500 км) и меньшей (от 500 до 1000 км), в основном не вызвавших разногласий. Тем не менее 22 апреля Дж. Шульц поставил перед Э.А. Шеварднадзе вопрос о подведении новой советской высокоточной ракеты «Ока» с радиусом действия до 400 км (в западном наименовании – СС-23) под понятие «ракеты меньшей дальности» (РМД) с целью включения ее в проект договора, в решении которого Э.А. Шеварднадзе обещал свое содействие, проявившееся, в частности в следующем: на двустороннюю рабочую встречу экспертов, прошедшую в тот же день в МИДе, не были приглашены даже представители советского Генштаба; на состоявшейся 23 апреля беседе М.С. Горбачева с Дж. Шульцем на счет отнесения ракеты СС-23 к числу РМД говорилось уже как о решенном вопросе.

Согласие М.С. Горбачева на уничтожение ракеты «Ока» было дано без всяких оговорок о необходимости соразмерного уменьшения сокращаемых ракет американской стороной, при этом он счел излишним заострять внимание на аргументированном контрпредложении С.Ф. Ахромеева (Маршал Советского Союза, экс-начальник Генштаба ВС СССР и советник Президента СССР по военным вопросам до 24.8.1991 г.) о целесообразном в данном случае обоюдостороннем запрете всех ракет в диапазоне не с 500, а с 400 до 1000 км, что стало бы преградой для создания модернизированной американской ракеты «Лэнс-2» с дальностью до 450–470 км и позволило бы сохранить паритет (С.Ф. Ахромеев узнал о решении М.С. Горбачева по поводу ракеты «Ока» только 24 апреля из газет, прочитав сообщение о его встрече с Дж. Шульцем, в котором подчеркивалось, что на беседе присутствовал начальник Генштаба. С.Ф. Ахромеев действительно был на этой встрече, но лишь на втором ее этапе при обсуждении других вопросов, а не на первой ее половине, когда и была закреплена договоренность по ракете «Ока») [1, с. 130–133].

Договор между СССР и США о ликвидации их ракет средней и меньшей дальности [2, с. 18–28] и Меморандум «О договоренности относительно применения положений о контроле, содержащихся в договоре между СССР и США о ликвидации их ракет средней и меньшей дальности» [15, с. 39–84] были подписаны М.С. Горбачевым и Р. Рейганом в Вашингтоне 8 декабря 1987 года. Каждая из договорившихся сторон брала на себя обязательства уничтожить в трехлетний срок все свои РСМД наземного базирования, в том числе размещенных в зарубежных странах, обеспечив

их демонтаж, вывоз и ликвидацию. Двусторонний контроль за выполнением соглашения должен был осуществляться посредством не только использования космических аппаратов (спутников), но и проведения инспектирования мест производства, хранения, размещения и уничтожения ракет.

Всего подлежало уничтожению 2611 РСМД, в том числе: советских – 1752 РСМД (РСД, находившихся полностью на территории СССР – 826, РМД – 926, включая ракеты, размещавшиеся в ГДР и Чехословакии); американских – 859 РСМД (РСД – 689, включая ракеты, расположенные в ФРГ, Бельгии, Великобритании, Италии и Нидерландах, РМД – 170). В целом произошедшее впервые сокращение ядерного арсенала СССР и США в большей степени стало являться вследствие значительных односторонних уступок советского руководства, и прежде всего М.С. Горбачева, Соединенным Штатам, которые так и не отказались от проводимого ими антисоветского курса, несмотря на заметное снижение уровня политической конфронтации между двумя сверхдержавами.

Библиографический список

1. *Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М.* Глазами маршала и дипломата. Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 г. – М.: Международн. отношения, 1992. – 319 с.
2. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности (Вашингтон, 8 декабря 1987 г.) // Вестник МИД СССР. – 1988. – № 1. – С. 18–28.
3. *Гриневский О. А.* Перелом. От Брежнева к Горбачеву. – М.: Олма-Пресс, 2004. – 624 с.
4. *Добрынин А. Ф.* Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). – М.: ИПО «Автор», 1997. – 688 с.
5. *Зиновьев А.* Целились в коммунизм – убивают Россию! // Живая память. – М., 1997. – С. 523–526.
6. История международных отношений: в 3 т. / Под общ. ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. – Т. 3. – М.: Аспект-пресс, 2012. – 553 с.
7. История внешней политики СССР и России в 1985–1999 гг.: проблемы, решения, результаты / По ред. А. В. Торкунова. – М.: Фонд современной истории, 2010. – 368 с.
8. *Карпов В. В.* Генералиссимус: Историко-док. изд. в 2 кн. – Кн. 2. – Калининград: ФГУИПП «Янтар. Сказ», 2002. – 527 с.
9. *Лопата П., Новоженина О.* Политика разрушения // Живая память. – М., 1997. – С. 536–537.
10. *Махалов В.* Армию – на службу народу // Живая память. – М., 1997. – С. 598–599.
11. Материалы Пленума ЦК КПСС, 23 апреля 1985 г. – М.: Полииздат, 1985. – 31 с.
12. *Пихоя Р. Г.* От номенклатуры к олигархии. Функционально-социальная группа на пути к сословию // Куда идет Россия? Власть, общество, личность. – М., 2000. – С. 68–81.
13. *Полынов М. Ф.* Советско-американские отношения во внешней политике М. С. Горбачева. 1985–1988 гг. // Труды истор. ф-та СПбУ. – 2013. – № 14. – С. 307–326.
14. *Рыжков Н. И.* Десять лет великих потрясений. – М., 1995. – 626 с.
15. Сборник международных договоров СССР. – М., 1991. – Вып. XLV. – 413 с.
16. Совместное советско-американское Заявление // Правда, 1985, 22 ноября.
17. *Хинштейн А.* Конец Атлантиды. Почему Путин никогда не станет Горбачевым. – М.: Абрис, 2018. – 624 с.
18. *Широнин В.* «Прорабы перестройки» из Колумбийского университета // Живая память. – М., 1997. – С. 482–483.

19. Швейцер П. Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и распаде социалистического лагеря. – Минск: Авес, 1995. – 463 с.

Для цитирования: Воробьев С.М., Комаров С.А. Внешнеполитическая конфронтация СССР и США в вопросах ядерной гонки вооружения: историко-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 2 (36). – С. 25–32.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_25

FOREIGN POLICY CONFRONTATION BETWEEN THE USSR AND THE USA IN MATTERS OF THE NUCLEAR ARMS RACE: HISTORICAL AND LEGAL UNDERSTANDING

Sergey M. Vorobyov*

Sergey A. Komarov**

Annotation. *The subject of the study is the progressive contradictions between the USSR and the USA in the field of the nuclear arms race. The object of the study is the socio-political relations between the nuclear superpowers that arose against the background of the growing nuclear arms race. The purpose of the study is to conduct a comprehensive analysis of the historical and political facts of confrontation in the relations of states in the field of the nuclear arms race. Research objectives: a) consideration of the features of the political system of the USSR and its impact on relations with the United States; b) consideration and study of the specifics of concluding international agreements in the field of nuclear security of states; c) study of foreign policy contradictions between countries in the field of the nuclear arms race. At the same time, this article reflects the author's position on this issue. The methodological basis of the study was the general scientific dialectical method of cognition, which allows us to consider social phenomena in constant development, interconnection and interdependence. Modern general scientific and special methods of cognition were used in the work: analysis, synthesis, historical, structural-functional, normative-logical, complex. In the article, taking into account the available historical facts, a generalizing conclusion is made that the reduction of the nuclear arsenal of the USSR and the United States to a greater extent became a reality due to significant unilateral concessions by the Soviet leadership. The obtained conclusions can be used in the further scientific development of these problems.*

Keywords: *state, armament, counteractions, contradictions, security, contract, politics, society, meetings, destruction.*

The weakening of the bilateral “Iron Curtain” in the first post-Stalin years opened up for the West the possibility of increased ideological and psychological influence directly on Soviet society with the aim of disorganizing and demoralizing it. Invading the conscious-

* **Vorobyov Sergey Mikhailovich**, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Associate Professor. E-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru. [Http://orcid.org/0000-0003-0734-7456](http://orcid.org/0000-0003-0734-7456)

** **Komarov Sergey Aleksandrovich**, President of the Interregional Association of State and Law Theorists, Scientific Director of the Private Educational Institution of Higher Education “Law Institute” (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Honored Worker of Science and Education RAE, Doctor of Law, Professor. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru. [Http://orcid.org/0000-0002-0425-0897](http://orcid.org/0000-0002-0425-0897)

Theory of State and Law

ness of Soviet people through numerous channels (mass media, film production, literature, pop music, consumer goods, forums, discussions, tourism, etc.) and turning into a constantly operating factor in the lives of a large number of people, the West sought to instill in them an individualistic ideology that was unusual, alien culture, alien way of life, thoughts and behavior.

At the same time, the developers of the “psychological warfare” program proceeded from the tactical consideration that the more negatively formed the attitude of the population of the USSR towards the recent past, the higher the chances of success in destroying the Soviet state and its attributes. A number of contradictory provisions of N.S.’s report also played a significant role in the implementation of such intentions. Khrushchev “On the cult of personality” at the 20th Congress of the CPSU (1956). From that moment on, the greatest era in the building of socialism began to be portrayed as years of violence and unjustified repression, the rule of the Gulag and totalitarianism. And besides, the “debunking” and “overthrow” of I.V. began. Stalin as a historical figure, everything connected with him, by disseminating negative information about him created by various authors in accordance with their political, ideological and moral beliefs, through television, newspapers, books, etc. [10, p. 598–599; 8, p. 497, 505, 521].

However, after the death of I.V. Stalin (March 5, 1953), during the periods of the party and state leadership of the country N.S. Khrushchev (03/07/1953–10/14/64) and L.I. Brezhnev (10/14/1964–11/10/82), the Soviet ideological apparatus was unable to fully resist the strong flow of Western anti-communist ideology, mass pseudo-culture, propaganda of life in the West and criticism of the way of social life and life in the USSR. During his short stay at the pinnacle of power, Yu.V. Andropov (11/12/1982–02/09/84), he attempted to strengthen the foundations of statehood, shaken in previous years, to organize political defense to repel widespread anti-Soviet political aggression of the United States and its allies (in accordance with the US National Security Directive NSDD -75, approved by President R. Reagan in January 1983, the goal of American policy was determined not by peaceful co-existence with the USSR, but by changing the Soviet system with the help of “external pressure” and the use of “democratic persons” within the USSR), but in connection with its After passing away, it did not find further development during the short-term stay in power of the ailing K.U. Chernenko (02/13/1984–03/10/85), who appointed M.S. to the second post in the party (actually the main role). Gorbachev, who also did not take any measures to ideologically mobilize the CPSU and the population of the USSR as a whole to counter the implementation of the anti-Soviet political aspirations of the West [5, p. 523.526; 17, p. 259].

The Western strategy for destroying the USSR consisted of intensifying measures not only to undermine its economy, including through involvement in a grueling arms race, the use of trade and economic sanctions, and artificially lowering world oil prices, but also organizationally and morally. -political disorder of the CPSU, of the entire Soviet society by inflating their existing weaknesses and vices.

The internal reform of the Soviet system, or rather its disintegration, was a well-thought-out policy that deliberately misled society by certain forces that conceived and implemented changes that were disastrous for the country.

With the coming to power on March 11, 1985, M.S. Gorbachev, as the General Secretary of the CPSU Central Committee, elected as such at an extraordinary Plenum of the Central Committee of the party, and subsequently as the President of the USSR, began the implementation of the internal policy of destruction of the Soviet state. Its result was events related to: the spring-summer 1990, the declaration by the autonomies and union republics

(and among the first – the RSFSR) of the supremacy of their laws and sovereignty “over the Center”; the August 1991 putsch attempt by the State Emergency Committee, which ended in failure, the Belovezhsky Conspiracy in December of the same year, as a result of which the Soviet Union ceased to exist, and tens of millions of Russian people found themselves abroad; removal of the Union President from power and its transfer to B.N. Yeltsin, elected President of Russia on June 2, 1991 based on the results of a nationwide vote (M.S. Gorbachev, unlike B.N. Yeltsin, took the post of President of the USSR as a result of voting at the Congress of People’s Deputies of the USSR).

Although the “Gorbachev” years of governing the country went down in history as “a turn from totalitarianism to democratization”, “perestroika”, “new thinking”, in reality the policies pursued at that time led to the disorganization of the socio-economic system and the collapse of statehood, the country’s loss of great power status and the collapse of the USSR, to actual capitulation to the West, as well as to anti-communist internal political forces.

The starting point for the officially declared perestroika was the April 1985 Plenum of the CPSU Central Committee, at which M.S. Gorbachev outlined the course – the acceleration of socio-economic development, which determined the restructuring of the economic mechanism, which included the decentralization of the economy, the reconstruction of mechanical engineering as a catalyst for accelerating scientific and technological progress [11, p. 8–11], i.e. announced the same ideas that were put forward under Yu.V. Andropov, who laid the true beginning of perestroika. Speaking at the November 1982 Plenum of the Central Committee of the Party, he for the first time openly stated the need to: accelerate work to improve the entire sphere of economic management – management, planning, economic mechanism; increasing the independence of industrial enterprises, collective farms, state farms; decisiveness in the fight against widespread violations of discipline. At the same time, as an economic basis for his speech, the provisions of the report intended for L.I., subtly adjusted in accordance with reality, were used. Brezhnev, who did not have time to “voice it” [14, p. 33].

Let us note that in 1979, a working group led by the Deputy Chairman of the Council of Ministers of the USSR, Academician V.A. Kirillin prepared an analytical report on the state and prospects of the Soviet economy, the customer of which was the Council of Ministers of the USSR. This document, which became “unclaimed” and immediately classified, realistically depicted the economic situation in the country, pointed out, in particular, the inevitable increase in financial and economic problems, the ever-increasing lag in the application of advanced technologies, in connection with which, according to analysts, the industry needed radical, structural reform) [12, p. 78].

Realizing the complexity and criticality of the situation created in the country in economic and moral-political relations, caused, among other things, by the stop in 1982, for the first time after the war, in the growth of real incomes of the population, the decline in executive discipline at all levels, the presence of corruption, mafia and shadow economy in the absence of proper counteraction to these negative phenomena, Yu.V. Andropov outlined the prospect of renewing society – first to achieve positive changes in the economy, and only then begin to democratize it, to political reforms, without breaking the system to the ground [14, p. 41, 43, 46].

The scientifically based program for a radical restructuring of the management of the national economy, the development of which began at the beginning of 1983, had already taken shape by the middle of 1983. The program opened up the possibility of contin-

uing the perestroika processes, including: starting in January 1984 an experiment to transfer a number of enterprises of the Union and Republican ministries to self-financing, so that with positive results expected in a year, to expand the number of its participants; begin the planned modernization of all production before 1985.

Nevertheless, the further evolutionary implementation of Yu.V. Andropov did not take any measures after his departure. Despite the fact that M.S. Gorbachev had considerable party and state powers under the practically inactive, seriously ill General Secretary K.U. Chernenko, he did not dare to continue the “Andropov” line of strengthening the foundations of statehood, and did not take the initiative to resume the development of a program of economic reforms, which led to the absence of a specific reform plan in 1985.

From this time on, Washington led M.S. Gorbachev, not without the participation of pro-Western forces from among Soviet citizens, for example, the former USSR Ambassador to Canada A.N. Yakovlev, who was in 1957–1958. an intern at Columbia University in the USA (when visiting Canada in 1983, M.S. Gorbachev, among other things, met with A.N. Yakovlev, according to whom, then he proposed to him the idea of perestroika [14, p. 81]) and the future chief “foreman” of the catastrophic changes for the USSR, who in the summer of 1985, under the patronage of the General Secretary, took the position of head of the propaganda department of the CPSU Central Committee, and in 1987, became a member of the Politburo of the CPSU Central Committee [18, p. 482–483].

The overwhelming majority of the country's population, who enthusiastically accepted the ideas of perestroika, viewed the proclaimed changes as transformations within the framework of socialism, its improvement, and not its denial, which was confirmed by the results of the March 1991 referendum for the preservation of the USSR. However, the increasingly apparent discrepancy between the declared and actual activities of the authorities contributed to the emergence of people's distrust of the two-faced policy of perestroika.

Outwardly, such a policy was an elaborate mixture of “perestroika” rhetoric, demagogic promises and an impromptu set of populist goals that were unrealistic from the point of view of the state of the economy. In the absence of a practical plan for perestroika, the people were presented with only trivial theses, including the need for general restructuring, the development of new approaches, and the understanding that “there is no other way.” At the same time, the declarative essence of domestic policy was a set of statements that combined assurances of devotion to socialism with ideas for its improvement. True politics boiled down to the disruption of the established foundations of social life and their “modernization” according to Western liberal democratic models [9, p. 536–537].

Soon after the election of M.S. Gorbachev, General Secretary of the CPSU Central Committee, the main direction of the country's foreign policy was Soviet-American relations, without improving which, as he believed, it was impossible to achieve “a turning point in the dangerous confrontation between the USSR and the USA and a change in the general tension of the international situation” [4, p. 601]. The normalization of these relations was also caused by the need to prevent an escalation of the arms race, especially space weapons, since the technical and economic capabilities of the USSR did not allow it to compete on equal terms with the United States in the field of SDI – a strategic defense initiative. Taking advantage of this circumstance, the Reagan administration initiated the deployment of a campaign in the American media to confirm significant successes in the creation of SDI, thereby the Soviet leadership was deliberately misled about the progress achieved by the United States in the development of SDI, which in reality did not happen [19, p. 392].

By mutual agreement M.S. Gorbachev and R. Reagan, their first meeting took place in Geneva on November 19–21, 1985. At the same time, each of the parties had its own intentions: the Soviet side considered it most important to consider the problems of limiting the arms race; American – discussion of a set of issues, including the problems of disarmament, human rights, regional conflicts, and bilateral relations. Moreover, M.S. Gorbachev advocated a 50% reduction in strategic offensive weapons, subject to the US abandoning SDI, R. Reagan – for the same reduction, but without abandoning SDI. In this regard, the parties did not reach a unanimous decision on most of the issues raised [6, p. 420].

However, the adopted final joint statement declared, in particular, that the Soviet and American leaders agreed on the need to further intensify dialogue at different levels and expressed a desire for a 50% reduction in nuclear weapons [16]. It followed that M.S. Gorbachev, agreeing with the reduction in the number of nuclear weapons that was detrimental for the USSR (since the cornerstone issue for the Soviet side was not resolved – the US curtailment of its program to create SDI), as well as with the fact that the internal policy of the USSR regarding the observance of human rights in it may be the subject of Soviet-American relations, thereby voluntarily making such concessions to the American side, which did not try to take any unambiguous actions in response to this.

The Geneva meeting, which marked the beginning of political contacts between the USSR and the USA, did not lead to an immediate improvement in Soviet-American relations, and therefore M.S. Gorbachev persistently sought to establish them, including through a new meeting he initiated with R. Reagan, which took place on October 11–12, 1986 in Reykjavik. As a subject of mutual consideration, M.S. Gorbachev presented a “package” of interrelated proposals: a 50% reduction in the strategic “triad” of offensive weapons (ICBMs, SLBMs, strategic aviation missiles); bilateral complete elimination of nuclear medium-range missiles (INMs) in Europe; US refusal from the SDI program [7, p. 16].

During the negotiations M.S. Gorbachev made serious concessions to the United States, in particular, a 50% reduction in heavy ground-based intercontinental ballistic missiles (ICBMs) – SS-18 (from 308 to 154), which formed the basis of the nuclear power of the USSR, while the United States did not have such missiles [3, With. 474]. R. Reagan immediately agreed to the first two proposals from the Soviet package. At the suggestion of M.S. Gorbachev also reached a radical agreement on nuclear weapons – their complete destruction within a decade: in the first five years – 50% destruction of the strategic “triad”, and in the subsequent five years (by 1996) – elimination of the remaining 50%.

At the same time, R. Reagan, in contradiction to the 1972 ABM Treaty, again considered the proposal regarding SDI, the most important among the factors of pressure on the USSR, unacceptable for the United States. The disagreement of the American side regarding the abandonment of the program for the further development of SDI entailed the automatic cancellation of all the above agreements [13, p. 314–315].

After a meeting in Reykjavik, which did not bring the expected practical results, at the beginning of 1987 the leadership of the USSR, abandoning the “package way” of considering the problem of disarmament, brought to the fore the issue of eliminating Soviet and American intermediate-range and shorter-range missiles (INF) in Europe is out of touch with SDI and the reduction of strategic offensive weapons, which implied entering into negotiations with the United States.

In April of the same year, meetings between M.S. took place in Moscow. Gorbachev and E.A. Shevardnadze (ex-Minister of Foreign Affairs of the USSR from July 1985 to December 1990) with US Secretary of State J. Shultz to discuss the terms of a future treaty on

the destruction of intermediate-range missiles (from 1000 to 5500 km) and shorter-range missiles (from 500 to 1000 km), which largely did not cause controversy. Nevertheless, on April 22, J. Schultz confronted E.A. Shevardnadze, the question of bringing the new Soviet high-precision missile "Oka" with a range of up to 400 km (in the Western name – SS-23) under the concept of "shorter-range missiles" (SMR) with a view to including it in the draft treaty, in the decision which E.A. Shevardnadze promised his assistance, which was manifested, in particular, in the following: even representatives of the Soviet General Staff were not invited to the bilateral working meeting of experts, held on the same day at the Ministry of Foreign Affairs; at a conversation held on April 23 by M.S. Gorbachev and J. Schultz spoke about classifying the SS-23 missile as a RMD as a settled issue.

Consent of M.S. Gorbachev's decision to destroy the Oka missile was given without any reservations about the need for a proportionate reduction in the missiles being reduced by the American side, while he considered it unnecessary to focus on the reasoned counter-proposal of S.F. Akhromeev (Marshal of the Soviet Union, ex-Chief of the General Staff of the USSR Armed Forces and Advisor to the President of the USSR on military issues until August 24, 1991) about the advisable in this case a bilateral ban on all missiles in the range not from 500, but from 400 to 1000 km, which would become an obstacle to the creation of a modernized American Lance-2 missile with a range of up to 450–470 km and would allow maintaining parity (S.F. Akhromeev learned about M.S. Gorbachev's decision regarding the Oka missile only on April 24 from newspapers, having read a report about his meeting with J. Shultz, which emphasized that the Chief of the General Staff was present at the conversation. S. F. Akhromeev was indeed at this meeting, but only at its second stage when discussing other issues, and not at its first half, when the agreement on the Oka missile was sealed) [1, p. 130–133].

Agreement between the USSR and the USA on the elimination of their intermediate- and shorter-range missiles [2, p. 18–28] and the Memorandum "On the agreement regarding the application of the control provisions contained in the agreement between the USSR and the USA on the elimination of their intermediate- and shorter-range missiles" [15, p. 39–84] were signed by M.S. Gorbachev and R. Reagan in Washington on December 8, 1987. Each of the parties to the agreement assumed obligations to destroy, within a three-year period, all of their ground-based INF missiles, including those located in foreign countries, ensuring their dismantling, removal and liquidation. Bilateral control over the implementation of the agreement was to be carried out not only through the use of spacecraft (satellites), but also through inspection of the sites of production, storage, deployment and destruction of missiles.

In total, 2,611 INF were subject to destruction, including: Soviet – 1,752 INF (INF, located entirely on the territory of the USSR – 826, INF – 926, including missiles located in the GDR and Czechoslovakia); American – 859 INF (INF – 689, including missiles located in Germany, Belgium, Great Britain, Italy and the Netherlands, RMD – 170).

In general, the reduction of the nuclear arsenal of the USSR and the USA, which took place for the first time, became a reality to a large extent as a result of significant unilateral concessions by the Soviet leadership, and above all by M.S. Gorbachev, the United States, which never abandoned their anti-Soviet course, despite a noticeable decrease in the level of political confrontation between the two superpowers.

Bibliography

1. Akhromeev S.F., Kornienko G.M. Through the eyes of a marshal and a diplomat. A critical look at the foreign policy of the USSR before and after 1985. Moscow: International Relations, 1992. 319 p.

2. Agreement between the Union of Soviet Socialist Republics and the United States of America on the elimination of their intermediate-range and shorter-range missiles (Washington, December 8, 1987) // Bulletin of the USSR Ministry of Foreign Affairs. 1988. No. 1. P. 18–28.
3. Grinevsky O. A. Fracture. From Brezhnev to Gorbachev. Moscow: Olma-Press, 2004. 624 p.
4. Dobrynin A.F. Purely confidential. Ambassador to Washington under six US presidents (1962–1986). Moscow: IPO "Author" 1997. 688 p.
5. Zinoviev A. They aimed at communism – they are killing Russia! // Living memory. Moscow, 1997. 523–526.
6. History of international relations: in 3 volumes / Ed. ed. A.V. Torkunov, M.M. Narinsky. T. 3. Moscow: Aspect-press, 2012. 553 p.
7. History of foreign policy of the USSR and Russia in 1985–1999: problems, solutions, results / Ed. A.V. Torkunova. Moscow: Contemporary History Foundation, 2010. 368 p.
8. Karpov V.V. Generalissimo: Historical document. ed. in 2 books. Kaliningrad: FGUIPP "Yantar. Tale", 2002. Book. 2. 527 p.
9. Lopata P., Novozhenina O. Politics of destruction // Living memory. Moscow, 1997. pp. 536–537.
10. Makhlov V. Army – to serve the people // Living memory. Moscow, 1997. pp. 598–599;
11. Materials of the Plenum of the CPSU Central Committee, April 23, 1985. Moscow: Polyizdat, 1985. 31 p.
12. Pihoya R. G. From nomenklatura to oligarchy. Functional-social group on the way to class // Where is Russia going? Power, society, personality. Moscow, 2000. pp. 68–81.
13. Polynov M. F. Soviet-American relations in the foreign policy of M. S. Gorbachev. 1985–1988 // Proceedings of history. Faculty of St. Petersburg University. 2013. No. 14. pp. 307–326.
14. Ryzhkov N.I. Ten years of great upheavals. Moscow: Book. Education. Mercy, 1995. 626 p.
15. Collection of international treaties of the USSR. Moscow: International. relations, 1991. Vol. XLV. 413 pp.
16. Joint Soviet-American Statement // Pravda, 1985, November 22.
17. Khinshtein A. The End of Atlantis. Why Putin will never become Gorbachev. Moscow: Abris, 2018. 624 p.
18. Shironin V. "Foremen of Perestroika" from Columbia University // Living Memory. Moscow, 1997. pp. 482–483.
19. Schweitzer P. Victory. The role of the secret strategy of the US administration in the collapse of the Soviet Union and the collapse of the socialist camp. Minsk: Aves, 1995. 463 p.

For citation: Vorobyov S.M., Komarov S.A. Foreign policy confrontation between the USSR and the USA in matters of the nuclear arms race: historical and legal understanding: article // Theory of State and Law. 2024. No. 2 (36). P. 32–38.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_25

Научная статья

УДК 340.132

ББК 67.0

DOI 10.25839/MATGIP.2024_2_36_39

В.В. Денисенко*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СУЩНОСТИ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА

***Аннотация.** Статья посвящена лингвистическому подходу к пониманию сущности права. Проводится анализ различных направлений лингвистического направления в юридической науке. Раскрыты объективные и субъективные факторы, послужившие развитию лингвистического подхода в юридической науке. Обоснован авторский подход к применению лингвистической методологии в правотворчестве и реализации права.*

***Ключевые слова:** лингвистическая парадигма в праве, право и язык, легитимность права, правовая коммуникация, право и нарративы, герменевтика права, принцип делиберативности в праве.*

Во второй половине XX века одним из главных направлений в юриспруденции стран общего и континентального права, становится лингвистический подход к праву. В рамках данного подхода происходит развитие нескольких научных направлений: юридическая герменевтика, коммуникативная теория права и нарративная юриспруденция. Таким образом, в сфере научного внимания правоведов изучаются такие объекты, как нарратив, текст и дискурс. Несмотря на различие данных направлений, их объединяет обращение к языку. Так называемый «лингвистический поворот» связан с целым рядом важнейших изменений в обществе и государстве [11, с. 363]. Главным фактором, послужившим основанием для развития лингвистических исследований правоведом, является расширение сферы правового регулирования.

Социальное государство в течение XX столетия сформировало новые отрасли права, тем самым закон в настоящее время замещает иные социальные нормы. Причем, за последние 150 лет сфера правового регулирования значительно расширилась, что дало основание обозначить этот процесс специальным термином – «юридификация общества» [4]. В современном информационном обществе абсолютное большинство общественных отношений регулирует права, которое контролирует жизнь общества юридическими методами правового регулирования, регламентирует деятельность граждан юридическими понятиями и категориями, изменяющейся правовой идеологией [12].

В связи с этим, особую актуальность приобретает осмысление методологических вопросов взаимодействия языка и права в современном обществе и государстве, а также вопросы правотворчества и правоприменения в данном контексте. Лингвистический подход к пониманию права следует раскрыть в рамках комплекс-

* **Денисенко Владислав Валерьевич**, профессор кафедры публичного права международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России, доктор юридических наук, доцент. E-mail: v.denisenko@odin.mgimo.ru

ного подхода, в рамках отдельной дисциплины и научного направления – юридической лингвистики. Данная наука и учебная дисциплина в отечественном правоведении находится в стадии формирования, так как существуют различные мнения об её предмете, разделах и методологии. По нашему мнению, юридическая лингвистика безусловно, должна включать в себя вопросы, имеющие связь правотворчеством и реализацией права [14]. При этом, следует отличать предмет юридической лингвистики и юридической техники, так как, на наш взгляд, юридическая лингвистика должна объединять методы, изучаемые в различных направлениях социального знания.

Таким образом, методы герменевтики, дискурсивно-коммуникативной теории права и нарративной юриспруденции, должны критически осмысляться в качестве системы лингвистической методологии в юриспруденции. Как было уже сказано выше, различные аспекты изучения языка имеют общее соприкосновение в базовой категории – речевого акта. Гадамер писал: «Язык обретает свое подлинное бытие лишь в разговоре, то есть при осуществлении взаимопонимания» [9, с. 452]. Регулирование юридическими нормами большинства общественных отношений привело к использованию в правотворчестве и право реализации лингвистической парадигмы. Лингвистическая парадигма связана с трудами Дж. Остина, который разработал концепцию речевых актов [15]. Именно данная концепция способна стать, на наш взгляд, методологической основой для понимания проблем правотворчества и реализации права в современном информационном обществе. Преимущество такого подхода заключается в том, что он соединяет объективные и субъективные концепции, формируя теорию интересубъективности. Речь в рамках лингвистического понимается не как передача информации, а как изменение социальных фактов.

Ключевой категорией в лингвистической концепции понимания общества и правовой системы, является слово «перформатив» – это слово, которое является действием [15, с. 26–27]. Таким, образом, речь меняет социальные факты, в том числе и в сфере правового регулирования. В современном социальном государстве экономическая сфера регламентируется правом, поэтому правовая система не может рассматриваться как «надстройка», то есть как что-то вторичное по сравнению с экономикой. В качестве философской модели общества лингвистический подход опирается на категории социальной феноменологии. Прежде всего, это «жизненный мир», термин сформулированный А. Шюцем [18].

В рамках сферы жизненного мира осуществляется так называемое коммуникативное действие [3], основанное на речевых актах-перформативах. По мнению самого известного исследователя данной проблемы, немецкого философа Юргена Хабермаса: в обществе исторически происходит развитие двух форм социального взаимодействия: коммуникативного и инструментального. Инструментальный подход направлен на достижение какой-либо цели, такие действия основаны на принуждении. Коммуникативное действие – это базовое действие в обществе, оно не сводится к другим отношениям. Цель коммуникативного действия – это взаимопонимание субъектов, без этого условия не могут происходить иные отношения. Право в современном обществе играет главную роль, так как правовое регулирование заменяет собой иные социальные регуляторы, поэтому правовые средства призваны стать «шарниром» между жизненным миром и системой инструментальных отношений» [19, с. 136].

Современное право для достижения своих целей должно сочетать как принуждение, которое является традиционным основанием действия законодательства,

так и легитимность, то есть признание норм в обществе. Легитимность в правовой системе не может быть заменена идеологией именно по причине специфики информационного государства и общества. Социальные нормы не юридического характера основаны на авторитете, поэтому, когда право заменяет эти правила юридическими нормами, необходимо сохранять механизмы социального взаимодействия, которой осуществляются через коммуникативное действие.

Таким образом, в условиях цифрового государства, когда абсолютное большинство отношений урегулированы правом, именно лингвистический подход с позиции интерсубъективности, является важной методологией в правовом регулировании. Юридическая герменевтика и вопросы интерпретации норм, становятся важнейшим элементом правовой доктрины судебной власти. В деятельности законодательной власти большое значение приобретают процедуры, связанные с дискурсом, основанные на принципе делиберативности. В условиях, когда юридический язык заменяет иные юридические правила, право должно содержать в своих институтах коммуникативные процедуры, таким образом, будет обеспечиваться эффективность правового регулирования.

Классическая теория правового регулирования, основана на теории «законодательного разума» и связана с концепцией контроля и надзора. Между тем, в условиях современного информационного общества, о котором все чаще говорят в юридической науке [5, 6, 7, 8, 13, 16], данная теория требует пересмотра. Связанно это с тем, что рациональность современного права, на чем основан принцип законности, не может быть безграничной. Эта проблема впервые была осмыслена представителями Франкфуртской школы философии права под названием «негативная диалектика Просвещения». Разумность в процессе реализации в общественных отношениях отделяется от ценностных характеристик права. Итогом такого процесса является замена принципа законности целесообразностью [2].

В теории юридического позитивизма, любой приказ идущий от власти и есть право. Характерно, высказывание Г. Кельзена: «То, что справедливость не может быть признаком, отличающим право от других принудительных порядков, следует из относительности оценочного суждения, согласно которому некоторый социальный порядок справедлив» [10, с. 67]. В теории нормативизма основанием правопорядка является основная норма, из которой вытекает юридическая сила всех других правил. Между тем, в современный период именно социальные основания права становятся актуальными в связи с феноменом «биовласти» государства.

В классической теории суверенитета, как указывал современный французский философ М. Фуко, основное право суверена было право на жизнь и смерть подданных, но в наши дни суверенная власть выражается формулой «заставить жить или позволить умереть» [17, с. 68]. Полный законодательный контроль над вопросами жизни граждан приводит к целесообразности над законностью. В современных правовых системах для достижения целей правового регулирования используется режим чрезвычайного положения и приоритет безопасности граждан. При этом исключительные нормы заменяют общие, так как могут действовать длительное время и затрагивать широкий объем общественных отношений.

Специфика данного правопорядка заключается в том, что права не отменяются законодательно, а ограничиваются исполнительной властью. При этом возникает правовая неопределенность, которую Дж. Агамбен называет «*homo sacer*» [1, с. 20], когда исключения из права являются регулярными и законными. Таким образом

в современном обществе формируется новый правовой режим, который может приостановить действие любых прав гражданина на неопределенное время.

Можно сделать вывод, в период цифрового права, регулирующего отношения, ранее составлявшими предмет иных социальных норм, вопрос оснований правопорядка тесно связан с проблемой легитимности права. Лингвистический подход к праву дает возможность обеспечения необходимого уровня легитимности в правовой системе, что в условиях современного цифрового права является необходимым условием эффективности законодательства.

Библиографический список

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. – М., 2011. – 250 с.
2. Беляев М.А. Взаимное признание и формальное равенство // Вестник Воронежского государственного университета: Серия Философия. – 2014. – № 3. – С. 3–15.
3. Денисенко В.В. Коммуникативная функция права//Академический юридический журнал. – 2022. – Т. 22. – № 3. – С. 231–238.
4. Денисенко В.В. Юридикация общества и концепции правового регулирования // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия: Право. – 2008. – № 2 (5). – С. 56–62.
5. Воробьев С.М., Комаров С.А. Правовой статус киберфизических систем: теоретико-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2020. – № 1. – С. 22–35.
6. Воробьев С.М., Комаров С.А. Риски в информационной цивилизации: теоретико-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 3. – С. 20–36.
7. Воробьев С.М., Комаров С.А. Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 4. – С. 25–37.
8. Воробьев С.М., Комаров С.А. Переходное электронное государство в условиях функционирования информационной (кибернетической) цивилизации: теоретико-правовой анализ: статья // Вестник МГОУ. – 2019. – № 1. – С. 17–27.
9. Гадамер Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики: Пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер; Общ. ред. и вступ. ст. [с. 5–36] Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 699 с.
10. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. – СПб., 2015. – 540 с.
11. Кимлика, У. Современная политическая философия: введение / пер. с англ. С. Моисеева. – М., 2010. – 588 с.
12. Клименко А.И. Функционально-структурные характеристики правовой идеологии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2016. – 55 с.
13. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / Н.Н. Черногор, Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило и др.: под общ. ред. Н.Н. Черногора, Д.А. Пашенцева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 244 с.
14. Малиновский А.А. Роль юрислингвистики в сравнительно-правовом исследовании // В сб.: Актуальные проблемы сравнительного правоведения / Отв. ред. А. А. Малиновский, Е. Н. Трикоз. – М., 2020. – С. 1–13.
15. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – С. 22–130.
16. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография / Под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022. – 320 с.
17. Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де франс в 1975–1976 гг. / Мишель Фуко; пер. с фр. Е. А. Самарской. – СПб.: Наука, 2005 (СПб.: Типография "Наука" РАН). – 311 с.

18. Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. – М., 2004. – С. 84–100.
19. Habermas J. Between Facts and Norms. Cambridge, 1996. P. 136.

Для цитирования: Денисенко В.В. Лингвистический подход к сущности и реализации права: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 2 (36). – С. 39–43.
DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_39

LINGUISTIC APPROACH TO THE ESSENCE AND IMPLEMENTATION OF LAW

Vladislav V. Denisenko*

Annotation. *The article is devoted to the linguistic approach to understanding the essence of law. The analysis of various directions of linguistic direction in legal science is carried out. The objective and subjective factors that served the development of the linguistic approach in legal science are revealed. The author's approach to the application of linguistic methodology in lawmaking and the implementation of law is substantiated.*

Keywords: *linguistic paradigm in law, law and language, legitimacy of law, legal communication, law and narratives, hermeneutics of law, the principle of deliberation in law.*

In the second half of the twentieth century, the linguistic approach to law became one of the main trends in the jurisprudence of common and continental law countries. Within the framework of this approach, several scientific directions are being developed: legal hermeneutics, communicative theory of law and narrative jurisprudence. Thus, in the sphere of scientific attention of legal scholars, objects such as narrative, text and discourse are studied. Despite the differences between these directions, they are united by an appeal to language. The so-called “linguistic turn” is associated with a number of important changes in society and the state [11, p. 363]. The main factor that served as the basis for the development of linguistic research by legal scholars is the expansion of the scope of legal regulation.

During the 20th century, the social state formed new branches of law, thereby the law is currently replacing other social norms. Moreover, over the past 150 years, the scope of legal regulation has expanded significantly, which has given reason to designate this process with a special term – “juridification of society” [4]. In the modern information society, the absolute majority of social relations are regulated by rights, which control the life of society using legal methods of legal regulation, regulate the activities of citizens with legal concepts and categories, and changing legal ideology [12].

In this regard, understanding the methodological issues of interaction between language and law in modern society and the state, as well as issues of lawmaking and law enforcement in this context, becomes particularly relevant. The linguistic approach to understanding law should be revealed within the framework of an integrated approach, within the framework of a separate discipline and scientific direction – legal linguistics. This sci-

* **Denisenko Vladislav Valerievich**, Professor of the Department of Public Law of the Faculty of International Law Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. E-mail: v.denisenko@odin.mgimo.ru

ence and academic discipline in domestic jurisprudence is at the stage of formation, since there are different opinions about its subject, sections and methodology. In our opinion, legal linguistics should certainly include issues related to lawmaking and the implementation of law [14]. At the same time, it is necessary to distinguish the subject of legal linguistics and legal technology, since, in our opinion, legal linguistics should combine methods studied in various areas of social knowledge.

Thus, the methods of hermeneutics, discursive-communicative theory of law and narrative jurisprudence should be critically interpreted as a system of linguistic methodology in jurisprudence. As mentioned above, various aspects of language learning have a common connection in the basic category – the speech act. Gadamer wrote: “Language acquires its true existence only in conversation, that is, in the implementation of mutual understanding” [9, p. 452]. The regulation of most social relations by legal norms has led to the use of the linguistic paradigm in lawmaking and law implementation. The linguistic paradigm is associated with the works of J. Austin, who developed the concept of speech acts [15]. It is this concept that can become, in our opinion, a methodological basis for understanding the problems of law creation and implementation of law in the modern information society. The advantage of this approach is that it connects objective and subjective concepts, forming a theory of intersubjectivity. Speech within the linguistic framework is understood not as the transfer of information, but as a change in social facts.

The key category in the linguistic concept of understanding society and the legal system is the word “performative” – this is a word that is an action [15, p. 26–27]. Thus, speech changes social facts, including in the sphere of legal regulation. In a modern social state, the economic sphere is regulated by law, therefore the legal system cannot be considered as a “superstructure,” that is, as something secondary compared to the economy. As a philosophical model of society, the linguistic approach is based on the categories of social phenomenology. First of all, this is the “life world”, a term formulated by A. Schutz [18].

Within the sphere of the life world, the so-called communicative action [3], based on performative speech acts, is carried out. According to the most famous researcher of this problem, the German philosopher Jurgen Habermas, two forms of social interaction have historically developed in society: communicative and instrumental. The instrumental approach is aimed at achieving a goal; such actions are based on coercion. Communicative action is a basic action in society; it cannot be reduced to other relationships. The goal of communicative action is mutual understanding of the subjects; without this condition, other relationships cannot occur. Law in modern society plays a major role, since legal regulation replaces other social regulators, therefore legal means are designed to become a “hinge” between the life world and the system of instrumental relations” [19, p. 136].

Modern law, in order to achieve its goals, must combine both coercion, which is the traditional basis for the operation of legislation, and legitimacy, that is, recognition of norms in society. Legitimacy in the legal system cannot be replaced by ideology precisely because of the specifics of the information state and society. Social norms of a non-legal nature are based on authority, therefore, when law replaces these rules with legal norms, it is necessary to preserve the mechanisms of social interaction, which are carried out through communicative action.

Thus, in the conditions of a digital state, when the absolute majority of relations are regulated by law, it is the linguistic approach from the position of intersubjectivity that is an important methodology in legal regulation. Legal hermeneutics and issues of interpretation of norms become the most important element of the legal doctrine of the judiciary. In

the activities of the legislative branch, procedures related to discourse, based on the principle of deliberation, become of great importance. In conditions where legal language replaces other legal rules, law must contain communicative procedures in its institutions, thus ensuring the effectiveness of legal regulation.

The classical theory of legal regulation is based on the theory of “legislative reason” and is associated with the concept of control and supervision. Meanwhile, in the conditions of the modern information society, which is increasingly discussed in legal science [5, 6, 7, 8, 13, 16], this theory requires revision. This is due to the fact that the rationality of modern law, on which the principle of legality is based, cannot be unlimited. This problem was first conceptualized by representatives of the Frankfurt School of legal philosophy under the name “negative dialectics of Enlightenment.” Reasonableness in the process of implementation in social relations is separated from the value characteristics of law. The result of this process is the replacement of the principle of legality with expediency [2].

In the theory of legal positivism, any order coming from the authorities is law. Characteristically, G. Kelsen’s statement: “The fact that justice cannot be a feature that distinguishes law from other coercive orders follows from the relativity of the value judgment, according to which a certain social order is fair” [10, p. 67]. In the theory of normativism, the basis of the rule of law is the basic norm, from which the legal force of all other rules follows. Meanwhile, in the modern period, it is the social foundations of law that become relevant in connection with the phenomenon of “biopower” of the state.

In the classical theory of sovereignty, as the modern French philosopher M. Foucault pointed out, the fundamental right of the sovereign was the right to life and death of his subjects, but today sovereign power is expressed by the formula “to make one live or to let one die” [17, p. 68]. Full legislative control over the issues of life of citizens leads to expediency over legality. In modern legal systems, to achieve the goals of legal regulation, a state of emergency and the priority of the safety of citizens are used. At the same time, exceptional norms replace general ones, since they can operate for a long time and affect a wide range of social relations.

The specificity of this legal order lies in the fact that rights are not abolished by law, but are limited by the executive branch. In this case, legal uncertainty arises, which J. Agamben calls “homo sacer” [1, p. 20], when exceptions to the right are regular and legal. In this way, a new legal regime is being formed in modern society, which can suspend any citizen’s rights for an indefinite period of time.

It can be concluded that in the period of digital law regulating relations that were previously the subject of other social norms, the issue of the foundations of the rule of law is closely related to the problem of the legitimacy of law. A linguistic approach to law makes it possible to ensure the necessary level of legitimacy in the legal system, which in the conditions of modern digital law is a necessary condition for the effectiveness of legislation.

Bibliography

1. Agamben J. Homo sacer. Sovereign power and bare life. Moscow, 2011. 250 p.
2. Belyaev M.A. Mutual recognition and formal equality // Vestnik of Voronezh State University: Philosophy Series. 2014. No. 3. P. 3–9.
3. Denisenko V.V. Communicative function of law//Academic legal journal. 2022. T. 22. No. 3. P. 231–238.
4. Denisenko V.V. Juridification of society and the concept of legal regulation // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2008. No. 2 (5). Pp. 56–62.

5. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Legal status of cyberphysical systems: theoretical and legal understanding: article // Theory of State and Law. 2020. No. 1. Pp. 22–35.
6. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Risks in information civilization: theoretical and legal understanding: article // Theory of State and Law. 2019. No. 3. Pp. 20–36.
7. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Informatization and state-organized society in the formational dimension: article // Theory of State and Law. 2019. No. 4. Pp. 25–37.
8. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Transitional electronic state in the context of the functioning of information (cybernetic) civilization: theoretical and legal analysis: article // Vestnik MGOU. 2019. No. 1. Pp. 17–27.
9. Gadamer H.G. Truth and Method. Fundamentals of philosophical hermeneutics: Trans. with him. / H.-G. Gadamer; General ed. and entry Art. [With. 5–36] B. N. Bessonova. Moscow: Progress, 1988. 699 p.
10. Kelsen G. Pure doctrine of law. 2nd ed. / lane with him. M.V. Antonov and S.V. Lezova. St. Petersburg, 2015. 540 p.
11. Kymlicka, U. Modern political philosophy: introduction / trans. from English S. Moiseeva. Moscow, 2010. 588 p.
12. Klimenko A.I. Functional and structural characteristics of legal ideology: abstract of thesis. dis. ... Doctor of Law. Sci. Moscow, 2016. 55 p.
13. The concept of the digital state and the digital legal environment: monograph / N.N. Chernogor, D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo and others: under general. ed. N.N. Chernogora, D.A. Pashentseva. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norma: INFRA-M, 2021. 244 p.
14. Malinovsky A.A. The role of jurislinguistics in comparative legal research // In the collection: Current problems of comparative law / Responsible. ed. A. A. Malinovsky, E. N. Trikoz. Moscow, 2020. Pp. 1–13.
15. Austin J. The word as an action // New in foreign linguistics. Moscow, 1986. P. 22–130.
16. Theoretical and legal paradigm of the existence of cybernetic (information) civilization: monograph / Ed. S.A. Komarova. Moscow: Publishing house MATGiP, 2022. 320 p.
17. Foucault M. It is necessary to defend society: a course of lectures given at the College de France in 1975–1976. / Michel Foucault; lane from fr. E. A. Samarskaya. St. Petersburg: Nauka, 2005 (St. Petersburg: Printing house "Nauka" RAS). 311 p.
18. Schutz A. Favorites. A world glowing with meaning. Moscow, 2004. Pp. 84–100.
19. Habermas J. Between Facts and Norms. Cambridge, 1996. P. 136.

For citation: Denisenko V.V. Linguistic approach to the essence and implementation of law: article // Theory of State and Law. 2024. No. 2 (36). P. 43–46.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_39

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI 10.25839/MATGIP.2024_2_36_47

А.М. Денисов*

К.Г. Прокофьев**

АКТУАЛЬНОСТЬ НАСЛЕДИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА Ф.К. ФОН САВИНЬИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

***Аннотация.** В статье анализируются взгляды основателя исторической школы права Ф.К. фон Савиньи. Вхождение идеи историзма в круг основных правовых концепций XIX – XX вв. было вызвано объективными тенденциями развития правовой теории и общим направлением движения философского мышления в начале XIX столетия. Особенностью правового историзма Ф.К. фон Савиньи стало его иррациональное обоснование, которое он осуществлял как последовательный представитель в праве философии немецкого романтизма. Актуальность учению Ф.К. фон Савиньи придает то, что в нем впервые в истории политико-правовой мысли отводилась основная роль правосознанию («дух народа») в историческом возникновении, воспроизводстве и развитии позитивного права. Сегодня идеи философии права Ф.К. фон Савиньи могут быть актуальны при обосновании роли традиционных нравственно-правовых ценностей в формировании системы позитивного права.*

***Ключевые слова:** Савиньи, иррационализм в праве, «дух народа», правосознание, метод, историческая школа юристов*

Формирование глобального мира в условиях кризиса складывавшихся веками форм транснациональных коммуникаций, усиление динамики социально-политических процессов, утрата надежных механизмов и гарантий выполнения достигнутых международных договоренностей, усиление конкуренции различных правовых систем, повышение роли гражданского общества в политической и правовой жизни современного мира – все это неизбежно заставляет начать поиск устойчивой основы современных правовых отношений, обновленных форм юридических гарантий прав личности, форм укорененности права в комплексе общенациональных нравственно-правовых ценностей.

Это, в свою очередь, актуализирует интерес к исторической модели права, предложенной выдающимся немецким ученым-правоведом Фридрихом Карлом фон Савиньи (1779–1861). Политико-правовое учение Ф.К. фон Савиньи было одним из доминирующих в XIX в., чему в немалой степени способствовал его авторитет как

* **Денисов Антон Михайлович**, научный сотрудник кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: denisov@lawexpr.com.

** **Прокофьев Константин Георгиевич**, доцент филиала Московского финансово-юридического университета в г. Орске, кандидат юридических наук. E-mail: 775777@bk.ru

крупнейшего специалиста в области гражданского права и истории римского права. Историзм теоретика права Ф.К. фон Савиньи складывался под влиянием идей Г. Гроция, Ш.-Л. Монтескье, Дж. Вико, Г. Гердера, Г. Гуго. В меньшей степени – Г.В.Ф. Гегеля, который разрабатывал свой вариант исторического понимания права и был в целом скептически настроен по отношению к теоретическим изысканиям своего коллеги по Берлинскому университету.

Научные идеи Ф.К. фон Савиньи формировались в процессе осмысления политико-правовой модели развития общества и государства, которая сложилась в Европе в результате заключения Вестфальского мира и вплоть до настоящего времени была определяющей в разработке схем межгосударственных отношений, в понимании природы государства, сущности государственного, национального и личного суверенитета, принципов отношения государства, гражданского общества и личности. Сегодня в связи с процессами глобализации и контрглобализации исследователи (Ю. Хабермас, С. Хантингтон, Ф. Фукуяма и др.) все чаще говорят о кризисе вестфальской модели государства, адептом которой был Ф.К. фон Савиньи как теоретик права.

Рубеж XVIII – XIX вв. стал переломным в истории науки. На смену прежнему метафизическому или эмпирическому методу познания приходят сложные методы системного исследования, предполагающие постоянную рефлексию относительно самого способа научного мышления, предполагающие постоянные размышления ученого над способами и целями научного познания. Поэтому не случайно все попытки модернизации научного познания включали в себя в качестве своего главного элемента проблемы методологии.

Не стала исключением и юридическая наука, для которой от принятого методологического принципа, и в целом от общефилософских оснований, зависит сама определенность объекта ее познания. Как отмечали С.А. Комаров и А.Г. Хабибулин: «Право – объект сугубо умопостижимый, лишенный прямой связи с какими-либо чувственно воспринимаемыми предметами, а потому требует обоснования уже сам его онтологический статус. Не определив, какова природа бытия права, способ его существования, мы не сможем раскрыть сущности его проявлений в мире: понять источник нравственной силы права и его норм, сущности правоотношений, ценности правовой культуры и т.п. Более того, не ответив на общий вопрос: “Что есть право?”, мы просто не сможем установить точных критериев для различия “правового” от “неправового”. И тогда все наши суждения, к примеру, о «правовом государстве», не смогут перейти из сферы идеологии в область доказательной науки» [2, с. 193].

Господствовавшая на протяжении столетий парадигма естественного права в конце XVIII – начале XIX вв. уже воспринималась как анахронизм [3, с. 53]. В среде теоретиков права шла идейная борьба за то, какой путь для своего развития выберет юриспруденция. Возражая против произвольного вмешательства государственной власти в процесс формирования права, Ф.К. фон Савиньи считал, что оно складывается исторически как система постепенного развития обычаев под влиянием «народного духа» (Volksggeist), который юристы должны выявлять и согласовывать с ним действующее законодательство [6], а отсюда следует ответить на вопрос: каким должны будут стать основные несущие элементы методологических конструкций теоретико-правового знания. Поэтому не было случайностью выделение заметного и влиятельного течения в теории государства и права, сделавшего главный акцент на реализации в правовом познании идеи историзма и на поиске метафизических оснований сопряжения этой идеи с идеей права.

Эта идея является в высшей степени актуальной и для современной юриспруденции. А значит, сегодня важно еще и еще раз изучить и осмыслить один из первых опытов реализации идеи историзма в правовом познании. Важно определить, в чем этот опыт сам представляет для нас уже лишь только исторический интерес, а в чем он по-прежнему актуален для современной гуманитарной науки. Идея историзма достаточно поздно вступила в круг основных понятий теории государства и права. Впервые высказанная древнегреческим ученым Полибием (хотя и с учетом специфического античного понимания истории и историзма как циклического процесса) [7, с. 461–463], она на протяжении веков оставалась на периферии политико-правовой мысли с тем, чтобы уже в начале XIX столетия под действием импульса, который придал ей полувеком ранее Ш.-Л. Монтескьё, стать одной из доминирующих идей в теории права, гражданского общества и государства.

Таким образом, в начале XIX столетия идея историзма имела характер настоящего научного открытия. Ее установление в философии (Ф.В.Й. Шеллинг и Г.В.Ф. Гегель), в науках о природе (П.-С. Лаплас) и науках об обществе воспринимались как настоящая научная революция после веков господства в науке метафизического подхода. Для последнего была чужда идея всякого развития, а значит и развития общества, т.е. идея истории. Эпоха Просвещения в лице Ш.-Л. Монтескьё, Дж. Вико и И.Г. Гердера указала на необходимость апелляции к истории в противовес установившейся «диктатуре» разума, из которого метафизическое мышление XVII–XVIII вв. пыталось дедуцировать основные принципы социального взаимодействия, нормы морали и права. Но просветители лишь в самом общем виде ставили вопрос о необходимости учета исторического материала, при этом специфика самой истории как особой формы развития ими не учитывалась.

Обоснование идеи истории как особой формы развития, включающей в себя деятельность общественного самосознания, впервые было представлено Г.В.Ф. Гегелем в его философии права и Ф.К. фон Савиньи в позитивной правовой науке [1, с. 181–184]. Различие идеи историзма в праве в ее гегелевском варианте и в том образе, в каком ее воспринимал Ф.К. фон Савиньи можно выразить следующим образом.

Внутренняя содержательность и конкретность учения Г.В.Ф. Гегеля о единстве всеобщего и особенного в истории, разработанного им в оппозиции немецким романтикам (идейно близким Ф.К. фон Савиньи), позволила философу раскрыть диалектику абсолютного ценностного начала права и исторически изменчивого содержания в праве. Именно Г.В.Ф. Гегель разработал универсальную диалектическую концепцию развития, распространив ее на процессы общественного развития.

В противоположность этому Ф.К. фон Савиньи был вынужден вводить в теорию права иррациональный элемент – понятие «народного духа». Дело в том, что в системе понятий Ф.К. фон Савиньи рациональной интерпретации поддается лишь исторически изменчивое в праве. Там, где речь должна идти о вечном, надвременном и надисторическом в праве, Ф.К. фон Савиньи не остается ничего другого, кроме как вводить в ткань правовой теории иррациональные конструкции («народный дух»). Поэтому иррационализм исторической школы права является своего рода «оборотной стороной» ограниченности ее методологических возможностей в теоретической сфере.

Истолкованное в духе иррационализма понятие народного духа выполняло в учении Ф.К. фон Савиньи функцию актуализации идеи абсолютного в праве, без чего нет ни действительного понятия права, ни понятия правовой свободы [5, с. 26–27]. Однако само понятие «народного духа» Ф.К. фон Савиньи понимал не идеали-

стически, а противоречивым образом смешивал его с эмпирически данными формами правовой жизни, прежде всего, с народным правосознанием, которое, в свою очередь, отождествлял с позитивным правом. На это, в частности, обращает внимание П.И. Новгородцев: «Общеправосознание, по воззрению Ф.К. фон Савиньи, является правом само по себе, без всяких дальнейших требований относительно его позитивизации. Это прямо следует из тех мест "Системы современного римского права", где говорится о возникновении юридических норм» [4, с. 83]. Это реальное противоречие правового учения Ф.К. фон Савиньи привело в работах его последователей в начале XX столетия к истолкованию понятия «народного духа» в неокантианском смысле. В то же время данное противоречие имело следствием также и иррационализм данного понятия, что стало созвучным взглядам немецких правоведов националистической ориентации.

При этом актуально звучит положение Ф.К. фон Савиньи о том, что отношение права как системы норм к народному духу как к первооснове этих норм опосредствуется процессом исторического развития правосознания народа. Ф.К. фон Савиньи считал, что в народном правосознании заключена вся полнота права как своего рода «субстанции» норм. Право содержится в нем как бы в свернутом виде и лишь нуждается в чисто внешнем обнаружении и закреплении своих норм. Эту задачу призвана выполнять государственная власть, осуществляя законодательную деятельность в процессе своего взаимодействия с обществом.

Свою правовую концепцию Ф.К. фон Савиньи прежде всего противопоставлял традиционной теории естественного права, которое, как полагал ученый, дедуцировалось из индивидуального разума, а потому не могло обладать качествами всеобщности и необходимости. Напротив, всеобщий разум, воплощенный в «духе народа» как его внутренняя субстанция, содержит в себе всю полноту идей права, признанных народом. Значение творчества законодателя состоит в том, что он устраняет неопределенность в праве, которая содержится в результате исторического развития, не проясненного и не закрепленного законом. Принятые в результате законотворческой деятельности писанные нормы фиксируют достигнутый результат развития права, хотя при этом, как считал Ф.К. фон Савиньи, замедляют сам процесс этого развития.

В наши дни учение Ф.К. фон Савиньи об историческом развитии народного духа утратило свое непосредственное влияние как в Германии, так и в России. Хотя определенное содержание понятий, разработанных выдающимся немецким правоведом в рамках концепта «дух народа», оказывается востребованным с учетом определенных тенденций к иррационализму, намечающихся в общественной науке. Само же учение Ф.К. фон Савиньи имеет сегодня, пожалуй, только лишь историко-правовой интерес. Последний, однако, будет сохранять свою актуальность, учитывая ту роль, которую сыграл в развитии юридической науки этот ученый и представители его школы. Без сомнения, именно Ф.К. фон Савиньи юриспруденция обязана глубоким и основательным восприятием исторического подхода к исследованию политико-правовых институтов.

Реальности современных политических процессов убеждают нас в том, что перенесена область правотворчества в сферу гражданского общества («дух народа», в его терминологии), Ф.К. фон Савиньи, при всем сложном и неоднозначном отношении к его теоретико-правовому и историко-правовому наследию, сформировал тот дискурс политико-правового мышления, который может стать особенно актуальным в наши дни.

Библиографический список

1. Денисов А.М., Исмагилов И.Р., Масленников Д.В. Гегель и Савиньи: становление идеи историзма в праве // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 181–185.
2. Комаров С.А., Хабибулин А.Г. Новая работа петербургских ученых по философии права // Теория государства и права. – 2020. – № 1. – С. 193–209.
3. Масленников Д.В., Пономарев А.А. Кантовская философия права в системе парадигм правовой мысли // Юридическая мысль. – 2016. – № 5 (97). – С. 52–58.
4. Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. – СПб: Лань, 1999. – 192 с.
5. Ревнова М.Б., Масленников Д.В., Сергеева А.Ю. Идея свободы в царстве абсолютного добра (к вопросу о философско-правовых основаниях суверенной правовой идеологии) // Юридическая мысль. – 2019. – № 4–5 (114–115). – С. 25–32.
6. Савиньи Фридрих Карл фон // URL: <https://bigenc.ru/c/savin-i-fridrikh-karl-fon-72a1de?ysclid=ltivx70coy638177068>
7. Фролова Е.А. Рациональные основания права: классика и современность. – М.: Проспект, 2020. – 576 с.

Для цитирования: Денисов А.М., Прокофьев К.Г. Актуальность наследия исторической школы права Ф.К. фон Савиньи для современной теоретико-правовой мысли: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 2 (36). – С. 47–51.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_47

THE RELEVANCE OF THE HERITAGE OF THE HISTORICAL SCHOOL OF LAW F.K. VON SAVIGNY: THEORETICAL AND LEGAL THOUGHT

Anton M. Denisov*
Konstantin G. Prokofiev**

Annotation. *The article analyzes the views of the founder of the historical school of law F.K. von Savigny. The entry of the idea of historicism into the circle of basic legal concepts of the 19th – 20th centuries. was caused by objective trends in the development of legal theory and the general direction of movement of philosophical thinking at the beginning of the 19th century. The peculiarity of legal historicism by F.K. von Savigny became his irrational justification, which he carried out as a consistent representative in the right of the philosophy of German romanticism. Relevance of the teachings of F.K. von Savigny attaches the fact that for the first time in the history of political and legal thought, the main role was assigned to legal consciousness (“the spirit of the people”) in the historical emergence, reproduction and development of positive law. Today, the ideas of the philosophy of law of F.K. von Savigny may be relevant in justifying the role of traditional moral and legal values in the formation of a system of positive law.*

* **Denisov Anton Mikhailovich**, researcher at the Department of Theory and History of State and Law of the Private educational institution of higher education "Law Institute" (St. Petersburg). E-mail: denisov@lawexp.com.

** **Prokofiev Konstantin Georgievich**, associate professor of the branch of the Moscow Finance and Law University in Orsk, candidate of legal sciences. E-mail: 775777@bk.ru

Теория государства и права

Key words: *Savigny, irrationalism in law, "spirit of the people", legal consciousness, method, historical school of lawyers.*

The formation of a global world in a crisis of forms of transnational communications that have evolved over centuries, the strengthening of the dynamics of socio-political processes, the loss of reliable mechanisms and guarantees for the implementation of reached international agreements, increased competition between various legal systems, an increased role of civil society in political and legal life modern world – all this inevitably forces us to begin a search for a stable basis for modern legal relations, updated forms of legal guarantees of individual rights, forms of rootedness of law in the complex of national moral and legal values.

This, in turn, actualizes interest in the historical model of law proposed by the outstanding German legal scholar Friedrich Karl von Savigny (1779–1861). Political and legal doctrine of F.K. von Savigny was one of the dominant ones in the 19th century, which was greatly facilitated by his authority as a major specialist in the field of civil law and the history of Roman law. The historicism of legal theorist F.K. Savigny's background was influenced by the ideas of G. Grotius, S.-L. Montesquieu, G. Vico, G. Herdera, G. Hugo. To a lesser extent – G.V.F. Hegel, who developed his own version of the historical understanding of law and was generally skeptical about the theoretical research of his colleague at the University of Berlin.

Scientific ideas of F.K. von Savigny were formed in the process of understanding the political and legal model of the development of society and the state, which developed in Europe as a result of the Peace of Westphalia and until now has been decisive in the development of schemes of interstate relations, in understanding the nature of the state, the essence of the state, national and personal sovereignty, principles of relations between the state, civil society and the individual. Today, in connection with the processes of globalization and counter-globalization, researchers (Y. Habermas, S. Huntington, F. Fukuyama, etc.) are increasingly talking about the crisis of the Westphalian model of the state, of which F.K. was an adherent. von Savigny as a legal theorist.

The turn of the 18th – 19th centuries. became a turning point in the history of science. The former metaphysical or empirical method of cognition is being replaced by complex methods of systemic research, which require constant reflection on the very method of scientific thinking, which involves the scientist's constant reflection on the methods and goals of scientific knowledge. Therefore, it is no coincidence that all attempts to modernize scientific knowledge included problems of methodology as their main element.

Legal science was no exception, for which the very certainty of the object of its knowledge depends on the accepted methodological principle, and in general on general philosophical foundations. As noted by S.A. Komarov and A.G. Khabibulin: "Law is a purely intelligible object, devoid of a direct connection with any sensory objects, and therefore its very ontological status requires justification. Without determining what the nature of the existence of law is, the way of its existence, we will not be able to reveal the essence of its manifestations in the world: to understand the source of the moral force of law and its norms, the essence of legal relations, the value of legal culture, etc. Moreover, without answering the general question: "What is law?", we simply will not be able to establish precise criteria for distinguishing "legal" from "illegal." And then all our judgments, for example, about the "rule of law state," will not be able to move from the sphere of ideology to the field of evidence-based science" [2, p. 193].

Theory of State and Law

The natural law paradigm that dominated for centuries at the end of the 18th and beginning of the 19th centuries, was already perceived as an anachronism [3, p. 53]. Among legal theorists there was an ideological struggle over which path jurisprudence would choose for its development. Objecting to arbitrary interference of state power in the process of formation of law, F.K. von Savigny believed that it develops historically as a system of gradual development of customs under the influence of the “folk spirit” (Volksgeist), which lawyers must identify and harmonize current legislation with it [6], and from here the question should be answered: what the main supporting elements of methodological structures of theoretical and legal knowledge will have to become. Therefore, it was not an accident that a noticeable and influential trend in the theory of state and law was identified, which placed the main emphasis on the implementation of the idea of historicism in legal knowledge and on the search for metaphysical foundations for pairing this idea with the idea of law.

This idea is highly relevant for modern jurisprudence. This means that today it is important to once again study and comprehend one of the first experiences of implementing the idea of historicism in legal knowledge. It is important to determine in what ways this experience itself is of only historical interest to us, and in what ways it is still relevant for modern humanities. The idea of historicism entered the circle of basic concepts of the theory of state and law quite late. First expressed by the ancient Greek scientist Polybius (albeit taking into account the specific ancient understanding of history and historicism as a cyclical process) [7, p. 461–463], for centuries it remained on the periphery of political and legal thought so that already at the beginning of the 19th century, under the influence of the impulse that Sh.-L. had given it half a century earlier. Montesquieu, to become one of the dominant ideas in the theory of law, civil society and state.

Thus, at the beginning of the 19th century, the idea of historicism had the character of a real scientific discovery. Its establishment in philosophy (F.W.J. Schelling and G.W.F. Hegel), in the sciences of nature (P.-S. Laplace) and the sciences of society were perceived as a real scientific revolution after centuries of dominance in science by the metaphysical approach. For the latter, the idea of any development, and therefore the development of society, was alien. story idea. The Age of Enlightenment represented by Sh.-L. Montesquieu, J. Vico and I.G. Herder pointed out the need to appeal to history as opposed to the established “dictatorship” of reason, from which the metaphysical thinking of the 17th – 18th centuries. tried to deduce the basic principles of social interaction, norms of morality and law. But the enlighteners only in the most general form raised the question of the need to take into account historical material, while they did not take into account the specifics of history itself as a special form of development.

The substantiation of the idea of history as a special form of development, including the activity of social consciousness, was first presented by G.V.F. Hegel in his philosophy of law and F.K. von Savigny in positive legal science [1, p. 181–184]. The difference between the idea of historicism in law in its Hegelian version and in the image in which F.K. von Savigny can be expressed as follows perceived it.

The internal content and specificity of the teachings of G.V.F. Hegel’s idea of the unity of the universal and the particular in history, developed by him in opposition to the German romantics (ideologically close to F.K. von Savigny), allowed the philosopher to reveal the dialectic of the absolute value principle of law and the historically changeable content in law. It was G.V.F. Hegel developed a universal dialectical concept of development, extending it to the processes of social development.

In contrast, F.K. von Savigny was forced to introduce an irrational element into the theory of law – the concept of “national spirit”. The fact is that in the system of concepts of F.K. von Savigny can only be interpreted rationally by what is historically changeable in law. Where we should talk about the eternal, supratemporal and suprahistorical in law, F.K. von Savigny has no choice but to introduce irrational constructions (“folk spirit”) into the fabric of legal theory. Therefore, the irrationalism of the historical school of law is a kind of “reverse side” of the limitations of its methodological capabilities in the theoretical sphere.

Interpreted in the spirit of irrationalism, the concept of national spirit was fulfilled in the teachings of F.K. von Savigny function of updating the idea of the absolute in law, without which there is neither a valid concept of law nor the concept of legal freedom [5, p. 26–27]. However, the very concept of “folk spirit” by F.K. von Savigny did not understand it idealistically, but mixed it in a contradictory way with empirically given forms of legal life, primarily with popular legal consciousness, which in turn he identified with positive law. In particular, P.I. draws attention to this. Novgorodtsev: “Popular legal consciousness, according to F.K. von Savigny, is a right in itself, without any further requirements for its positivization. This directly follows from those places in the “System of Modern Roman Law” where it is said about the emergence of legal norms” [4, p. 83]. This is a real contradiction in the legal teachings of F.K. von Savigny led in the works of his followers at the beginning of the twentieth century to the interpretation of the concept of “folk spirit” in the neo-Kantian sense. At the same time, this contradiction also resulted in the irrationalism of this concept, which became consonant with the views of German jurists of a nationalist orientation.

At the same time, the position of F.K. sounds relevant. von Savigny that the relationship of law as a system of norms to the national spirit as the fundamental basis of these norms is mediated by the process of historical development of the legal consciousness of the people. F.K. von Savigny believed that the people’s legal consciousness contained the fullness of law as a kind of “substance” of norms. The law is contained in it as if in a collapsed form and only needs a purely external discovery and consolidation of its norms. This task is called upon to be carried out by state power, carrying out legislative activities in the process of its interaction with society.

His legal concept F.K. von Savigny primarily opposed the traditional theory of natural law, which, as the scientist believed, was deduced from the individual mind, and therefore could not have the qualities of universality and necessity. On the contrary, universal reason, embodied in the “spirit of the people” as its internal substance, contains the entirety of the ideas of law recognized by the people. The significance of the legislator’s creativity lies in the fact that he eliminates the uncertainty in law that is contained as a result of historical development that is not clarified and not enshrined in law. The written norms adopted as a result of legislative activity record the achieved result of the development of law, although at the same time, as F.K. believed. von Savigny, slow down the very process of this development.

Nowadays, the teachings of F.K. von Savigny's account of the historical development of the popular spirit has lost its direct influence both in Germany and in Russia. Although a certain content of the concepts developed by the outstanding German legal scholar within the framework of the concept of “spirit of the people” turns out to be in demand taking into account certain tendencies towards irrationalism emerging in social science. The very teaching of F.K. von Savigny today has, perhaps, only historical and legal interest. The lat-

ter, however, will remain relevant, taking into account the role that this scientist and representatives of his school played in the development of legal science. Without a doubt, it was F.K. von Savigny, jurisprudence owes a deep and thorough perception of the historical approach to the study of political and legal institutions.

The realities of modern political processes convince us that by transferring the area of lawmaking to the sphere of civil society (“the spirit of the people”, in his terminology), F.K. von Savigny, with all the complex and ambiguous attitude towards his theoretical-legal and historical-legal heritage, formed the discourse of political and legal thinking that can become especially relevant today.

Bibliography

1. Denisov A.M., Ismagilov I.R., Maslennikov D.V. Hegel and Savigny: the formation of the idea of historicism in law // Legal science: history and modernity. 2017. No. 3. P. 181–185.
2. Komarov S.A., Khabibulin A.G. New work of St. Petersburg scientists on the philosophy of law // Theory of State and Law. 2020. No. 1. P. 193–209.
3. Maslennikov D.V., Ponomarev A.A. Kantian philosophy of law in the system of paradigms of legal thought // Legal thought. 2016. No. 5 (97). Pp. 52–58.
4. Novgorodtsev P.I. Historical school of lawyers, its origin and fate. St. Petersburg: Lan, 1999. 192 p.
5. Revnova M.B., Maslennikov D.V., Sergeeva A.Yu. The idea of freedom in the kingdom of absolute good (on the question of the philosophical and legal foundations of sovereign legal ideology) // Legal Thought. 2019. No. 4–5 (114–115). P. 25–32.
6. Savigny Friedrich Karl von // URL: <https://bigenc.ru/c/savin-i-fridrikh-karl-fon-72a1de?ysclid=ltivx70coy638177068>
7. Frolova E.A. Rational foundations of law: classics and modernity. Moscow: Prospekt, 2020. 576 p.

For citation: Denisov A.M., Prokofiev K.G. The relevance of the heritage of the historical school of law F.K. von Savigny for modern theoretical and legal thought: article // Theory of State and Law. 2024. No. 2 (36). P. 51–55.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_47

Научная статья

УДК 34.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_56

Р.Ш. Забиров*

О.Э. Старовойтова**

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНО-ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности судебно-переводческих правоотношений. Само по себе понятие «судебный перевод» используется применительно к юридическому переводу в широком смысле – не только в здании суда, но также в отделениях полиции, таможенных учреждениях и адвокатских конторах. Официальный судебный перевод имеет довольно недолгую историю, которая начинается со знаменитых военных процессов в Нюрнберге (1945–1946 гг.) и Токио (1946–1948 гг.).*

Независимо от применяемых техник, судебный перевод сильнее всего отличается от других видов перевода пристальным вниманием к этическим вопросам. На уровне стратегий перевода это отражается в требованиях точности, беспристрастности и конфиденциальности.

***Ключевые слова:** Конституция, судопроизводство, судебный перевод, переводчик, правоотношения.*

Любой юридический документ составлен на языке специфическом и характерным только для данного вида текста.

Язык права является одним из важнейших элементов юриспруденции, так как он тесно связан с выражением права. Вопросами взаимодействия языка и права занимается раздел науки – «правовая лингвистика» или «юрислингвистика».

В конце XX века благодаря слиянию лингвистических и юридических знаний возникла такая дисциплина, как юрислингвистика. Впервые этот термин употребил в 1976 г. немецкий учёный-лингвист Адальберт Подлех, определив данный раздел лингвистики, как совокупность всех исследований, которые относятся к вопросам связи языка и правовых норм, и при этом отвечают всем требованиям современной лингвистики. В России термин получил огласку благодаря работам Н.Д. Голева, так-

* **Забиров Рамиль Шавкатович** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: matgip2017@yandex.ru

Научный руководитель – **Комаров Сергей Александрович**, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, Заслуженный работник науки и образования РАЕ, доктор юридических наук, профессор. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

** **Старовойтова Ольга Эдуардовна**, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, член-корреспондент РАЕН. E-mail: olgst4r@yandex.ru

же исследованием языка и права занимались Т.М. Балыхина, А.А. Ушаков, А.В. Малько, А.Ф. Черданцев и другие. Согласно исследованиям лингвистов, например, Н.Д. Голевым – объектом юрислингвистики является взаимодействие языка и права, языка и закона, также юрислингвистика занимается исследованием тех сторон языка, которые задействованы в праве.

Актуальность исследования юридического языка заключается в том, что он является динамично развивающейся системой не только в области права, но и в других сферах, так как юридический язык связан со всеми областями общественной жизни человека. Изначально исследователей волновал вопрос становления и развития юридического языка, но вскоре он сменился на более актуальную проблему: современное использование языка в юридической сфере.

Юридическому языку свойственна точность, ясность, использование терминов в строго определенном смысле. В юридическом документе отсутствует двусмысленность, так как правовая норма – предписание, в котором не может присутствовать двусмысленность мысли. Одним из качеств юридического языка является его эмоциональная нейтральность. Любой документ должен быть написан в нейтральных выражениях, не оказывая эмоционального давления на субъекты права.

Важно отметить, что текст юридического документа не может быть незавершенным, не должен оставлять заинтересованному лицу возможность собственного толкования текста. В нормативно-правовом акте должны присутствовать властные формулировки, которые обладают официальным характером.

Кроме того, юридическим текстам присуща безличность выражения, то есть высказывания исходят от абстрактного лица. Отмечается широкое употребление собирательных существительных, например, дети, выборы, или существительных, которые выражают совокупность единства: оружие. Часто употребляются слова, которые называют людей по их социальным ролям или по их действиям, например, свидетель, клиент или абитуриент. Такие слова за пределами юридических документов называют канцеляризмами.

Для юридического языка не характерно описание. В документах недопустима возможность выражения собственного мнения или малейшего отклонения от текста.

Следует отметить языковые и стилистические особенности юридических документов:

- преобладание книжных слов, отсутствие сниженной лексики, жаргонизмов и просторечий, а также эмоциональных слов и оборотов, например, междометий, восклицательных и риторических вопросов;
- использование отглагольных существительных, например, возбуждение, преследование или задержание;
- распространенность юридических клише, например, возместить ущерб, произвести обыск;
- использование антонимов, например, истец – ответчик или действие – бездействие;
- прямой порядок слов в предложении;
- преобладание сложных предложений над простыми;
- широкое распространение причастных и деепричастных оборотов [4, с. 34].

В настоящее время постоянно возрастающий интерес юристов и лингвистов к проблемам судебного перевода, появление новых исследований в этой сфере показывают необходимость более углубленного изучения отдельных аспектов законода-

тельного обеспечения четкого и понятного языка судопроизводства и делопроизводства. В действующем российском законодательстве ни на федеральном, ни на региональном уровне до сих пор нет нормативного правового акта о переводческой деятельности и о статусе переводчика в судопроизводстве, в то время как в большинстве зарубежных правовых систем уже много лет существует сертификация переводчиков, в том числе в сфере судебного перевода (например, «устный судебный перевод» имеет статус самостоятельного вида деятельности в отличие от письменного перевода).

Процессуальные кодексы, обязывающие органы судопроизводства, в первую очередь суды, гарантировать участвующим в деле лицам реализацию конституционного права на выбор языка общения [1, ст. 26], не предусматривают детального механизма этой реализации, а содержат лишь краткие предписания о порядке вызова и участия переводчика.

Проанализировав ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ [2], можно увидеть определённые неясности и, соответственно, двояко толковать некоторые нормы. Например, речь идёт о ключевой норме, содержащейся в части 3 данной статьи, предусматривающей, что если следственные и судебные документы подлежат обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, то указанные документы должны быть переведены на родной язык соответствующего участника уголовного судопроизводства или на язык, которым он владеет. При этом в тексте закона не уточняется, каким должен быть перевод этих следственных и судебных документов – устным или письменным.

Вопросам классификации и разновидностям перевода посвящено множество исследований. Основатели советской (российской) науки переводоведения, в числе которых следует назвать таких известных учёных, как Л.С. Бархударов, Г.И. Бубнова, Н.К. Гарбовский, В.Н. Комиссаров, В.В. Сдобников, называют судебный перевод одной из разновидностей социального перевода [5].

В судебной практике используются следующие формы устного перевода.

1) Устный перевод устного текста – применяется в ходе производства вербальных судебных и следственных действий, связанных с получением информации, подаваемой в устной форме; таковыми являются допросы участников по делу, очные ставки, проверки показаний на месте, следственные эксперименты и другие;

– последовательный перевод – это разновидность устного перевода, при котором переводчик выслушивает текст по частям и переводит его в паузах между этими частями (единицами текста); именно этот вид является наиболее употребляемым на практике;

– синхронный перевод – это устный перевод, осуществляемый одновременно с произнесением текста оригинала; практически не встречается в судопроизводстве, поскольку адекватное восприятие такого перевода судом (следователем, другими участниками процесса) было бы весьма затруднённым; поэтому синхронный перевод используется в иных сферах деятельности – в работе средств массовой информации, на деловых встречах и научных конференциях и т.п.;

– односторонний устный перевод, осуществляемый только в одном направлении, т.е. с исходящего языка на какой-либо другой – переводной язык, также не может обеспечить коммуникативный эффект между участниками по делу, и поэтому не имеет смысла его применять;

– двухсторонний (многосторонний) перевод – это последовательный устный перевод разговора двух или более коммуникантов, осуществляемый с одного языка на другой и обратно; именно эта форма устного перевода является основной для судебной деятельности во всём мире, имея в виду её состязательный характер: суд и представители сторон активно участвуют в представлении и исследовании доказательств, что побуждает их находиться в постоянном диалоге.

2) Устный перевод письменного текста – зрительно-устный перевод имеющейся в судебном деле документации (иными словами, перевод с листа).

Приведем мнение практикующего переводчика: «в ходе заседания зрительно-устному переводу подвергаются заключения судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертизы, выдержки из текстов законов, заключения экспертных органов и комиссий, криминалистических экспертиз (трасологической, баллистической, графологической, биологической, искусствоведческой и т.д.), технические заключения и инструкции, выписки из актов гражданского состояния, справки, договора и др. Нередко эти документы в значимых частях зачитываются» [8].

Считаем важным отметить, что кроме сертификации судебных переводчиков в зарубежных странах, имеется также различие в самой структуре уголовного судопроизводства в Российской Федерации: досудебная деятельность по уголовному делу после его возбуждения может длиться от 15–30 дней до многих месяцев, при этом результаты всех следственных действий органов дознания (следствия) фиксируются в письменной форме в виде протоколов и иных процессуальных актов (документов). Важно понимать, что предъявление обвинения происходит до суда, и вручение участникам процесса (подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему и другим) процессуальных актов, которые должны быть им вручены обязательно, в переводе на язык, которым они владеют, происходит также в условиях предварительного, а не судебного следствия.

В судопроизводстве европейской и англо-американской правовых систем указанные действия реализуются непосредственно в суде с использованием механизмов состязательного правосудия. Поэтому переводчик, привлекаемый к судопроизводству, называется «судебный».

Поскольку судебные процедуры происходят в устной форме, «судебный процесс разворачивается во времени и протекает в определенных ритуальных фазах, к которым относятся *завязка* (вступительное слово судьи), *нарастание* (рассмотрение материалов дела), *кульминация* (прения сторон), *развязка* (вынесение приговора)», переводчик активно вовлечён в эту двустороннюю «обратную связь» в режиме живого времени.

3) Может применяться такая форма устного перевода, как «шушутаж» – перевод «на ухо».

В условиях непосредственного исследования доказательств в суде эта разновидность вышеобозначенного одностороннего устного перевода неэффективна в своём непосредственном смысле. Поэтому для шушутажа существует специальное оборудование, которое переводчики называют «шептало»: это комплект из радиопередатчика (для переводчика) и портативных приёмников для получателей перевода.

Поскольку и в Российской Федерации, и в других странах мира действуют общепринятые принципы непосредственности и гласности судебного разбирательства, обычной практикой стала аудиовидеофиксация судебного процесса. Однако это

требует соответствующей технической оснащённости залов судебного заседания, в том числе и техники для «шептало».

Таким образом, в зарубежной практике судопроизводства широко применяется устный судебный перевод в разных своих формах.

Например, согласно положениям Процессуального кодекса гражданского и уголовного судопроизводства Швеции (Rättegångsbalk) [20], «шведское процессуальное право не предусматривает «недопустимости» доказательств, поэтому центральное значение получает оценка доказательной силы фактов предмета доказывания (bevisvärdering). В отношении устных показаний это выражается посредством предельного внимания к деталям и фокуса судьи и присяжных на двух аспектах – достоверность показаний (tillförlitlighet) и убедительность свидетеля (trovärdighet).

Юрислингвистические исследования подтверждают, что речь участников процесса может быть заявлена в качестве доказательного факта и стать объектом юридической оценки» [6].

Письменный перевод – это перевод, выполненный в письменной форме, основными разновидностями которого являются следующие:

- письменный перевод письменного текста; в досудебном и судебном производстве по уголовным делам в Российской Федерации применяется для перевода процессуальных актов органов предварительного расследования и суда, важнейшими среди которых являются решения (постановления, приговоры), содержащие формулировку обвинения лица в преступлении;

- письменный перевод устного текста; перевод устного текста, выполненный в письменной форме; применение возможно, например, при подаче и приёме заявления от иностранного гражданина о преступлении в порядке ст. 141 УПК либо заявления о явке с повинной (ст. 142 УПК);

- письменный перевод аудиозаписи может применяться для письменной фиксации следственного или судебного действия, проведённого устно с участием лица, не владеющего языком судопроизводства; для проверки правильности устного судебного перевода, как и перевода письменных документов и процессуальных актов, когда перед судом возникает сомнение в достоверности доказательств, полученных с помощью переводчика [7] и др.

Таким образом, судебный перевод представляет наибольшую сложность, так как требует от переводчика навыков использовать широкий круг лексических единиц из разных сфер человеческой деятельности: от специальных юридических категорий до современных разговорных единиц. Судебному переводу присущи свои особенности, характерные для этой области вокабуляры, специфические термины и формулировки, которые часто сложны для понимания обычным человеком без юридического образования.

Отметим, что не все языки содержат аналоги юридических категорий, либо переводчик не имеет таких знаний, что вызывает затруднения при переводе, т.к. в данном случае необходимо разъяснить понятия юридических категорий. Т.е. переводчику следует не только знать перевод слов, но и знать их юридический смысл, для того чтобы передать их смысл человеку, который использует услуги переводчика и не обладает специальными знаниями в сфере юриспруденции. Причем судебный перевод производится в условиях дефицита времени, в трудной эмоциональной обстановке.

Ведь переводчик работает с лицами, находящимися в непривычной обстановке и в состоянии дискомфорта для них, что прямо сказывается на их поведении. Переводчик не имеет возможности выбирать текст перевода. Он переводит либо тот текст, предоставляемый следователем или судом, либо он переводит слова участника судопроизводства. В случае, устной формы перевода переводчик производит перевод синхронно либо последовательно с речью участника судебного процесса. В случае письменной формы перевода переводчик должен осуществить перевод в назначенный ему срок, так как субъект правоприменительной деятельности ограничен процессуальными сроками.

Следовательно, стоит согласиться с мнением, например, Л.Л. Васильевой-Кардашевской, которая выдвигает на первый план вопрос о необходимости привлечения в качестве переводчика в уголовном судопроизводстве не абстрактного лица, свободно владеющего языком, а профессионалов, занимающихся судебным переводом как основным видом деятельности. В пользу данного утверждения говорит опыт зарубежных стран, где существует процессуальная фигура присяжного переводчика [3].

В конституциях, в процессуальных кодексах и иных законах многих зарубежных государств имеются положения, предоставляющие право использования родного языка (если таковой отличен от государственного) в судопроизводстве. Посредством такого регулирования закрепляется социальное, публичное и правовое значение переводчика в сфере судопроизводства.

Согласно статье 30 Закона Австралии от 1995 года № 2 «О представлении доказательств» (ред. от 25.10.2018) [9], «свидетель может представить сведения о факте через переводчика, за исключением случаев, когда свидетель способен понимать и говорить на английском языке в мере, достаточной для понимания и дачи надлежащих ответов на вопросы, которые могут возникнуть в отношении представленных фактов».

Пункты 1 и 2 статьи 31 Закона Австралии от 1995 года № 2 регулируют дачу показаний лицами с нарушениями слуха или речи: «1) свидетель, неспособный слышать в достаточной степени, может быть опрошен любым приемлемым образом; 2) свидетель, неспособный говорить в достаточной степени, может дать показания с использованием любых приемлемых средств». Согласно пункту 4 статьи 31, вышеперечисленное «... не влияет на право свидетеля, к которому применяется настоящая статья, представлять сведения о факте через переводчика согласно статье 30».

Пункт 1 статьи 22 Закона Австралии от 1995 года № 2 «О представлении доказательств» (ред. от 25.10.2018): «Лицо должно либо принять присягу, либо сделать торжественное заявление перед тем, как выступать в роли переводчика в судебном процессе».

Статья 219ZD Закона Австралии № 6 от 1901 года «О таможене» (ред. от 07.08.2019) [10] устанавливает:

«1. В случаях, когда таможенный служащий или полицейский, задерживающий лицо согласно настоящему разделу, имеет достаточные основания считать, что лицо неспособно, ввиду недостаточного знания английского языка или по любой другой причине, вести диалог в устной форме на приемлемом уровне понимания английского языка, служащий должен предпринять все необходимые шаги для обеспечения того, чтобы на всех этапах задержания лица, когда с ним осуществляется

беседа или когда это лицо совершает обращение, лицо, имеющее право выступать в качестве переводчика, присутствовало и выступало в качестве переводчика в целях ведения диалога.

2. Пункт 1 настоящей статьи не применяется, если задержанное лицо и лицо, с которым он ведёт диалог, способны:

а) вести диалог на языке, отличном от английского, на приемлемом уровне понимания; или

б) вести диалог на удовлетворительном уровне любым другим образом».

Статья 128 «Предоставление переводчика» Закона штата Новый Южный Уэльс (Австралия) № 103 от 2002 года «О правоохранительных органах (полномочия и обязанности)» (ред. от 25.06.2019) [11] фиксирует:

«1. Ответственный за содержание под стражей задержанного лица или защищаемого подозреваемого должен принять меры к обеспечению присутствия переводчика для такого лица в связи с любыми следственными действиями, в которых лицо должно принимать участие, если ответственный за содержание под стражей имеет достаточные основания считать, что лицо неспособно:

а) ввиду недостаточного знания английского языка вести диалог на английском языке на достаточном уровне понимания или

б) ввиду какой-либо ограниченности физических или умственных возможностей вести диалог на достаточном уровне понимания.

2. Ответственный за содержание под стражей должен убедиться в том, что любые такие следственные действия откладываются до прибытия переводчика.

3. Тем не менее, ответственный за содержание под стражей не обязан:

а) принимать меры для обеспечения присутствия переводчика, если ответственный за содержание под стражей имеет достаточные основания полагать, что сложность обеспечения присутствия переводчика делает соблюдение требований практически неосуществимым, или

б) откладывать любые такие следственные действия, если ответственный за содержание под стражей имеет достаточные основания полагать, что неотложность следствия, принимая во внимание безопасность других лиц, делает такое откладывание неоправданным.

4. Если переводчик не может присутствовать для лица в связи с любыми следственными действиями, в которых лицо должно принимать участие, ответственный за содержание под стражей должен взамен организовать для лица телефонную службу перевода.

5. Ответственный за содержание под стражей должен убедиться в том, что любые такие следственные действия откладываются до момента доступности телефонной службы перевода.

6. Тем не менее, ответственный за содержание под стражей не обязан:

а) принимать меры для обеспечения доступа к телефонной службе перевода, если ответственный за содержание под стражей имеет достаточные основания полагать, что сложность обеспечения такого перевода делает соблюдение требований практически неосуществимым, или

б) откладывать любые такие следственные действия, если ответственный за содержание под стражей имеет достаточные основания полагать, что неотложность следствия, принимая во внимание безопасность других лиц, делает такое откладывание неоправданным».

Статья 80 Закона Новой Зеландии от 2006 года № 69 «О представлении доказательств» (ред. от 12.11.2018) [12] определяет:

«1. Ответчик в уголовном процессе имеет право на помощь в сообщении, в соответствии с настоящим разделом и любыми регламентами, выпущенными в рамках настоящего Закона, с целью –

- а) позволить ответчику понять процесс и
- б) дать показания, если ответчик так пожелает.

2. Помощь в сообщении может быть предоставлена ответчику в уголовном процессе на основании заявления от ответчика в процессе или по инициативе Судьи.

3. Свидетель в гражданском или уголовном процессе имеет право на помощь в сообщении согласно настоящему разделу и любым регламентам, выпущенным в рамках настоящего Закона, с целью обеспечить этому свидетелю возможность дать показания.

4. Помощь в сообщении может быть представлена свидетелю на основании заявления от свидетеля или любой стороны в процессе или по инициативе Судьи...».

Статья 81 Закона Новой Зеландии от 2006 года № 69 (ред. от 12.11.2018):

«1. Помощь в сообщении не обязательно должна предоставляться ответчику в уголовном процессе, если Судья считает, что ответчик –

- а) может в достаточной степени понимать процесс и
- б) если ответчик решает дать показания, он может в достаточной степени понимать вопросы, заданные устно, и способен надлежащим образом на них ответить.

2. Помощь в сообщении не обязательно должна предоставляться свидетелю в гражданском или уголовном процессе, если Судья считает, что свидетель может в достаточной степени понимать вопросы, заданные устно, и способен надлежащим образом на них ответить.

3. Судья может указывать, какой тип помощи в сообщении должен предоставляться ответчику или свидетелю».

Согласно пунктам 1, 2 и 3 статьи 7 «Право на использование новозеландского жестового языка в судебном процессе» Закона Новой Зеландии от 2006 года № 18 «О Новозеландском жестовом языке» (ред. от 17.10.2016) [13]:

«1. В любом судебном процессе, любое из следующих лиц может использовать новозеландский жестовый язык в случае, если родным или предпочитаемым языком лица является новозеландский жестовый язык:

- а) любой служащий суда, трибунала или органа, в ведении которого ведётся процесс;
- б) любая сторона или свидетель;
- в) любой участвующий в процессе адвокат или другое лицо, представляющее сторону в процессе;
- д) любое другое лицо с позволения председательствующего лица.

2. Право использовать новозеландский жестовый язык, предоставляемое пунктом 1, не –

- а) даёт право какому-либо лицу, перечисленному в этом пункте, требовать, чтобы любое лицо, не являющееся переводчиком, применительно к целям процесса обращалось или отвечало ему или ей на Новозеландском жестовом языке; или...

3). В случаях, когда председательствующее лицо в любом судебном процессе осведомлено о том, что любое лицо, имеющее, согласно пункту 1, право использо-

вать новозеландский жестовый язык в этом процессе, намеревается этим правом воспользоваться, председательствующее лицо обязано обеспечить доступность обладающего достаточной квалификацией переводчика».

Согласно пункту «k» статьи 35 Конституции Южно-Африканской Республики от 11.10.1996 (ред. от 01.02.2013) [14]:

«(3) Любое обвиняемое лицо имеет право на справедливый суд, включающее в себя право... находиться на судебном разбирательстве на языке, который обвиняемое лицо понимает, или, если это практически неосуществимо, на перевод судебного процесса на этот язык».

Согласно пункту 2 статьи 6 Закона Южно-Африканской Республики от 1944 № 32 (ред. от 2013 года) «О магистратских судах» [15] «Если в уголовном процессе представляются доказательства на языке, которым обвиняемый, по мнению суда, владеет недостаточно, судом должен быть вызван компетентный переводчик с целью перевода таких доказательств на язык, которым обвиняемый, по своему заявлению или по мнению суда, достаточно владеет, вне зависимости от того, является ли язык, на котором представляются доказательства, одним из официальных языков, или вне зависимости от того, владеет ли представитель обвиняемого языком, использованным в доказательствах».

Согласно подпункту «f» пункта 2 статьи 11 Постановления Гонконга «О Билле о правах Гонконга» от 1991 года (Глава 383 Законов Гонконга) (ред. от 2017 года) [16] «При предъявлении обвинения в совершении уголовного правонарушения, каждый имеет право на следующие минимальные гарантии на равных основаниях... – получать бесплатную помощь переводчика, если он неспособен понимать или говорить на языке, используемом в суде...».

Согласно пункту 5 статьи 280 Уголовно-процессуального кодекса Сингапура от 2010 года (ред. от 2018 года) [17] «если лицо, делающее заявление, не понимает английский язык, судебный процесс должен быть устно переведен для него на его язык или язык, который он понимает...».

Федеральный Закон Австрии от 13.02.2013 «Об административном судопроизводстве» (ред. от 14.08.2018) [18] в § 38а устанавливает, что:

«1. Если обвиняемое лицо в недостаточной степени знает немецкий язык, является глухим или страдает от значительных нарушений слуха или речи, оно имеет право на использование переводчика. Это применяется, в частности, к доказательствам, затрагивающим обвиняемого, прениям, а также, по требованию, к сообщению обвиняемого лица с адвокатом защиты, если это непосредственно связано с судебным процессом или другим действием, в котором участвует обвиняемый и в котором для соблюдения интересов обвиняемого требуется участие защиты.

2. Если перевод на язык, понятный обвиняемому, не может быть предоставлен в разумный срок и если личное присутствие переводчика не требуется для обеспечения справедливого судебного процесса, перевод, в соответствии с техническими возможностями административного суда, может осуществляться с помощью технических средств для передачи текста и изображений.

3. Если это необходимо для обеспечения прав на защиту и на справедливый суд, ответчик, в недостаточной степени знающий немецкий язык, имеет право на получение письменного перевода существенных документов в разумный срок... По требованию обвиняемого, он может получить письменный перевод прочих определённых документов, при условии, что необходимость такого перевода в достаточной

мере оправдана или очевидна. Письменный перевод может быть заменён частичным переводом существенного содержания или устным переводом.

4. Обвиняемое лицо должно быть уведомлено на языке, который оно понимает, о своём праве на использование услуг переводчика.

Обстоятельства такого уведомления должны быть письменно зафиксированы.

5. Отказ обвиняемого лица от письменного перевода разрешён только в случаях, когда оно было заранее проинформировано, на языке, которое оно понимает, о его или её правах и последствиях отказа...».

Уголовно-процессуальный кодекс Австрии от 1975 года (ред. от 25.10.2018) [19] в § 56 закрепляет следующую норму:

«1. Обвиняемое лицо, не говорящее или не понимающее языка, на котором проходит судебный процесс, имеет право на перевод (пункт 2). При необходимости для обеспечения прав на защиту и справедливый суд, обвиняемый также имеет право на письменный перевод существенных документов (пункт 3), который должен быть предоставлен в разумный срок...

2. Услуги перевода должны предоставляться в устной форме, в частности для показаний, затрагивающих обвиняемого, прений и, по запросу, для общения обвиняемого с его законной защитой, если такое сообщение непосредственно связано с заслушиванием показаний, слушанием дела, рассмотрением жалоб или других ходатайств. В случаях, когда перевод на язык, на котором обвиняемый говорит или который он понимает не может быть предоставлен в разумное время в месте судебного слушания, перевод может быть предоставлен с помощью технических средств передачи текста и изображений, кроме случаев, когда личное присутствие переводчика необходимо для обеспечения справедливого суда.

3. Существенными документами являются ордер и судебное одобрение ареста... письменное обоснование уголовного делопроизводства, решение о задержании или о продлении задержания, обвинительный акт и подлежащее обжалованию решение суда...

4. По запросу обвиняемого лица, другие, конкретно перечисленные документы должны быть переведены в письменном виде, при условии, что необходимость перевода в понимании пункта 1 оправдана или очевидна. Перевод существенных документов (пункт 3 и 4) может быть ограничен переводом той части документа, которая является релевантной для ответчика и достаточной для понимания того, в чём он обвиняется.

5. Письменный перевод может быть заменён устным переводом или, если ответчик представлен адвокатом защиты, устным кратким изложением, при условии, что такой устный перевод или устное краткое изложение не препятствует праву на справедливый суд.

6. Отказ обвиняемого от письменного перевода разрешён только в случаях, если он был заведомо осведомлён о его или её правах и последствиях отказа...

7. Если обвиняемый является глухим или немым, должен быть вызван сурдопереводчик, если обвиняемое лицо способно с ним общаться. В противном случае, должны предприниматься попытки наладить сообщение с обвиняемым лицом посредством письма или любым другим образом, которым обвиняемое лицо способно изъясняться».

Таким образом, резюмируя все вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что точность и ясность судебного перевода – это главное требование к любому пе-

реводчику. Каждый нюанс судебного процесса, каждый оттенок юридического термина или понятия должен найти отражение в тексте переведенного документа. Упущение любой мелочи или тонкости процесса чревато вынесением несправедливого или откровенно неблагоприятного судебного решения по рассматриваемому делу.

Перевод юридической документации или других текстов сопряжен с применением узкоспециализированных терминов. Любой правовой текст, созданный на основе оригинального иноязычного документа, должен с абсолютной точностью передавать смысл и нормативные понятия первоисточника. Если информация будет подана неточно и неправильно оформлена, то такой документ будет попросту признан недействительным.

Библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru; Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с.
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // www.consultant.ru.
3. *Васильева-Кардашевская Л.Л.* Конституционный принцип национального языка и его реализация в досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.
4. *Гамзатов, М.Г.* Техника и специфика юридического перевода. – СПб., 2004. – 184 с.
5. *Казакова А.А.* Особенности агональной коммуникативной ситуации в судебном процессе [Текст] / А.А. Казакова // Герценовские чтения. Иностр. Языки: Сб. научных статей. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. – С. 51–53.
6. *Обидина Л.Б.* Экспертная оценка правильности перевода письменных документов и процессуальных актов [Текст] / Л.Б. Обидина // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019. – С. 265–271.
7. *Обидина Л.Б., Обидин Е.А.* Участие переводчика в доказывании по уголовным делам [Текст]: Монография. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2018. – 162 с.
8. *Поликарпов А.М., Французова А.Д.* Об устном судебном переводе в Швеции // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2020. – Т. 6. – № 4. – С. 53–69.
9. Закон Австралии от 1995 года № 2 «О представлении доказательств» (ред. от 25.10.2018) [Evidence Act 1995] // <https://www.Legislation.Gov.Au/Details/C2018C00433>
10. Закон Австралии от 1901 года № 6 «О таможене» (ред. От 07.08.2019) [Customs Act 1901] // https://www.legislation.gov.au/Details/C2019C00267/Html/Volume_2
11. Закон штата Новый Южный Уэльс (Австралия) от 2002 года № 103 «О правоохранительных органах (полномочия и обязанности)» (ред. от 25.06.2019) [Law Enforcement (Powers and Responsibilities) Act 2002 № 103] // <https://www.legislation.nsw.gov.au/#/view/act/2002/103/whole>
12. Закон Новой Зеландии № 69 от 2006 года «О представлении доказательств» (ред. от 12.11.2018) [Evidence Act 2006] // <http://www.legislation.govt.nz/act/public/2006/0069/latest/whole.html>
13. Закон Новой Зеландии от 2006 года № 18 «О новозеландском жестовом языке» (ред. от 17.10.2016) [New Zealand Sign Language Act 2006] // <http://www.legislation.govt.nz/act/public/2006/0018/latest/whole.html>

14. Конституция Южно-Африканской Республики от 11.10.1996 (ред. от 01.02.2013) [Constitution of the Republic of South Africa, 1996] // <https://www.gov.za/sites/default/files/images/a108-96.pdf>

15. Закон Южно-Африканской Республики от 1944 года № 32 (ред. от 2013 года) «О магистратских судах» [Magistrates' Courts Act № 32 of 1944] // <http://www.justice.gov.za/legislation/acts/1944-032.pdf>

16. Постановление Гонконга «О Билле о правах Гонконга» от 1991 года (Глава 383 Законов Гонконга) (ред. от 2017 года) [Hong Kong Bill of Rights Ordinance] // <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap383?tab=m>

17. Уголовно-процессуальный кодекс Сингапура от 2010 года (ред. от 2018 года) [Criminal Procedure Code] // <https://sso.agc.gov.sg/Act/CPC2010>

18. Федеральный Закон Австрии от 13.02.2013 «Об административном судопроизводстве» (ред. от 14.08.2018) [Bundesgesetz über das Verfahren der Verwaltungsgerichte (Verwaltungsgerichtsverfahrensgesetz – VwGVG)] // <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=20008255>

19. Уголовно-процессуальный кодекс Австрии от 1975 года (ред. от 25.10.2018) [Strafprozeßordnung 1975 (StPO)] // <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10002326>

20. Rättegångsbalk (1942: 740) [Процессуальный кодекс гражданского и уголовного судопроизводства] // URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokumentlagar/dokument/svensk-forfattningssamling/rattegångsbalk-1942740_sfs1942-740/

Для цитирования: Забиров Р.Ш., Старовойтова О.Э. Особенности судебно-переводческих правоотношений в современных реалиях: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 2 (36). – С. 56–67.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_56

FEATURES OF JUDICIAL TRANSLATION LEGAL RELATIONS IN MODERN REALITIES

Ramil Sh. Zabirov*

Olga Ed. Starovoitova**

Annotation. *The article discusses the features of judicial translation legal relations. The concept of “court translation” itself is used in relation to legal translation in a broad sense – not only in the courthouse, but also in police departments, customs offices and law offices. Official court translation has a rather short history, which begins with the famous military trials in Nuremberg (1945–1946) and Tokyo (1946–1948).*

* **Zabirov Ramil Shavkatovich** – graduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Private educational institution of higher education “Law Institute” (St. Petersburg). E-mail: matgip2017@yandex.ru

Scientific supervisor – **Komarov Sergey Aleksandrovich**, President of the Interregional Association of State and Law Theorists, Scientific Director of the Private educational institution of higher education “Law Institute” (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Honored Worker of Science and Education RAE, Doctor of Law, Professor. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

** **Starovoitova Olga Eduardovna**, Professor of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences. E-mail: olgst4r@yandex.ru

Regardless of the techniques used, what distinguishes judicial translation from other types of translation is its close attention to ethical issues. At the level of translation strategies, this is reflected in the requirements for accuracy, impartiality and confidentiality.

Key words: *Constitution, legal proceedings, judicial translation, translator, legal relations.*

Any legal document is drawn up in a language specific and characteristic only of this type of text.

The language of law is one of the most important elements of jurisprudence, as it is closely related to the expression of law. A branch of science deals with issues of interaction between language and law – “legal linguistics” or “jurislinguistics”.

At the end of the 20th century, thanks to the fusion of linguistic and legal knowledge, such a discipline as jurislinguistics arose. This term was first used in 1976 by the German linguist Adalbert Podlech, defining this section of linguistics as the totality of all studies that relate to the relationship between language and legal norms, and at the same time meet all the requirements of modern linguistics. In Russia, the term became publicized thanks to the works of N.D. Goleva, T.M. also studied language and law. Balykhina, A.A. Ushakov, A.V. Malko, A.F. Cherdantsev and others. According to research by linguists, for example, N.D. The main object of jurislinguistics is the interaction of language and law, language and law; jurislinguistics also studies those aspects of language that are involved in law.

The relevance of the study of legal language lies in the fact that it is a dynamically developing system not only in the field of law, but also in other areas, since legal language is connected with all areas of human social life. Initially, researchers were concerned with the issue of the formation and development of legal language, but it soon gave way to a more pressing problem: the modern use of language in the legal field.

Legal language is characterized by accuracy, clarity, and the use of terms in a strictly defined sense. There is no ambiguity in a legal document, since a legal norm is a prescription in which ambiguity of thought cannot be present. One of the qualities of legal language is its emotional neutrality. Any document must be written in neutral terms, without exerting emotional pressure on legal subjects.

It is important to note that the text of a legal document cannot be incomplete and should not leave the interested party the possibility of his own interpretation of the text. The regulatory legal act must contain authoritative language that is of an official nature.

In addition, legal texts are characterized by impersonality of expression, that is, statements come from an abstract person. There is a widespread use of collective nouns, for example, children, elections, or nouns that express a set of unity: weapons. Often words are used that name people by their social roles or by their actions, for example, witness, client or applicant. Such words outside of legal documents are called clericalism.

Legal language is not characterized by description. The possibility of expressing one's own opinion or the slightest deviation from the text is unacceptable in documents.

It is worth noting the linguistic and stylistic features of legal documents:

- the predominance of book words, the absence of reduced vocabulary, jargon and vernacular, as well as emotional words and phrases, for example, interjections, exclamatory and rhetorical questions;
- use of verbal nouns, for example, excitement, pursuit or detention;
- prevalence of legal clichés, for example, to compensate for damage, to conduct a search;

- use of antonyms, for example, plaintiff – defendant or action – inaction;
- direct word order in a sentence;
- predominance of complex sentences over simple ones;
- wide distribution of participial and participial phrases [4, p. 34].

Currently, the ever-increasing interest of lawyers and linguists in the problems of judicial translation, the emergence of new research in this area shows the need for a more in-depth study of certain aspects of the legislative provision of clear and understandable language for legal proceedings and office work. In the current Russian legislation, neither at the federal nor at the regional level, there is still no normative legal act on translation activities and on the status of a translator in legal proceedings, while in most foreign legal systems there has been certification of translators for many years, including in the field of judicial translation (for example, “oral judicial translation” has the status of an independent activity in contrast to written translation).

Procedural codes that oblige judicial bodies, primarily the courts, to guarantee the persons involved in the case the exercise of the constitutional right to choose the language of communication [1, Art. 26], do not provide a detailed mechanism for this implementation, but contain only brief instructions on the procedure for calling and participating in an interpreter.

Having analyzed Art. 18 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation [2], one can see certain ambiguities and, accordingly, interpret some norms in two ways. For example, we are talking about the key norm contained in part 3 of this article, which provides that if investigative and judicial documents are subject to mandatory delivery to the suspect, accused, as well as other participants in criminal proceedings, then these documents must be translated into the native language of the corresponding participant in criminal proceedings or in the language he speaks. At the same time, the text of the law does not specify how the translation of these investigative and judicial documents should be – oral or written.

Many studies have been devoted to the issues of classification and types of translation. The founders of the Soviet (Russian) science of translation studies, including such famous scientists as L.S. Barkhudarov, G.I. Bubnova, N.K. Garbovsky, V.N. Komissarov, V.V. Sdobnikov, call judicial translation one of the types of social translation [5].

The following forms of interpretation are used in judicial practice.

1) Oral translation of spoken text – used in the course of verbal judicial and investigative actions related to obtaining information provided orally; these include interrogations of participants in the case, confrontations, on-site verification of testimony, investigative experiments and others;

– consecutive translation is a type of oral translation in which the translator listens to the text in parts and translates it in pauses between these parts (text units); it is this type that is most used in practice;

– simultaneous translation is an oral translation carried out simultaneously with the pronunciation of the original text; practically does not occur in legal proceedings, since adequate perception of such a translation by the court (investigator, other participants in the process) would be very difficult; therefore, simultaneous translation is used in other areas of activity – in the work of the media, at business meetings and scientific conferences, etc.;

– one-way interpretation, carried out in one direction only, i.e. from the source language to any other – the translated language – also cannot provide a communicative effect between the participants in the case, and therefore it makes no sense to use it;

– two-way (multilateral) translation is a sequential oral translation of a conversation between two or more communicators, carried out from one language to another and back; It is this form of interpretation that is fundamental to judicial activity throughout the world, bearing in mind its adversarial nature: the court and representatives of the parties actively participate in the presentation and examination of evidence, which encourages them to be in constant dialogue.

2) Oral translation of a written text – visual-oral translation of the documentation available in a court case (in other words, translation from a sheet).

Let us cite the opinion of a practicing translator: “during the meeting, the conclusions of forensic medical and forensic psychiatric examinations, excerpts from the texts of laws, conclusions of expert bodies and commissions, forensic examinations (traceological, ballistic, graphological, biological, art history, etc.) are subject to visual-oral translation. etc.), technical reports and instructions, extracts from civil status acts, certificates, contracts, etc. Often these documents are read out in significant parts” [8].

We consider it important to note that in addition to the certification of court interpreters in foreign countries, there is also a difference in the very structure of criminal proceedings in the Russian Federation: pre-trial activities in a criminal case after its initiation can last from 15–30 days to many months, while the results of all investigative actions bodies of inquiry (investigation) are recorded in writing in the form of protocols and other procedural acts (documents). It is important to understand that the filing of charges occurs before the trial, and the delivery of procedural acts to the participants in the process (suspect, accused, victim and others), which must be handed to them, translated into the language they speak, also occurs in preliminary conditions, and not judicial investigation.

In the legal proceedings of the European and Anglo-American legal systems, these actions are carried out directly in court using the mechanisms of adversarial justice. Therefore, a translator involved in legal proceedings is called a “judicial”.

Since judicial procedures take place orally, “the trial unfolds in time and takes place in certain ritual phases, which include the beginning (the judge’s opening statement), the build-up (consideration of the case materials), the climax (the debate between the parties), and the denouement (the sentencing).” , the translator is actively involved in this two-way “feedback” in real time.

3) A form of oral translation can be used, such as “chuchoutage” – translation “by ear”.

In the conditions of direct examination of evidence in court, this type of one-way interpretation described above is ineffective in its immediate sense. Therefore, for chuchoutage there is special equipment, which translators call a “sear”: this is a set of a radio transmitter (for the translator) and portable receivers for the recipients of the translation.

Since generally accepted principles of immediacy and publicity of judicial proceedings apply both in the Russian Federation and in other countries of the world, audio-video recording of the trial has become common practice. However, this requires appropriate technical equipment in courtrooms, including equipment for “searing”.

Thus, in foreign judicial practice, oral judicial translation in its various forms is widely used.

For example, according to the provisions of the Swedish Procedural Code of Civil and Criminal Procedure (Rättegångsbalk) [20], “Swedish procedural law does not provide for the “inadmissibility” of evidence, therefore the assessment of the evidentiary value of the facts of the subject of proof (bevisvärdering) is of central importance. In relation to oral

evidence, this is expressed through extreme attention to detail and the judge and jury's focus on two aspects – the credibility of the evidence (tillförlitlighet) and the credibility of the witness (trovärdighet).

Legal linguistic research confirms that the speech of the participants in the process can be declared as an evidentiary fact and become the object of legal assessment” [6].

Written translation is a translation performed in written form, the main types of which are the following:

- written translation of written text; in pre-trial and judicial proceedings in criminal cases in the Russian Federation, it is used to translate procedural acts of preliminary investigation bodies and the court, the most important among which are decisions (decisions, sentences) containing the wording of accusing a person of a crime;

- written translation of oral text; translation of oral text in written form; application is possible, for example, when submitting and receiving an application from a foreign citizen about a crime in accordance with Art. 141 of the Code of Criminal Procedure or statements of confession (Article 142 of the Code of Criminal Procedure);

- written translation of an audio recording can be used to record in writing an investigative or judicial action carried out orally with the participation of a person who does not speak the language of the proceedings; to check the correctness of oral judicial translation, as well as the translation of written documents and procedural acts, when the court has doubts about the reliability of evidence obtained with the help of a translator [7], etc.

Thus, judicial translation is the most difficult, as it requires the translator to use a wide range of lexical units from different spheres of human activity: from special legal categories to modern colloquial units. Judicial translation has its own characteristics, vocabulary typical for this area, specific terms and formulations, which are often difficult to understand by an ordinary person without a legal education.

Note that not all languages contain analogues of legal categories, or the translator does not have such knowledge, which causes difficulties in translation, because in this case, it is necessary to clarify the concepts of legal categories. Those. the translator should not only know the translation of words, but also know their legal meaning in order to convey their meaning to a person who uses the services of a translator and does not have special knowledge in the field of jurisprudence. Moreover, court translation is carried out under time pressure and in a difficult emotional environment.

After all, a translator works with people who are in an unusual environment and in a state of discomfort for them, which directly affects their behavior. The translator does not have the ability to select the translation text. He translates either the text provided by the investigator or the court, or he translates the words of a participant in the proceedings. In the case of oral translation, the translator translates simultaneously or sequentially with the speech of the participant in the trial. In the case of a written translation, the translator must carry out the translation within the deadline assigned to him, since the subject of law enforcement activities is limited by procedural deadlines.

Therefore, it is worth agreeing with the opinion of, for example, L.L. Vasilyeva-Kardashevskaya, who brings to the fore the issue of the need to engage as a translator in criminal proceedings not an abstract person who is fluent in the language, but professionals engaged in judicial translation as the main activity. This statement is supported by the experience of foreign countries where there is a procedural figure of a sworn translator [3].

In the constitutions, procedural codes and other laws of many foreign countries there are provisions granting the right to use the native language (if it is different from the

state language) in legal proceedings. Through such regulation, the social, public and legal significance of the translator in the field of legal proceedings is consolidated.

According to Article 30 of the Australian Evidence Act 1995 No. 2 (as amended on October 25, 2018) [9], "a witness may present information about a fact through an interpreter, except in cases where the witness is able to understand and speak English to the extent sufficient to enable us to understand and provide appropriate answers to questions that may arise regarding the facts presented."

Section 31(1) and (2) of the Australian Act 1995 No. 2 governs the giving of evidence by persons with hearing or speech impairments: "1) a witness who is unable to hear sufficiently may be questioned in any reasonable manner; (2) a witness who is unable to speak sufficiently may testify by any reasonable means." According to Article 31, paragraph 4, the above "... does not affect the right of a witness to whom this article applies to present information of fact through an interpreter in accordance with Article 30."

Clause 1 of Article 22 of the Australian Evidence Act 1995 No. 2 (as amended on 10/25/2018): "A person must either take an oath or make a solemn declaration before acting as an interpreter in court proceedings."

Article 219ZD of the Australian Customs Act No. 6 of 1901 (as amended on 08/07/2019) [10] establishes:

"1. In cases where a customs officer or police officer apprehending a person under this section has reasonable grounds to believe that the person is unable, due to insufficient knowledge of the English language or for any other reason, to communicate orally to an acceptable level of understanding of the English language, the officer shall undertake all necessary steps to ensure that, at all stages of a person's detention, when the person is interviewed or when the person makes an appeal, a person qualified to act as an interpreter is present and acts as an interpreter for the purpose of the dialogue.

2. Paragraph 1 of this article does not apply if the detained person and the person with whom he is conducting a dialogue are capable of:

a) communicate in a language other than English to an acceptable level of understanding; or

b) carry on the dialogue at a satisfactory level in any other way."

Article 128 "Provision of an interpreter" of the Law of the State of New South Wales (Australia) No. 103 of 2002 "On Law Enforcement Agencies (Powers and Responsibilities)" (as amended on June 25, 2019) [11] states:

"1. The custodial officer of a detained person or protected suspect must arrange for the presence of an interpreter for such person in connection with any investigative activities in which the person is required to participate if the custodial officer has reasonable grounds to believe that the person is unable to:

a) due to insufficient knowledge of the English language, conduct a dialogue in English at a sufficient level of understanding or

b) due to any limitation of physical or mental capacity, to conduct dialogue at a sufficient level of understanding.

2. The Custodial Officer must ensure that any such investigative actions are deferred until the arrival of an interpreter.

3. However, the person responsible for detention is not obliged to:

a) take steps to ensure the presence of an interpreter if the custodial officer has reasonable grounds to believe that the difficulty of ensuring the presence of an interpreter makes compliance impracticable, or

Theory of State and Law

(b) delay any such investigative action if the custodial officer has reasonable grounds to believe that the urgency of the investigation, having regard to the safety of other persons, makes such delay unjustified.

4. If an interpreter is unable to be present for a person in connection with any investigative activities in which the person is required to participate, the custodial officer must arrange a telephone interpretation service for the person in lieu.

5. The Custodial Officer must ensure that any such investigative actions are deferred until a telephone translation service is available.

6. However, the person responsible for detention is not obliged to:

a) take steps to provide access to a telephone translation service if the custodial officer has reasonable grounds to believe that the difficulty of providing such translation makes compliance impracticable, or

(b) delay any such investigative action if the custodial officer has reasonable grounds to believe that the urgency of the investigation, having regard to the safety of other persons, makes such delay unjustified."

Article 80 of New Zealand Act No. 69 of 2006 "On the Presentation of Evidence" (as amended on 11/12/2018) [12] defines:

"1. A defendant in a criminal proceeding has the right to assistance in reporting, in accordance with this section and any regulations issued under this Act, for the purpose of -

a) allow the defendant to understand the process and

b) testify if the defendant so wishes.

2. Assistance in reporting may be provided to a defendant in criminal proceedings on the basis of a statement from the defendant in the proceedings or on the initiative of the Judge.

3. A witness in a civil or criminal proceeding has the right to assistance in making a communication under this section and any regulations issued under this Act to enable that witness to give evidence.

4. Assistance in reporting may be provided to a witness on the basis of an application from the witness or any party to the proceeding or on the initiative of the Judge..."

Article 81 of the New Zealand Law of 2006 No. 69 (as amended on 11/12/2018):

"1. Aid to report need not be granted to a defendant in a criminal proceeding if the Judge is of the opinion that the defendant is -

a) can sufficiently understand the process and

b) if the defendant chooses to testify, he can sufficiently understand the questions asked orally and is able to answer them appropriately.

2. Assistance in reporting need not be provided to a witness in a civil or criminal proceeding if the Judge is of the opinion that the witness can sufficiently understand questions asked orally and is able to answer them appropriately.

3. The judge may specify what type of communication assistance should be provided to the defendant or witness."

According to paragraphs 1, 2 and 3 of Article 7 "The right to use New Zealand Sign Language in legal proceedings" of the New Zealand Law of 2006 No. 18 "On New Zealand Sign Language" (as amended on 10/17/2016) [13]:

"1. In any legal proceeding, any of the following persons may use New Zealand Sign Language if the person's native or preferred language is New Zealand Sign Language:

(a) any officer of the court, tribunal or authority having jurisdiction over the proceedings;

- b) any party or witness;
- c) any participating lawyer or other person representing a party to the proceeding;
- d) any other person with the permission of the presiding officer.

2. The right to use New Zealand Sign Language under paragraph 1 does not -

a) entitles any person listed in this clause to require any person other than an interpreter, for the purposes of the proceedings, to address or respond to him or her in New Zealand Sign Language; or...

3). Where the presiding officer in any proceeding is aware that any person entitled under paragraph 1 to use New Zealand Sign Language in that proceeding intends to exercise that right, the presiding officer must ensure that a suitably qualified interpreter is available."

According to paragraph "k" of Article 35 of the Constitution of the Republic of South Africa dated 10/11/1996 (as amended on 02/01/2013) [14]:

"(3) Any accused person has the right to a fair trial, which includes the right... to have the trial heard in a language that the accused person understands or, if this is not practicable, to have the trial translated into that language."

According to paragraph 2 of Article 6 of the Magistrates' Courts Act of 1944 No. 32 (as amended in 2013) [15] "If in a criminal proceeding evidence is presented in a language which the accused, in the opinion of the court, does not speak sufficiently, the court a competent translator must be called to translate such evidence into a language in which the accused, on his application or in the opinion of the court, is sufficiently proficient, regardless of whether the language in which the evidence is presented is one of the official languages, or regardless of whether the representative of the accused speaks the language used in the evidence."

According to Article 11(2)(f) of the Hong Kong Bill of Rights Ordinance 1991 (Chapter 383 of the Laws of Hong Kong) (2017 edition) [16] "When charged with a criminal offence, everyone has the right to the following minimum guarantees on an equal basis... - to receive free assistance from an interpreter if he is unable to understand or speak the language used in court...".

According to Article 280(5) of the Singapore Code of Criminal Procedure 2010 (as amended in 2018) [17] "if the person making the statement does not understand English, the proceedings shall be interpreted for him in his language or the language which he understands...".

The Austrian Federal Law of 02/13/2013 "On Administrative Proceedings" (as amended on 08/14/2018) [18] in § 38a establishes that:

"1. If the accused person has limited knowledge of German, is deaf or has significant hearing or speech impairments, he or she has the right to have an interpreter available. This applies in particular to evidence involving the accused, pleadings, and, if requested, communications between the accused person and defense counsel if directly related to a trial or other action in which the accused is involved and in which the best interests of the accused are served. defense involvement is required.

2. If a translation into a language understandable to the accused cannot be provided within a reasonable time and if the personal presence of the translator is not required to ensure a fair trial, the translation, in accordance with the technical capabilities of the administrative court, may be carried out using technical means for transmitting the text and images.

3. If necessary to ensure the rights to defense and to a fair trial, a defendant who does not have sufficient knowledge of the German language has the right to receive a writ-

Theory of State and Law

ten translation of essential documents within a reasonable time... At the request of the accused, he may receive a written translation of other specified documents, subject to provided that the need for such a translation is sufficiently justified or obvious. Written translation may be replaced by partial translation of essential content or oral translation.

4. The accused person must be notified, in a language he understands, of his right to use the services of an interpreter.

The circumstances of such notification must be recorded in writing.

5. Refusal by an accused person of translation is permitted only in cases where he or she has been informed in advance, in a language that he or she understands, of his or her rights and the consequences of refusal ...”

The Austrian Criminal Procedure Code of 1975 (as amended on October 25, 2018) [19] in § 56 establishes the following rule:

"1. An accused person who does not speak or understand the language in which the trial is being conducted has the right to interpretation (paragraph 2). If necessary, to ensure the rights to defense and a fair trial, the accused also has the right to a written translation of essential documents (paragraph 3), which must be provided within a reasonable time...

2. Interpretation services must be provided orally, in particular for testimony involving the accused, arguments and, upon request, for communication by the accused with his legal defense if such communication is directly related to the hearing of testimony, a hearing, the consideration of complaints or other motions. In cases where translation into a language that the accused speaks or understands cannot be provided within a reasonable time at the place of hearing, translation may be provided by means of technical means of transmitting text and images, except in cases where the personal presence of an interpreter is necessary for ensuring a fair trial.

3. Essential documents are a warrant and judicial approval of arrest ... written justification for criminal proceedings, a decision to detain or extend detention, an indictment and an appealable court decision ...

4. At the request of the accused person, other specifically listed documents must be translated in writing, provided that the need for translation within the meaning of paragraph 1 is justified or obvious. The translation of essential documents (points 3 and 4) may be limited to the translation of that part of the document that is relevant to the defendant and sufficient to understand what he is accused of.

5. Written translation may be replaced by oral translation or, if the defendant is represented by defense counsel, an oral summary, provided that such interpretation or oral summary does not interfere with the right to a fair trial.

6. The refusal of the accused to provide translation is permitted only in cases where he or she was clearly informed of his or her rights and the consequences of refusal...

7. If the accused is deaf or mute, a sign language interpreter must be called if the accused person is able to communicate with him. Otherwise, attempts must be made to establish communication with the accused person by letter or in any other way in which the accused person is capable of communicating.”

Thus, summarizing all of the above, we can conclude that the accuracy and clarity of judicial translation is the main requirement for any translator. Every nuance of the legal process, every shade of a legal term or concept must be reflected in the text of the translated document. Omission of any detail or subtlety of the process is fraught with the adoption of an unfair or frankly unfavorable court decision in the case under consideration.

Translation of legal documentation or other texts involves the use of highly specialized terms. Any legal text created on the basis of an original foreign language document must convey with absolute accuracy the meaning and normative concepts of the original source. If the information is submitted inaccurately and incorrectly formatted, then such a document will simply be declared invalid.

Bibliography

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // www.consultant.ru; Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarova. Moscow: Publishing house "Urayt", 2023. 325 p. (Series: Professional Commentary).
2. "Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on December 25, 2023) // www.consultant.ru.
3. Vasilyeva-Kardashevskaya L.L. The constitutional principle of the national language and its implementation in the pre-trial stages of the criminal process: abstract. dis. ...cand. legal Sci. Moscow, 2002.
4. Gamzatov, M.G. Technique and specificity of legal translation / M.G. Gamzatov. St. Petersburg, 2004. 184 p.
5. Kazakova A.A. Features of the agonistic communicative situation in the trial [Text] / A.A. Kazakova // Herzen Readings. Foreign Languages: Sat. scientific articles. St. Petersburg: Publishing house of the Russian State Pedagogical University named after. A.I. Herzen, 2018. Pp. 51–53.
6. Obidina L.B. Expert assessment of the correctness of translation of written documents and procedural acts [Text] / L.B. Obidina // International and national trends and prospects for the development of forensic examination. N. Novgorod: Publishing House of Nizhny Novgorod State University named after. N.I. Lobachevsky, 2019. Pp. 265–271.
7. Obidina L.B., Obidin E.A. Participation of an interpreter in evidence in criminal cases [Text]: Monograph / L.B. Obidina, E.A. Obidin. Nizhny Novgorod: UNN Publishing House, 2018. 162 p.
8. Polikarpov A.M., Frantsuzova A.D. About oral court translation in Sweden [Text] / A.M. Polikarpov, A.D. Frantsuzova // Scientific result. Questions of theoretical and applied linguistics. 2020. T. 6. No. 4. P. 53–69.
9. Australian Law of 1995 No. 2 "On the presentation of evidence" (as amended on October 25, 2018) [Evidence Act 1995] // <https://www.Legislation.Gov.Au/Details/C2018C00433>
10. Australian Law of 1901 No. 6 "On Customs" (as amended on 08/07/2019) [Customs Act 1901] // https://www.legislation.gov.au/Details/C2019C00267/Html/Volume_2
11. Law of the State of New South Wales (Australia) of 2002 No. 103 "On Law Enforcement (Powers and Responsibilities)" (as amended on June 25, 2019) [Law Enforcement (Powers and Responsibilities) Act 2002 No. 103] // <https://www.legislation.nsw.gov.au/#/view/act/2002/103/whole>
12. New Zealand Law No. 69 of 2006 "On the Presentation of Evidence" (as amended on 11/12/2018) [Evidence Act 2006] // <http://www.legislation.govt.nz/act/public/2006/0069/latest/whole.html>
13. New Zealand Law of 2006 No. 18 "On New Zealand Sign Language" (as amended on 10/17/2016) [New Zealand Sign Language Act 2006] // <http://www.legislation.govt.nz/act/public/2006/0018/latest/whole.html>
14. Constitution of the Republic of South Africa dated 10/11/1996 (as amended on 02/01/2013) // <https://www.gov.za/sites/default/files/images/a108-96.pdf>
15. Law of the Republic of South Africa of 1944 No. 32 (as amended in 2013) "On Magistrates' Courts" [Magistrates' Courts Act No. 32 of 1944] // <http://www.justice.gov.za/legislation/acts/1944-032.pdf>

Theory of State and Law

16. Hong Kong Bill of Rights Ordinance 1991 (Chapter 383 of the Laws of Hong Kong) (as amended in 2017) // <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap383?tab=m>

17. Singapore Criminal Procedure Code of 2010 (as amended in 2018) // <https://sso.agc.gov.sg/Act/CPC2010>

18. Federal Law of Austria dated 02/13/2013 “On Administrative Proceedings” (as amended on 08/14/2018) [Bundesgesetz über das Verfahren der Verwaltungsgerichte (Verwaltungsgerichtsverfahrensgesetz – VwGVG)] // <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=20008255>

19. Austrian Criminal Procedure Code of 1975 (as amended on October 25, 2018) [Strafprozeßordnung 1975 (StPO)] // <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10002326>

20. Rättegångsbalk (1942: 740) [Procedural Code of Civil and Criminal Procedure] // URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokumentlagar/dokument/svenskforfattningssamling/rattegangs_balk-1942740_sfs1942-740/

For citation: Zabiroy R.Sh., Starovoitova O.E. Features of judicial translation legal relations in modern realities: article // Theory of State and Law. 2024. No. 2 (36). P. 67–77.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_56

Научная статья

УДК 34.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_78

С.В. Игнатьева*

О.Э. Старовойтова**

Г.Н. Крижановская***

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ФЕМИНИСТСКОЙ ПОЛИТИКЕ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА НА ПРИМЕРЕ СЕКСУАЛИЗИРОВАННОГО НАСИЛИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

***Аннотация.** В статье анализируются основные тенденции в изменении феминистской политики в ряде стран на примере сексуализированного насилия военного времени. Особое внимание авторы уделяют теоретическим разработкам в области гендерных исследований, новым актуальным темам, бросающих вызов политической отправной точке концепции «женских прав человека».*

***Ключевые слова:** феминизм, сексуальное насилие, гендер, гендерная политика, права женщин, нарушение прав человека.*

Термин «феминизм», как и само явление имеет достаточно давнюю историю. В России оно возникло еще в XIX веке. Идея феминизма заключалась в борьбе женщин за лучшие условия жизни, быта, труда. Это отразилось и на различных социальных революциях, в следствии которых, во многих странах данная цель была достигнута. В нашей стране, после Октябрьской революции, феминистская политика пошла еще дальше. Сначала в историческом развитии России образовалась государственная политика в пользу защиты материнства, женщины стали получать дополнительные финансовые преференции, социальные пособия и т.д.

Такая политика закрепились во многих государствах. Но, закономерно встает вопрос, если государство поддерживает женщин в их правах, то почему, то и дело возникают различные феминистские акции, протесты, движения? В данной статье исследуется феминистская политика в различных государствах.

Феминистские исследователи [1] уже давно критикуют гендерную предвзятость в международном праве во всех его областях [2]. В области прав человека и международного уголовного права центральной темой этой критики является не-

* **Игнатьева Светлана Викторовна**, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации; профессор кафедры публичного права Института технологий предпринимательства и права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», доктор юридических наук, профессор. E-mail: matgip2017@yandex.ru

** **Старовойтова Ольга Эдуардовна**, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, член-корреспондент РАЕН. E-mail: olgst4r@yandex.ru

*** **Крижановская Галина Николаевна**, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат исторических наук. E-mail: imyarec@list.ru

достаточное включение сексуального насилия в отношении женщин. Мобилизация под лозунгом «Права женщин – это права человека» и, что не менее важно, интенсивные сообщения средств массовой информации о систематическом сексуальном насилии в отношении женщин-мусульманок в Боснии и последующих обвинениях в Трибунале по Югославии (МТБЮ) подняли проблему изнасилования как средства ведения войны, что и определяет повестку дня на международном уровне. Тем не менее, тема сексуализированного насилия военного времени не утратила своей актуальности, как это видно на примере Конго и ряда других стран [3]. В настоящее время теоретические разработки в области гендерных исследований сформулировали новые вопросы, бросающие вызов политической отправной точке концепции «женских прав человека».

Феминистские достижения: признание гендерных нарушений прав человека на международном уровне. Своим эссе 1991 года Чарльзуорт, Чинкин и Райт считаются основателями феминистской критики международного права [4]. В центре этой критики находится дихотомическая структура международного права, в частности, разделение между государственным и частным, которое пронизывает все области права [5] и привело к недостаточному освещению гендерно-специфических нарушений прав, особенно в сфере права человека. Права человека были ограничены «общественной» сферой, тогда как «частная» – физическое и половое воспроизводство – в значительной степени была снята с государственной ответственности [6].

Частное царство означало для мужчин защищенное убежище, которое гарантировало свободу от государственного контроля, но в то же время позволяло им насильственно и безнаказанно ограничивать свободу других [7]. Частная сторона сексуальности распространялась даже на действия чиновников или солдат, чьи нападения рассматривались просто как индивидуальные инстинктивные преступления.

Многое произошло в области прав человека с 1991 года: «феминизм начал занимать «место за столом»» [8]. Существенный вклад в это внесло международное женское движение, мобилизованное под лозунгом «Права женщин – это права человека» [9]. С одной стороны, она призвала признать нарушения прав женщин, особенно насилие, нарушениями прав человека, а с другой стороны, включить права женщин в существующую сферу прав человека на всех институциональных уровнях деятельности [10].

В то время как актуализация шла медленно [11], вопрос о насилии в отношении женщин, который не был должным образом охвачен ориентированной на равенство Конвенцией ООН о правах женщин (Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин) [12] в 1979 г., был успешно включен в международную повестку дня. С одной стороны, насилие в семье в любом государстве, все чаще признается нарушением прав человека, ответственность за которое несет государство, терпящее эти злоупотребления своим бездействием. С другой стороны, признание сексуализированного насилия нарушением прав человека представляет собой веху, поскольку оно явно преодолевает различие между частным и публичным.

Изнасилование не является «частным» только из-за его сексуализации, оно систематически используется для пыток и как средство ведения войны: «Захват женщин означает захват земли». Это соответствует классификации сексуального насилия как военного преступления, как пытки и как преступление преследования в законодательстве о беженцах. В мае 2008 года, Жан-Пьер Бемба, председатель Движения за освобождение Конго (ДОК), был арестован за террористические кампании против гражданского населения в Центральной Африканской Республике. Глав-

ный прокурор Международного уголовного суда прокомментировал: «Г-н. Арест Бембы – предупреждение всем тем, кто совершает, поощряет или терпит сексуальные преступления. Новый закон называется Римский статут. По этому новому закону они будут привлечены к ответственности» [13].

В этом отношении феминистская политика в области прав человека добилась значительных успехов [14]. Однако эти успехи ненадежны и ограничены. До сих пор существует параллельный специальный режим прав женщин, который был изложен в системе мониторинга CEDAW [15] в 1982 г. и дифференцирован, например, специальным докладчиком по вопросу о насилии в отношении женщин. Из-за институциональной автономии Комиссии CEDAW освещение нарушений прав женщин в значительной степени изолировано от «обычных» (универсальных) органов по правам человека [16] и имеет более слабые ресурсы.

Более того, «женский вопрос» пока смог заявить о себе лишь в так называемых «мягких» областях международного права; область международной безопасности до сих пор оставалась в значительной степени незатронутой этим развитием событий. В области права безопасности ссылка на права женщин носит в лучшем случае риторический характер [17], а в дискуссии о «безопасности человека» [18] интервенционистски заряжена [19]. Несмотря на аресты, сексуальное насилие в отношении женщин в Демократической Республике Конго и других государствах, продолжает происходить на глазах у миротворцев ООН, чей защитный мандат, похоже, остается в значительной степени неиспользованным в этом отношении [20], которое они иногда даже совершают сами [21]. В этом отношении успехи, какими бы значительными они ни были, часто носят поверхностный, риторический и ограниченный характер и должны постоянно защищаться [22].

Текущие теоретические вызовы феминистской политике в области прав человека. Политическое закрепление «женских прав человека» сопровождалось растущим выделением феминистских международно-правовых исследований в отдельную область [23]. Это касалось раскрытия «мужской парадигмы» в международном праве и недопредставленности женщин и их интересов. Тем временем, однако, подходы, которые ставят под сомнение категории «мужчина» и «женщина», стали эффективными в рамках гендерных исследований. Вместо понимания гендера как естественной категории идентичности гендер рассматривается как взаимозависимая, бинарная и гетеронормативная социальная структура [24]. Концепция гендера, которая больше не определяет поддающийся определению предмет прав человека, представляет собой вызов для ученых-международников, которые считают себя приверженными феминистской политике в области прав человека [25].

Взаимозависимости касаются дифференциации категории «женщина» по отношению к другим приписываемым характеристикам. Это означает, что вместо того, чтобы воспринимать женщин как единую группу, в их различных жизненных ситуациях, возникающих в результате взаимодействия пола с другими категориями идентичности или дискриминации, такими как «раса» или социальный класс [26]. Критика претензий белого среднего класса на единоличное представительство исходила от маргинализированных личностей. [27]. В дискурсе прав человека иерархические отношения между «феминистками первого и третьего мира» представляют собой проблему [28]. Частично это основано на дихотомическом (само) конструировании эмансипированной белой женщины и виктимизированной «женщины третьего мира» как колониального наследия феминистского дискурса [29].

Но сама гендерная бинарность, то есть строгое и постоянное различие между мужчиной и женщиной, также стала сомнительной. Все чаще признается, что социальный гендер в смысле ролевого поведения и гендерной идентичности (гендер) не зависит от биологического пола (пола). Однако мышление в определяемых телах всегда предлагает отправные точки для разделения мужественности и женственности. Однако явления интерсексуальности и транссексуальности, вызываемые в первую очередь культурной системой двойного пола [30], очень ясно показывают, что четко определенный биологический двойственный пол является также и социальным конструктом. В свете этого знания политический и, следовательно, юридический субъект «женщина» уже не вполне понятен [31].

В гетеронормативном гендерном порядке бинарные категории также определенным образом связаны друг с другом. Сконструированный биологический пол приписывает каждому человеку не только социальный пол, но и стандартизированное желание. «Настоящий мужчина» желает женщин, «настоящая женщина» желает мужчин (или лучше: просто мужчину) [32]. Этот порядок также прописан в законе и поддерживается законом, который также поощряет гетеросексуальное поведение [33].

Если к этим вызовам отнестись серьезно, единообразный юридический субъект «женщина» уже не может считаться. Скорее, «гендер» следует рассматривать как социальную структуру, которая, основанная на бинарности и гетеронормативности, возлагает на людей ожидания, которые они не могут или не хотят удовлетворить, потому что не хотят четко идентифицировать себя с точки зрения своей физической или своей физической формы. поведение [34]. В таком понимании гендера сходятся ранее дифференцированные категории гендерной дискриминации в смысле «пола», гендерной идентичности и сексуальной ориентации [35].

Взаимозависимость, бинарность и гетеронормативность в анализе сексуализированного насилия на войне. Сексуальное насилие во время войн также можно анализировать более дифференцированно. Хотя признание сексуального насилия в отношении женщин военным преступлением и причиной бегства является крупным достижением, оно само по себе определяет насилие в отношении женщин как гендерно обусловленное. Здесь игнорируется тот факт, что на войне конституируются специфические маскулинности и специфические фемининности, которые связаны с общественными формами мысли мирного времени. Ибо сексуализированное насилие во время войны ни в коем случае не является внезапным началом, а является частью «континуума насилия», который начинается до начала войны и ни в коем случае не заканчивается мирным договором [36].

Отметим, что маскулинность (от лат. *masculinus*, мужской) – совокупность телесных (вторичных половых признаков), психических и поведенческих особенностей, рассматриваемых как мужские (то есть внешне отличающих мужчину от женщины или самца от самки у животных) [65; 66, с. 264–265]. Маскулинность в русском языке отличается от мужественности. Словосочетание «мужественная [может быть, от слова "мужество"?] женщина», например, характеризует не маскулинность женщины (мужеподобность), а стойкость её характера. Противоположностью маскулинности является женственность, которая характеризуется такими качествами, как чувствительность, нежность, сострадательность, заботливость [64, с. 16–17].

В связи с патриархальным распределением собственности от женщин к мужчинам, во время войны женщины становятся символом «чистоты» (этнической) общности и, таким образом, оберегаемым достоянием для всех мужчин, а мужчины стано-

вятся защитниками этой самой общности и ее владения [37]. В обращении к этой мужественности воина изнасилование женщин является, таким образом, «общением между мужчинами» [38], в котором побежденные мужчины символически кастрируются. Однако опасный потенциал мужественности воина, который может быть мобилизован в любой момент, подвергает смертельной опасности и самих мужчин. Таким образом, не только изнасилование женщин, но и убийство мужчин является гендерно обусловленным насилием.

Гегемонистская, агрессивная мужественность [39] не только конституируется бинарным образом по отношению к женственности, но и отличается от маргинальных форм маскулинности, которые, в свою очередь, феминизированы и гомосексуализированы. Это особенно очевидно в случае с Тадичем [40].

Дисбаланс власти между преступниками и жертвами делает нападения гомосексуальными для жертв, их феминизация усиливает гегемонистскую маскулинность преступников как гетеросексуалов [41]. Это показывает, насколько гетеронормативность вписана в бинарные гендерные концепции. Акт кастрации, который является не только символическим, но и фактическим, прямо указывает на различие между двумя полами, которые также очень различны физически.

Мужественность и женственность конституируются взаимозависимо с такими категориями, как религия, возраст или «этническая принадлежность». Центральной отправной точкой «этнической чистки» посредством изнасилования боснийских женщин-мусульманок была религиозно сформированная «чистая» женственность. В Сьерра-Леоне особым нарушением табу считалось изнасилование пожилых женщин или маленьких девочек, которые уже были или еще не были сексуализированы [42]. В этнизированных конфликтах мужчины рассматриваются не только как защитники общества, но и как биологические носители этничности, тогда как этничность женщин может быть поглощена другим мужчиной. Достаточно насильственного захвата женщин, а мужчин необходимо убивать, чтобы этническая группа не продолжала существовать [43]. Не только изнасилование и кастрация, но и «банальное» убийство без прикосновения к телу/половым органам может быть сексуализировано, поскольку оно отсылает к специфической мужской функции в репродукции. Не только женщинам, но и мужчинам угрожает насилие во время войны из-за их специфических гендерных предубеждений.

Таким образом, общественное понимание мужественности и женственности является основой сексуализированного насилия во время войны. Они основаны на бинарных и гетеронормативных гендерных концепциях, которые формируются взаимозависимо с другими категориями.

Парадоксы политики прав: право и установление категорий. Однако право на защиту от такого насилия активизирует гендерную категорию. Закон о борьбе с дискриминацией [44] также традиционно связывается с признаками дискриминации и тем самым символически подтверждает существование тех самых категорий, с которыми связана дискриминация. Настаивание на равенстве двух категорий дополнительно устанавливает различие посредством категоризации. Этот обоюдоострый меч уже упоминается в классической феминистской дилемме [45] и относится не только к «полу», но и к «сексуальности» [46]. Борьба за права создает категорию идентичности, которая, в свою очередь, может иметь ограничительный эффект благодаря способности различать. Аппиа называет фиксацию идентичности посредством внешнего узнавания «феноменом Медузы» [47]. С одной стороны, закон созда-

ет свободы, а с другой стороны, как механизм нормализации, он также оказывает дисциплинирующее воздействие [48].

Право, утвердительно относящееся к «женщинам» и «мужчинам», тем самым способствует продолжению и кодификации бинарных и гетеронормативных конструкций гендера как социального способа мышления, что, в свою очередь, является питательной средой для сексуализированного насилия – парадокса политики человека, как сформулировал Харк [49]. Право, которое не хочет участвовать в сексуализированном насилии в отношении женщин и мужчин во время войны, например, должно отказаться от бинарной, гетеронормативной категории «гендер».

Стратегический эссенциализм [67]. Но можно ли действительно (уже) отказаться от политико-правового субъекта «женщина»? Прогресс, который уже был достигнут в области защиты женщин в области международного права, ненадежен и ограничен. Таким образом, прекращение разговоров о «женщинах» и их «конкретной озабоченности» может привести не к ожидаемой дифференциации, а к новой дегенерации гендерного угнетения и насилия. Кроме того, не только гегемонистские социальные формы мышления, но и материальная функциональность специфически гендерной социальности в контексте капиталистического производства, основанного на разделении труда, поддерживают жизнь репрессивных структур гетеронормативности, двойного пола и патриархата. Образцы общественного мышления не только стабилизируются тем, что представлены в законе, но и опираются на материальные структуры, которые не исчезают ни при создании прав, ни при упразднении категорий [50]. Таким образом, де-биологизация правовой категории расы не кладет конец расизму [51].

Деконструкция субъекта «женщина» также отвергается интерсекционально дифференцированными феминистками, такими как Мак-Киннон [52] или Чарльзворт [53]. Африканские феминистки, такие как Тамале и Олока-Оянго, которые также рассуждают о двуличии закона на фоне колониальной истории, выступают против «полностью деконструированной и полностью отчужденной нереальности поствсегообщего, в которой в настоящее время погрязло западное общество» [54] и утверждают, «единый фронт необходим для любого общественного движения» [55]. С этой точки зрения, «пораженчество в области прав человека» – это роскошь, которую могут себе позволить те, кто уже обладает властью.

В качестве выхода Спивак, например, предлагает «стратегический эссенциализм» [56], работающий без определяемой категории «гендер» в анализе, но в правовой политике со стратегической отсылкой к субъекту права «женщина». Батлер, который помог спровоцировать всю гендерную проблему, занимает здесь расслабленную, прагматичную позицию: «Феминизму нужны «женщины», но ему не нужно знать, «кто они» [57].

Эта стратегическая позиция также открывает возможность союза между феминизмами разных "поколений", одновременности несвоевременного. В то время как генеалогические описания развития феминистских теорий часто представляют собой последовательность от либерального феминизма к деконструктивистскому феминизму как хронологическое и телеологическое развитие, Кнапп считает, что эти „поколения“ следует понимать скорее, как различные „пространства феминизма“, между которыми двери должны оставаться открытыми [58].

Выберите свои проблемы. Для современной феминистской политики в области прав человека это означает учитывать структурные отношения доминирования

[59] в их сложности и с их материальными основаниями при анализе и политике против нарушений прав человека, но не отказываться легкомысленно от прогресса, достигнутого на одном из этих фронтов. а правовые инструменты отбрасывают тех, кто основан на категории «гендер». Вместо этого необходимо обсудить это и решить, как следует понимать ссылку на гендер в отношении соответствующей ситуации.

Гендерные нарушения прав человека, например, проявляются, когда гендер принимается во внимание при анализе фактов, часто в более общем контексте, который формируется только гендерно-специфическим образом. В то время как изнасилование женщин во время этнических войн является аналогом убийства мужчин по гендерному признаку, например, при анализе законодательства о беженцах гендер как «частное» может снова отойти на второй план по сравнению с преследованием женщин и мужчин по этническому признаку. мужчины [60]. Ссылка на пол облегчает анализ, но в конечном итоге больше не требуется для правовой классификации; кажущееся частным становится всеобщим.

Однако опыт также показывает, что те, кто подвергается маргинализации, быстро «исчезают» в универсальных инструментах. Поэтому в отдельных случаях может быть стратегически важным противодействовать этому упущению с помощью соответствующих поясняющих дополнений или собственных инструментов. Если «гендер» продолжает упоминаться по этой веской причине, включение гендерной идентичности и сексуальной ориентации, а также взаимозависимого понимания гендера может противодействовать консолидации репрессивных эссенциалистских гендерных отношений [61].

Подход, который мыслит гендер не как категорию идентичности, а как социальные отношения доминирования и всегда как взаимозависимые, т.е. как не только «перекрывающиеся», но интегрально связанные социальные отношения разнообразная и многоголосая (против), говорящая и формулирующая разные интересы с разных позиций власти, имеет под рукой инструменты для заключения объективных союзов, в которых разные интересы могут привести к общим требованиям, которые могут составить конкретный субъект права «женщина» для конкретного момента – «мосты между женщинами строятся, а не наводятся» [62]. Это предполагает отражение различных властных позиций вовлеченных групп и отдельных лиц и равноправный переговорный процесс различных интересов, в котором не заглушаются отдельные голоса [63]. Следовательно, различные феминизмы должны держать открытыми не только свои двери, но и свои уши.

Библиографический список

1. Посвящается профессору, доктору наук Сюзанне Баер, которая нас вдохновила и поддержала наш мыслительный процесс.
2. *Хилари Чарльзворт / Кристин Чинкин*. Границы международного права: феминистский анализ. – Манчестер, 2000; доп.: *Дорис Басс / Амбрина Манджи* (ред.), *Международное право: современные феминистские перспективы*. – Оксфорд / Портленд, Орегон, 2005; *Беате Рудольф* (ред.), *Женщины и международное право: о влиянии прав и интересов женщин на международное право*. – Баден-Баден, 2006; *Андреас Циммерманн / Томас Гигерих* (ред.), *Гендер и международное право*. – Берлин, 2007.
3. Заявление Специального докладчика Совета ООН по правам человека по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и следствиях Я. Эртюрка от 17.07.2007 г., опубликованное в заявлении для прессы ООН от 30.07.2007 г. (www.onug.ch).

4. Хилари Чарльзворт, Кристин Чинкин, Шелли Райт. "Феминистские подходы к международному праву", *AJIL* 85 (1991). – С. 613–645. Хотя это правда, что феминистские инициативы в области международного права уходят корнями гораздо дальше, когда всесторонний теоретический анализ отсутствовал.

5. *Анн Петерс*. Международное право в гендерном аспекте, в: *Циммерманн / Гигерих* (Фн. 1), 199–299. Подробная информация. Чарльзворт/Чинкин (Кн. 2).

6. Для сравнения: *Хилари Чарльзворт*, Права человека как права мужчин, в: *Джули Питерс / Андреа Вольпер* (ред.), Права женщин, Права человека: международные феминистские перспективы. – Нью-Йорк-Лондон, 1995. – С. 103–113; *Донна Салливан*, Различие между государственным и частным в международном праве прав человека, 126–134.

7. То, что это убежище было предназначено только для некоторых, очевидно, например, в репрессиях против однополых сексуальности даже в уединении собственной спальни; *Венди Браун*, Страдающая от парадоксов прав, в: *Джанет Галлей* (ред.), Левый легализм/Левая критика, Дарем. – Лондон, 2002. – С. 420–434, 428.

8. Тереза Мерфи, Феминизм здесь и там: закон, теория и выбор, в: *Бусс / Манджи* (Кн. 1), 67–86, 71.

9. Первоначально это было требование латиноамериканских феминисток, ср.: *Элизабет Фридман*. Защитница прав человека женщин: Возникновение движения, в: *Петерс / Вольпер* (Кн. 6), 18–35, 22; основное – Шарлотта Банч, Права женщин как права человека: к переосмыслению прав человека, Ежеквартальный отчет по правам человека, 12 (1990), 486–498.

10. Ср. массовая петиция 1991 года о том, что Всемирная конференция по правам человека в Вене в 1993 году должна всесторонне рассмотреть права женщин на всех уровнях ее работы; *Фридман* (Кн. 9), 27 ф.

11. Учет гендерной проблематики является началом 1997 года в должности помощника Генерального секретаря и специального советника Генерального секретаря по гендерным вопросам и улучшению положения женщин, ср. <http://www.un.org/womenwatch/osagi/gendermainstreaming.htm>; *Хилари Чарльзворт*, "Не машет, а тонет: учет гендерной проблематики и прав человека в Организации Объединенных Наций" // *Гарвардский журнал по правам человека*, 18 (2005), 1–18; *Сари Коуво*. Организация Объединенных Наций и учет гендерной проблематики: пределы и возможности, в: *Бусс / Манджи* (Кн. 2). – С. 237–252.

12. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW), BGBl. 1985 II, 648.

13. Арест Жан-Пьера Бембы – массовые сексуальные преступления в Центрально-африканской Республике не останутся безнаказанными, Заявление для печати от 24.8.2008, <http://www.icc-cpi.int/press/pressreleases/371.html> (3.6.2008); Дело № ICC-01/05-01/08-1.

14. *София Горбун*. Феминистские достижения в транснациональном праве: юридическая переработка японской системы сексуального рабства, *Левиафан* 36 (2008). С. 54–75.

15. Ханна Беат Шепп-Шиллинг, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ) и ее договорный комитет через 20 лет – итоги и перспективы, в: *Зим-мерманн / Гигерих* (Кн. 1), 137–169.

16. Однако с начала 2008 года он был связан не с Департаментом по улучшению положения женщин, а с Верховным комиссаром ООН по правам человека.

17. Критически с постколониальной точки зрения: *Сунера Тобани*. Белые войны: западный феминизм и война с террором, *Феминистская теория* 8 (2007). – С. 169–185.

18. *Барри Бьюзен*. "Люди, государства и страх", Боулдер, Колорадо, 1991; к феминистским переформулировкам безопасности: *Дж. Энн Тикнер*, Гендерная мировая политика: проблемы и подходы в эпоху после холодной войны. – Нью-Йорк 2001. – С. 61–64.

19. Организация Объединенных Наций, более безопасный мир: наша общая ответственность. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, Нью-Йорк, 2004, 67, 106, <http://www.un.org/secureworld/report.pdf>, к феминистской критике концепций ООН, ср., *Шарлотта Банч*, Феминистский правозащитный взгляд на безопасность человека, 2004, <http://www.cwgl.rutgers.edu/globalcenter/charlotte/humansecurity.pdf> (5.6.2008).

20. См.: Отчет Стивена Льюиса. Специальный посланник ООН по СПИДу в Африке, 13.9.2007, http://www.stephenlewisfoundation.org/news_speech_item.cfm?news=1990 (20.1.2008).
21. *Марк Лейси*. "В войне в Конго даже миротворцы нагоняют ужас". Нью-Йорк Таймс, 18.12.2004 // www.nytimes.com/2004/12/18/international/africa/18congo.html (3.6.2008).
22. О борьбе за интерпретационную гегемонию Горбуна (Кн. 14), 59, 60–61.
23. *Карен Кноп*. Введение; (ред.), Гендер и права человека. – Оксфорд, 2004, 1–12, 1 ф.
24. Обзор обработки теории права у Сары Эльсуни, Феминистская теория права, в: Соня Бакель / Ральф Кристенсен / Андреас Фишер-Лескано (ред.), Новые теории права. – Штутгарт, 2006. – С. 163–185.
25. К проблематике заимствования феминистской теории из национальных контекстов для уровня международного права Мерфи (Кн. 8), 77–82.
26. *Кимберли Креншоу*. Демарширующее пересечение расы и пола. Черная феминистская критика антидискриминационной доктрины, феминистской теории и антирасистской политики, в: *Кэтрин Т. Бартлетт / Розанна Кеннеди* (ред.). Феминистская юридическая теория: юридические и гендерные чтения. Боулдер / Сан-Франциско / Оксфорд, 1991. – С. 57–80 (переиздание 1989 г.) выступает за понятие интерсекциональности, в то время как, Корнелия Кеннеди (ред.) выступает за концепцию интерсекциональности (*Клинджер Гудрун-Аксели Кнапп*. Оси неравенства – Оси различий: определение соотношения класса, пола, расы / этнической принадлежности, в: *Биргит Зауэр* (ред.), Оси неравенства: к соотношению класса, пола и этнической принадлежности. – Франкфурт-на-Майне, 2007. – С. 19–41; сами пересекающиеся оси неравенства, Катарина Вальгенбах, Гендер как взаимозависимая категория, в: (ред.), Гендер как взаимозависимая категория: новые взгляды на пересечение, разнообразие и неоднородность, Опладен / Фармингтон-Хиллз 2007, 23–64, 56, напротив, говорит о гендере как о взаимозависимой категории в сложных структурных отношениях доминирования).
27. О немецких генеалогиях Вальгенбаха (Кн. 26), 25–38.
28. В доп.: *Дж. Олока-Оньяngo / Сильвия Тамале*. Личное – политическое, или, почему права женщин на самом деле являются правами человека: африканский взгляд на международный феминизм // Ежеквартальный отчет по правам человека 17 (1995). – С. 691–731, 701–705 и далее.
29. *Чандра Талпаде Моханти*. Глазами Запада: феминистская наука и колониальные дискурсы, Феминистское обозрение 30 (1988). – С. 61–88.
30. О попытке нормирующего включения этих явлений в двуполую систему см.: *Адриан де Сильва* (в этом издании). Подробно о противоречиях в прецедентном праве – Лаура Адамиц, Парадные двери для трансгендера? Примечания к пятому решению Федерального конституционного суда о трансгендерности (BVerfG, постановление от 06.12.2005-1 BvL 3/03), Критическое правосудие, 2006. – С. 368–380.
31. *Джудит Батлер*. Гендерный дискомфорт. – Франкфурт-на-Майне, 1991. – С. 15–22 и далее.
32. Батлер (Кн. 31), 37–49; *Эдриен Рич*. Принудительная гетеросексуальность и лесбийское существование, в: *Элизабет Лист / Херлинде Студер* (ред.). Отношения мышления: феминизм и критика. – Франкфурт-на-Майне, 1989. – С. 244–280, см. Джулия Кениг (в этом издании).
33. Подроб.: *Ютта Хартманн / Кристиан Клессе / Питер Вагенкнехт / Беттина Фриче / Кристина Хакманн* (ред.), Гетеронормативность: эмпирические исследования пола, сексуальности и власти. – Висбаден, 2007. О немецкой привилегии брака: Лаура Адамиц, дискриминация гражданского партнерства – дело еще не закончено. Примечание к решению палаты от 20.09.2007 – 2 BvR 855/06, СПОР 2008, например, О гетеронормативности и двуполости в законе Адриана де Сильвы (в этом издании).
34. Устанавливающий равенство Адамиц (Кн. 30). 379 ф. и, возможно, *Энн Кох-Рейн*. Гендер как право, гендер как широко проблематичная норма, СПОР 2006. С. 9–16; Свобода права Андреа Бюхлер / Мишель Коттье, Интерсекс, транссексуализм и право. Гендерная свобода

и физическая неприкосновенность как краеугольные камни новой концепции, Фрайбургские женские исследования 17 (2005). – С. 115–140; *Сюзанна Баер*. Сексуальное самоопределение? Сравнительные правовые взгляды на защиту от дискриминации, в: Немецкий институт прав человека (ред.), Сексуальное самоопределение [рабочее название], Берлин, 2008, например, напротив, подчеркивает взаимосвязь свободы, равенства и человеческого достоинства (кроме этого изд., Достоинство – свобода – равенство. Аспекты европейского конституционного треугольника // Юридический журнал Торонто (2008).

35. То же самое и *Сара Эльсуни*. О воспроизведении властных отношений с помощью юридических категоризаций на примере пола, в: *Лена Бембург и др.* (ред.), Наука и Гендер: властные отношения и производство феминистских знаний. – Франкфурт-на-Майне, 2007. – С. 133–147, 143.

36. *Синтия Кокберн*. Континуум насилия: гендерный взгляд на войну и мир, в: *Венона Мэри Джэйлс / Женнифер Хайндман* (ред.), Места насилия: гендерные аспекты и зоны конфликтов. – Беркли, 2004. – С. 24–44; *Сюзанна Цвингель*. Что отделяет войну от мира? Насилие в отношении женщин с точки зрения феминизма и международного права, в: *Силия Хардерс / Беттина Росс* (ред.). Гендерные отношения в войне и мире: перспективы феминистского анализа международных отношений. – Опладен, 2002. – С. 175–188, 178 ф; *Ану Пиллэй*. Насилие в отношении женщин, в: *Шейла Майнтджес и др.* (ред.), Последствия: женщины в постконфликтных преобразованиях. – Лондон-Нью-Йорк, 2001. – С. 35–45.

37. Чарльзуорт/Чинкин (Кн. 2), 250–255.

38. *Рут Зайферт*. Война и изнасилование: подходы к анализу, в: Александра Стигльмайер (ред.), Массовое изнасилование: война против женщин. – Франкфурт-на-Майне, 1993–94.

39. *Синтия Кокберн*. Гендерная динамика вооруженных конфликтов и политического насилия, в: *Кэролайн О.М., Мозер / Фиона К. Кларк* (ред.), Жертвы, исполнители или действующие лица: гендер, вооруженные конфликты и политическое насилие. – Лондон-Нью-Йорк, 2001. – С. 13–29, 16, 26; *Синтия Х. Энло*. Маневры: Международная политика милитаризации жизни женщин. – Беркли, 2000. – 151 с.

40. Судебная камера II МТБЮ, Обвинитель против Душана Тадича, он же Дюле, Дело №. IT-94-1, Решение суда от 07.05.1997, номер 206, <http://www.un.org/icty/tadic/trialc2/judgement/index.htm> (18.5.2008).

41. *Джошуа С. Гольдштейн*. Война и гендер: как гендер формирует военную систему и наоборот, Cambridge 2001, 359; *Дубравка Зарков*. Тело другого мужчины: сексуальное насилие и формирование маскулинности, сексуальности и этнической принадлежности в хорватских СМИ, в: Мозер / Кларк (Кн. 39), 69–82; *Сандеш Сивакумаран*. Сексуальное насилие в отношении мужчин в вооруженных конфликтах, EJIL 18 (2007), 253–276, 270–175; *Р. Чарли Карпенгер*. Признание гендерного насилия. Против гражданских мужчин и мальчиков в конфликтных ситуациях, Диалог по безопасности 37 (2006), 83–103, 94–96; *Майкл Мейзер*. "Делая мужественным" – О гендерной логике насильственных действий со стороны мужчин, в: *Регина-Мария Даквейлер / Рейнхильд Шефер* (ред.), Отношения с насилием: феминистские взгляды на пол и насилие. – Нью-Йорк- Франкфурт-на-Майне, 2002. – С. 53–78.

42. Взгляд на права человека, Мы убьем тебя, если ты заплачешь: Сексуальное насилие в конфликте в Сьерра-Леоне, 15 (2003), 35 ф.

43. Зарков (Кн. 41), 78; Сивакумаран (Кн. 41), 274 ф.

44. О защите от дискриминации как защите от иерархизирующего сексуального насилия: *Сюзанна Бэр*, Достоинство или равенство? Об адекватной концепции закона о борьбе с дискриминацией в соответствии с основными законами на примере сексуальных домогательств на рабочем месте в Федеративной Республике Германия и США, Баден-Баден, 1995, 190–244.

45. *Марта Миноу*. Создавая все различия: включение, исключение и американское право. – Итака, Нью-Йорк, 1990, 20 (дилемма различий); более подроб.: *Гудрун-Аксели Кнапп*. Децентрализованная и рискованная: примечания к тезису о потере значимости гендерной

Теория государства и права

категории, в: *Анжелика Веттерер* (ред.), Социальное расположение полов: социальная теория и феминистская критика. – Мюнстер, 2002. – С. 15–62, 43.

46. *Сабина Харк*. Переходя направо. Парадоксы политики прав, в: (ред.). Квир-демократия. Сексуальная политика. – Берлин, 2000. – С. 28–44; Препринт как действие без границ: парадоксы политики прав. – М.: СПОР, 1999. – 19–68.

47. *Кваме Энтони Аппиа*. "Этика идентичности". – Принстон, 2005. – С. 105–110.

48. Ср.: *Элизабет Хольцлейтнер* (в этом издании). Ср. Эльсуни (т. 35). – С. 135–140.

49. Харк (Кн. 46).

50. *Кэрол Смарт*. "Феминизм и сила закона". – Лондон-Нью-Йорк, 1989. – 144 р. Толчок к критике прав в критических юридических исследованиях в книге Марка Тушнета, Эссе о правах, *Техасский юридический обзор* 62 (1984), 1363–1403; Критический обзор в книге Дэвида Кеннеди "Критика прав в критических юридических исследованиях", в: Браун / Галлей (Кн. 7), 178–228.

51. Напротив, табу, окружающее понятие расы в Германии по уважительным причинам, возможно, способствовало юридическому недопущению проявления расизма. Ср. Расизм в Германии. Барсканмаз (в этом издании).

52. *Кэтрин А. Маккиннон*. "Аргументы против постмодернизма", *Юридический обзор Чикаго-Кента* 75 (2000), 687–711.

53. *Хилари Чарльзворт*. Феминистские методы в международном праве, *AJIL* 93 (1999), 379–394, 383–385.

54. Олока-Оньянго / Тамале (Кн. 28), 723.

55. Там же, 697.

56. Ср. *Гаятри Чакраворти Сливак*. "В других мирах: Очерки культурной политики". – Нью-Йорк-Лондон, 1988. – С. 205; ср. *Изабель Лори*, Реконструированная политика идентичности. О взаимосвязи теории, практики и политики, в: Антье Хорншайдт и др. (ред.), Критические разногласия – разделенные точки зрения. Например, О феминизме и постмодернизме. – Опладед, 1998. – С. 93–114, 108.

57. Интервью с Джудит Батлер, место проведения политических переговоров. Феминизму нужны женщины, но ему не обязательно знать, кто они // Франкфуртский обозреватель, 28.3.2002.

58. *Гудрун-Аксели Кнапп*. Власть и пол, в: Анжелика Веттерер (ред.), Разрывы традиций. Развитие феминистской теории. – Фрибург, 1992. – С. 287–331; *Йоханнес Динглер, Регина Фрей, Уте Фрич, Ингрид Юнгвирт, Ина Кернер, Фрауке Споттка*. Измерения постмодернистского феминизма. Призыв к многоголосию в каноне феминистских теорий, *Феминистские исследования* (2000), 129–144. Мы благодарим Алин Олофф за это замечание и за многие другие предложения.

59. О немецких генеалогиях Вальгенбаха (Кн. 26), 56.

60. *Нора Маркард*. Прогресс в области законодательства о беженцах? Гендерное руководство и преследование по признаку пола // Критическое правосудие, 2007, 373–390, 383–386.

61. Ср. Баер (Кн. 34), Основные положения: Джеймс Д. Вилец, Концептуализация частного насилия в отношении сексуальных меньшинств как гендерного насилия: международный взгляд и сравнительное правоведение // *Албанский правовой обозреватель*, 60 (1997), 989–1050; за право беженцев – Николь Лавиолетт, Заявления беженцев, связанные с полом: расширение сферы применения канадских руководящих принципов, *IJRL* 19 (2007), 169–114 и Маркард (Кн. 60), 390.

62. *Анджела П. Харрис*. Раса и эссенциализм в феминистской теории права, *Правовой обозреватель Стенфорда* 42 (1990), 581–616, 615; ср. Эльсуни (Кн. 24), 183.

63. Что касается процесса обсуждения культурных практик в универсалистском дискурсе по правам человека, см.: Салли Энгл Мерри, Права человека и гендерное насилие: преобразование международного права в местное правосудие. – Чикаго, 2006.

64. Кости́кова И. В. и др. Введение в гендерные исследования. – 2-е изд. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 255 с.

65. Райкрофт Ч. [www.psychol-ok.ru/dictionary/masculine_masculinity.html Маскулинный, маскулинность] // «Критический словарь психоанализа» Пер. с англ. Л. В. Топоровой, С. В. Ворони́на и И. Н. Гвоздева / под редакцией канд. философ. наук С. М. Черкасова. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 1995.

66. Свенцицкий А.Л. Маскулинность и феминность // Краткий психологический словарь. – М.: Проспект, 2014. – С. 264–265.

67. Эссенциализм (от лат. *essentia* «сущность», «бытие») – теоретическая и философская установка, характеризующаяся приписыванием некоторой сущности неизменного набора качеств и свойств, «концепция, предполагающая, что у вещей есть некая глубинная реальность, истинная природа, которую нельзя узреть напрямую, и что для нас важна именно эта скрытая сущность».

Для цитирования: *Игнатьева С.В., Старовойтова О.Э. Крижановская Г.Н.* Вызовы современной феминистской политике в области прав человека на примере сексуализированного насилия военного времени: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 2 (36). – С. 78–89.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_78

CHALLENGES TO MODERN FEMINIST POLICY IN THE FIELD OF HUMAN RIGHTS OF THE EXAMPLE OF SEXUALIZED WARTIME VIOLENCE

Svetlana V. Ignatieva*

Olga Ed. Starovoitova**

Galina N. Krizhanovskaya***

Annotation. *The article analyzes the main trends in changes in feminist politics in a number of countries using the example of sexualized wartime violence. The authors pay particular attention to theoretical developments in the field of gender studies, new current topics that challenge the political starting point of the concept of “women's human rights”.*

Key words: *feminism, sexual violence, gender, gender politics, women's rights, violation of human rights.*

The term “feminism”, like the phenomenon itself, has a fairly long history. In Russia it arose back in the 19th century. The idea of feminism was the struggle of women for better living conditions, everyday life, and work. This was reflected in various social revolutions, as a result of which this goal was achieved in many countries. In our country, after

* **Ignatieva Svetlana Viktorovna**, professor of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops of the Russian Federation; Professor of the Department of Public Law of the Institute of Entrepreneurship Technologies and Law of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation", Doctor of Law, Professor. E-mail: matgip2017@yandex.ru

** **Starovoitova Olga Eduardovna**, professor of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences. E-mail: olgst4r@yandex.ru

*** **Krizhanovskaya Galina Nikolaevna**, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops of the Russian Federation, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. E-mail: imyarec@list.ru

the October Revolution, feminist politics went even further. First, in the historical development of Russia, a state policy was formed in favor of protecting motherhood, women began to receive additional financial preferences, social benefits, etc.

This policy has taken hold in many states. But the question naturally arises, if the state supports women in their rights, then why do various feminist actions, protests, and movements arise every now and then? This article examines feminist politics in various states.

Feminist scholars [1] have long criticized gender bias in international law in all its areas [2]. In the field of human rights and international criminal law, a central theme of this criticism is the lack of inclusion of sexual violence against women. The “Women's Rights are Human Rights” mobilization and, equally important, intense media reporting of systematic sexual violence against Muslim women in Bosnia and subsequent charges at the Yugoslavia Tribunal (ICTY) have raised the issue of rape as a means of war, which determines the agenda at the international level. However, the topic of sexualized wartime violence has not lost its relevance, as can be seen in the example of the Congo and several other countries. [3]. Currently, theoretical developments in the field of gender studies have posed new questions that challenge the political starting point of the concept of “women's human rights”.

Feminist achievements: recognition of gender-based human rights violations at the international level. With their 1991 essay, Charlesworth, Chinkin and Wright are considered the founders of feminist criticism of international law [4]. At the center of this criticism is the dichotomous structure of international law, in particular the public/private divide, which permeates all areas of law [5] and has led to insufficient coverage of gender-specific rights violations, especially in the legal field. Human rights were limited to the “public” sphere, while the “private” sphere—physical and sexual reproduction—was largely removed from state responsibility [6].

The private kingdom meant for men a protected refuge that guaranteed freedom from government control, but at the same time allowed them to violently and impunity restrict the freedom of others [7]. The private side of sexuality extended even to the actions of officials or soldiers, whose attacks were considered simply as individual instinctive crimes.

Much has happened in the field of human rights since 1991: “feminism has begun to have a ‘seat at the table’” [8]. A significant contribution to this was made by the international women's movement, mobilized under the slogan “Women's rights are human rights” [9]. On the one hand, she called for the recognition of violations of women's rights, especially violence, as violations of human rights, and on the other hand, the inclusion of women's rights in the existing sphere of human rights at all institutional levels of activity [10].

While mainstreaming has been slow [11], the issue of violence against women has not been adequately addressed by the equality-oriented UN Convention on the Rights of Women (Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women) [12] in 1979, was successfully placed on the international agenda. On the one hand, domestic violence in any state is increasingly recognized as a violation of human rights, for which the state that tolerates these abuses through its inaction bears responsibility. On the other hand, the recognition of sexualized violence as a human rights violation represents a milestone because it clearly transcends the distinction between private and public.

Rape is not “private” just because it is sexualized, it is systematically used for torture and as a weapon of war: “To seize women is to seize land.” This is consistent with the clas-

sification of sexual violence as a war crime, as torture and as a crime of persecution in refugee law. In May 2008, Jean-Pierre Bemba, chairman of the Movement for the Liberation of Congo (MLC), was arrested for terrorist campaigns against civilians in the Central African Republic. The Chief Prosecutor of the International Criminal Court commented: "Mr. Bemba's arrest is a warning to all those who commit, encourage or tolerate sexual crimes. The new law is called the Rome Statute. Under this new law, they will be held accountable" [13].

In this regard, feminist human rights policy has made significant progress [14]. However, these successes are unreliable and limited. There is still a parallel special regime for women's rights, which was set out in the CEDAW monitoring system [15] in 1982 and differentiated, for example, by the Special Rapporteur on violence against women. Due to the institutional autonomy of the CEDAW Commission, reporting on women's rights violations is largely isolated from "regular" (universal) human rights bodies [16] and has weaker resources.

Moreover, the "women's issue" has so far been able to make itself known only in the so-called "soft" areas of international law; the field of international security has so far remained largely unaffected by these developments. In the field of security law, reference to women's rights is rhetorical at best [17], and in the discussion of "human security" [18] it is interventionist [19]. Despite the arrests, sexual violence against women in the Democratic Republic of the Congo and elsewhere continues to occur in full view of UN peacekeepers, whose protective mandate appears to remain largely unused in this regard [20], which they sometimes even commit themselves [21]. In this regard, successes, no matter how significant, are often superficial, rhetorical and limited in nature and must be constantly defended [22].

Current theoretical challenges to feminist human rights politics. The political consolidation of "women's human rights" was accompanied by the growing separation of feminist international legal studies into a separate field [23]. This concerned the revelation of the "male paradigm" in international law and the underrepresentation of women and their interests. In the meantime, however, approaches that question the categories of "man" and "woman" have become effective within gender studies. Instead of understanding gender as a natural category of identity, gender is viewed as an interdependent, binary and heteronormative social structure [24]. A concept of gender that no longer defines the definable subject of human rights poses a challenge to international relations scholars who consider themselves committed to feminist human rights politics [25].

Interdependencies concern the differentiation of the category "woman" in relation to other ascribed characteristics. This means that rather than seeing women as a single group, their different life situations arise from the interaction of gender with other categories of identity or discrimination, such as "race" or social class [26]. Criticism of the white middle class' claims to sole representation came from marginalized individuals. [27]. In human rights discourse, the hierarchical relationship between "first world and third world feminists" is problematic [28]. This is partly based on the dichotomous (self) construction of the emancipated white woman and the victimized "Third World woman" as a colonial legacy of feminist discourse [29].

But the gender binary itself, that is, the strict and permanent distinction between man and woman, has also become questionable. It is increasingly recognized that social gender in the sense of role behavior and gender identity (gender) is independent of biological sex (sex). However, thinking in definable bodies always offers starting points for dividing masculinity and femininity. However, the phenomena of intersexuality and transsexual-

ity, caused primarily by the cultural system of dual sex [30], make it very clear that a well-defined biological dual sex is also a social construct. In the light of this knowledge, the political and, therefore, legal subject “woman” is no longer completely understandable [31].

In the heteronormative gender order, binary categories are also related to each other in certain ways. Constructed biological sex assigns each person not only a social gender, but also a standardized desire. A “real man” desires women, a “real woman” desires men (or better: just a man) [32]. This order is also written into law and supported by law, which also encourages heterosexual behavior [33].

If these challenges are taken seriously, the uniform legal subject of “woman” can no longer be considered. Rather, “gender” should be seen as a social construct that, based on binary and heteronormativity, places expectations on people that they cannot or will not meet because they do not want to clearly identify themselves in terms of their physicality or their physical form. behavior [34]. This understanding of gender converges with previously differentiated categories of gender discrimination in the sense of “sex,” gender identity, and sexual orientation [35].

Interdependence, binary and heteronormativity in the analysis of sexualized violence in war. Sexual violence during wars can also be analyzed in more differentiated ways. While the recognition of sexual violence against women as a war crime and cause of flight is a major achievement, it itself defines violence against women as gender-based. This ignores the fact that in war specific masculinities and specific femininities are constituted, which are associated with social forms of thought in peacetime. For sexualized violence during war is by no means a sudden onset, but part of a “continuum of violence” that begins before the outbreak of war and in no case ends with a peace treaty [36].

Let us note that masculinity (from the Latin *masculus*, male) is a set of bodily (secondary sexual characteristics), mental and behavioral characteristics considered as masculine (that is, externally distinguishing a man from a woman or a male from a female in animals) [65; 66, p. 264–265]. Masculinity in Russian is different from manliness. The phrase “courageous [maybe from the word “courage”?] woman,” for example, characterizes not a woman’s masculinity (masculinity), but the steadfastness of her character. The opposite of masculinity is femininity, which is characterized by such qualities as sensitivity, tenderness, compassion, and caring [64, p. 16–17].

Due to the patriarchal distribution of property from women to men, during war women become a symbol of the “purity” of the (ethnic) community and, thus, a protected asset for all men, and men become the defenders of this very community and its possession [37]. In appealing to this warrior masculinity, the rape of women is thus a “communion between men” [38] in which the defeated men are symbolically castrated. However, the dangerous potential of warrior masculinity, which can be mobilized at any moment, puts men themselves in mortal danger. Thus, not only the rape of women, but also the murder of men is gender-based violence.

Hegemonic, aggressive masculinity [39] is not only constituted in a binary way in relation to femininity, but also differs from marginal forms of masculinity, which, in turn, are feminized and homosexualized. This is especially evident in the case of Tadić [40].

The power imbalance between perpetrators and victims makes attacks homosexual for victims, their feminization reinforces the hegemonic masculinity of perpetrators as heterosexuals [41]. This shows how heteronormativity is written into binary gender concepts. The act of castration, which is not only symbolic but also factual, directly points to the difference between the two sexes, which are also very different physically.

Theory of State and Law

Masculinity and femininity are constituted interdependently with categories such as religion, age or “ethnicity.” The central starting point of “ethnic cleansing” through the rape of Bosnian Muslim women was religiously constructed “pure” femininity. In Sierra Leone, rape of older women or little girls who had or had not yet been sexualized was considered a particular taboo violation [42]. In ethnicized conflicts, men are seen not only as protectors of the community, but also as biological carriers of ethnicity, while women's ethnicity can be absorbed by another man. The forcible capture of women is sufficient, but the men must be killed so that the ethnic group does not continue to exist [43]. Not only rape and castration, but also “banal” murder without touching the body/genitals can be sexualized because it refers to a specific male function in reproduction. Not only women, but also men are at risk of violence during war due to their specific gender biases.

Thus, social understandings of masculinity and femininity are the basis of sexualized violence during war. They are based on binary and heteronormative concepts of gender that are formed interdependently with other categories.

Paradoxes of the politics of rights: law and the establishment of categories. However, the right to protection from such violence activates the gender category. Anti-discrimination law [44] is also traditionally associated with signs of discrimination and thereby symbolically confirms the existence of the very categories with which discrimination is associated. Insisting on the equality of the two categories further establishes difference through categorization. This double-edged sword is already mentioned in the classic feminist dilemma [45] and applies not only to “gender” but also to “sexuality” [46]. The struggle for rights creates an identity category, which in turn can have a restrictive effect through the ability to differentiate. Appiah calls the fixation of identity through external recognition the “Medusa phenomenon” [47]. On the one hand, the law creates freedom, and on the other hand, as a mechanism of normalization, it also has a disciplinary effect [48].

Law that affirmatively refers to “women” and “men” thereby contributes to the continuation and codification of binary and heteronormative constructions of gender as a social way of thinking, which in turn is the breeding ground for sexualized violence—the paradox of human politics, as Hark has formulated [49]. A right that does not want to participate in sexualized violence against women and men during war, for example, must reject the binary, heteronormative category of “gender.”

Strategic essentialism [67]. But is it really (already) possible to abandon the political-legal subject “woman”? The progress that has already been made on the protection of women in international law is precarious and limited. Thus, stopping conversations about “women” and their “specific concerns” may not lead to the expected differentiation, but to a new de-thematization of gender oppression and violence. Moreover, it is not only hegemonic social forms of thought, but also the material functionality of specifically gendered sociality in the context of capitalist production based on the division of labor that keeps alive the oppressive structures of heteronormativity, dual gender and patriarchy. Patterns of social thinking are not only stabilized by the fact that they are presented in the law, but also rely on material structures that do not disappear either when rights are created or when categories are abolished [50]. Thus, de-biologizing the legal category of race does not put an end to racism [51].

The deconstruction of the subject “woman” is also rejected by intersectional feminists such as MacKinnon [52] or Charlesworth [53]. African feminists such as Tamale and Oloka-Oyango, who also discuss the duplicity of the law against the backdrop of colonial history, argue against the “completely deconstructed and completely alienated unreality of

the post-universal in which Western society is currently mired" [54] and argue that "a single the front is necessary for any social movement" [55]. From this perspective, "human rights defeatism" is a luxury that those already in power can afford.

As a way out, Spivak, for example, proposes "strategic essentialism" [56], which works without a defined category of "gender" in analysis, but in legal policy with a strategic reference to the subject of law "woman". Butler, who helped instigate the whole gender problem, takes a relaxed, pragmatic position here: "Feminism needs 'women', but it doesn't need to know 'who they are' [57].

This strategic position also opens up the possibility of an alliance between feminisms of different "generations," an untimely simultaneity. While genealogical accounts of the development of feminist theories often present a progression from liberal feminism to deconstructionist feminism as a chronological and teleological development, Knapp believes that these "generations" should be understood rather as different "spaces of feminism" between which the doors must remain open [58].

Choose your problems. For contemporary feminist human rights politics, this means taking into account structural relations of domination [59] in their complexity and with their material foundations in analysis and policy against human rights violations, but not lightly abandoning progress made on one of these fronts. and legal instruments exclude those based on the category "gender." Instead, it is necessary to discuss it and decide how the reference to gender should be understood in relation to the relevant situation.

Gender-based human rights violations, for example, occur when gender is taken into account in the analysis of facts, often in a more general context that is shaped only in gender-specific ways. While the rape of women in ethnic wars is analogous to the murder of men on the basis of gender, for example, when analyzing refugee law, gender as a "private" may again take a back seat to the persecution of women and men along ethnic lines. men [60]. Reference to gender facilitates analysis but is ultimately no longer required for legal classification; the seemingly private becomes universal.

However, experience also shows that those who are marginalized quickly "disappear" into universal tools. Therefore, in some cases it may be strategically important to counteract this omission with appropriate explanatory additions or proprietary tools. If "gender" continues to be mentioned for this compelling reason, the inclusion of gender identity and sexual orientation, as well as interdependent understandings of gender, can counteract the consolidation of oppressive essentialist gender relations [61].

An approach that thinks of gender not as a category of identity, but as social relations of domination and always as interdependent, i.e. as not only "overlapping" but integrally related social relations, a diverse and multivocal (against), speaking and articulating different interests from different positions of power, has at hand the tools to forge objective alliances in which different interests can lead to common demands that can to create a specific subject of law "woman" for a specific moment - "bridges between women are built, not built" [62]. This involves reflecting the different power positions of the groups and individuals involved and an equal negotiation process between different interests in which individual voices are not silenced [63]. Therefore, the various feminisms must keep not only their doors open, but also their ears.

Bibliography

1. Für Prof. Dr. Susanne Baer, die unseren Denkprozess inspiriert und unterstützt hat.

2. Maßgeblich Hilary Charlesworth/Christine Chinkin, *The Boundaries of International Law: A Feminist Analysis*, Manchester 2000. Aktuell Doris Buss/Ambreena Manji (Hrsg.), *International Law: Modern Feminist Perspectives*, Oxford/Portland, Oregon 2005; Beate Rudolf (Hrsg.), *Frauen und Völkerrecht: Zur Einwirkung von Frauenrechten und Fraueninteressen auf das Völkerrecht*, Baden-Baden 2006; Andreas Zimmermann/Thomas Giegerich (Hrsg.), *Gender und Internationales Recht*, Berlin 2007.

3. Statement der Sonderberichterstatterin des UN-Menschenrechtsrats über Gewalt gegen Frauen, ihre Ursachen und Wirkungen, Y. Ertürk, vom 17.7.2007, abgedr. in Presseerklärung der UN vom 30.7.2007 (www.onug.ch).

4. Hilary Charlesworth/Christine Chinkin/Shelley Wright, *Feminist Approaches to International Law*, *AJIL* 85 (1991), 613–645. Zwar gehen feministische Initiativen im Bereich des internationalen Rechts viel weiter zurück, eine umfassende theoretische Analyse jedoch fehlte.

5. Überblick bei Anne Peters, *Völkerrecht im Gender-Fokus*, in: Zimmermann/Giegerich (Fn. 1), 199–299. Ausführl. Charlesworth/Chinkin (Fn. 2).

6. Vgl. Hilary Charlesworth, *Human Rights as Men's Rights*, in: Julie Peters/Andrea Wolper (Hrsg.), *Women's Rights, Human Rights: International Feminist Perspectives*, New York/London 1995, 103–113 Donna Sullivan, *The Public/Private Distinction in International Human Rights Law*, ebd., 126–134.

7. Dass dieser Schutzraum nur für einige galt, zeigt sich etwa im repressiven Vorgehen gegen gleichgeschlechtliche Sexualität sogar in der Privatheit des eigenen Schlafzimmers; Wendy Brown, *Suffering the Paradoxes of Rights*, in: dies./Janet Halley (Hrsg.), *Left Legalism/Left Critique*, Durham/London 2002, 420–434, 428.

8. Thérèse Murphy, *Feminism Here and There: Law, Theory and Choice*, in: Buss/Manji (Fn. 1), 67–86, 71.

9. Ursprünglich eine Forderung lateinamerikanischer Feministinnen, vgl. Elisabeth Friedman, *Women's Human Rights: The Emergence of a Movement*, in: Peters/Wolper (Fn. 6), 18–35, 22; maßgeblich dann Charlotte Bunch, *Women's Rights as Human Rights: Toward a Re-Vision of Human Rights*, *Human Rights Quarterly*, 12 (1990), 486–498.

10. Vgl. die Massenpetition von 1991, die Weltkonferenz Menschenrechte in Wien 1993 solle *comprehensively address women's human rights at every level of its proceedings*; Friedman (Fn. 9), 27 f.

11. Gender Mainstreaming ist seit 1997 Aufgabe des Assistant Secretary-General and Special Adviser to the Secretary-General on Gender Issues and the Advancement of Women, vgl. <http://www.un.org/womenwatch/osagi/gendermainstreaming.htm>; eingehend Hilary Charlesworth, *Not Waving but Drowning: Gender Mainstreaming and Human Rights in the United Nations*, *Harvard Human Rights Journal* 18 (2005), 1–18; Sari Kouvo, *The United Nations and Gender Mainstreaming: Limits and Possibilities*, in: Buss/Manji (Fn. 2), 237–252.

12. *Convention on the Elimination of all Forms of Discrimination Against Women (CEDAW)*, BGBl. 1985 II, 648.

13. ICC Arrest Jean-Pierre Bemba – massive sexual crimes in Central African Republic will not go unpunished, Presseerklärung v. 24.8.2008, <http://www.icc-cpi.int/press/pressreleases/371.html> (3.6.2008); Case No. ICC-01/05-01/08-1.

14. So auch Sonja Buckel, *Feministische Erfolge im transnationalen Recht: Die juristische Aufarbeitung des japanischen Systems sexueller Sklaverei*, *Leviathan* 36 (2008), 54–75.

15. Ausf. Hanna Beate Schöpp-Schilling, *Das Übereinkommen zur Beseitigung jeder Form von Diskriminierung der Frau (CEDAW) und sein Vertragsausschuss nach 20 Jahren – Bilanz und Ausblick*, in: Zimmermann/Giegerich (Fn. 1), 137–169.

16. Diese ist allerdings seit Anfang 2008 nicht mehr dem DAW (Department for the Advancement of Women), sondern dem UNHCHR (UN-Hochkommissar für Menschenrechte) angegliedert.

17. Kritisch aus postkolonialer Perspektive Sunera Thobani, *White Wars: Western feminisms and the War on Terrors*, *Feminist Theory* 8 (2007), 169–185.

18. Grundlegend Barry Buzan, *People, States and Fear*, Boulder, Colorado, 1991; zu feministischen Reformulierungen von Sicherheit J. Ann Tickner, *Gendering World Politics: Issues and Approaches in the Post-Cold War Era*, New York 2001, 61–64.

19. United Nations, *A More Secure World: Our Shared Responsibility*. Report of the High-level Panel on Threats, Challenges and Change, New York 2004, 67, 106, <http://www.un.org/secureworld/report.pdf>; zur feministischen Kritik an UNO-Konzepten vgl. etwa Charlotte Bunch, *A Feminist Human Rights Lens on Human Security*, 2004, <http://www.cwgl.rutgers.edu/globalcenter/charlotte/humansecurity.pdf> (5.6.2008).

20. Vgl. den Bericht von Stephen Lewis, ehem. UN-Sondergesandter für AIDS in Afrika, 13.9.2007, http://www.stephenlewisfoundation.org/news_speech_item.cfm?news=1990 (20.1.2008).

21. Mark Lacey, *In Congo War, Even Peacekeepers Add to Horror*, New York Times, 18.12.2004, www.nytimes.com/2004/12/18/international/africa/18congo.html.

22. Zum Kampf um Interpretationshegemonie Buckel (Fn. 14), 59, 60–61.

23. Karen Knop, Introduction, in: dies. (Hrsg.), *Gender and Human Rights*, Oxford 2004, 1–12, 1 f.

24. Überblick zu rechtstheoretischen Verarbeitungen bei Sarah Elsuni, *Feministische Rechtstheorie*, in: Sonja Buckel/Ralph Christensen/Andreas Fischer-Lescano (Hrsg.), *Neue Theorien des Rechts*, Stuttgart 2006, 163–185.

25. Zur Problematik des borrowing feministischer Theorie aus nationalen Kontexten für die Ebene des internationalen Rechts Murphy (Fn. 8), 77–82.

26. Kimberlé Crenshaw, *Demarginalizing the Intersection of Race and Sex. A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics*, in: Katharine T. Bartlett/Rosanne Kennedy (Hrsg.), *Feminist Legal Theory: Readings in Law and Gender*, Boulder/San Francisco/Oxford 1991, 57–80 (Nachdruck von 1989) steht für den Begriff der Intersektionalität, während Cornelia Klinger/Gudrun-Axeli Knapp, *Achsen der Ungleichheit – Achsen der Differenz: Verhältnisbestimmungen von Klasse, Geschlecht, Rasse/Ethnizität*, in: dies./Birgit Sauer (Hrsg.), *Achsen der Ungleichheit: Zum Verhältnis von Klasse, Geschlecht und Ethnizität*, Frankfurt am Main 2007, 19–41 von sich überschneidenden Achsen der Ungleichheit ausgehen, Katharina Walgenbach, *Gender als interdependente Kategorie*, in: dies. et al. (Hrsg.), *Gender als interdependente Kategorie: Neue Perspektiven auf Intersektionalität, Diversität und Heterogenität*, Opladen/Farmington Hills 2007, 23–64, 56 spricht demgegenüber von Gender als interdependenter Kategorie in komplexen strukturellen Dominanzverhältnissen.

27. Zu deutschen Genealogien Walgenbach (Fn. 26), 25–38.

28. Dazu J. Oloka-Onyango/Sylvia Tamale, *The Personal is Political, or Why Women's Rights are Indeed Human Rights: An African Perspective on International Feminism*, *Human Rights Quarterly* 17 (1995). 691–731, 701–705 und passim.

29. Chandra Talpade Mohanty, *Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses*, *Feminist Review* 30 (1988), 61–88.

30. Zum Versuch der normierenden Inkorporation dieser Phänomene ins zweigeschlechtliche System vgl. Adrian de Silva (in diesem Heft). Zu den Widersprüchen in der Rechtsprechung ausführlich Laura Adamietz, *Transgender ante portas? Anmerkungen zur fünften Entscheidung des Bundesverfassungsgerichts zur Transsexualität (BVerfG, Beschluss vom 6.12.2005-1 BvL 3/03)*, *Kritische Justiz* 2006, 368–380.

31. Judith Butler, *Das Unbehagen der Geschlechter*, Frankfurt am Main 1991, 15–22 und passim.

32. Butler (Fn. 31), 37–49; Adrienne Rich, *Zwangsheterosexualität und lesbische Existenz*, in: Elisabeth List/Herlinde Studer (Hrsg.), *Denkverhältnisse: Feminismus und Kritik*, Frankfurt am Main 1989, 244–280. Vgl. a. Julia König (in diesem Heft).

33. Eingehend Jutta Hartmann/Christian Klesse/Peter Wagenknecht/Bettina Fritzsche/Kristina Hackmann (Hrsg.), *Heteronormativität: Empirische Studien zu Geschlecht, Sexualität und Macht*, Wiesbaden 2007. Zur deutschen Privilegierung der Ehe Laura Adamietz, *Diskriminierung von Lebenspartnerschaften – causa non finita* Anmerkung zu BVerfG, Kammerbeschluss vom

20.09.2007 – 2 BvR 855/06, STREIT 2008, i.E. Zu Heteronormativität und Zweigeschlechtlichkeit im Recht Adrian de Silva (in diesem Heft).

34. Gleichheitsrechtlich ansetzend Adamietz (Fn. 30). 379 f. und wohl auch Anne Koch-Rein, Geschlecht als Recht, Geschlecht als umfassend problematische Norm, STREIT 2006, 9–16; freiheitsrechtlich Andrea Büchler/Michelle Cottier, Intersexualität, Transsexualität und das Recht. Geschlechtsfreiheit und körperliche Integrität als Eckpfeiler einer neuen Konzeption, Freiburger FrauenStudien 17 (2005), 115–140. Susanne Baer, Sexuelle Selbstbestimmung? Rechtsvergleichende Perspektiven zum Schutz vor Diskriminierung, in: Deutsches Institut für Menschenrechte (Hrsg.), Sexuelle Selbstbestimmung [Arbeitstitel], Berlin 2008, i.E., betont dagegen den Zusammenhang von Freiheit, Gleichheit und Menschenwürde (dazu ausf. dies., Dignity-Liberty- Equality. Aspects of a European Constitutional Triangle, Toronto Law Journal (2008), i.E.).

35. So auch Sarah Elsuni, Zur ReProduktion von Machtverhältnissen durch juristische Kategorisierungen am Beispiel Geschlechts, in: Lena Behmenburg et al. (Hrsg.), Wissenschaft(f)t Geschlecht: Machtverhältnisse und feministische Wissensproduktion, Frankfurt am Main 2007, 133–147, 143.

36. Cynthia Cockburn, The Continuum of Violence: A Gender Perspective on War and Peace, in: Wenona Mary Giles/Jennifer Hyndman (Hrsg.), Sites of Violence: Gender and Conflict Zones, Berkeley 2004. 24–44; Susanne Zwingel, Was trennt Krieg und Frieden? Gewalt gegen Frauen aus feministischer und völkerrechtlicher Perspektive, in: Cilja Harders/Bettina Roß (Hrsg.), Geschlechterverhältnisse in Krieg und Frieden: Perspektiven der feministischen Analyse internationaler Beziehungen, Opladen 2002, 175–188, 178 f.; Anu Pillay, Violence Against Women in the Aftermath, in: Sheila Meintjes et al. (Hrsg.), The Aftermath: Women in Post-Conflict Transformation, London/New York 2001, 35–45.

37. Charlesworth/Chinkin (Fn. 2), 250–255.

38. Ruth Seifert, Krieg und Vergewaltigung: Ansätze zu einer Analyse, in: Alexandra Stiglmaier (Hrsg.), Massenvergewaltigung: Krieg gegen die Frauen, Frankfurt am Main 1993, 94.

39. Cynthia Cockburn, The Gendered Dynamics of Armed Conflict and Political Violence", in: Caroline O.M. Moser/Fiona C. Clark (Hrsg.), Victims, Perpetrators or Actors: Gender, Armed Conflict and Political Violence, London/New York 2001, 13–29, 16, 26; Cynthia H. Enloe, Maneuvers: The International Politics of Militarizing Women's Lives, Berkeley 2000, 151 f.

40. ICTY Trial Chamber II, Prosecutor v. Dušan Tadić aka Dule, Case No. IT-94-1, Judgement, 7.5.1997, Rn. 206, <http://www.un.org/icty/tadic/trialc2/judgement/index.htm> (18.5.2008).

41. Joshua S. Goldstein, War and Gender: How Gender Shapes the War System and Vice Versa, Cambridge 2001, 359; Dubravka Zarkov, The Body of the Other Man: Sexual Violence and the Construction of Masculinity, Sexuality and Ethnicity in Croatian Media, in: Moser/Clark (Fn. 39), 69–82; Sandesh Sivakumaran, Sexual Violence Against Men in Armed Conflict, EJIL 18 (2007), 253–276, 270–175; R. Charli Carpenter, Recognizing Gender-Based Violence Against Civilian Men and Boys in Conflict Situations, Security Dialogue 37 (2006), 83–103, 94–96; Michael Meuser, Doing Masculinity – Zur Geschlechtslogik männlichen Gewalthandelns, in: Regina-Maria Dackweiler/Reinhild Schäfer (Hrsg.), Gewaltverhältnisse: feministische Perspektiven auf Geschlecht und Gewalt, New York/Frankfurt am Main 2002, 53–78.

42. Human Rights Watch, We'll kill you if you cry: Sexual Violence in the Sierra Leone Conflict, 15 (2003), 35 f.

43. Zarkov (Fn. 41), 78; Sivakumaran (Fn. 41), 274 f.

44. Zum Diskriminierungsschutz als Schutz vor hierarchisierender sexualisierter Gewalt Susanne Baer, Würde oder Gleichheit? Zur angemessenen grundrechtlichen Konzeption von Recht gegen Diskriminierung am Beispiel sexueller Belästigung am Arbeitsplatz in der Bundesrepublik Deutschland und den USA, Baden-Baden 1995, 190–244.

45. Martha Minow, Making All the Difference: Inclusion, Exclusion, and American Law, Ithaka, NY 1990, 20 (dilemma of difference); detaillierter Gudrun-Axeli Knapp, Dezentriert und viel riskiert: Anmerkungen zur These vom Bedeutungsverlust der Kategorie Geschlecht, in: dies./Angelika

Wetterer (Hrsg.), *Soziale Verortung der Geschlechter: Gesellschaftstheorie und feministische Kritik*, Münster 2002, 15–62, 43.

46. Sabine Hark, *Durchquerung des Rechts. Paradoxien einer Politik der Rechte*, in: dies, et al. (Hrsg.), *Queering Demokratie. Sexuelle Politiken*, Berlin 2000, 28–44. Vorabdruck als *Ohne Grenzen handeln: Paradoxien einer Politik der Rechte*, STREIT 1999, 19–68.

47. Kwame Anthony Appiah, *The Ethics of Identity*, Princeton 2005, 105–110.

48. S. dazu auch Elisabeth Holzleithner (in diesem Heft). Vgl. a. Elsuni (Fn. 35), 135–140.

49. Hark (Fn. 46).

50. Carol Smart, *Feminism and the Power of Law*, London/New York 1989. 144. Anstoß zur CLS-Kritik der Rechte in Mark Tushnet, *An Essay on Rights*, *Texas Law Review* 62 (1984), 1363–1403; kritischer Überblick in David Kennedy, *The Critique of Rights in Critical Legal Studies*, in: Brown/Halley (Fa. 7), 178–228.

51. Im Gegenteil hat das Tabu, das in Deutschland aus guten Gründen den Rasse-Begriff umgibt, unter Umständen zu einer rechtlichen Unterbelichtung von Rassismus beigetragen. Vgl. Barskanmaz (in diesem Heft).

52. Catharine A. MacKinnon, *Points Against Postmodernism*, *Chicago-Kent Law Review* 75 (2000), 687–711.

53. Hilary Charlesworth, *Feminist Methods in International Law*, *AJIL* 93 (1999), 379–394, 383–385.

54. Oloka-Onyango/Tamale (Fn. 28), 723.

55. Ebd., 697.

56. Vgl. Gayatri Chakravorty Spivak, *In Other Worlds: Essays in Cultural Politics*, New York/London 1988, 205; vgl. a. Isabell Lorey, *Dekonstruierte Identitätspolitik. Zum Verhältnis von Theorie, Praxis und Politik*, in: Antje Hornscheidt et al. (Hrsg.), *Kritische Differenzen – Geteilte Perspektiven. Zum Verhältnis von Feminismus und Postmoderne*, Opladen 1998, 93–114, 108.

57. Interview mit Judith Butler, *Ort der politischen Neuverhandlung. Der Feminismus braucht die Frauen, aber er muss nicht wissen, wer sie sind*, *Frankfurter Rundschau*, 28.3.2002.

58. Gudrun-Axeli Knapp, *Macht und Geschlecht*, in: dies./Angelika Wetterer (Hrsg.), *Traditionen Brüche. Entwicklungen feministischer Theorie*, Freiburg 1992, 287–331; Johannes Dinger/Regina Frey/Ute Frietsch/Ingrid Jungwirth/Ina Kerner/Frauke Spottka, *Dimensionen postmoderner Feminismen. Plädoyer für Mehrstimmigkeit im feministischen Theorienkanon*, *Feministische Studien* (2000), 129–144. Für diesen Hinweis und viele weitere Anregungen danken wir Aline Oloff.

59. Walgenbach (Fn. 26), 56.

60. Hierzu Nora Markard, *Fortschritte im Flüchtlingsrecht? Gender Guidelines und geschlechtsspezifische Verfolgung*, *Kritische Justiz* 2007, 373–390, 383–386.

61. Vgl. Baer (Fn. 34), *Selbstbestimmung: James D. Wilts, Conceptualizing Private Violence Against Sexual Minorities as Gendered Violence: An International and Comparative Law Perspective*, *Albany Law Review*, 60 (1997), 989–1050; für das Flüchtlingsrecht Nicole LaViolette, *Gender-Related Refugee Claims: Expanding the Scope of the Canadian Guidelines*, *IJRL* 19 (2007), 169–114 und Markard (Fn. 60), 390.

62. Angela P. Harris, *Race and Essentialism in Feminist Legal Theory*, *Stanford Law Review* 42 (1990), 581–616, 615; vgl. Elsuni (Fn. 24), 183.

63. Zum Aushandlungsprozess kultureller Praktiken im universalistischen CEDAW-Menschenrechtsdiskurs differenziert Sally Engle Merry, *Human Rights and Gender Violence: Translating International Law into Local Justice*, Chicago 2006.

64. Kostikova I.V. et al. *Introduction to gender studies*. 2nd ed. Moscow: Aspect Press, 2005. 255 p.

65. Rycroft Ch. [www.psychol-ok.ru/dictionary/masculine_masculinity.html *Masculine, masculinity*] // *“Critical Dictionary of Psychoanalysis”* Trans. from English L.V. Toporova, S.V. Voronin and I.N. Gvozdev, edited by Ph.D. philosopher. Sciences S. M. Cherkasova. St. Petersburg: East European Institute of Psychoanalysis, 1995.

Theory of State and Law

66. Svetsitsky A.L. Masculinity and femininity // Brief psychological dictionary. – M.: Prospekt, 2014. P. 264–265.

67. Essentialism (from the Latin *essentia* “essence”, “being”) is a theoretical and philosophical attitude characterized by attributing an unchangeable set of qualities and properties to some essence, “a concept suggesting that things have a certain deep reality, a true nature that cannot be to see directly, and that it is this hidden essence that is important to us.”

For citation: Ignatieva S.V., Starovoitova O.E. Krizhanovskaya G.N. Challenges to modern feminist policy in the field of human rights on the example of sexualized wartime violence: article // Theory of State and Law. 2024. No. 2 (36). P. 89–99.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_78

Научная статья

УДК 340.12

ББК 67.0

DOI 10.25839/MATGIP.2024_2_36_100

А.И. Клименко*

ЯЗЫК ПРАВА КАК СРЕДСТВО ГОСПОДСТВА И БОРЬБЫ ЗА ПРАВА

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме языка права как инструмента классовой борьбы. Язык права одновременно рассматривается как орудие борьбы за права (язык трудящихся), как средство трудящихся и сохранения капиталистической системы (язык господствующего класса), а также как синтезированный язык правового дискурса – формы классовой борьбы. То есть язык выступает и как инструмент и как среда (ландшафт) классовой борьбы.*

В работе используются диалектико-материалистический, системный и логический методы, а также социоаксиологический подход к пониманию права.

Делается вывод о том, что как язык господствующего класса, так и язык трудящихся обладают существенной спецификой и сообщают определенную специфику публичному правовому дискурсу в целом, при этом если количественно (масштаб распространения) можно говорить о господстве языка господствующего класса, то язык трудящихся сообщает свое диалектическое качество и языку правового дискурса, качественно влияя на этот дискурс, обуславливая его возможность выступать средством социальных прогрессивных преобразований.

***Ключевые слова:** правовой язык, публичный правовой дискурс, язык правового дискурса, правовой нарратив, правовой язык трудящихся, правовой язык господствующего класса, правовые ценности, социоаксиологический подход к праву, диалектичность, метафизичность, мифологичность.*

Известная аналогия исторической школы права, проводимая между правом и языком, имеет важный глубокий смысл, так как язык, несомненно, связан с правом и представляет собой коммуникативно-нормативную систему, а право нормативно-коммуникативную. Причем, право всегда выражается в языковой форме, поэтому не случайно вопросам взаимосвязи языка и права, проблемам правового языка и правового дискурса посвящено целое направление научных исследований.

Вместе с тем следует отметить, что сегодня роль дискурсивных форм взаимодействия – языковой коммуникации все более чётко отражается в целом ряде научных работ. И в этом плане можно обратить внимание на то, что язык зачастую может рассматриваться как инструмент обеспечения господства, орудие социальной борьбы, а языковая среда как сфера этой борьбы. Критические дискурсивные исследова-

* **Клименко Алексей Иванович**, начальник кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор. E-mail: klimenko_law@mail.ru

ния обращают внимание на эти черты языка, ставя вопросы о дискурсе как воспроизводстве господства, контроле над дискурсом и злоупотреблении этим контролем [2, с. 27–30]. Также в отдельных исследованиях обращается внимание на особенности юридического дискурса (хотя и в отличном от нашей работы контексте) [2, с. 71–73] и на правовое повествование (которое тесно связано с вопросом языка права) [4], и на правовой позитивизм [10].

Самым принципиально важным видом социальной борьбы следует признать классовую борьбу, которая приобретает новые формы в современном политически организованном обществе. Эта борьба всегда имела языковое измерение, а в условиях современности приобретает и дискурсивно-правовое качество. Действительно, в условиях обострения классовых противоречий в позднекапиталистических обществах (и на уровне капиталистической миросистемы в целом) для сохранения статус-кво классовая борьба вытесняется в сферу правового дискурса, это обеспечивает «живучесть» капиталистической системе, и дает ей возможность развиваться и даже трансформироваться путем реформирования, вплоть до «мирной революции» то есть своего рода «эволюционной революции», коренной качественной перестройки и изменения своего капиталистического качества [6]. То есть здесь можно говорить о дискурсивной форме классовой борьбы, которая временно утрачивает в этой форме тотально-антагонистический характер. С точки зрения социологического подхода к праву классовая борьба осуществляется в рамках правового дискурса и как результат – формирует право, как систему конвенциональных правовых ценностей – выражение временного политического компромисса классов [7].

Не случайно именно за языком С. Жижек видит средство, поддерживающее восприятие реальности, отмечая, что «... язык, а не примитивные эгоистические интересы, есть первый и главный разделитель. Именно из-за языка (можем) «живем в разных мирах» с нашими соседями, даже если они проживают на одной с нами улице» [5, с. 6]. Он указывает на «разделение небес» не только на глобальном уровне, но и внутри отдельных стран, применяя в отношении ситуации в США категорию «гражданская война» [5, с. 6–7]. Словенский философ хорошо демонстрирует, что борьба осуществляется в отношении определенных категорий и борются политические силы именно за значение этих категорий на примере современных событий в Чили применительно к категориям «достоинство» и «справедливость», отмечая что та сторона, которая победила в борьбе за гегемонию (категория используется по видимому в значении А. Грамши) и наполняет эти категории своим смыслом [5, с. 52]. С. Жижек отмечает: «... рабочие протестуют не просто потому, что живут в бедности; они протестуют, когда воспринимают свою бедность как несправедливость, за которую несет ответственность правящий класс...» и совершенно справедливо критикует критиков так называемого «дискурсивного идеализма» за непонимание роли языка и дискурса в классовой борьбе [5, с. 53].

В рамках дискурсивной формы классовой борьбы основным инструментом консервации капиталистических отношений выступает правовой язык правящего класса, а язык трудящихся представляет собой инструмент борьбы за их права. При этом сам «ландшафт» правового дискурса – своего рода «поле боя» – также представлен определенной языковой средой, на которую воздействует как язык господствующего класса, так и язык класса подавляемого. То есть если дискурс – форма классовой борьбы, то язык и инструмент, и «ландшафт» этой борьбы. Разумеется, классовая борьба – это еще и борьба за влияние на этот «ландшафт». Доступом к нему об-

ладают классы в неравной мере, «господствующие высоты» принадлежат правящему классу. Это выражается и в доступе к языку и в диктате официальных и письменных языковых форм.

«Изыщная словесность» наряду с юридической системой и системой образования (по Л. Алтюссеру) выступают в качестве идеологических аппаратов государства. Однако в процессе дискурса ситуация может меняться. Немалую роль здесь играет «когнитариат» – трудовая творческая интеллигенция, которая может перехватывать инициативу в дискурсе [11, с. 13, 25]. Не случайно в некоторых социалистических проектах именно интеллигенция играет ключевую роль. Так А.Л. Сергеев отмечает в отношении кубинского социалистического проекта, что в его рамках прослеживается тенденция «... замены пролетариата когнитариатом в качестве социальной основы последнего социалистического строительства» [11, с. 25].

При этом следует отметить, что писанное право – право юридическое – выступает как основа «псевдоконстанта» и то, что первоначально формирует «ландшафт» правового дискурса, своего рода писанный нарратив. Этот писанный язык изначально страдает абстрактностью, метафизичностью (примером служит Всеобщая декларация прав человека, абстрактность и метафизичность которой так хорошо продемонстрирована в речи А.Я. Вышинского на заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [3].

Как правовой язык правящего класса, так и правовой язык трудящихся имеют свои особенности, обусловленные ролью этих типов языка в правовом дискурсе. Рассмотрим характеристики языка правящего класса.

Язык правящего класса как средство господства имеет дескриптивно-прескриптивный характер. Он ориентирован на описание и предписание. Так, описывая социальную реальность, он ее объясняет, легитимирует, создает своего рода параллельную языковую реальность, которая приукрашивает и дополняет существующую реальность явлений и процессов, позиционируя ее как справедливую и должную. Прескриптивный – предписательный характер языка правящего класса предполагает, что из существующей картины мира следуют некие должностояния-предписания и прежде всего в отношении самого языка.

Язык правящего класса также консервативен и апологетичен. Он как бы «консервирует» реальность, отражая ее в языке и тем самым помещая в своего рода языковую клетку. Он также оправдывает и объясняет, защищает существующий общественный строй, выгодный собственникам средств производства. Проводится мысль, что всем необходимо заниматься своим делом, воспроизводя эту реальность в уже отработанных отношениях. Трудящиеся должны трудиться, а собственники на средства производства присваивать большую часть результатов их труда.

Язык правящего класса формален в двух смыслах: он ориентирован на формально-логическую согласованность и тяготеет к формализации (что отражается в том, что он облекается зачастую в письменную форму). В определенном смысле он в большей степени ориентируется на формальную согласованность, чем на точное отображение мира явлений и процессов. В определенном смысле это самодостаточный язык. Девизом этого языка является библейская новозаветная формула: «в начале было слово».

Он также имеет метафизический характер. Он дает образ реальности, не имеющей неограниченного потенциала для развития. Реальность эта представляется ценной сама по себе и даже не нуждается ни в каком развитии. В отношении право-

вого языка господствующего класса вполне точным выглядит упрек, адресованный метафизике: «Метафизика оперирует понятиями «законченных» вещей, действительные и возможные свойства которых она стремится зафиксировать и определить раз и навсегда» [8, с. 72]. И в этом метафизичность и принципиальная антидиалектичность языка правящего класса.

Разумеется, такой язык имеет высоко абстрактный и идеолого-мифологический характер (определенно, это не «язык плотника»). Это действительно язык мифа, «похищенный язык», в котором вторичной представляется сама функция языка. Не случайно В.П. Малахов отмечает чрезвычайную насыщенность правосознания мифологическими конструкциями, указывая: «... важным индикатором присутствия мифологического компонента в правосознании является его способность к легитимации, чего бы она ни качалась на практике» [9, с. 45]. Язык начинает функционировать прежде всего как идеология, обеспечивающая господство. Если здесь перефразировать мысль о том, что миф – «похищение языка» (Р. Барт), то можно сказать, что язык похищается и присваивается правящим классом, как и труд (его результаты) [1]. Сам язык больше ориентирован на себя, чем на мир явлений, соответственно он отчасти утрачивает связь с реальностью и склонен скорее создавать свою языковую реальность (это во многом обуславливает идеалистичность буржуазных теоретических построений).

Следует отметить, что в силу своей метафизичности язык правящего класса тотален: он претендует на полное описание реальности, ему неизвестна языковая недостаточность, заключающаяся в том, что изменчивый мир явлений постоянно развивается, оставляя язык в прошлом. Так, следует полностью согласиться с мыслью, что «...мы сталкиваемся с различием между *объективными процессами*, в которых что-то претерпевает изменение и *понятиями*, в которых мы пытаемся обобщить отличительные признаки вещей, участвующих в процессе. Такие понятия никогда не соответствуют и никак не могут всегда и во всех отношениях соответствовать своим объектам именно потому, что объекты претерпевают изменения» [8, с. 69]. В этом и заключается языковая недостаточность, неотрефлексированная в языке правящего класса.

Все вышеобозначенные особенности языка правящего класса обусловлены его ролью – сохранения и обеспечения господства (гегемонии) в публичном правовом дискурсе.

Язык трудящихся как инструмент борьбы за права (язык освобождения) обладает другими и часто противоположными чертами в силу своей роли в публичном правовом дискурсе.

Аскриптивно-дескриптивный характер языка трудящихся обусловлен тем, что они прежде всего используют язык для отстаивания своих интересов, для предъявления их в качестве прав, что выражается в высказываниях аскриптивного типа (приписывающих ответственность и права по Г.Л.А. Харту) [12, с. 27]. Дескриптивность языка трудящихся связана также со стремлением описать реальность в контексте своих интересов, но в отличие от дескриптивности языка правящего класса она имеет вторичный характер, и прежде всего подчинена цели борьбы за предъявленные права. Описание реальности не носит полного характера и не претендует на полноту.

Важным представляется и то, что этот язык в противоположность правовому языку правящего класса диалектичен. Совершенно справедливо утверждение, что

«В противоположность метафизике целью диалектики является проследить действительные изменения и взаимосвязи в мире и рассматривать вещи всегда в их движении и взаимосвязи» [8, с. 72]. Он ориентируется на конкретные жизненные обстоятельства, не допуская метафизического абстрагирования, и в нем отрефлексирована вторичность языка – своего рода языковая недостаточность. Эта недостаточность проявляется в том, что мир явлений, если не всегда богаче мира понятий, то всегда реальнее, и именно понимание этого и отказ от попыток конструирования реальности при помощи языка – характерная черта трудящихся. Косвенно эта недостаточность проявляется в таких конструкциях как жаргонизмы и ненормативная лексика. Скорее для этого языка характерен критический настрой в отношении языковой реальности, предлагаемой языком правящего класса. Освобождение мира явлений и процессов от оков понятийной метафизики (мифа понятийной магии) языка правящего класса – важная задача языка трудящихся.

Соответственно этот язык критичен – язык как отрицание языка (перефразируя известную мысль Ю. Хабермаса о том, что идеология – всегда критика идеологии) [13, с. 50–116]. Разрушение языка правящего класса языком трудящихся – это всегда раскрепощение и обновление. Поэтому для языка трудящихся крайне характерна сатира, ирония, как средство раскрепощения и своего рода деидеологизации и демифологизации. Для него характерна рациональная критика мифоконструкций. В.П. Малахов, по-видимому, улавливая эту противоречивость в правосознании (а у нас она выражена в правовом языке), отмечая мифологизированность правосознания, также пишет: «С другой стороны, правосознание включает в себе и противоположную «механику» преобразования мифологической иррациональности в рациональное содержание правосознания» [9, с. 45].

В противоположность формализму правового языка правящего класса правовой язык трудящихся содержателен, он максимально предметный (для него характерна низкая степень абстрагирования и соответственно низкая степень мифологизации, по Р. Барту) [1]. Этот язык максимально приближен к «языку плотника» (Р. Барт) [1].

Совершенно очевидно и не удивительно, что язык правящего класса и язык трудящихся имеют во многом противоположные черты. Это обусловлено тем, что они являются инструментами, используемыми с разными задачами в контексте дискурсивной формы классовой борьбы.

Противоположность метафизического старого языка права правящего класса – с одной стороны и правового языка трудящихся диалектического – нового – с другой, сообщают всей системе правового дискурса диалектичность. В этом принципиальная победа языка трудящихся, победа будущего над настоящим, нового над старым, победа не очевидная для метафизиков, но уже очевидная для диалектиков. Для видения тех, кто пользуется лишь формальной логикой, в дискурсе превалирует нарратив правящего класса, но для видения тех, кто оперирует диалектической логикой ясно, что язык этого класса уже утратил свою актуальность.

Библиографический список

1. *Барт Р.* Мифологии. – М.: Академический Проект, 2008. – 351 с.
2. *Дейк, Т.А. ван.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. Изд. стереотип: Е.А. Кожемякина, Е.В. Переверзева, А.М. Амадова. – М.: Книжный дом «ЛИБЕРКОМ», 2013. – 344 с.

3. Вышинский А.Я. О проекте Декларации прав человека: речь от 9 декабря 1948 года на Генеральной Ассамблее ООН // URL: // https://prorivists.org/doc_vyshinsky-udhr/
4. Денисенко В.В., Ивина М.К., Ковкель Н.Ф. и др. Право и нарративы / Под общ. ред. В.В. Денисенко, А.К. Соболевой, И.Л. Честнова. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2022. – 128 с.
5. Жижек С. Небеса в смятении. Пер. с англ. М.А. Леонович. – М.: Издательство АСТ, 2022. – 320 с.
6. Клименко А.И. Марксистские основания современной философии права // Труды Института государства и права Российской академии наук. – Т. 15. – 2020. – № 6. – С. 59–62.
7. Клименко А.И. Социоаксиологический подход к постижению природы и сущности права и его значение для философии права и общеправовой теории // История государства и права. – 2022. – № 1. – С. 7–16.
8. Корнфорт М. Диалектический материализм. – М.: Советские учебники, 2021. – 496 с.
9. Малахов В.П. Мифологизации права в общественном сознании: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2022. – 351 с.
10. Раков К.А., Попов В.И. Правовой позитивизм: опыт критического анализа // История государства и права. – 2022. – № 11. – С. 39–43.
11. Сергеев А.Л. Политико-правовая доктрина кубинского социализма: становление и развитие. Автореф. дисс. ... доктора юридических наук. – М., 2022. – 46 с.
12. Харп Г.Л.А. Философия и язык права. Сост. ред. коллегия и вступительная статья В.В. Оглезнева, В.А. Суровцева. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. – 384 с.
13. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / пер. с нем. М. Л. Хорькова. – М., 2007. – 208 с.

Для цитирования: Клименко А.И. Язык права как средство господства и борьбы за права: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 2 (36). – С. 100–105.
DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_100

THE LANGUAGE OF LAW AS A MEANS OF DOMINATION AND STRUGGLE FOR RIGHTS

Alexey I. Klimenko*

Annotation. *The article is devoted to the problem of the language of law as an instrument of class struggle. The language of law is simultaneously seen as a tool in the struggle for rights (the language of workers), as a means of enslaving and preserving the capitalist system (the language of the ruling class), and also as a synthesized language of legal discourse as a discursive form of class struggle. That is, language acts both as a tool and as a medium (landscape) of the class struggle.*

The work uses dialectical-materialistic, systemic and logical methods, as well as a socio-axiological approach to understanding law.

It is concluded that both the language of the ruling class and the language of the workers have significant specifics and communicate certain specifics to the public legal discourse as a whole, while if we can quantitatively talk about the dominance of the language of the ruling class, then the language of the workers communicates its dialectical quality to the language of the legal discourse, qualitatively

* **Klimenko Alexey Ivanovich**, Head of the Theory of State and Law Department Moscow University of the Ministry of Interior of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot', Doctor of Juridical Sciences, Professor. E-mail: klimenko_law@mail.ru

influencing this discourse, determining its ability to act as a means of social progressive transformations.

Key words: *legal language, public legal discourse, language of legal discourse, legal narrative, legal language of workers, legal language of the ruling class, legal values, socio-axiological approach to law, dialectic, metaphysical, mythological.*

The well-known analogy of the historical school of law drawn between law and language has an important, deep meaning, since language is undoubtedly associated with law and is a communicative-normative system, and law is a normative-communicative one. Moreover, law is always expressed in linguistic form, so it is no coincidence that a whole area of scientific research is devoted to the issues of the relationship between language and law, the problems of legal language and legal discourse.

At the same time, it should be noted that today the role of discursive forms of interaction – linguistic communication – is increasingly clearly reflected in a number of scientific works. And in this regard, we can draw attention to the fact that language can often be considered as an instrument for ensuring dominance, an instrument of social struggle, and the linguistic environment as a sphere of this struggle. Critical discourse studies pay attention to these features of language, raising questions about discourse as the reproduction of dominance, control over discourse and abuse of this control [2, p. 27–30]. Also, some studies draw attention to the features of legal discourse (albeit in a context different from our work) [2, p. 71–73] and on the legal narrative (which is closely related to the issue of the language of law) [4], and on legal positivism [10].

The most fundamentally important type of social struggle should be recognized as class struggle, which takes on new forms in modern politically organized society. This struggle has always had a linguistic dimension, and in modern conditions it also acquires a discursive and legal quality. Indeed, in conditions of aggravation of class contradictions in late capitalist societies (and at the level of the capitalist world system as a whole), in order to maintain the status quo, class struggle is forced into the sphere of legal discourse, this ensures the “survival” of the capitalist system, and gives it the opportunity to develop and even transform through reform, up to a “peaceful revolution”, that is, a kind of “evolutionary revolution”, a radical qualitative restructuring and a change in its capitalist quality [6]. That is, here we can talk about a discursive form of class struggle, which temporarily loses its total antagonistic character in this form. From the point of view of the socioaxiological approach to law, class struggle is carried out within the framework of legal discourse and, as a result, forms law as a system of conventional legal values – an expression of a temporary political compromise between classes [7].

It is no coincidence that S. Zizek sees language as a means of supporting the perception of reality, noting that “... language, and not primitive egoistic interests, is the first and main separator. It is precisely because of language that we (can) “live in different worlds” with our neighbors, even if they live on the same street as us” [5, p. 6]. He points to the “division of heaven” not only at the global level, but also within individual countries, applying the category “civil war” to the situation in the United States [5, p. 6–7]. The Slovenian philosopher demonstrates well that the struggle is carried out in relation to certain categories and political forces are fighting precisely for the meaning of these categories using the example of modern events in Chile in relation to the categories of “dignity” and “justice”, noting that the side that won the struggle for hegemony (the category is apparently used in the meaning of A. Gramsci) and fills these categories with its meaning [5, p. 52]. S. Zizek notes:

Theory of State and Law

“... workers are protesting not just because they live in poverty; they protest when they perceive their poverty as an injustice for which the ruling class is responsible...” and quite rightly criticizes critics of so-called “discursive idealism” for failing to understand the role of language and discourse in the class struggle [5, p. 53].

Within the framework of the discursive form of class struggle, the main instrument for the conservation of capitalist relations is the legal language of the ruling class, and the language of the working people is an instrument of struggle for their rights. Moreover, the very “landscape” of legal discourse – a kind of “battlefield” – is also represented by a certain linguistic environment, which is influenced by both the language of the dominant class and the language of the suppressed class. That is, if discourse is a form of class struggle, then language is both an instrument and the “landscape” of this struggle. Of course, the class struggle is also a struggle for influence on this “landscape”. Classes have access to it unequally; the “dominant heights” belong to the ruling class. This is expressed both in access to language and in the dictates of official and written language forms.

“Beautiful literature”, along with the legal system and the educational system (according to L. Althusser), act as ideological apparatuses of the state. However, during the course of discourse the situation may change. A significant role here is played by the “cognitariate” – the working creative intelligentsia, which can seize the initiative in discourse [11, p. 13, 25]. It is no coincidence that in some socialist projects it is the intelligentsia that plays a key role. So A.L. Sergeev notes in relation to the Cuban socialist project that within its framework there is a tendency “... to replace the proletariat with the cognitariat as the social basis of the latest socialist construction” [11, p. 25].

It should be noted that written law – legal law – acts as the basis of a “pseudo-constant” and what initially forms the “landscape” of legal discourse, a kind of written narrative. This written language initially suffers from abstractness and metaphysics (an example is the Universal Declaration of Human Rights, the abstractness and metaphysical nature of which was so well demonstrated in the speech of A.Ya. Vyshinsky at a meeting of the UN General Assembly) [3].

Both the legal language of the ruling class and the legal language of workers have their own characteristics, determined by the role of these types of language in legal discourse. Let's consider the characteristics of the language of the ruling class.

The language of the ruling class as a means of domination has a descriptive-prescriptive character. It is descriptive and prescriptive oriented. Thus, by describing social reality, he explains it, legitimizes it, creates a kind of parallel linguistic reality that embellishes and complements the existing reality of phenomena and processes, positioning it as fair and proper. The prescriptive – prescriptive nature of the language of the ruling class suggests that from the existing picture of the world certain ought-instructions follow, and above all in relation to the language itself.

The language of the ruling class is also conservative and apologetic. He, as it were, “preserves” reality, reflecting it in language and thereby placing it in a kind of linguistic cage. He also justifies and explains, defends the existing social system, beneficial to the owners of the means of production. The idea is that everyone needs to mind their own business, reproducing this reality in already established relationships. Workers must work, and owners of the means of production must appropriate most of the results of their labor.

The language of the ruling class is formal in two senses: it is oriented toward formal-logical consistency and tends toward formalization (which is reflected in the fact that it often takes the form of writing). In a certain sense, it is more focused on formal consistency

than on an accurate representation of the world of phenomena and processes. In a certain sense, it is a self-sufficient language. The motto of this language is the biblical New Testament formula: "in the beginning was the word."

It also has a metaphysical character. It gives an image of reality that does not have unlimited potential for development. This reality seems valuable in itself and does not even need any development. In relation to the legal language of the ruling class, the reproach addressed to metaphysics seems quite accurate: "Metaphysics operates with the concepts of "finished" things, the actual and possible properties of which it seeks to fix and determine once and for all" [8, p. 72]. And this is the metaphysical and fundamental anti-dialectical nature of the language of the ruling class.

Of course, such a language has a highly abstract and ideological-mythological character (it is definitely not a "carpenter's language"). This is truly the language of myth, a "stolen language," in which the very function of language appears secondary. It is no coincidence that V.P. Malakhov notes the extreme saturation of legal consciousness with mythological constructs, pointing out: "... an important indicator of the presence of a mythological component in legal consciousness is its ability to legitimize, no matter what it may be in practice" [9, p. 45]. Language begins to function primarily as an ideology that ensures dominance. If we paraphrase here the idea that myth is "the abduction of language" (R. Barth), then we can say that language is stolen and appropriated by the ruling class, as is labor (its results) [1]. Language itself is more focused on itself than on the world of phenomena; accordingly, it partly loses touch with reality and tends to rather create its own linguistic reality (this largely determines the idealism of bourgeois theoretical constructions).

It should be noted that, due to its metaphysical nature, the language of the ruling class is total: it claims to be a complete description of reality, it is unaware of the linguistic insufficiency that lies in the fact that the changing world of phenomena is constantly developing, leaving language in the past. Thus, one should fully agree with the idea that "... we are faced with a difference between objective processes in which something undergoes a change and concepts in which we try to generalize the distinctive features of things participating in the process. Such concepts never correspond and cannot in any way always and in all respects correspond to their objects precisely because objects undergo changes" [8, p. 69]. This is the linguistic deficiency, unreflected in the language of the ruling class.

All of the above-mentioned features of the language of the ruling class are determined by its role – maintaining and ensuring dominance (hegemony) in public legal discourse.

The language of workers as an instrument of struggle for rights (the language of liberation) has different and often opposing features due to its role in public legal discourse.

The ascriptive-descriptive nature of the language of workers is due to the fact that they primarily use language to defend their interests, to present them as rights, which is expressed in statements of the ascriptive type (attributing responsibilities and rights according to G.L.A. Hart) [12, p. 27]. The descriptiveness of the language of workers is also associated with the desire to describe reality in the context of their interests, but unlike the descriptiveness of the language of the ruling class, it is of a secondary nature, and is primarily subordinated to the goal of the struggle for the rights claimed. The description of reality is not complete and does not pretend to be complete.

It also seems important that this language, in contrast to the legal language of the ruling class, is dialectical. It is absolutely true that "In contrast to metaphysics, the goal of

Theory of State and Law

dialectics is to trace actual changes and relationships in the world and to consider things always in their movement and relationships” [8, p. 72]. It focuses on specific life circumstances, not allowing metaphysical abstraction, and it reflects the secondary nature of language – a kind of linguistic insufficiency. This insufficiency is manifested in the fact that the world of phenomena, if not always richer than the world of concepts, is always more real, and it is the understanding of this and the rejection of attempts to construct reality with the help of language that is a characteristic feature of the working people. This deficiency is indirectly manifested in such constructions as jargon and profanity. Rather, this language is characterized by a critical attitude towards the linguistic reality offered by the language of the ruling class. Liberating the world of phenomena and processes from the shackles of conceptual metaphysics (myth of conceptual magic) of the language of the ruling class is an important task of the language of the working people.

Accordingly, this language is critical – language as the negation of language (paraphrasing the well-known thought of J. Habermas that ideology is always a criticism of ideology) [13, p. 50–116]. The destruction of the language of the ruling class by the language of the working people is always emancipation and renewal. Therefore, satire and irony are extremely characteristic of the language of workers, as a means of emancipation and a kind of de-ideologization and demythologization. It is characterized by rational criticism of mythological constructions. V.P. Malakhov, apparently catching this inconsistency in legal consciousness (and in our country it is expressed in legal language), noting the mythologized nature of legal consciousness, also writes: “On the other hand, legal consciousness also contains the opposite “mechanics” of transforming mythological irrationality into rationality. – content of legal consciousness” [9, p. 45].

In contrast to the formalism of the legal language of the ruling class, the legal language of the working people is meaningful, it is as objective as possible (it is characterized by a low degree of abstraction and, accordingly, a low degree of mythologization, according to R. Barth) [1]. This language is as close as possible to the “carpenter’s language” (R. Barth) [1].

It is quite obvious and not surprising that the language of the ruling class and the language of the working people have in many ways opposite features. This is because they are tools used for different purposes in the context of a discursive form of class struggle.

The opposition of the metaphysical old language of the rights of the ruling class – on the one hand, and the dialectical – new legal language of the working people – on the other, imparts dialecticity to the entire system of legal discourse. This is the fundamental victory of the language of the working people, the victory of the future over the present, the new over the old, a victory that is not obvious to metaphysicians, but already obvious to dialecticians. For the vision of those who use only formal logic, the narrative of the ruling class prevails in the discourse, but for the vision of those who operate with dialectical logic, it is clear that the language of this class has already lost its relevance.

Bibliography

1. Bart R. Mythologies. Moscow: Academic Project, 2008. 351 p.
2. Dyck, T.A. van. Discourse and power: Representing dominance in language and communication. Per. from English Ed. stereotype: E.A. Kozhemyakina, E.V. Pereverzeva, A.M. Amatova. Moscow: Book House “LIBERKOM”, 2013. 344 p.
3. Vyshinsky A.Ya. About the draft Declaration of Human Rights: speech of December 9, 1948 at the UN General Assembly // URL: // https://prorivists.org/doc_vyshinsky-udhr/

4. Denisenko V.V., Ivina M.K., Kovkel N.F. and others. Law and narratives. Under general ed. V.V. Denisenko, A.K. Soboleva, I.L. Chestnova. Moscow: Limited Liability Company "Prospekt", 2022. 128 p.
5. Zizek S. Heaven is in turmoil. Per. from English M.A. Leonovich. Moscow: Publishing house AST, 2022. 320 p.
6. Klimenko A.I. Marxist foundations of modern philosophy of law // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. T. 15. No. 6. 2020. Pp. 59–62.
7. Klimenko A.I. Socioaxiological approach to understanding the nature and essence of law and its significance for the philosophy of law and general legal theory // History of State and Law. 2022. No. 1. P. 7–16.
8. Cornforth M. Dialectical materialism. Moscow: Soviet textbooks, 2021. 496 p.
9. Malakhov V.P. Mythologization of law in the public consciousness: monograph. Moscow: UNITY-DANA: Law and Law, 2022. 351 p.
10. Rakov K.A., Popov V.I. Legal positivism: experience of critical analysis // History of State and Law. 2022. No. 11. Pp. 39–43.
11. Sergeev A.L. Political and legal doctrine of Cuban socialism: formation and development. Author's abstract. diss. ... Doctor of Law. Moscow, 2022. 46 p.
12. Hart G.L.A. Philosophy and language of law. Comp. ed. collegium and introductory article by V.V. Oglezneva, V.A. Surovtseva. Moscow: Kanon+ ROOI "Rehabilitation", 2017. 384 p.
13. Habermas Yu. Technology and science as "ideology" / trans. with him. M. L. Khorkova. Moscow, 2007. 208 p.

For citation: Klimenko A.I. The language of law as a means of domination and struggle for rights: article // Theory of State and Law. 2024. No. 2 (36). P. 105–110.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_100

Научная статья

УДК 340.1

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_111

Д.С. Кузьмин*

О ПОНЯТИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

***Аннотация.** В статье анализируется понятие юридической ответственности, дается обзор мнений ученых о ее сущности. Приводится наиболее универсальное, по мнению автора, определение этого понятия. Особое внимание уделяется сущности освобождения от юридической ответственности. Автор приходит к мнению, что институт освобождения от юридической ответственности является субинститутом института юридической ответственности и предлагает авторское определение этого структурного правового образования.*

***Ключевые слова:** социальная ответственность, юридическая ответственность, освобождение от юридической ответственности, правовая норма.*

Взаимодействие субъектов общественных отношений регламентируется при помощи различных социальных норм, отступление от требований которых влечет наступление социальной ответственности, одной из разновидностью которой является юридическая ответственность, которая регламентирована при помощи правовых норм. В действующем законодательстве активно употребляются термины «ответственность» и «юридическая ответственность», причем часто они являются синонимичными. Так, как отдельные главы различных нормативно-правовых актов, и статьи носят название «ответственность». Например, ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации «Общие основания ответственности за причинение вреда» [5]; раздел XI Трудового кодекса Российской Федерации «Материальная ответственность сторон трудового договора» [6]; глава 2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Административное правонарушение и административная ответственность» [3]; раздел IV Уголовного кодекса Российской Федерации «Освобождение от уголовной ответственности и от наказания» [1] и др.

При этом легальное определение понятия «юридическая ответственность» в существующих нормативных правовых актах отсутствует. Длительная дискуссия как в теории государства и права, так и в отраслевых юридических науках не привела к единому мнению о понятии юридической ответственности. Так, С.С. Алексеев указывает, что «ответственность – это государственное принуждение, выраженное в праве, выступает как внешнее воздействие на поведение, основанное на организо-

* Кузьмин Дмитрий Сергеевич, аспирант кафедры теории и истории государства и права Тольяттинского государственного университета. E-mail: mr.kuzmin323@mail.ru

Научный руководитель – Липинский Дмитрий Анатольевич, профессор кафедры теории государства и права Тольяттинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. ORCID: 0000-0003-1870-069X; Scopus: 56613190700. E-mail: dmitri8@yandex.ru

ванной силе государства и наличии у него «вещественных» орудий власти и направленное на внешне безусловное (непреклонное) утверждение государственной власти» [8, с. 371]. По мнению Б.Т. Базылева, «юридическая ответственность – это правоотношение охранительного типа, возникшее на основании правонарушения» [9, с. 72]. О.С. Иоффе считал, что «юридическую ответственность следует понимать как санкцию за правонарушение, как последствие, предусмотренное нормой права на случай ее несоблюдения» [12, с. 95]. Можно предположить, что многообразие и противоречивость взглядов ученых о понятии юридической ответственности – это одна из причин отсутствия ее легального определения. Ведь и самому законодателю сложно ориентироваться при разработке нормативных правовых актов в многообразии мнений ученых.

Необходимо указать, что в действующих нормативных правовых актах понятие ответственности может употребляться в позитивном и негативном значении. Не является исключением и теоретические воззрения ученых, а сама дискуссия о юридическом или моральном характере позитивной ответственности длится уже несколько десятилетий. В частности, отмечается: «юридическая ответственность, как и любой другой вид социальной ответственности, едина и включает в себя ответственность за будущее поведение (позитивную, добровольную ответственность) и ответственность за прошлое противоправное поведение (негативную, государственно-принудительную ответственность) [21, с. 22].

Н.И. Матузов и А.В. Малько также указывают, что «современная наука различает в ней (юридической ответственности – примеч. автора) по крайней мере два аспекта ответственности – негативную (ретроспективную) и позитивную (перспективную). Для нормального функционирования правовой системы и поведения личности важны оба эти аспекта» [16, с. 217]. С.А. Комаров *ретроспективную* юридическую ответственность понимает как исполнение правонарушителем обязанностей на основе государственного принуждения, правовое отношение, возникающее между государством и личностью, на которую возлагаются обязанности претерпеть неблагоприятные последствия и лишения за совершенное правонарушение [13, с. 474], а *позитивную* юридическую ответственность как осознание и воспроизведение личностью в своем поведении необходимости выполнения долга [13, с. 475].

Другие ученые придерживаются противоположной позиции. Так, в одной из своих работ Р.Л. Иванов высказывает мнение, что «объективные проявления позитивной юридической ответственности не выходят за рамки проблематики правомерного поведения и правосознания [11, с. 95, 96]. Мнение Р.Л. Иванова, в целом, разделяет и И.А. Кузьмин, указывая, что «поскольку теория позитивной юридической ответственности фактически подменяет общетеоретические вопросы правомерного поведения..., то отнесение позитивной правовой ответственности к юридическим псевдоморфозам является не нашей субъективной прихотью, а объективной необходимостью» [15, с. 15]. И.А. Кузьмин, также, выделяет юридическую ответственность в объективном смысле и субъективном смысле. В его представлении, юридическая ответственность в объективном смысле представляет собой меры государственного принуждения, закрепленные в санкциях правовых норм, а юридическая ответственность в субъективном смысле – это субъективная обязанность лица претерпеть меры государственного принуждения [14; 15, с. 23].

Ограниченные рамки работы не позволяют нам вступать в детальную дискуссию относительно юридического или морального характера позитивной ответ-

ственности, мы только укажем, что поддерживаем данную научную позицию. И так, «юридическая ответственность – это нормативная, гарантированная и обеспеченная государственным принуждением, убеждением или поощрением юридическая обязанность по соблюдению и исполнению требований норм права, реализующаяся в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а в случае ее нарушения – обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и ее реализация» [21, с. 31].

Вполне традиционно в научной литературе принято классифицировать юридическую ответственность на уголовную, административную, гражданско-правовую, дисциплинарную, материальную, конституционно-правовую, финансово-правовую [18, с. 112–113], а основаниями привлечения правонарушителя к какому-либо виду юридической ответственности являются его деяния, образующие состав правонарушения. Между тем, действующее законодательство предусматривает не только основания и порядок привлечения правонарушителя к ответственности, но и нормы, освобождающие от нее. Анализ действующего законодательства показывает, что они содержатся в ГК РФ (ст. 1066 «Причинение вреда в состоянии необходимой обороны»; ст. 1067 «Причинение вреда в состоянии крайней необходимости») [5]; УК РФ (Глава 11 «Освобождение от уголовной ответственности» [1]; УПК РФ (ст. 431 «Освобождение судом несовершеннолетнего подсудимого от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия»; Глава 51.1. «Производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности» [2]; Налоговом кодексе РФ (п. 3, п. 4 ст. 81; п. 7, п. 11 ст. 25.14 и др. [4].

Норм, предусматривающих основания и порядок освобождения от других видов юридической ответственности в действующем законодательстве не предусмотрено. Необходимо отметить, что освобождение от юридической ответственности возможно только в отношении ее негативной формы реализации.

В научной литературе не выработано единого подхода к определению понятия «освобождение от юридической ответственности». Не закреплено оно и в действующем законодательстве. Считаем необходимым провести краткий научный обзор мнений ученых по данному вопросу. Так, Н.В. Витрук рассматривал освобождение от юридической ответственности как «...снятие необходимости (обязанности) восстановления права, возмещения вреда либо претерпеть меры возмездия (кары, наказания) за совершенное правонарушение» [10, с. 250]. По мнению А.Г. Чернявского, «...освобождение от юридической ответственности необходимо рассматривать с позиций правоотношения, т.к. юридическую ответственность невозможно представить в виде одностороннего явления, т.к. ответственность перед самим собой – невозможна» [22, с. 221].

О.Ф. Скакун считает, что «институт освобождения от юридической ответственности – это регулирование отношений, складывающихся в процессе правового прощения субъекта, совершившего правонарушение» [20, с. 84]. С.В. Розина характеризует освобождение от юридической ответственности как «...совокупность юридических норм, регулирующих ... отношения, связанные с избавлением участников экономического оборота от возникшей у них обязанности по возмещению ущерба...» [19, с. 7]. Согласно позиции С.В. Медведева правовая природа освобождения от юридической ответственности заключается в том, что она является «особой формой правового поощрения в форме отказа от государственного принуждения и наказания» [17, с. 18].

Указанные научные позиции о сущности освобождения от юридической ответственности можно разделить на две группы. К первой группе относятся те, в которых происходит описание процесса, а во второй группе основываются на формулировании цели этого процесса. Для «описания процесса», используются понятия «снятие необходимости...» (Н.В. Витрук), «отношения, складывающиеся в процессе...» (О.Ф. Скакун), «...особая форма правового поощрения...» (С.В. Медведев), но при «формулировании цели» практически все авторы едины во мнении о то, что она состоит в устранении неблагоприятных правовых последствий, предусмотренных мерами ответственности за совершение какого-либо правонарушения.

По нашему мнению, «устранение последствий» как раз и является юридической природой правового института освобождения от юридической ответственности.

В своей работе С.В. Медведев рассматривает освобождение от юридической ответственности как находящиеся во взаимосвязи три подсистемы, а именно: политико-правовое явление, комплексный правовой институт, реальный юридический процесс [17, с. 19, 20]. Комплексный подход, предложенный С.В. Медведевым, сохраняет противоречивость различных точек зрения и не помогает преодолеть их. Между тем, формулировка понятия «освобождение от юридической ответственности» не должна содержать противоречивые признаки, а включать в себя только взаимозависимые свойства, характерные именно для этого понятия. К таким свойствам следует отнести его место в системе других правовых институтов, цели и правовые средства их достижения.

Следует отметить, что политико-правовым явлением является не только освобождение от юридической ответственности, но и другие правовые институты. Поэтому, данное свойство не является исключительным только для освобождения от юридической ответственности. По нашему мнению, политика государства по освобождению от ответственности выражается в определенной идеологии, сформулированной в конкретных нормах Конституции Российской Федерации и реализуемой путем создания отраслевой правовой базы, позволяющей достичь этих целей, а не в акте государственных органов и их должностных лиц.

Думается, что сущностью юридического процесса, направленного на освобождение лица от юридической ответственности, являются действия уполномоченных субъектов, предписанные правовыми нормами, направленных на реализацию комплекса мероприятий, результатом которых будет являться принятие правоприменительного акта.

Существует тесная взаимосвязь между институтом юридической ответственности и институтом освобождения от нее. Они представляют собой две взаимодействующие системы, причем система освобождения является зависимой по отношению в системе юридической ответственности.

Относительно самостоятельное существование института «освобождения от юридической ответственности», не обусловленное существованием «юридической ответственности» – невозможно. Наличие системы правовых норм, регулирующих отношения освобождения от юридической ответственности, находится в прямой зависимости от норм юридической ответственности, и является его органичной частью. Поэтому, институт освобождения от юридической ответственности необходимо рассматривать как субинститут института «юридической ответственности».

Нельзя обойти вниманием и вопрос о целях освобождения от юридической ответственности. Так, Витрук Н.В. считал, что «действие принципов справедливости,

гуманизма и индивидуализации юридической ответственности непосредственно обуславливают существование института освобождения от юридической ответственности» [10, с. 250]. Указанные принципы можно интерпретировать и как цели освобождения от юридической ответственности. Другая формулировка целей освобождения от юридической ответственности предложена О.Ф. Скакун. По его мнению, «цели освобождения от юридической ответственности – примирение конфликтов (коллизий) и споров, восстановление (исправление) нарушенного правоотношения, индивидуализация мер воздействия и предупреждения правонарушения» [20, с. 84].

Изучение норм Главы 11 (ст.ст. 75–78) УК РФ и ст. 25.1. УПК РФ, предусматривающих основания освобождения от уголовной ответственности, приводит к выводу, что в большинстве случаев, ими являются тяжесть преступления, поведение лица после его совершения (явка с повинной, способствование раскрытию преступления, возмещение ущерба или иное заглаживание причиненного вреда, примирение с потерпевшим), свидетельствующее о том, что вследствие деятельного раскаяния оно перестало представлять общественную опасность. К аналогичному выводу можно прийти, изучив нормы, закрепленные в п. 3, п. 4 ст. 81; п. 7, п. 11 ст. 25.14 НК РФ. Предусмотренные законодательством основания, указанные выше, в целом, можно охарактеризовать как изменение оценки личности правонарушителя.

Согласно ст. 2.9. КоАП РФ основанием освобождения от административной ответственности является малозначительность совершенного правонарушения, под которой понимают действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений. Данные основания можно сформулировать как изменение оценки самого правонарушения. Об изменении оценки самого правонарушения, как об одном из оснований освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности, говорится и в абзаце втором п. 3 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2022 г. № 33-П [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что целями освобождения от юридической ответственности являются примирение конфликтов, восстановление нарушенного правоотношения, индивидуализация мер воздействия и предупреждения новых правонарушений, создание условий для реализации, охраны интересов личности путем изменения оценки правонарушения или личности субъекта правонарушения.

Обобщение выводов о признаках, свойственных правовому институту «освобождения от юридической ответственности», сделанных выше, позволяет сформулировать определение исследуемого понятия. **Освобождение от юридической ответственности** – это субинститут института юридической ответственности, направленный на регулирование отношений, содержанием которых является устранение неблагоприятных для правонарушителя правовых последствий, в целях достижения баланса интересов общества и личности, путем изменения оценки правонарушения и (или) личности правонарушителя.

Библиографический список

1. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // www.consultant.ru

2. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // www.consultant.ru
3. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // www.consultant.ru
4. "Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 19.12.2023) // www.consultant.ru
5. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // www.consultant.ru
6. "Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // www.consultant.ru
7. По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта "в" части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова // Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2022 г. № 33-П // www.consultant.ru
8. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права: Курс лекций: В 2 т. – Т. 1: Основные вопросы общей теории социалистического права. – Свердловск: Свердловский юридический институт, 1972. – 396 с.
9. *Базылев Б.Т.* Юридическая ответственность (теоретические вопросы): монография. – Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1985. – 120 с.
10. *Витрук Н.В.* Общая теория юридической ответственности: монография. – М.: РАП, 2009. – 431 с.
11. *Иванов Р.Л.* Некоторые вопросы юридической ответственности // Вестник Омского университета. – 1998. – Вып. 1. – С.94–97.
12. *Иоффе О.С.* Обязательственное право: монография. – М.: Юрид. лит., 1975. – 880 с.
13. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 528 с.
14. *Кузьмин И.А.* Юридическая ответственность: теория и практика: монография. – М.: Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2022. – 188 с.
15. *Кузьмин И.А.* Юридическая ответственность и ее реализация: учеб. пособие. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – 219 с.
16. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. – Саратов: Юристъ, 2004. – 245 с.
17. *Медведев С.В.* Освобождение от юридической ответственности в Российском государстве (теоретические и практические аспекты): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2005. – 29 с.
18. *Олимпиев А.Ю.* К вопросу о понятии, сущности и видах конституционно-правовой ответственности // Образование. Наука. Научные кадры. – 2020. – № 3. – С. 112–116.
19. *Розина С.В.* Институт освобождения от гражданско-правовой ответственности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 27 с.
20. *Скакун О.Ф.* Институт освобождения от юридической ответственности (теоретико-правовой и историко-правовой аспекты) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. Вернадского, сер. «Юридические науки». – Т. 21 (60). – 2008. – № 2. – С. 82–91.
21. *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Общая теория юридической ответственности: монография. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2007. – 934 с.
22. *Чернявский А.Г.* Понятие механизма реализации освобождения от юридической ответственности // Образование и право. – 2017. – № 10. – С. 218–223.

Для цитирования: Кузьмин Д.С. О понятии освобождения от юридической ответственности: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 2 (36). – С. 111–116.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_111

ON THE CONCEPT OF EXEMPTION FROM LEGAL LIABILITY

Dmitry S. Kuzmin*

Annotation. *The article analyzes the concept of legal responsibility and provides an overview of the opinions of scientists about its essence. The most universal, in the author's opinion, definition of this concept is given. Particular attention is paid to the essence of exemption from legal liability. The author comes to the conclusion that the institution of exemption from legal liability is a sub-institution of the institution of legal liability and offers the author's definition of this structural legal entity.*

Key words: *social responsibility, legal responsibility, exemption from legal liability, legal norm.*

The interaction of subjects of social relations is regulated by various social norms, deviation from the requirements of which entails the onset of social responsibility, one of the implications of which is legal responsibility, which is regulated by legal norms. In current legislation, the terms “responsibility” and “legal responsibility” are actively used, and they are often synonymous. Thus, individual chapters of various legal acts and articles are called “responsibility”. For example, Art. 1064 of the Civil Code of the Russian Federation “General grounds for liability for causing harm” [5]; Section XI of the Labor Code of the Russian Federation “Material liability of the parties to an employment contract” [6]; Chapter 2 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses “Administrative Offense and Administrative Responsibility” [3]; Section IV of the Criminal Code of the Russian Federation “Exemption from criminal liability and punishment” [1], etc.

At the same time, there is no legal definition of the concept of “legal liability” in existing regulatory legal acts. A lengthy discussion both in the theory of state and law and in branch legal sciences has not led to a consensus on the concept of legal responsibility. So, S.S. Alekseev points out that “responsibility is state coercion, expressed in law, acts as an external influence on behavior, based on the organized power of the state and the presence of “material” instruments of power and aimed at the outwardly unconditional (inflexible) assertion of the state authorities” [8, p. 371]. According to B.T. Bazyleva, “legal liability is a legal relationship of a protective type that arose on the basis of an offense” [9, p. 72]. O.S. Ioffe believed that “legal responsibility should be understood as a sanction for an offense, as a consequence provided for by the rule of law in case of non-compliance” [12, p. 95]. It can be assumed that the diversity and contradictory views of scientists on the concept of legal responsibility is one of the reasons for the lack of its legal definition. After all, it is difficult for the legislator himself to navigate the diversity of scientific opinions when developing normative legal acts.

It is necessary to point out that in current regulatory legal acts the concept of responsibility can be used in a positive and negative sense. The theoretical views of scientists are no exception, and the debate itself about the legal or moral nature of positive responsi-

* **Kuzmin Dmitry Sergeevich**, graduate student of the Department of Theory and History of State and Law, Togliatti State University. E-mail: E-mail: mr.kuzmin323@mail.ru

Scientific supervisor – **Lipinsky Dmitry Anatolyevich**, professor of the Department of Theory of State and Law of Togliatti State University, Doctor of Law, professor. ORCID: 0000-0003-1870-069X; Scopus: 56613190700. E-mail: dmitri8@yandex.ru

bility has been going on for several decades. In particular, it is noted: “legal responsibility, like any other type of social responsibility, is uniform and includes responsibility for future behavior (positive, voluntary responsibility) and responsibility for past illegal behavior (negative, state-compulsory responsibility) [21, p. 22].

N.I. Matuzov and A.V. Malko also point out that “modern science distinguishes in it (legal responsibility – author’s note) at least two aspects of responsibility – negative (retrospective) and positive (prospective). Both of these aspects are important for the normal functioning of the legal system and individual behavior” [16, p. 217]. S.A. Komarov understands retrospective legal responsibility as the fulfillment by the offender of obligations on the basis of state coercion, a legal relationship that arises between the state and the individual who is entrusted with the obligation to suffer adverse consequences and deprivations for the committed offense [13, p. 474], and positive legal responsibility as an individual’s awareness and reproduction in his behavior of the need to fulfill his duty [13, p. 475].

Other scientists take the opposite position. So, in one of his works R.L. Ivanov expresses the opinion that “objective manifestations of positive legal responsibility do not go beyond the scope of issues of lawful behavior and legal consciousness [11, p. 95, 96]. Opinion of R.L. Ivanov, in general, is shared by I.A. Kuzmin, pointing out that “since the theory of positive legal responsibility actually replaces general theoretical issues of lawful behavior..., then attributing positive legal responsibility to legal pseudomorphoses is not our subjective whim, but an objective necessity” [15, p. 15]. I.A. Kuzmin also distinguishes legal responsibility in an objective sense and a subjective sense. In his view, legal responsibility in the objective sense is measures of state coercion enshrined in the sanctions of legal norms, and legal responsibility in the subjective sense is the subjective obligation of a person to undergo measures of state coercion [14; 15, p. 23].

The limited scope of the work does not allow us to enter into a detailed discussion regarding the legal or moral nature of positive responsibility; we will only indicate that we support this scientific position. So, “legal responsibility is a normative, guaranteed and secured by state coercion, persuasion or encouragement, a legal obligation to comply with and fulfill the requirements of the law, realized in the lawful behavior of subjects, approved or encouraged by the state, and in case of its violation, the offender’s obligation to endure condemnation, restriction of rights of a property or personal non-property nature and its implementation” [21, p. 31].

It is quite traditional in the scientific literature to classify legal liability into criminal, administrative, civil, disciplinary, material, constitutional, financial and legal [18, p. 112–113], and the grounds for bringing the offender to any type of legal liability are his actions that constitute the offense. Meanwhile, the current legislation provides not only the grounds and procedure for bringing an offender to justice, but also rules that exempt from it. An analysis of the current legislation shows that they are contained in the Civil Code of the Russian Federation (Article 1066 “Causing harm in a state of necessary defense”; Article 1067 “Causing harm in a state of extreme necessity”) [5]; Criminal Code of the Russian Federation (Chapter 11 “Exemption from criminal liability”) [1]; Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (Article 431 “Release by the court of a minor defendant from criminal liability with the use of compulsory educational measures”; Chapter 51.1. “Proceedings on the appointment of a measure of a criminal legal nature when releasing from criminal liability” [2]; Tax Code RF (clause 3, clause 4, article 81; clause 7, clause 11, article 25.14, etc. [4].

There are no rules providing for the grounds and procedure for exemption from other types of legal liability in the current legislation. It should be noted that exemption from legal liability is possible only in relation to its negative form of implementation.

The scientific literature has not developed a unified approach to defining the concept of “exemption from legal liability.” It is not enshrined in current legislation either. We consider it necessary to conduct a brief scientific review of the opinions of scientists on this issue. So, N.V. Vitruk considered release from legal liability as “...removing the need (obligation) to restore rights, compensate for harm, or undergo retribution (punishment, punishment) for an offense committed” [10, p. 250]. According to A.G. Chernyavsky, “...exemption from legal liability must be considered from the standpoint of legal relations, because Legal responsibility cannot be presented as a one-sided phenomenon, because responsibility to oneself is impossible” [22, p. 221].

O.F. Skakun believes that “the institution of exemption from legal liability is the regulation of relations that develop in the process of legal forgiveness of the subject who committed the offense” [20, p. 84]. S.V. Rozina characterizes exemption from legal liability as “... a set of legal norms regulating... relations related to the release of participants in economic transactions from their obligation to compensate for damage...” [19, p. 7]. According to the position of S.V. Medvedev, the legal nature of exemption from legal liability lies in the fact that it is “a special form of legal encouragement in the form of renunciation of state coercion and punishment” [17, p. 18].

The indicated scientific positions on the essence of exemption from legal liability can be divided into two groups. The first group includes those in which the process is described, and the second group is based on the formulation of the purpose of this process. To “describe the process”, the concepts “removal of the need...” (N.V. Vitruk), “relations that develop in the process...” (O.F. Skakun), “... a special form of legal incentive ...” (S.V. Medvedev), but when “formulating the goal”, almost all authors are unanimous in the opinion that it consists in eliminating the adverse legal consequences provided for by the measures of responsibility for committing any offense.

In our opinion, “elimination of consequences” is precisely the legal nature of the legal institution of exemption from legal liability.

In his work S.V. Medvedev considers exemption from legal liability as three interconnected subsystems, namely: a political-legal phenomenon, a complex legal institution, and a real legal process [17, p. 19, 20]. An integrated approach proposed by S.V. Medvedev, maintains the inconsistency of different points of view and does not help overcome them. Meanwhile, the formulation of the concept of “exemption from legal liability” should not contain contradictory features, but include only interdependent properties characteristic of this concept. Such properties include its place in the system of other legal institutions, goals and legal means of achieving them.

It should be noted that a political and legal phenomenon is not only exemption from legal liability, but also other legal institutions. Therefore, this property is not exclusive only for exemption from legal liability. In our opinion, the state policy for exemption from liability is expressed in a certain ideology, formulated in specific norms of the Constitution of the Russian Federation and implemented by creating an industry-specific legal framework that allows achieving these goals, and not in an act of state bodies and their officials.

It seems that the essence of the legal process aimed at releasing a person from legal liability is the actions of authorized entities prescribed by legal norms, aimed at implementing a set of measures, the result of which will be the adoption of a law enforcement act.

There is a close relationship between the institution of legal liability and the institution of exemption from it. They represent two interacting systems, and the system of release is dependent in relation to the system of legal responsibility.

The relatively independent existence of the institution of “exemption from legal liability”, not conditioned by the existence of “legal liability”, is impossible. The presence of a system of legal norms regulating relations of exemption from legal liability is directly dependent on the norms of legal liability, and is an integral part of it. Therefore, the institution of exemption from legal liability must be considered as a sub-institution of the institution of “legal responsibility”.

We cannot ignore the question of the purposes of exemption from legal liability. So, Vitruk N.V. believed that “the action of the principles of justice, humanism and individualization of legal responsibility directly determine the existence of the institution of exemption from legal responsibility” [10, p. 250]. These principles can also be interpreted as the goals of exemption from legal liability. Another formulation of the goals of exemption from legal liability was proposed by O.F. Horse. In his opinion, “the goals of exemption from legal liability are the reconciliation of conflicts (collisions) and disputes, restoration (correction) of broken legal relations, individualization of measures of influence and prevention of offenses” [20, p. 84].

Studying the norms of Chapter 11 (Articles 75–78) of the Criminal Code of the Russian Federation and Art. 25.1. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which provides the grounds for exemption from criminal liability, leads to the conclusion that in most cases they are the severity of the crime, the behavior of the person after its commission (turning himself in, contributing to the detection of the crime, compensation for damage, or other making amends for the harm caused, reconciliation with the victim), indicating that, as a result of active repentance, it has ceased to pose a public danger. A similar conclusion can be reached by studying the norms enshrined in paragraph 3, paragraph 4 of Art. 81; clause 7, clause 11 art. 25.14 Tax Code of the Russian Federation. The grounds provided for by law mentioned above, in general, can be characterized as a change in the assessment of the offender’s personality.

According to Art. 2.9. Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, the basis for exemption from administrative liability is the insignificance of the offense committed, which is understood as an action or inaction, although formally containing the elements of an administrative offense, but taking into account the nature of the offense committed and the role of the offender, the amount of harm and the severity of the consequences that occurred, it does not represent significant violation of protected public legal relations. These grounds can be formulated as a change in the assessment of the offense itself. A change in the assessment of the offense itself, as one of the grounds for exemption from criminal liability due to the expiration of the statute of limitations, is also stated in the second paragraph of paragraph 3 of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 18, 2022 No. 33- P [7].

Thus, we can conclude that the goals of exemption from legal liability are the reconciliation of conflicts, the restoration of broken legal relations, the individualization of measures of influence and the prevention of new offenses, the creation of conditions for the implementation and protection of the interests of the individual by changing the assessment of the offense or the personality of the subject offenses.

Generalization of the conclusions about the features inherent in the legal institution of “exemption from legal liability” made above allows us to formulate a definition of the concept under study.

Exemption from legal liability is a sub-institution of the institution of legal liability, aimed at regulating relations, the content of which is the elimination of legal consequences unfavorable for the offender, in order to achieve a balance of interests of society and the individual, by changing the assessment of the offense and (or) the individual offender.

Bibliography

1. "Criminal Code of the Russian Federation" dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on February 14, 2024) // www.consultant.ru
2. "Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated December 18, 2001 # 174-FZ (as amended on February 14, 2024) // www.consultant.ru
3. "Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" dated December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on December 25, 2023) // www.consultant.ru
4. "Tax Code of the Russian Federation (Part One)" dated July 31, 1998 N 146-FZ (as amended on December 19, 2023) // www.consultant.ru
5. "Civil Code of the Russian Federation (Part Two)" dated January 26, 1996 N 14-FZ (as amended on July 24, 2023) // www.consultant.ru
6. "Labor Code of the Russian Federation" dated December 30, 2001 N 197-FZ (as amended on February 14, 2024) // www.consultant.ru
7. In the case of verifying the constitutionality of part two of Article 27 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and paragraph "c" of part one of Article 78 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.A. Rudnikova // Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 18, 2022 No. 33-P // www.consultant.ru
8. Alekseev S.S. Problems of the theory of law: Course of lectures: In 2 volumes. Volume 1: Basic issues of the general theory of socialist law. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute, 1972. 396 p.
9. Bazylev B.T. Legal responsibility (theoretical issues): monograph. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publishing House, 1985. 120 p.
10. Vitruk N.V. General theory of legal liability: monograph. Moscow: RAP, 2009. 431 p.
11. Ivanov R.L. Some issues of legal liability // Bulletin of Omsk University. 1998. Issue. 1. P. 94–97.
12. Ioffe O.S. Law of Obligations: monograph. Moscow: Legal. lit., 1975. 880 p.
13. Komarov, S. A. General theory of state and law: a textbook for universities / S. A. Komarov. 10th ed., rev. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. 528 p.
14. Kuzmin I.A. Legal responsibility: theory and practice: monograph. Moscow: YURKOMPANI Publishing House, 2022. 188 p.
15. Kuzmin I.A. Legal responsibility and its implementation: textbook. allowance. Irkutsk: ISU Publishing House, 2013. 219 p.
16. Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of state and law: textbook. Saratov: Yurist, 2004. 245 p.
17. Medvedev S.V. Exemption from legal liability in the Russian state (theoretical and practical aspects): abstract. diss. ...cand. legal sci. Nizhny Novgorod, 2005. 29 p.
18. Olimpiev A.Yu. On the issue of the concept, essence and types of constitutional and legal responsibility // Education. The science. Scientific personnel. 2020. No. 3. P. 112–116.
19. Rozina S.V. Institute for exemption from civil liability: abstract. diss. ...cand. legal Sci. Moscow, 2006. 27 p.
20. Skakun O.F. Institute for exemption from legal liability (theoretical-legal and historical-legal aspects) // Scientific notes of the Crimean Federal University. V. Vernadsky, series "Legal Sciences". T. 21 (60). 2008. No. 2. P. 82–91.

21. Khachaturov R.L., Lipinsky D.A. General theory of legal liability: monograph. St. Petersburg: Legal Center-Press, 2007. 934 p.

22. Chernyavsky A.G. The concept of the mechanism for implementing exemption from legal liability // Education and Law. 2017. No. 10. P. 218–223.

For citation: Kuzmin D.S. On the concept of exemption from legal liability: article // Theory of State and Law. 2024. No. 2 (36). P. 117–122.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_111

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_123

И.Н. Куксин*

В.В. Мураева**

КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ – НОРМАТИВНАЯ ОСНОВА СИЛЬНОГО ПРАВОВОГО И СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

***Аннотация.** В Конституции Российской Федерации записано, что Россия – суверенное правовое социальное государство. Это констатация факта. А как на практике? Авторы через анализ тех преобразований, которые происходят в России, прежде всего, в экономической, политической, нравственной и иных сферах государственной и общественной жизни показывают, как постепенно, но уверенно Российская Федерация приобретает черты правового и социального государства. Нормативной основой, источником таких преобразований, выводящих Россию в разряд таковых государств, является Конституция. В результате проведенного исследования авторы излагают факты и аргументы, показывающие создание тех начал, основ, которые дают право утверждать, что Россия сильное правовое и социальное государство.*

***Ключевые слова:** Конституция Российской Федерации, правовое государство, социальное государство, сильное государство, власть, децильный коэффициент.*

Введение. Ушедший 2023 год был ознаменован многими политическими событиями, среди которых особое место занимает событие, связанное с 30-летием действия Конституции Российской Федерации. За эти годы этот высший (верховный, основной) закон, прошел проверку практикой, несмотря на крайне сложную и противоречивую реальность. Подтверждением последнего является успешное преодоление того хаоса и анархии, которые имели место в России в конце XX века и начале нулевых и десятых годов XXI столетия. Она позволила политическому руководству страны удержать общество в конституционных рамках от острого и жесткого «раскола», не допустив территориального расчленения, сохранив целостность Российского государства.

Основная часть. Истинной проверкой устойчивости правовой и экономической системы России стал период «санкции из ада», обещанные Западом России за ее действия на Украине. Так с началом проведения специальной военной операции в течение десяти дней, начиная с 8 марта 2022 года, было введено 5,5 тысяч разнообразных санкций. Это рекорд всех времен. Для сравнения против Ирана за 40 лет

* **Куксин Иван Николаевич**, профессор департамента права института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: proffkuk-1944@yandex.ru

** **Мураева Валерия Викторовна**, аспирантка департамента права института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета. E-mail: muraevavv@mgpu.ru

ввели 3,6 тысяч санкций, против Сирии с 2011 года – 2,6 тысяч санкций [17]. Такая агрессивная политика Запада против Российской Федерации не могла не отразиться на внутреннем положении страны. Российская экономика, согласно данным Росстата, по итогам 2022 года пережила один из самых жестких кризисов за свою историю, потеряв при этом всего около 2,1% ВВП [6]. Основными причинами падения экономики стали масштабные санкции, поэтапно вводимые Западом после событий 24 февраля 2022 года, отток работоспособного населения за пределы страны, ограничения на импорт, валютных операций и уход из страны крупных международных компаний.

Спикер Государственной думы РФ Вячеслав Володин 19 декабря 2023 года заявил, что «после принятия Евросоюзом 12-го пакета антироссийских санкций количество незаконных ограничительных мер в отношении России выросло до 18 772» [7]. В этих жесточайших условиях экономика России не только выстояла, но и прибавила в темпах роста экономических показателей.

Так, Президент Российской Федерации В.В. Путин в ходе прямой линии и пресс-конференции 12 декабря 2023 года привел несколько показателей роста экономики: «рост ВВП к концу 2023 году ожидается в 3,5 процента – «мы отыграли падение прошлого года»; инфляция «подросла» – по итогам года может она быть выше 7,5 процента, ближе к 8 процентам, в связи с чем кабмин и Центробанк обсуждают меры, в том числе возможно поднятие ключевой ставки; промышленное производство «растет уверенно» – 3,6 процента, также растет обрабатывающая промышленность – 7,5 процента, – «давно такого не было»; реальная зарплата вырастет в среднем на 8 процентов с учетом инфляции – «понимаю, что не у всех будет так, но в среднем по стране эта статистика точная»; уровень безработицы составит 2,9 – «такого вообще никогда не было в истории России»; рост инвестиций в основной капитал – 10 процентов, прибыль предприятий выросла на 24 процента по сравнению с предыдущим годом. Таким образом, запас прочности в экономике России, по словам Президента Российской Федерации, «достаточный для того, чтобы не просто уверенно себя чувствовать, но и идти вперед» [13].

Этот вывод позволяет утверждать, что Российская Федерация уверенно входит в число *сильных* государств мира [10, с. 133–141]. Подтверждается еще и тем, что заложенные Конституцией РФ основы устройства России, как демократического федеративного правового социального государства, позволяют ей быть экономически независимой мировой державой [1; 9]. Так, в январе 2024 года у президента России состоялся в Хабаровском крае большой разговор с местными предпринимателями об экономике и возможностях для бизнеса на Дальнем Востоке в ходе которого глава государства заявил: ««Это, конечно, удивительный результат. Вроде бы нас душат, давят, а мы стали по объему экономики, в целом, первые в Европе. Мы обогнали ФРГ и заняли пятое место в мире. Китай, США, Индия, Япония, Россия. По покупательной способности мы обогнали всю Европу, но на душу населения нам еще надо стараться, поэтому здесь еще есть над чем работать» [11].

Благодаря сильной власти Россия смогла нейтрализовать внутренние и внешние угрозы своему существованию. Как никогда ранее в современный период проявляется единство народа, в основе которого лежат доверие и согласие. Доверие, прежде всего к власти, ибо без такового ни о каком единстве говорить не приходится. Подтверждение этому положила крымская весна, а затем всенародное голосование по внесению поправок в Конституцию России в 2020 году. Поправки не только укрепили суверенитет Российской Федерации, закрепили приоритет национального зако-

нодательства над международным, но и подтвердили, что Россия социальное государство. Не надо забывать, что в связи с нынешним украинским конфликтом полсотни стран объединились в антироссийскую коалицию. Об этом заявил сам президент США в ходе своего визита в Киев [14].

В этих условиях возвращение в состав России исторических земель, принятие Национальной стратегии безопасности РФ и подтверждение Президентом Российской Федерации о том, что наша страна располагает суперсовременным вооружением не имеющим аналогов в мире – это далеко не полный перечень того, что делает власть за последние годы в ответ на то доверие, которое оказывает российское общество.

Однако на фоне тех достижений, которые демонстрирует власть своему обществу нельзя не видеть тех угроз, которые бросают вызов общественному согласию. Председатель Конституционного суда России Валерий Зорькин на встрече с Президентом РФ Владимиром Путиным в честь 30-летия Конституции России назвал «главным источником напряжения в российском обществе, создающие риски размывания общественного согласия и доверия, ... нерешенность социально-экономических проблем. Об этом, в частности, свидетельствует большое число обращений в Конституционный суд РФ, связанных с защитой социальных прав граждан» [8]. В реальной действительности это так, ибо в сознании населения еще не сгладилась та несправедливость, которая была вызвана экономическими реформами 90-х годов XX столетия. Они вызвали социальное расслоение, которое усугублялось усталостью населения от трех десятилетий реформ, от тех экономических санкций против России со стороны коллективного Запада.

И все же несмотря на всю сложность и остроту текущего момента российскому обществу нельзя отступать от тех гуманистических завоеваний, которые стране удалось достичь за последние десятилетия. Нельзя допустить, чтобы децильный (от лат. *decem* – десять) коэффициент [обозначает соотношение средних доходов 10% наименее обеспеченных и 10% наиболее обеспеченных слоев населения] значительно превышал показатель 10, так как в стране появятся условия для социальных конфликтов. Сегодня в России разрыв между 10% самых бедных и 10% самых обеспеченных достиг 13 кратной величины. Для сравнения: этот показатель в Европейском Союзе достиг 8,5; в США он равен 15 [12]. Как видно в России данный коэффициент находится на среднем уровне. Мировой опыт свидетельствует, что разрыв между 10% самых богатых и 10% самых бедных не должен превышать 10-ти кратной величины.

Перед правительством Российской Федерации стоит задача стремиться постепенно снижать децильный коэффициент. Достичь этого возможно при реализации ранее провозглашенной социальной политики, «... направленной на признание и защиту социальных прав человека в соответствии с принципом справедливости и общепризнанными международно-правовыми стандартами» [12]. Сегодня в России нет иного пути как на практике совершенствовать строительство социального государства. «Сущностная характеристика такого государства, – утверждает председатель Конституционного суда РФ В.Д.Зорькин, – является признание и гарантированность социальных прав на основе принципа справедливости и юридического равенства, то есть прежде всего равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции)» [8]. Следуя данной логике, сильное государство характеризуется и как социальное государство. Поэтому для Российского государства, закрепившего в ст. 7 Конституции РФ [1; 9] статус социального, одной из приоритетных задач на современ-

ном этапе его развития не допустить разрыва между социально-экономическими и политическими ожиданиями населения и реальностью выполнения своих ранее взятых обещаний, особенно в условиях социальных рисков.

К числу таковых рисков следует отнести проведение специальной военной операции на Украине. Выполнение государством сделанных ранее обещаний обществу дает возможность выбивать «kozyри» из рук врагов России манипулировать обездоленными, используя их недовольства против власти. О том, что такая задача посильна свидетельствует принятый Федеральный закон от 27.11.2023 № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов». В приведенном нормативном акте видно, что самые крупные направления расходов запланированы правительством на 2024 г., – это национальная экономика (10,7%), социальная политика (21,1%) и национальная оборона (29,3%) [2]. Эти цифры являются доказательством того, что государство максимально стремится удовлетворить социальные потребности своих граждан, которые требуются для их развития на данном историческом промежутке времени. Дееспособное гражданское общество и правовая демократия утверждается только тогда, когда государство удовлетворяет и реализует социальные права граждан.

На текущий момент мало провозгласить и закрепить социальную политику в действующей Конституции РФ. Со стороны государства необходимо принятие таких мер, которые позволили бы более эффективно внедрять в деятельность органов власти курс на социально ориентированное развитие России, что позволит более полную реализацию в практике государственного строительства конституционного принципа социального государства. В частности, речь идет, об охране труда и здоровья граждан, оплаты труда не ниже прожиточного минимума, государственной поддержке института семьи и социально уязвимых категорий граждан. Следует особо выделить из числа принятых поправок статью 75.1. Конституции, где на конституционном уровне закреплена гарантия «защиты достоинства граждан и уважение человека труда, сбалансированность прав и обязанность гражданина, социальное партнерство, политическая и социальная солидарность» [1; 9, с. 187–190]. Эта поправка имеет принципиальнейшее значение для обеспечения социальной безопасности и эффективного развития страны. Исходя из конституционных положений суды всех уровней, при разрешении юридических дел должны более полно учитывать ту обстановку, жизненную ситуацию в которой оказался человек.

Все изменения, которые происходят в экономической и правовой сфере необходимо направлять на создание таких условий, чтобы человек имел возможность своим трудом обеспечить себе и своей семье достойное существование, мог в судебном порядке защитить свои конституционные права. Оттого как на практике будут решаться все эти жизненно важные проблемы будет зависеть уровень доверия людей к публичной власти. «По смыслу нашей Конституции, – по утверждению председателя Конституционного суда РФ В.Д. Зорькина, – социальная политика, основанная на принципе социального государства, – это не произвольная по своей природе благотворительная деятельность, продиктована соображениями политического или морального характера. Это конституционно-правовая обязанность государства гарантировать и защищать права в качестве основных и неотчуждаемых прав» [8].

Заключение. О том, что Российское государство уверенно идет по пути строительства сильного правового и социального государства свидетельствует реализация национальных проектов и государственных программ, начатая в 2019 году.

Theory of State and Law

Сегодня в России действует 14 национальных проектов, которые затрагивают сферы от образования, культуры, здравоохранения и экологии до предпринимательства, развития дорожного хозяйства и комфортной городской среды. Так, всего в рамках национальных проектов из бюджета Российской Федерации было запланировано 2,21 трлн рублей, из которых исполнено – 2,09 трлн рублей (94,47%). Наиболее успешно – на 100% – был исполнен национальный проект "Наука и университеты". Худшее исполнение зафиксировано в национальном проекте "Жилье и городская среда" – 83,69% [16].

В.В. Путин, выступая 29.02.2024 года с посланием к Федеральному Собранию Российской Федерации, сообщил о запуске новых национальных проектов – «Семья», «Молодежь России», «Продолжительная и активная жизнь», «Кадры», «Экономика данных» [15].

Ниже приведены реальные цифры исполнения государственного бюджета по каждому из реализуемых национальных проектов и государственных программ на 01.01.2023 года.

Исполнение национальных проектов на 01.01.2023 г.

Всего в рамках национальных проектов	Код	Назначено на 01.01.2023 тыс.руб.	Исполнение на 01.01.2023 тыс.руб.	% исполнения
Всего в рамках национальных проектов		2 210 513 781,30	2.088 272 999,20	94,47%
Культура	A	33 674 098,86	32 786 830,87	97,37%
Цифровая экономика РФ	D	17.445 605,90	17 062 648,99	97,80%
Образование	E	272 106 939,58	258 627 390,07	95,05
Жилье и городская среда	F	426 602 451,28	357 009 157,12	83,69%
Экология	G	208 585 568,01	107 367 646,97	98,88
Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы	I	27 185 637,74	27 109 813, 75	99,72%
Туризм и индустрия предпринимательства	J	25 534 620,06	25 023 670,71	98,00%
Производительность труда	L	2 795 873,31	2 790 659,03	99,81%
Здравоохранение	N	298 542 898,44	277 167 149,35	92,84%
Демография	P	475 216 587,17	467 505 224,51	98,38%
Безопасные и качественные дороги	R	456 550 498,01	449 925 421,98	98,55%
Наука и университеты	S	2 553 840,30	2 553 840,30	100,00%
Международная кооперация и экспорт	T	11 399 614 62	11 305 378,28	99,17
Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры	V	52 318 458,01	52 038 077,28	99,46

Ключевыми задачами на текущий момент были и есть укрепление нашей финансовой устойчивости и технологического суверенитета, строительство современной инфраструктуры, в том числе для интеграции новых четырех регионов. В целом

национальные проекты ориентированы на улучшение качества жизни людей [3; 4; 5]. В перечень ключевых задач входит и достижение тех конечных целей, которые были поставлены президентом Российской Федерации В.В. Путиным 24 февраля 2022 года. Это тоже будет доказательством того, что Россия всегда была и есть сильным государством.

На текущем историческом этапе приоритет Российского государства – это люди, выполнение взятых социальных обязательств в полном объеме, помощь семьям с детьми, развитие медицины и образования. Реализация перечисленных задач должна обеспечиваться не только консолидацией россиян, устойчивостью экономической системы, но и конституционной ответственностью всего общества за устойчивое развитие нашей страны, за ее настоящее и будущее.

Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru/
2. Федеральный закон от 27.11.2023 № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_462891/ (дата обращения: 26.12.2023).
3. Битерман О.Э., Комарова Т.Л. Эволюция реализации приоритетных национальных проектов: статья // Теория государства и права. 2023. № 4. С. 13–23.
4. Битерман О.Э., Воробьев С.М. Роль и значение приоритетных национальных проектов для российской государственности: статья // Юридическая мысль. – 2023. – № 1. – С. 8–14.
5. Битерман О.Э. Понятие, значение и перспективы реализации приоритетных национальных проектов для российской государственности: статья // Теория государства и права. – 2023. – № 3 (32). – С. 55–67.
6. В Росстате сообщили о снижении ВВП РФ по итогам 2022 года на 2,1% // URL: <https://tass.ru/ekonomika/17096797> (дата обращения: 03.01.2024).
7. В Госдуме назвали число санкций, введенных против России // URL: <https://www.kp.ru/online/news/5595422/> (дата обращения: 29.12.2023).
8. Зорькин В.Д. Под знаком Конституции // Российская газета, 2023, 12 декабря.
9. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с.
10. Куксин И.Н. Россия – сильное государство // Теория государства и права. – 2023. – №1(30). – С. 133–141.
11. «Лучше будет»: какие заявления сделал Путин в Хабаровском крае // URL: https://dzen.ru/a/ZZ_aslHRiT_yRdrw (дата обращения: 15.01.2024).
12. Неравенство в доходах // Российская газета, 2023, 13 ноября.
13. О чем рассказал Владимир Путин на прямой линии? // <https://lenta.ru/articles/2023/12/14/line/> (дата обращения 14.03.2024)
14. Полсотни стран объединились в антироссийскую коалицию // URL: <https://news.rambler.ru/conflicts/50247176-polsotni-stran-obedinilis-v-antirossiyskuyu-koalitsiyu-bayden/> (дата обращения: 06.01.2024).
15. Путин объявил о новых нацпроектах // URL: <https://ria.ru/20240229/natsproekt-1930190992.html?ysclid=ltpeb5ctt2835884494>
16. Результаты исполнения национальных проектов в 2022 году: общие итоги // URL: <https://www.iminfin.ru/news/516-rezultaty-ispolneniya-natsionalnykh-proektov-v-2022-godu-obshchie-itogi> (дата обращения: 9.01.2024).

17. Санкции Запада не смогли сломить ни Иран, ни Венесуэлу, ни Северную Корею. Россию тем более не смогут // URL.: <https://www.kp.ru/daily/27373/4555582/> (дата обращения: 29.12.2023).

Для цитирования: Куксин И.Н., Мураева В.В. Конституция России оплот сильного правового и социального государства: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 2 (36). – С. 123–129.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_123

THE CONSTITUTION OF RUSSIA – IS THE STRONGHOLD OF A STRONG LEGAL AND SOCIAL STATE

Ivan N. Kuksin*
Valeria V. Muraeva**

Annotation. *The Constitution of the Russian Federation states that Russia is a sovereign legal social state. This is a statement of fact. What about in practice? The authors, through an analysis of the transformations that are taking place in Russia, primarily in the economic, political, moral and other spheres of state and public life, show how gradually but confidently the Russian Federation is acquiring the features of a legal and social state. The normative basis, the source of such transformations, which bring Russia into the category of such states, is the Constitution. As a result of the research, the authors present facts and arguments showing the creation of those principles and foundations that give the right to assert that Russia is a strong legal and social state.*

Key words: *Constitution of the Russian Federation, rule of law, social state, strong state, power, decile coefficient.*

Introduction. The past year 2023 was marked by many political events, among which a special place is occupied by the event associated with the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation. Over the years, this supreme (supreme, fundamental) law has been tested by practice, despite the extremely complex and contradictory reality. Confirmation of the latter is the successful overcoming of the chaos and anarchy that took place in Russia at the end of the 20th century and the beginning of the 2000s and 1900s of the 21st century. It allowed the country's political leadership to keep society within the constitutional framework from an acute and severe “split,” preventing territorial dismemberment and preserving the integrity of the Russian state.

Main part. The true test of the stability of Russia's legal and economic system was the period of “sanctions from hell” promised by the West to Russia for its actions in Ukraine. So, with the start of the special military operation, 5.5 thousand various sanctions were introduced within ten days, starting on March 8, 2022. This is an all-time record. For comparison, 3.6 thousand sanctions have been imposed against Iran over 40 years, and 2.6 thousand sanctions against Syria since 2011 [17]. Such an aggressive policy of the West against the Russian Federation could not but affect the internal situation of the country.

* **Kuksin Ivan Nikolaevich**, Professor of the Department of Law, Institute of Economics, Management and Law, Moscow City Pedagogical University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation. E-mail: proffkuk-1944@yandex.ru

** **Muraeva Valeria Viktorovna**, graduate student of the Department of Law, Institute of Economics, Management and Law, Moscow City Pedagogical University. E-mail: muraevavv@mgpu.ru

The Russian economy, according to Rosstat, at the end of 2022 experienced one of the most severe crises in its history, losing only about 2.1% of GDP [6]. The main reasons for the decline of the economy were large-scale sanctions gradually introduced by the West after the events of February 24, 2022, the outflow of the working population outside the country, restrictions on imports, foreign exchange transactions and the departure of large international companies from the country.

Speaker of the State Duma of the Russian Federation Vyacheslav Volodin stated on December 19, 2023 that “after the European Union adopted the 12th package of anti-Russian sanctions, the number of illegal restrictive measures against Russia increased to 18,772” [7]. In these harsh conditions, the Russian economy not only survived, but also increased its growth rate of economic indicators.

Thus, President of the Russian Federation V.V. Putin, during a direct line and press conference on December 12, 2023, cited several indicators of economic growth: “GDP growth by the end of 2023 is expected to be 3.5 percent – “we have recovered from last year’s decline”; inflation has “grown up” – at the end of the year it may be higher than 7.5 percent, closer to 8 percent, in connection with which the Cabinet of Ministers and the Central Bank are discussing measures, including a possible increase in the key rate; industrial production is “growing confidently” – 3.6 percent, manufacturing industry is also growing – 7.5 percent – “this has not happened for a long time”; real wages will increase by an average of 8 percent, taking into account inflation – “I understand that not everyone will have this, but on average for the country, these statistics are accurate”; the unemployment rate will be 2.9 – “this has never happened in the history of Russia”; growth in investment in fixed assets – 10 percent, enterprise profits increased by 24 percent compared to the previous year. Thus, the margin of safety in the Russian economy, according to the President of the Russian Federation, “is sufficient for not only to feel confident, but also to move forward” [13].

This conclusion allows us to assert that the Russian Federation is confidently among the powerful states of the world [10, p. 133–141]. It is also confirmed by the fact that the foundations laid down by the Constitution of the Russian Federation for the structure of Russia as a democratic federal legal social state allow it to be an economically independent world power [1; 9]. So, in January 2024, the President of Russia had a big conversation with local entrepreneurs in the Khabarovsk Territory about the economy and business opportunities in the Far East, during which the head of state said: “This, of course, is an amazing result. It seems that they are strangling us, putting pressure on us, but we have become, in general, the first in Europe in terms of economic volume. We overtook Germany and took fifth place in the world. China, USA, India, Japan, Russia. In terms of purchasing power, we have overtaken the whole of Europe, but per capita we still have to try, so there is still something to work on here” [11].

Thanks to strong power, Russia was able to neutralize internal and external threats to its existence. More than ever before in the modern period, the unity of the people is manifested, which is based on trust and harmony. Trust, first of all, in the authorities, because without it there is no need to talk about any unity. This was confirmed by the Crimean spring, and then by the nationwide vote to amend the Russian Constitution in 2020. The amendments not only strengthened the sovereignty of the Russian Federation, secured the priority of national legislation over international legislation, but also confirmed that Russia is a social state. We must not forget that in connection with the current Ukrainian conflict, fifty countries have united in an anti-Russian coalition. The US President himself stated this during his visit to Kyiv [14].

In these conditions, the return of historical lands to Russia, the adoption of the National Security Strategy of the Russian Federation and confirmation by the President of the Russian Federation that our country has ultra-modern weapons that have no analogues in the world – this is far from a complete list of what it is doing power in recent years in response to the trust shown by Russian society.

However, against the backdrop of the achievements that the authorities demonstrate to their society, one cannot help but see those threats that challenge social harmony. Chairman of the Constitutional Court of Russia Valery Zorkin, at a meeting with Russian President Vladimir Putin in honor of the 30th anniversary of the Russian Constitution, called “the main source of tension in Russian society, creating risks of erosion of public consent and trust, ... the unresolved socio-economic problems. This, in particular, is evidenced by the large number of appeals to the Constitutional Court of the Russian Federation related to the protection of social rights of citizens” [8]. In reality, this is so, because in the minds of the population the injustice that was caused by the economic reforms of the 90s of the 20th century has not yet been smoothed out. They caused social stratification, which was aggravated by the fatigue of the population from three decades of reforms, from those economic sanctions against Russia from the collective West.

And yet, despite all the complexity and severity of the current moment, Russian society cannot retreat from the humanistic gains that the country has managed to achieve over the past decades. The decile (from the Latin *decem* – ten) coefficient [denotes the ratio of average incomes of the 10% of the least well-off and 10% of the most affluent strata of the population] should not be allowed to significantly exceed 10, since conditions for social conflicts will appear in the country. Today in Russia the gap between the poorest 10% and the richest 10% has reached 13 times the size. For comparison: this figure in the European Union reached 8.5; in the USA it is 15 [12]. As you can see, in Russia this coefficient is at an average level. World experience shows that the gap between the richest 10% and the poorest 10% should not exceed 10 times the value.

The government of the Russian Federation is faced with the task of striving to gradually reduce the decile coefficient. This can be achieved through the implementation of the previously declared social policy, “... aimed at recognizing and protecting social human rights in accordance with the principle of justice and generally recognized international legal standards” [12]. Today in Russia there is no other way than to practically improve the construction of a social state. “The essential characteristic of such a state,” says the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation V.D. Zorkin, “is the calling and guarantee of social rights based on the principle of justice and legal equality, that is, first of all, the equality of all before the law and the court (Article 19 of the Constitution)” [8]. Following this logic, a strong state is also characterized as a social state. Therefore, for the Russian state, which enshrined in Art. 7 of the Constitution of the Russian Federation [1; 9] social status, one of the priority tasks at the current stage of its development is to prevent a gap between the socio-economic and political expectations of the population and the reality of fulfilling their previously made promises, especially in conditions of social risks.

Such risks include the conduct of a special military operation in Ukraine. The state’s fulfillment of previously made promises to society makes it possible to knock “trump cards” out of the hands of Russia’s enemies and to manipulate the disadvantaged, using their grievances against the authorities. The fact that such a task is feasible is evidenced by the adopted Federal Law of November 27, 2023 No. 540-FZ “On the federal

budget for 2024 and for the planning period of 2025 and 2026.” The above regulatory act shows that the largest areas of spending planned by the government for 2024 are the national economy (10.7%), social policy (21.1%) and national defense (29.3%) [2]. These figures are proof that the state strives to satisfy the social needs of its citizens, which are required for their development in a given historical period of time. A capable civil society and legal democracy are established only when the state satisfies and realizes the social rights of citizens.

At the moment, it is not enough to proclaim and enshrine social policy in the current Constitution of the Russian Federation. On the part of the state, it is necessary to take such measures that would make it possible to more effectively implement the course of socially oriented development of Russia into the activities of government bodies, which will allow for a more complete implementation of the constitutional principle of a social state in the practice of state building. In particular, we are talking about labor protection and health of citizens, wages not lower than the subsistence level, state support for the institution of family and socially vulnerable categories of citizens. Among the adopted amendments, Article 75.1 should be especially highlighted. The Constitution, which at the constitutional level enshrines the guarantee of “protection of the dignity of citizens and respect for working people, the balance of rights and responsibilities of a citizen, social partnership, political and social solidarity” [1; 9, p. 187–190]. This amendment is of fundamental importance for ensuring social security and effective development of the country. Based on constitutional provisions, courts at all levels, when resolving legal cases, must more fully take into account the environment and life situation in which a person finds himself.

All changes that occur in the economic and legal sphere must be aimed at creating such conditions so that a person has the opportunity through his work to ensure a decent existence for himself and his family, and can protect his constitutional rights in court. The level of people’s trust in public authorities will depend on how all these vital problems are solved in practice. “According to the meaning of our Constitution,” according to the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation V.D. Zorkin, – social policy based on the principle of a welfare state is not a charitable activity that is arbitrary in nature, dictated by considerations of a political or moral nature. It is the constitutional and legal duty of the state to guarantee and protect rights as fundamental and inalienable rights” [8].

Conclusion. The fact that the Russian state is confidently moving along the path of building a strong legal and social state is evidenced by the implementation of national projects and government programs that began in 2019.

Today in Russia there are 14 national projects that affect areas from education, culture, healthcare and ecology to entrepreneurship, road development and a comfortable urban environment. Thus, in total, within the framework of national projects, 2.21 trillion rubles were planned from the budget of the Russian Federation, of which 2.09 trillion rubles (94.47%) were executed. The national project “Science and Universities” was carried out most successfully – 100% -. The worst performance was recorded in the national project “Housing and Urban Environment” – 83.69% [16].

V.V. Putin, speaking on February 29, 2024, with a message to the Federal Assembly of the Russian Federation, announced the launch of new national projects – “Family”, “Youth of Russia”, “Long and Active Life”, “Personnel”, “Data Economy” [15].

Below are real figures for the execution of the state budget for each of the ongoing national projects and government programs as of 01/01/2023.

Theory of State and Law

Execution of national projects as of 01/01/2023

Total within national projects	Code	Appointed for 01/01/2023 (thousand rubles)	Execution as of 01/01/2023 (thousand rubles)	% of execution
Total within national projects		2 210 513 781,30	2.088 272 999,20	94,47%
Culture	A	33 674 098,86	32 786 830,87	97,37%
Digital economy of the Russian Federation	D	17.445 605,90	17 062 648,99	97,80%
Education	E	272 106 939,58	258 627 390,07	95,05
Housing and urban environment	F	426 602 451,28	357 009 157,12	83,69%
Ecology	G	208 585 568,01	107 367 646,97	98,88
Small and medium-sized businesses and support for individual entrepreneurial initiatives	I	27 185 637,74	27 109 813, 75	99,72%
Tourism and business industry	J	25 534 620,06	25 023 670,71	98,00%
Labor productivity	L	2 795 873,31	2 790 659,03	99,81%
Healthcare	N	298 542 898,44	277 167 149,35	92,84%
Demography	P	475 216 587,17	467 505 224,51	98,38%
Safe and high-quality roads	R	456 550 498,01	449 925 421,98	98,55%
Science and universities	S	2 553 840,30	2 553 840,30	100,00%
International cooperation and export	T	11 399 614 62	11 305 378,28	99,17
Comprehensive plan for modernization and expansion of main infrastructure	V	52 318 458,01	52 038 077,28	99,46

The key tasks at the moment have been and are strengthening our financial stability and technological sovereignty, building modern infrastructure, including for the integration of the new four regions. In general, national projects are focused on improving the quality of life of people [3; 4; 5]. The list of key tasks also includes achieving those final goals that were set by the President of the Russian Federation V.V. Putin on February 24, 2022. This will also be proof that Russia has always been and is a strong state.

At the current historical stage, the priority of the Russian state is people, fulfilling social obligations in full, helping families with children, developing medicine and education. The implementation of the listed tasks must be ensured not only by the consolidation of Russians, the stability of the economic system, but also by the constitutional responsibility of the entire society for the sustainable development of our country, for its present and future.

Bibliography

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // www.consultant.ru/
2. Federal Law of November 27, 2023 No. 540-FZ "On the federal budget for 2024 and for the planning period of 2025 and 2026" // URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_462891/ (date of access: 12/26/2023).

3. Bitterman O.E., Komarova T.L. Evolution of the implementation of priority national projects: article // Theory of State and Law. 2023. No. 4. pp. 13–23.
4. Bitterman O.E., Vorobiev S.M. The role and significance of priority national projects for Russian statehood: article // Legal Thought. 2023. No. 1. P. 8–14.
5. Bitterman O.E. Concept, significance and prospects for the implementation of priority national projects for Russian statehood: article // Theory of State and Law. 2023. No. 3 (32). Pp. 55–67.
6. Rosstat reported a decrease in the Russian Federation's GDP by 2.1% at the end of 2022 // URL: <https://tass.ru/ekonomika/17096797> (date of access: 01/03/2024).
7. The State Duma named the number of sanctions imposed against Russia // URL: <https://www.kp.ru/online/news/5595422/> (access date: 12/29/2023).
8. Zorkin V.D. Under the sign of the Constitution // Rossiyskaya Gazeta, 2023, December 12.
9. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarova. Moscow: Publishing house "Urayt", 2023. 325 p.
10. Kuksin I.N. Russia is a strong state // Theory of State and Law. 2023. No. 1(30). Pp. 133–141.
11. "It will be better": what statements did Putin make in the Khabarovsk Territory // URL: https://dzen.ru/a/ZZ_aslHRiT_yRdrw (access date: 01/15/2024).
12. Income inequality // Russian newspaper, 2023, November 13.
13. Fifty countries have united in an anti-Russian coalition // URL: <https://news.rambler.ru/conflicts/50247176-polsotni-stran-obedinilis-v-antirossiyskuyu-koalitsiyu-bayden/> (access date: 01/06/2024).
14. Putin announced new national projects // URL: <https://ria.ru/20240229/natsproekt-1930190992.html?ysclid=ltpeb5ctt2835884494>
15. Results of the implementation of national projects in 2022: general results // URL: <https://www.iminfin.ru/news/516-rezultaty-ispolneniya-natsionalnykh-proektov-v-2022-godu-obshchie-itogi> (date of access: 01/09/2024).
16. Western sanctions could not break Iran, Venezuela, or North Korea. Moreover, they will not be able to Russia // URL: <https://www.kp.ru/daily/27373/4555582/> (access date: 12/29/2023).

For citation: Kuksin I.N., Muraeva V.V. The Constitution of Russia is the stronghold of a strong legal and social state: article // Theory of State and Law. 2024. No. 2 (36). P. 129–134.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_123

Научная статья

УДК 3.340.155

ББК 63.3(2)5

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_135

Д.В. Ливенцев*

НАГРАДЫ ЮГО-ВОСТОЧНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ РОССИЙСКОЙ ПРАВЯЩЕЙ ДИНАСТИИ

***Аннотация.** В статье рассматривается роль знаков отличия Юго-Восточных европейских государств в рамках государственно-правового статуса российской императорской фамилии. Славянские народы и их государственность постоянно входили в сферу внешнеполитических интересов Российской Империи во второй половине XIX – начале XX вв. Поэтому Россия неоднократно вмешивалась в политические процессы, происходившие в Болгарии, Румынии, Сербии и Черногории. Результатом данной внешней политики стали Юго-Восточные европейские ордена, подчеркивающие государственно-правовой статус российских императоров и их значение в балканской политике.*

***Ключевые слова:** Юго-Восточные европейские высшие ордена, знаки отличия, Российская Империя, государственно-правовой статус, балканские страны, правящая династия, Сербия, Черногория, император Александр II, Румыния, император Александр III, Болгария, император Николай II.*

Во второй половине XIX – начале XX вв. иностранные знаки отличия являлись подтверждением государственно-правового статуса российского императорского дома [9, 13]. Более того, в данный исторический период Российская Империя представляла собой одного из лидеров международной политики. Российские императоры украшали свой парадный мундир рыцарскими католическими орденами [12], наградами Франции [11], Великобритании [10] и даже редких полуколониальных зависимых государств [14]. Нельзя не отметить, что российские императоры по праву своего рождения имели и все высшие степени отечественных орденов [2, 3]. Подобная практика подтверждала государственно-правовой статус правящей династии для российских подданных [4, 8]. Поэтому и иностранные державы по большей части награждали русских правителей высшими степенями собственных знаков отличия [7, 15].

Южнославянские государства входили в сферу внешнеполитических интересов Российской Империи во второй половине XIX – начале XX вв. Российская Империя приняла участие в становлении государственности таких стран как Болгария, Румыния, Сербия и Черногория. Ключевым событием на Балканах стала русско-турецкая война 1877–1878 гг. Отсюда, высшие южнославянские награды были у трех российских императоров – Александра II, Александра III и Николая II.

Например, император Александр II, сделавший многое для установления южнославянской государственности, был награжден черногорским королевским орде-

* **Ливенцев Дмитрий Вячеславович** – профессор кафедры юридических дисциплин Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. E-mail: liva2006@yandex.ru

ном Святого Петра Цетинского. Знак отличия появился в 1869 г. по указу черногорского князя Николы I. Некоторые исследователи считают, что черногорский королевский орден Святого Петра Цетинского ввел митрополит Черногории Петр II Петрович Негош [1, с. 356]. В любом случае награда предназначалась только для правителей иностранных государств и была посвящена небесному покровителю Черногории митрополиту Петру I Петровичу Негошу.

Надо отметить, что император Александр II остался единственным российским монархом, удостоенным ордена Святого Петра Цетинского.

Намного больше наград стран Юго-Восточной Европы было у следующего императора Александра III, который еще в статусе цесаревича принял участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Прежде всего, Александр III имел среди иностранных наград «Крест за переход через Дунай», введенный 25 октября 1877 г. румынским князем Каролом I. Естественно подобной награды удостоивались только участники боевых действий. Затем император Александр III был награжден высшей степенью ордена Звезда Румынии. Упомянутая награда, утвержденная 10 мая Каролом I, стала символом румынской государственной независимости [1, с. 274].

Среди других знаков отличия стран Юго-Восточной Европы у Александра III имелась высшая степень болгарского ордена «За храбрость», введенного болгарским князем Александром Баттенбергом I в январе 1880 г. После чего, необходимо упомянуть орден Таковского креста, появившийся в 1865 г. по распоряжению сербского князя Михаила Обреновича III. Наконец, император Александр III имел среди иностранных наград высшую степень черногорского ордена князя Данила I, знак отличия учредил черногорский князь Данила II. Орден князя Данила I предназначался для лиц, внесших свой вклад в борьбу против турецких поработителей южнославянских народов [1, с. 355].

Конечно, наибольшее количество знаков отличия стран Юго-Восточной Европы присутствовало на мундире последнего российского императора Николая II. Среди уже упоминавшихся наград император Николай II удостоился:

1. Ордена Звезда Румынии.
2. Ордена князя Данила I.

Однако присутствовали у Николая II и знаки отличия стран Юго-Восточной Европы, не имевшиеся среди иностранных наград у его предшественников на российском троне. 10 мая 1906 г. король Румынии Кароль I учредил на юбилей своего сорокалетнего правления династическую награду и назвал ее собственным именем. Николай II стал одним из иностранных правителей удостоенных ордена Кароля I. Еще одной новой наградой стран Юго-Восточной Европы стал болгарский орден святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Как и предыдущая награда, орден появился в царствование Николая II, 19 мая 1909 г. по указу болгарского царя Фердинанда I. Имелся среди иностранных наград последнего российского императора и орден Святого Александра, введенный 6 января 1882 г. болгарским князем Александром Баттенбергом I. Важное место среди знаков отличия стран Юго-Восточной Европы на мундире Николая II занимал орден Святого Саввы. Награду учредил 23 января 1883 г. король Сербии I Милан в честь Святого сербской православной церкви архиепископа Саввы [1, с. 289].

Получается, что у Николая II не было только, в отличие от императоров Александра II и Александра III, черногорского королевского ордена Святого Петра Цетинского, знака отличия «Крест за переход через Дунай» и болгарского ордена «За храбрость».

Еще одним фактом, подчеркивающим значение знаков отличия стран Юго-Восточной Европы для российских поданных, стало награждение ими моряков Российского Императорского флота. Адмиралы и офицеры русского флота во второй половине XIX – начале XX вв. удостоивались:

1. Черногорских знаков отличия – ордена Таковского креста, Ордена князя Данила I и военной медали «За храбрость» [5, с. 52–53].
2. Сербских знаков отличия – ордена Святого Саввы [6, с. 44–45].
3. Румынских знаков отличия – ордена Звезда Румынии и ордена Румынской короны [5, с. 55–56].
4. Болгарских знаков отличия – ордена Военных заслуг, ордена Гражданских заслуг и ордена Святого Александра [5, с. 58–59].

Естественно, моряки Российского Императорского флота в отличии от русских правителей получали более низшие степени наград стран Юго-Восточной Европы.

Таким образом, знаки отличия стран Юго-Восточной Европы играли важную роль в государственно-правовом статусе российской правящей династии. Ордена Румынии, Болгарии, Сербии и Черногории стали наглядным подтверждением внешнеполитического курса русских императоров в балканском регионе во второй половине XIX – начале XX вв. Собственно становлению государственно-правового статуса вышеназванных стран во многом способствовала внешняя политика, приводимая российскими императорами в данный исторический период, по отношению к странам Юго-Восточной Европы.

Библиографический список

1. Безруков М.П., Турковский А.Г. Награды государств мира. – Тула, 2013. – 404 с.
2. Белкин И.А. Юридический статус ордена Святого равноапостольного Владимира в Российской Империи. История государства и права. – 2023. – № 7. – С. 59–62.
3. Белкин И.А. Юридический статус ордена Святого Станислава // Образование и право. – 2023. – № 9. – С. 463–468.
4. Белкин И.А. Юридический статус орденов Российской Империи // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: Материалы VII Национальной научно-практической конференции (г. Казань, 16 февраля 2023 г.) – Казань: ТИСБИ, 2023. – С. 275–278.
5. Выхорь С.С. Иностранные награды на Российском Императорском флоте. – Воронеж, 2016. – 128 с.
6. Выхорь С.С. Награды стран Южной Европы у моряков Российского Императорского флота // Вестник костромского государственного университета. – 2017. – №1 (23) – С. 42–45.
7. Гусев И.Е. Ордена и медали. Популярный иллюстрированный гид. – М., 2021. – 192 с.
8. Изотова М.А., Царев Т.Б. Полная энциклопедия орденов и медалей России. – М., 2008. – 432 с.
9. Кодан С.В., Владимирова Г.Е. Закрепление в Своде Основных государственных законов Российской империи 1832–1892 гг. издания правового статуса членов императорского дома. Юридические исследования. – 2014. – № 5. – С. 38–68.
10. Ливенцев Д.В. Награды Великобритании в государственно-правовом статусе российской правящей династии // Образование и право. – № 10. – 2023. – С. 548–551.
11. Ливенцев Д.В. Награды Франции в государственно-правовом статусе российской правящей династии // Образование и право. – № 8. – 2023. – С. 137–139.
12. Ливенцев Д.В. Рыцарские католические ордена в государственно-правовом статусе Российской Императорской фамилии. Основные тенденции развития современного права:

проблемы теории и практики: Материалы VII Национальной научно-практической конференции (г. Казань, 16 февраля 2023 г.). – Казань: ТИСБИ, 2023. – С. 375–379.

13. *Ливенцев Д.В.* Социальная ценность института юридической ответственности российской императорской фамилии в истории российской государственности. Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики. Материалы V Национальной научно-практической конференции. (г. Казань, 26 февраля 2021 г.). – Казань: ТИСБИ, 2021. – С. 8–11.

14. *Ливенцев Д.В.* Экзотические награды в государственно-правовом статусе российской правящей династии / Д.В. Ливенцев // Образование и право. – № 12. – 2023. – С. 166–168.

15. *Философов И. Ю.* Знаменитые награды Европы: ордена и медали. – Ростов н/Д, 2010. – 478 с.

Для цитирования: *Ливенцев Д.В.* Награды Юго-Восточных стран Европы в государственно-правовом статусе российской правящей династии: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 2 (36). – С. 135–138.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_135

AWARDS OF THE SOUTH – EASTERN EUROPEAN COUNTRIES OF EUROPE IN THE STATE – LEGAL STATUS OF THE RUSSIAN RULING DYNASTY

Dmitry V. Liventsev*

Annotation. *The article examines the role of insignia of southeastern European states within the framework of the state-legal status of the Russian imperial family. The Slavic peoples and their statehood were constantly included in the sphere of foreign policy interests of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries. Therefore, Russia has repeatedly interfered in the political processes taking place in Bulgaria, Romania, Serbia and Montenegro. The result of this foreign policy was the Southeastern European orders, emphasizing the state and legal status of the Russian emperors and their importance in Balkan politics.*

Keywords: *southeastern European higher orders, insignia, Russian Empire, state and legal status, Balkan countries, ruling dynasty, Serbia, Montenegro, Emperor Alexander II, Romania, Emperor Alexander III, Bulgaria, Emperor Nicholas II.*

In the second half of the 19th – early 20th centuries foreign insignia were confirmation of the state-legal status of the Russian imperial house [9, 13]. Moreover, in this historical period, the Russian Empire was one of the leaders in international politics. Russian emperors decorated their ceremonial uniforms with knightly Catholic orders [12], awards from France [11], Great Britain [10] and even rare semi-colonial dependent states [14]. It should be noted that Russian emperors, by right of birth, also had all the highest degrees of domestic orders [2, 3]. This practice confirmed the state-legal status of the ruling dynasty for Russian citizens [4, 8]. Therefore, foreign powers, for the most part, awarded Russian rulers the highest degrees of their own insignia [7, 15].

* **Liventsev Dmitry Vyacheslavovich** – Professor of the Department of Legal Disciplines of the Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor. E-mail: liva2006@yandex.ru

The South Slavic states were part of the sphere of foreign policy interests of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. The Russian Empire took part in the formation of the statehood of such countries as Bulgaria, Romania, Serbia and Montenegro. The key event in the Balkans was the Russian-Turkish war of 1877–1878. Hence, the highest South Slavic awards were given to three Russian emperors – Alexander II, Alexander III and Nicholas II.

For example, Emperor Alexander II, who did a lot to establish South Slavic statehood, was awarded the Montenegrin Royal Order of St. Peter of Cetinje. The insignia appeared in 1869 by decree of the Montenegrin prince Nikola I. Some researchers believe that the Montenegrin royal Order of St. Peter of Cetinje was introduced by Metropolitan of Montenegro Peter II Petrovich Njegosh [1, p. 356]. In any case, the award was intended only for the rulers of foreign states and was dedicated to the heavenly patron of Montenegro, Metropolitan Peter I Petrovich Njegos.

It should be noted that Emperor Alexander II remained the only Russian monarch awarded the Order of St. Peter of Cetinje.

The next Emperor Alexander III had much more awards from the countries of South-Eastern Europe, who, while still in the status of Tsarevich, took part in the Russian-Turkish War of 1877–1878. First of all, Alexander III had among his foreign awards the “Cross for Crossing the Danube,” introduced on October 25, 1877 by the Romanian Prince Carol I. Naturally, only participants in military operations received such an award. Emperor Alexander III was then awarded the highest degree of the Order of the Star of Romania. The mentioned award, approved on May 10 by Carol I, became a symbol of Romanian state independence [1, p. 274].

Among other insignia of the countries of South-Eastern Europe, Alexander III had the highest degree of the Bulgarian Order “For Bravery”, introduced by the Bulgarian Prince Alexander Battenberg I in January 1880. After which, it is necessary to mention the Order of the Takovich Cross, which appeared in 1865. by order of the Serbian prince Mikhail Obrenovic III. Finally, Emperor Alexander III had, among foreign awards, the highest degree of the Montenegrin Order of Prince Danilo I, the insignia was established by the Montenegrin Prince Danilo II. The Order of Prince Danil I was intended for persons who contributed to the fight against the Turkish enslavers of the South Slavic peoples [1, p. 355].

Of course, the largest number of insignia of the countries of South-Eastern Europe was present on the uniform of the last Russian Emperor Nicholas II. Among the already mentioned awards, Emperor Nicholas II was awarded:

3. Order of the Star of Romania.

4. Order of Prince Danil I.

However, Nicholas II also had insignia of the countries of South-Eastern Europe, which were not among the foreign awards of his predecessors on the Russian throne. On May 10, 1906, King Carol I of Romania established a dynastic award for the anniversary of his forty-year reign and named it after himself. Nicholas II became one of the foreign rulers awarded the Order of Carol I. Another new award from the countries of South-Eastern Europe was the Bulgarian Order of Saints Cyril and Methodius. Like the previous award, the order appeared during the reign of Nicholas II, on May 19, 1909, by decree of the Bulgarian Tsar Ferdinand I. Among the foreign awards of the last Russian emperor was the Order of St. Alexander, introduced on January 6, 1882 by the Bulgarian Prince Alexander of Battenberg I. The Order of St. Sava occupied an important place among the insignia of the countries of South-Eastern Europe on the uniform of Nicholas II. The award was established on

January 23, 1883 by the King of Serbia I Milan in honor of the Saint of the Serbian Orthodox Church, Archbishop Sava [1, p. 289].

It turns out that Nicholas II only did not have, unlike the Emperors Alexander II and Alexander III, the Montenegrin Royal Order of St. Peter of Cetinje, the insignia “Cross for Crossing the Danube” and the Bulgarian Order “For Bravery”.

Another fact emphasizing the importance of the insignia of the countries of South-Eastern Europe for Russian citizens was the awarding of them to sailors of the Russian Imperial Navy. Admirals and officers of the Russian fleet in the second half of the 19th – early 20th centuries. were awarded:

5. Montenegrin insignia – the Order of the Takovsky Cross, the Order of Prince Danil I and the military medal “For Bravery” [5, p. 52–53].

6. Serbian insignia – the Order of St. Sava [6, p. 44–45].

7. Romanian insignia – the Order of the Star of Romania and the Order of the Romanian Crown [5, p. 55–56].

8. Bulgarian insignia – the Order of Military Merit, the Order of Civil Merit and the Order of St. Alexander [5, p. 58–59].

Naturally, the sailors of the Russian Imperial Navy, unlike the Russian rulers, received lower degrees of awards from the countries of South-Eastern Europe.

Thus, the insignia of the countries of South-Eastern Europe played an important role in the state-legal status of the Russian ruling dynasty. The Orders of Romania, Bulgaria, Serbia and Montenegro became a clear confirmation of the foreign policy course of the Russian emperors in the Balkan region in the second half of the 19th – early 20th centuries. In fact, the formation of state sovereignty of the above-mentioned countries was greatly facilitated by the foreign policy pursued by the Russian emperors in this historical period in relation to the countries of South-Eastern Europe.

Bibliography

1. Bezrukov M.P., Turkovsky A.G. Awards from states of the world. Tula, 2013. 404 p.
2. Belkin I.A. Legal status of the Order of St. Vladimir Equal to the Apostles in the Russian Empire // History of State and Law. 2023. No. 7. Pp. 59–62.
3. Belkin I.A. Legal status of the Order of St. Stanislaus // Education and law. 2023. No. 9. P. 463–468.
4. Belkin I.A. Legal status of orders of the Russian Empire // Main trends in the development of modern law: problems of theory and practice: Materials of the VII National Scientific and Practical Conference (Kazan, February 16, 2023). Kazan: TISBI, 2023. Pp. 275–278.
5. Vykhov S.S. Foreign awards in the Russian Imperial Navy. Voronezh, 2016. 128 p.
6. Vykhov S.S. Awards from Southern European countries to sailors of the Russian Imperial Navy // Bulletin of Kostroma State University. 2017. No. 1 (23). Pp. 42–45.
7. Gusev I.E. Orders and medals. Popular illustrated guide. Moscow, 2021. 192 p.
8. Izotova M.A., Tsarev T.B. Complete encyclopedia of orders and medals of Russia. Moscow, 2008. 432 p.
9. Kodan S.V., Vladimirova G.E. Consolidation in the Code of Basic State Laws of the Russian Empire 1832–1892. publications of the legal status of members of the imperial house // Legal studies. 2014. No. 5. P. 38–68.
10. Liventsev D.V. Awards of Great Britain in the state and legal status of the Russian ruling dynasty // Education and Law. 2023. No. 10. P. 548–551.
11. Liventsev D.V. Awards of France in the state-legal status of the Russian ruling dynasty // Education and Law. 2023. No. 8. P. 137–139.

Theory of State and Law

12. Liventsev D.V. Knightly Catholic orders in the state-legal status of the Russian Imperial family. Main trends in the development of modern law: problems of theory and practice: Materials of the VII National Scientific and Practical Conference (Kazan, February 16, 2023). Kazan: TISBI, 2023. Pp. 375–379.

13. Liventsev D.V. The social value of the institution of legal responsibility of the Russian imperial family in the history of Russian statehood. Main trends in the development of modern law: problems of theory and practice. Materials of the V National Scientific and Practical Conference. (Kazan, February 26, 2021). Kazan: TISBI, 2021. Pp. 8–11.

14. Liventsev D.V. Exotic awards in the state-legal status of the Russian ruling dynasty / D.V. Liventsev // Education and law. 2023. No. 12. Pp. 166–168.

15. Filosofov I. Yu. Famous awards of Europe: orders and medals. Rostov n/d, 2010. 478 p.

For citation: Liventsev D.V. awards of the South-Eastern countries of Europe in the state-legal status of the Russian ruling dynasty: article //Theory of State and Law. 2024. No. 2 (36). P. 138–141.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_135

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_142

С.Ф. Мазурин*

РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНОСТИ И НРАВСТВЕННОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ ОБЩЕСТВА

***Аннотация.** Рассматриваются наиболее острые проблемы социальной среды российского общества, исследуемые многими известными учеными разных поколений. Причиной большинства из этих проблем является несовершенство общественных отношений, обусловленных утратой духовного и нравственного менталитета среди некоторой части общества, в том числе, среди субъектов публичной власти. По мнению автора, одним из надежных институтов формирования духовности, нравственной и правового сознания в социальной среде общества является Русская Православная Церковь и созданная на основе Нового Завета Православная Христианская культура.*

***Ключевые слова:** государство, право, правовое сознание, правовая культура, духовность, нравственность, публичная власть.*

Предметом изучения большинства общественных наук, в том числе обществознания, являются общественные отношения, лежащие в основе возникновения и функционирования государства определенного типа.

Как известно, общественные отношения возникли задолго до появления первого государства и его правовой системы, в период появления первых общественных групп – общинно родового строя. На протяжении длительного исторического периода общественные отношения являются предметом изучения таких общественных наук, как: философия, социология, юриспруденция, политология и др.

На протяжении последних 100 лет развития государственности в России, многие известные юристы, пытающиеся найти и обосновать наиболее эффективную форму развития государственности, осуществляли поиски наиболее эффективных методов совершенствования общественных отношений, с целью минимизации в них социальных противоречий. Особое внимание многими учеными в области юриспруденции было уделено в период перехода и развития рыночной экономики в России. Причиной такого внимания явилось существенное обострение общественных противоречий, связанных с утратой населением общенациональных средств производства, обнищанием большей части населения и непомерным обогащением членов семей государственных чиновников, утративших свой духовно-нравственный менталитет в результате многолетнего господства атеистической идеологии.

Как показывает историческая действительность, в результате насаждения материальной идеологии и принижение роли духовных и моральных ценностей,

* **Мазурин Станислав Фёдорович**, доцент кафедры гражданского процесса Санкт-Петербургской юридической академии, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: svyatoslav53@mail.ru

привело к искажению самосознания населения СССР, явившись основной причиной распада Советского государства и мошеннического отторжения узким кругом правящей авантюристической элиты государства у населения России основных средств производства. Создание олигархической прослойки – членов семей политической коррумпированной государственной элиты и покровительствующих ей организованных преступных группировок, лишило права называть Россию правовым государством. Таким образом, Российское государство, провозглашенное в Основном законе государства (в ст. 1 Конституции РФ, принятой 12.12.1993 года всенародным голосованием), как правовое государство [1], по существу, к такому типу никакого отношения не имело.

Правовым, а значит государством социальной справедливости, может быть признано лишь такое государство, в котором и его правовая система и механизм ее реализации – все без исключения субъекты публичной власти, в процессе реализации своих функциональных должностных полномочий отвечают интересам абсолютного большинства населения.

Государство, в котором существует глобальный дисбаланс между материальным положением обогатившихся за счет обмана и эксплуатации своего населения малочисленной частью общества и самыми бедными слоями населения, нет и не может быть социальной справедливости. То обстоятельство, что политическая элита государства и члены их семей владеют крупными капиталами и значительными объектами недвижимости, превышающими всякие разумные пределы человеческого самосознания, дает основания полагать, что большинство государств мирового сообщества, является именно коррупционно-бюрократическим, но уж точно, не правовым государством.

Как представляется, одной из главных целей всякого цивилизованного общества, является стремление населения к социальной справедливости, к его стабильному прогрессивному развитию без каких-либо потрясений, обусловленных экономическими кризисами, ростом преступности, ослаблением внешней и внутренней безопасности государства [11; 22; 25; 30; 32; 42; 43].

Весь «тварный мир», а именно таковым он является изначально, что уже мало кто пытается оспорить в своих научных трудах, от начала своего сотворения находится в состоянии относительно уравновешенного, балансируемого и контролируемого движения. Все процессы, происходящие в природе и обществе, находятся во взаимодействии и взаимозависимости по Величайшему Божиему промыслу. Вместе с тем, большинство ученых, изучающих процессы развития природы и общества, как правило, не обладают глубокими познаниями в области естественно-научных знаний, таких как: физика, химия, математика, биология, генетика и др., а потому не могут понять, что наш земной мир, с его законами развития природы и общества, имеет упорядоченное, а не хаотическое движение и развитие, в том числе, и развитие общественных отношений в государственных устройствах разного типа.

Чем выше уровень несправедливости в распределении общенациональных доходов государства между различными слоями и социальными группами общества, тем более в таком государстве общественных противоречий, тем более оно подвержено своему разрушению. Человеческое общество имеет определенное сходство с движением элементарных частиц (электронов, протонов, нейтронов, синхрофазотронов и пр.) во времени и пространстве, и в этом движении нет, не стихийности, не хаоса, представляющихся таковым на первый взгляд. В частности, при помощи различных приспособлений (ускорителей) люди могут оказывать воздействие на энергетические заряды, разгоняя элементарные частицы до сверхсветовых скоростей, извлекая

при этом новые виды энергии. Однако, даже знания о возможностях управления природными процессами, не всегда открывают человеку глаза на истину.

При помощи своих волевых действий люди научились управлять отдельными природными процессами, значительно труднее им приходится управлять системой общественных отношений, приобретающих стихийно-хаотический характер в условиях хищнического отношения субъектов публичной власти к своему народу, использующих свои государственно-властные полномочия для извлечения собственной прибыли, обогащения членов своих семей и тех, кто им в этом содействует.

Многие люди во всем мире по-прежнему остаются слепы, не осознавая того, что все природные и общественные процессы имеют тесную взаимосвязь, не допуская мысли о тварном происхождении мира и феноменальном промысле Божиим в развитии природы и человеческого общества. Если предположить, по гипотетической материалистической концепции, что во вселенной все изначально находилось в хаотическом движении, тогда каким образом могла возникнуть сама вселенная, по каким таким законам природы, без промыслительной воли Творца, был упорядочен «вселенский хаос» и галактические миры вселенной приведены в состояние уравновешенности и гармонии?

Изначально, всеобщей ошибкой секуляризованной светской общественной науки является предположение о том, что в природе все находится в состоянии хаотического движения, однако глубокий анализ любого движения, позволяет обнаружить логическую последовательность, определенную закономерность и глубоко заложенный смысл. Если люди могут направлять и ускорять движение элементарных частиц, то почему же большая часть человечества не верит в процесс разумного тварного мироздания? Ответ на этот вопрос исчерпывающе дает Библейское учение, игнорируемое секуляризованной общественной наукой. Слово, Которое было, от начала сотворения всего мира, представляется исходным началом всего сущего, упорядочивающим все происходящие во вселенной, в природе и в человеческом обществе процессы, но на этом мы остановимся чуть позже.

Как уже было отмечено, независимо от типа государства [39], всякий народ и всякое общество стремится к достижению порядка, стабильности и мира внутри своего этноса, право же должно выступать против хаоса [24]. Это стремление обуславливает наличие правовых норм и институтов государственной власти, роль которых заключается в упорядочении, урегулировании и в организации общественных отношений, складывающихся на протяжении длительного исторического периода совместного проживания людей, развития и совершенствования их культур, взглядов, мировоззрения и миропонимания, само отождествления себя в рамках конкретного государственного образования, мирового экономического и политического пространства.

Одним из главных вопросов и глобальных, неразрешимых задач в рамках мирового сообщества, или даже одного отдельно взятого государства, стоящих перед органами публичной власти и учеными гуманистами, является вопрос о том, как достичь полного взаимопонимания между людьми, которое позволило бы избежать общественных противоречий и разногласий, насилия и кровавых конфликтов? Безусловно, истории государственного развития человеческого общества такие факты не известны. Не одна правовая система, и не какие государственные правовые и политические институты, не в состоянии привести общество к полному согласию без социально-правового института формирования духовно-нравственного мировоз-

зрения и понимания процессов, происходящих по непостижимой воле Творца. Вместе с тем, таким институтом, с момента создания древнерусского государства и до наших дней в современной России была и остается Православная Церковь Христова, отделенная от государства по воле властвующей верхушки России в 1918 году.

Святая Апостольская Православная Церковь, призывающая, без какого-либо насаждения к любви, миру, справедливости, милосердию и согласию между всеми людьми, независимо от их социального происхождения, положения в обществе, религиозного вероисповедания, национальности или иных характерных особенностей, является важным институтом формирования духовности и нравственности для всех, кто ставит служение Богу выше собственных материальных и плотских интересов. В гл. 6 Евангелие от Матфея, Спаситель, четко, без какого бы то ни было инакомыслия, говорит: «Никто не может служить двум господам: ибо, или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и мамоне [34, Матфея 6:24]. В толковании многих святых, золотой нитью проходит мысль о том, что всякое сребролюбие, стяжательство богатства и материальных благ, служение своим плотским интересам, полностью удаляет человека от служения Богу. Не так ли и субъекты публичной власти, семьи которых имеют многомиллионные капиталы, роскошные дворцы, яхты, клубы, сверхдорогие автомобили и т.п., использующие для этого свое должностное положение, полностью забывают о служении Богу в лице своего народа.

Одной из главных проблем развития современного российского государства является то, что современная светская общественная наука, находящаяся длительное время под воздействием заблудшей секуляризованной идеологии и отрицавшая отечественную суверенную государственно-правовую идеологию [2; 8; 14; 17; 23; 40; 41], не всегда пыталась постичь сущность таинства жизни и смерти человека, а потому не в состоянии была постичь той разницы, которая существовала и существует между самосознанием православного воцерковленного человека и того, кто не признает тварного происхождения мира, полагая, что после его смерти уже ничего не будет, а потому от этой жизни «надо брать все». Так полагают некоторые государственные чиновники, которые даже не осознают, какая беда ожидает их, и тех, кто пользуется преступными плодами их деятельности, ибо за земные богатства, они без колебания отдадут во власть врага человеческого рода свои бессмертные души.

Такие субъекты не видят, не понимают и не хотят осознавать учения Иисуса Христа, говорящего: «какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?» [34, Матфея 16:26]. Они, вероятно, плохо знакомы с творчеством, скажем, такого классика русской литературы и представителя отечественной философии права, как Ф.М. Достоевский [3; 4; 5; 6; 7; 18; 20; 21; 31; 37], который не только в своих талантливых художественных произведениях, но и в письмах, дневнике писателя подробно об этом размышлял (см. например, [13, с. 10–11]).

Как известно, именно Достоевский в своем творчестве большое внимание уделял вопросам бессмертия души. Более того, он «выдвигает тезис о связи преступности, с одной стороны, и неверия в бессмертие души – с другой. Эта связь позволяет доказать истинность идеи бессмертия души от противоположного: невозможно общество, если в людях – только неверие. А если общество и общественная связь все же существуют, значит, эта идея присуща человеку, что косвенно подтверждает ее истинность» [19, с. 285].

Воцерковленный человек в своих действиях и поступках руководствуется принципами, основанными на православной христианской культуре, находясь под воздействием «страха Божия», который сопутствует ему на протяжении всей сознательной жизни. Законопослушный человек, не имеющий такого страха, руководствуется только своими представлениями о пользе светских законов в определенной социальной среде, своей «гражданской совестью» и страхом перед возможным применением к нему санкций. При определенных условиях человек, не имеющий в своей голове страха перед тем, что последует после его ухода из земной жизни, может легко поступиться своей гражданской совестью, с легкостью нарушать моральные, нравственные и правовые установки государства. Примером такой разницы между самосознанием воцерковленного православного человека и человека, отрицающего тварное происхождение мира, является тот факт, что число совершаемых в обществе преступлений последними, во много раз больше, чем среди верующих людей.

Человеческое самосознание представляет собою определенную форму самовыражения человека, на основе его внутренних убеждений, формируемых в условиях окружающей его объективной действительности, которую он воспринимает с позиции мироздания, отождествляя себя как объект тварного, либо, как объект эволюционного происхождения.

В основе человеческого правосознания всегда лежат образы тех окружающих его людей, в которых он видит свои идеалы, которые представляются ему героями земной жизни.

Православный, воцерковленный человек, видит смысл своей жизни в служении Богу, своим ближним, тем, кто его окружает. В первом послании к Коринфянам, святой апостол Павел отмечает: «Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но не все назидает. Никто не ищи своего, но каждый пользы другого» [35, 1-е Кор. 10:23–24]. Именно так должен поступать каждый разумный человек и, прежде всего, человек, наделенный государственно-властными полномочиями. Безусловно, такая польза для него, не может распространяться только лишь на свое ближайшее окружение, а тем более на членов своих семей, которым должно быть достаточно и того, что официально имеют от своего трудового вклада.

Правосознание человека является частью его социального духовного и нравственного самосознания, оно выражает отношение человека к Богу, к правовой системе общества, к системе публичной власти, оно основывается на субъективном самоубеждении в справедливости правовых норм, в доверии к системе публичной власти.

Законопослушный, Православный человек принимает правовую систему общества без каких бы то ни было противодействий в том виде, в котором от него требуют субъекты публичной власти, ибо так ему предписывает Евангелие – ибо «Всякая власть от Бога есть», а значит ей и ее законам следует подчиняться. Заметим здесь, находясь в ссылке в Сибири, Ф.М. Достоевский не расставался с Евангелием, которое ему подарила жена одного из декабристов в Тобольске, когда он бал в пересыльной тюрьме [15; 26].

Известный русский православный философ И.А.Ильин отмечал, что «отсутствии здорового правосознания в обществе, превращает это общество в решето злоупотреблений и преступлений». Законы, которые должны существовать на земле и в человеческом обществе, организующие его деятельность – это нормы, правила, указывающие человеку его лучший путь и его внешнее поведение, для того, чтобы осуществить в нем все лучшее через Христианскую религию, через едине-

ние с Божеством, чтобы «Его закон каждый человек воспринимал как свой закон». Человеческий мир, по мнению И.А. Ильина, находится в хаосе постоянных насильственных проявлений, войн, революций и иных бед, в процессе которых человечество заблудилось в своей духовной жизни. Единственным путем преодоления этого хаоса является обращение человека к своему правосознанию, попытка найти и возродить в нем священные основы и глубокие источники здорового правосознания [29, с. 224]. Этим источником, безусловно, является Евангелие и основанная на Нем православная христианская культура, в которой заложен глубокий нравственно-содержательный смысл нашего бытия, в которой находит свое самоутверждение и самовыражение каждый здравомыслящий православный христианин.

Православный, воцерковленный человек, отождествляет себя с сонмом святых, отвергающих служение своим материальным и плотским пристрастиям, стремящихся к достижению своего совершенства в служении другим людям. Среди большинства, причисляющих себя к категории православных, состав воцерковленных не превышает 15 %, это те, кто хотя бы один раз по большим церковным праздникам исповедовался в своих ежедневно совершаемых нами грехах. Таких людей, в Нагорной проповеди Христос Спаситель сравнивает с зернами, упавшими на благодатную почву: «иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать» [34, Мф 13:8]. «Посеянное же на доброй земле означает слышащего слово и разумеющего, который и бывает плодоносен, так что иной приносит плод во сто крат, иной в шестьдесят, а иной в тридцать» [34, Мф 13:23]. Трудно причислить к такой категории людей, заботы которых о своем материальном состоянии, в ущерб общенациональным интересам государства притупляют их совесть, разрушительно действуют на их самосознание и правосознание. Эту категорию государственных чиновников следует отнести к зернам, упавшим в тернии: «А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но работа века сего и обольщение богатством заглушают слово, и оно бывает бесплодно» [34, Мф 13:22].

Достижение социальной справедливости в отдельно взятом государстве, даже в условиях высокого технического и технологического прогресса, высокоразвитой экономики, без национальной идеи формирования духовно-нравственного менталитета на основе идей и принципов Православной Христианской культуры, просто невысказано. В этом смысле, совершенно справедливо замечание И.А. Ильина, что «Надо обратиться к своему инстинкту и приучить его к «законопослушности» или «лояльности», а это удастся только тому, в ком живет духовность инстинкта, достаточно сильная и определенная, чтобы усвоить духовный смысл права, его цель и его назначение. Напрасно думать, будто дух и инстинкт враждебны друг другу: будто они несовместимы и находятся в вечной борьбе. Это не соответствует действительности. Конечно, бывают люди, почти не живущие духом, безразличные к духовному началу и духовным содержаниям; они живут духовно безразличным инстинктом, которому и следует вся их деятельность. Но и у них дух может внезапно загореться в глубине инстинкта и привести их к необычным для них проявлениям совести, молитвы, художественно верного выбора, чувства права или справедливости, милосердия, щедрости и любви. А задача верного воспитания состоит именно в том, чтобы с детства проявить в человеческом инстинкте духовное начало, и притом не в смысле дисциплинарно навязанного обыкновения, а в смысле свободной радости и свободного предпочтения» [27, с. 230].

Безусловно, это представляется сложным, длительным и неоднозначным процессом, зависящим от воли властвующей политической элиты государства. Однако и сама властвующая публичная власть, при этом должна быть безусловно чистой не зависящей от своих плотских материальных пристрастий.

В основе достижения такого уровня взаимопонимания между людьми, где мир, порядок, законопослушность, безопасность и общественное согласие будут иметь гармоничное развитие, где труд, отдых и условия жизни человека будут надежно защищены нравственно безупречным аппаратом государственной власти, должна лежать правовая система, базирующаяся на идеях нравственной православной догматики, позволяющей обеспечить реализацию права на создание условий для достойной жизни и свободного развития каждого человека. Именно об этом свидетельствуют положения Основного закона России [1] после внесения в него поправок в 2020 году [9; 10; 16; 33; 36; 38].

В государстве, которое стремится к идеалу цивилизации и желает называться правовым, или социально справедливым, эти отношения должны отличаться не только своим совершенством и зиждиться на законах, имеющих безупречный характер, отвечающих интересам всех слоев общества, но и иметь безупречный аппарат управления всеми общественными процессами, являющий пример для подражания, формируемый из беспристрастных, неподкупных, честных, справедливых и богобоязненных кадровых работников. Они, эти общественные отношения обеспечат добро, доверие, справедливость, свободу, исходящие от сердца и души человека [12].

Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru; Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с.
2. Бастрыкин призвал прописать государственную идеологию в Конституции // <https://www.rbc.ru/politics/22/11/2023/655db8f39a7947609f6e6b9e>
3. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Взаимосвязь идеи абсолютного добра и свободы человека в философии права Ф.М. Достоевского // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 6. – С. 176–181.
4. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея абсолютного Добра в философии права Достоевского: ее актуальность в контексте конституционных реформ // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: Сборник материалов Всероссийской научно практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – 310 с.
5. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и её влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / Вступительное слово профессора А. Александрова. Издание 2-е, исправленное, дополненное; Следственный комитет Российской Федерации. – СПб.: Фонд «Университет», 2023. – 456 с. (Серия: «Наука и общество»).
6. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия права Ф.М. Достоевского и система нравственно-правовых ценностей народов России в XXI столетии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 9. – С. 168–181.
7. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Человек и народ как высшие ценности в философии права Ф.М. Достоевского // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 3. – С. 165–172.

8. *Богатырев Д.К., Сальников В.П.* Ценности христианского гуманизма и государственно-правовая идеология // Мир политики и социологии. – 2019. – № 11–12. – С. 36–43.
9. *Булатов Р.Б.* Конституция Российской Федерации: поправки 2020 г. и их значение: Учебное пособие. – СПб.: ГУАП, 2023. – 232 с.
10. *Виноградова Е.В., Виноградова П.А.* Укрепление конституционных гарантий поправками 2020 года в Конституцию Российской Федерации. – М.: Эдитус, 2020. – 200 с.
11. *Виноградова Е.В., Захарцев С.И., Сальников В.П.* Справедливое правосудие М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп. // Государство и право. – 2023. – № 7. – С. 194–199.
12. Добро, доверие, справедливость в философско-правовой мысли: античность и современность: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск националь
13. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 30, кн. 1: Письма, 1878–1881. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1988. – 455 с., 1 л. портр.
14. *Жук А.С., Сальников В.П.* Ценностный консенсус общества как основание суверенной правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 2. – С. 163–170.
15. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Вышла замечательная работа о Федоре Михайловиче Достоевском. Рецензия на книгу митрополита Илариона (Алфеева) «Евангелие Достоевского. – М.: Издательский дом “Познание”, 2021. – 232 с.» // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 8. – С. 177–193.
16. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Поправки в российское законодательство и комплексная теория права как основа суверенной философии права // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 172–187. – в сб. 310 с.
17. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183–194.
18. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Бытие и рефлексия: онтологические основания права в философии Ф.М. Достоевского // Мир политики и социологии. – 2018. – № 12. – С. 157–171.
19. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 376 с. DOI 10.12737/2134199.
20. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Свобода как конкретность идеи абсолютного добра в философии права Достоевского // Мониторинг правоприменения. – 2020. – № 1. – С. 4–7. DOI: 10.21681/2226-0692-2020-1-04-07
21. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Теоретико-методологические основания философии права Ф.М. Достоевского как идеолога «предъевразийства» // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 2. – С. 17–24
22. *Захарцев С.И., Лежнева О.Ю., Сальников В.П., Чабукиани О.А.* Справедливая судебная власть как гарант правового государства // Вестник института права Башкирского государственного университета. – 2021. – № 4. – С. 26–34.
23. *Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В.* Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 188–193.
24. *Зорькин В.Д.* Право против хаоса: Монография. – 3-е изд., перераб и доп. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2023. – 536 с. DOI 10.12737/1958344.
25. *Зорькин В.Д.* Справедливость – императив цивилизации права // Вопросы философии. – 2019. – № 1. – С.5–14.
26. *Иларион, митр. (Алфеев).* Евангелие Достоевского. – М.: Познание, 2021. – 232 с.

27. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. О сущности правосознания // И.А. Ильин. Собр. соч. Т. 4. – М.: Русская книга, 1994. – 415 с.
28. Ильин И.А. Основы христианской культуры. – СПб. Шпиль, 2004.
29. Ильин И.А. Родина и мы. Брошюры для народа (1906 г., 1917 г.). Крушение России. Белая идея. Учение о правосознании. О грядущей русской культуре // Составитель: Лисица Ю.Т. – Смоленск: Посох, 1995. – 509 с.
30. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX–XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
31. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Правовая философия Достоевского и идеократические основания суверенитета России // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 1. – С. 171–176.
32. Клеандров М.И. Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2023. – 424 с.
33. Лазарев В.В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал российского права. – 2021. – № 4. – С. 5–17.
34. Новый завет Господа нашего Иисуса Христа. Т.1. – М.: Московский Сретенский монастырь; «Новая книга», 1997. – 576 с.
35. Новый завет Господа нашего Иисуса Христа. Т.2. – М.: Московский Сретенский монастырь; «Новая книга», 1996. – 640 с.
36. Ромашов Р.А. Поправки к Конституции России как форма конституционно-правовой инновации // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 41–47.
37. Сальников В.П., Масленников Д.В. Философия права Ф.М. Достоевского как источник развития теории российского государства и права // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 5–6 апреля 2018 г.) / Отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 72–79. – в сб. 256 с.
38. Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Изменение Конституции – следствие трансформации государственно-правовой системы Российской Федерации (рецензия-размышление относительно учебного пособия Р.Б. Булатова «Конституция Российской Федерации: поправки 2020 г. и их значение») // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 12. – С. 61–67.
39. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. – СПб.: «Фонд «Университет», 2001. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
40. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149–162.
41. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170–178.
42. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13–23.
43. Экимов А.И. Право в контексте справедливости: к методологии исследования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 2 (307). – С. 51–61.

Для цитирования: Мазурин С.Ф. Роль Православной Христианской культуры в формировании духовности и нравственности в социальной среде общества: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 2 (36). – С. 142–150.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_142

THE ROLE OF ORTHODOX CHRISTIAN CULTURE IN THE FORMATION OF SPIRITUALITY AND MORALITY IN THE SOCIAL ENVIRONMENT OF SOCIETY

Stanislav F. Mazurin*

***Annotation.** The article deals with the most acute problems of the social environment of Russian society, studied by many well-known scientists of different generations. The reason for most of these problems is the imperfection of public relations caused by the loss of spiritual and moral mentality among a significant part of society, including among the subjects of public power. Russian Orthodox Church and Orthodox Christian culture, created on the basis of the New Testament, are the only reliable institution for the formation of spirituality, moral and legal consciousness in the social environment of society.*

***Keywords:** state, law, legal consciousness, legal culture, spirituality, morality, public authority, full-time.*

The subject of study of most social sciences, including social science, is the social relations underlying the emergence and functioning of a certain type of state.

As is known, social relations arose long before the emergence of the first state and its legal system, during the period of the emergence of the first social groups – the communal tribal system. Over a long historical period, social relations have been the subject of study of such social sciences as: philosophy, sociology, jurisprudence, political science, etc.

Over the past 100 years of the development of statehood in Russia, many famous lawyers, trying to find and justify the most effective form of development of statehood, have searched for the most effective methods of improving public relations, in order to minimize social contradictions in them. Particular attention was paid by many scientists in the field of jurisprudence during the period of transition and development of a market economy in Russia. The reason for this attention was a significant aggravation of social contradictions associated with the loss of national means of production by the population, the impoverishment of a large part of the population and the exorbitant enrichment of family members of government officials who have lost their spiritual and moral mentality as a result of many years of dominance of atheistic ideology.

As historical reality shows, as a result of the implantation of material ideology and the belittling of the role of spiritual and moral values, it led to a distortion of the self-awareness of the population of the USSR, being the main reason for the collapse of the Soviet state and the fraudulent exclusion of the main means of production from the population of Russia by a narrow circle of the ruling adventurist elite of the state. The creation of an oligarchic layer – members of the families of the political corrupt state elite and the organized criminal groups that patronize it, deprived the right to call Russia a rule-of-law state. Thus, the Russian state, proclaimed in the Basic Law of the State (in Article 1 of the Constitution of the Russian Federation, adopted on December 12, 1993 by popular vote), as a rule-of-law state [1], essentially had nothing to do with this type.

A legal, and therefore a state of social justice, can only be recognized as a state in which both its legal system and the mechanism for its implementation – all subjects of pub-

* **Mazurin Stanislav Fedorovich**, Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the St. Petersburg Academy of Law, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. E-mail: svyatoslav53@mail.ru

lic power, without exception, in the process of implementing their functional official powers meet the interests of the absolute majority of the population.

A state in which there is a global imbalance between the financial situation of the small part of society who have enriched themselves through deception and exploitation of their population and the poorest segments of the population, there is no and cannot be social justice. The fact that the political elite of the state and members of their families own large capital and significant real estate, exceeding any reasonable limits of human self-awareness, gives reason to believe that the majority of states in the world community are corrupt and bureaucratic, but certainly not a legal state.

It seems that one of the main goals of any civilized society is the population's desire for social justice, for its stable progressive development without any shocks caused by economic crises, rising crime, weakening of the external and internal security of the state [11; 22; 25; 30; 32; 42; 43].

The entire "created world", and this is precisely what it is initially, which few people are trying to dispute in their scientific works, from the beginning of its creation has been in a state of relatively balanced, balanced and controlled movement. All processes occurring in nature and society are in interaction and interdependence according to God's Greatest providence. At the same time, most scientists studying the processes of development of nature and society, as a rule, do not have deep knowledge in the field of natural sciences, such as physics, chemistry, mathematics, biology, genetics, etc., and therefore cannot understand that our earthly world, with its laws of development of nature and society, has an orderly, not chaotic movement and development, including the development of social relations in government systems of various types.

The higher the level of injustice in the distribution of national income of the state between different strata and social groups of society, the more social contradictions there are in such a state, the more susceptible it is to destruction. Human society has a certain similarity with the movement of elementary particles (electrons, protons, neutrons, synchrotrons, etc.) in time and space, and in this movement there is no spontaneity, no chaos, which appears as such at first glance. In particular, with the help of various devices (accelerators), people can influence energy charges, accelerating elementary particles to superluminal speeds, while extracting new types of energy. However, even knowledge about the possibilities of controlling natural processes does not always open a person's eyes to the truth.

With the help of their volitional actions, people have learned to manage individual natural processes; it is much more difficult for them to manage the system of social relations, which acquire a spontaneously chaotic character in the conditions of the predatory attitude of public authorities towards their people, using their state powers to extract their own – profit, enrichment of their family members and those who assist them in this.

Many people around the world still remain blind, not realizing that all natural and social processes are closely interconnected, not allowing thoughts about the created origin of the world and the phenomenal providence of God in the development of nature and human society. If we assume, according to a hypothetical materialistic concept, that everything in the universe was initially in chaotic motion, then how could the universe itself arise, according to what laws of nature, without the providential will of the Creator, "universal chaos" and the galactic worlds were ordered the universe brought into a state of balance and harmony?

Initially, the general mistake of secularized secular social science is the assumption that everything in nature is in a state of chaotic movement, but a deep analysis of any

Theory of State and Law

movement allows us to discover a logical sequence, a certain pattern and a deeply embedded meaning. If people can direct and accelerate the movement of elementary particles, then why does the majority of humanity not believe in the process of an intelligent created universe? The answer to this question is exhaustively given by the Biblical teaching, which is ignored by secularized social science. The Word, which was, from the beginning of the creation of the whole world, seems to be the original beginning of all things, ordering all the processes occurring in the universe, in nature and in human society, but we will dwell on this a little later.

As already noted, regardless of the type of state [39], every people and every society strives to achieve order, stability and peace within its ethnic group, but law must oppose chaos [24]. This desire determines the existence of legal norms and institutions of state power, the role of which is to streamline, regulate and organize social relations that have developed over a long historical period of people living together, developing and improving their cultures, views, worldview and worldview, self-identification within the framework of a specific state entity, global economic and political space.

One of the main questions and global, insoluble tasks within the world community, or even one individual state, facing public authorities and scientific humanists, is the question of how to achieve complete mutual understanding between people, which would avoid social contradictions and disagreements, violence and bloody conflicts? Of course, such facts are not known in the history of state development of human society. Not one legal system, and not any state legal and political institutions, are able to bring society to complete agreement without the socio-legal institution of forming a spiritual and moral worldview and understanding the processes occurring according to the incomprehensible will of the Creator. At the same time, such an institution, from the moment of the creation of the ancient Russian state to the present day in modern Russia, has been and remains the Orthodox Church of Christ, separated from the state by the will of the ruling elite of Russia in 1918.

The Holy Apostolic Orthodox Church, which calls, without any indoctrination, to love, peace, justice, mercy and harmony among all people, regardless of their social origin, position in society, religious denomination, nationality or other characteristic characteristics, is an important institution formation of spirituality and morality for all who place service to God above their own material and carnal interests. In ch. 6 The Gospel of Matthew, the Savior, clearly, without any dissent, says: "No one can serve two masters: for either he will hate the one and love the other; or one will become zealous and not care about the other. You cannot serve God and mammon [34, Matthew 6:24]. In the interpretation of many saints, a golden thread runs through the idea that all love of money, acquisition of wealth and material goods, serving one's own carnal interests, completely removes a person from serving God. Isn't it so that subjects of public power, whose families have multimillion-dollar capital, luxurious palaces, yachts, clubs, super-expensive cars, etc., using their official position for this, completely forget about serving God in the person of their people.

One of the main problems in the development of the modern Russian state is that modern secular social science, which has been under the influence of errant secularized ideology for a long time and has denied the domestic sovereign state-legal ideology [2; 8; 14; 17; 23; 40; 41], did not always try to comprehend the essence of the mystery of human life and death, and therefore was not able to comprehend the difference that existed and exists between the self-awareness of an Orthodox church-going person and one who does not recognize the created origin of the world, believing that after it in death there will be nothing left, and therefore "we must take everything" from this life. This is the opinion of

some government officials who do not even realize what misfortune awaits them, and those who enjoy the criminal fruits of their activities, because for earthly riches, they without hesitation surrender their immortal souls to the power of the enemy of the human race.

Such subjects do not see, do not understand and do not want to realize the teachings of Jesus Christ, who says: "What will it profit a man if he gains the whole world, but loses his own soul? or what ransom will a man give for his soul?" [34, Matthew 16:26]. They are probably not very familiar with the work of, say, such a classic of Russian literature and representative of Russian legal philosophy as F.M. Dostoevsky [3; 4, p. 67-76; 5; 6; 7; 18; 20; 21; 31; 37], who not only in his talented works of art, but also in letters and the writer's diary thought about this in detail (see, for example, [13, pp. 10-11]).

As you know, it was Dostoevsky who, in his work, paid great attention to the issues of the immortality of the soul. Moreover, he "puts forward the thesis about the connection between crime, on the one hand, and disbelief in the immortality of the soul, on the other. This connection allows us to prove the truth of the idea of the immortality of the soul by contradiction: society is impossible if there is only unbelief in people. And if society and social connections do exist, then this idea is inherent in man, which indirectly confirms its truth" [19, p. 285].

A church-going person in his actions and deeds is guided by principles based on Orthodox Christian culture, being under the influence of the "fear of God" that accompanies him throughout his entire adult life. A law-abiding person who does not have such fear is guided only by his ideas about the benefits of secular laws in a certain social environment, his "civic conscience" and the fear of the possible application of sanctions to him. Under certain conditions, a person who has no fear in his head of what will follow after his departure from earthly life can easily sacrifice his civic conscience and easily violate the moral, ethical and legal guidelines of the state. An example of such a difference between the self-awareness of a church-going Orthodox person and a person who denies the created origin of the world is the fact that the number of crimes committed by the latter in society is many times greater than among believers.

Human self-consciousness is a certain form of self-expression of a person, based on his internal beliefs, formed in the conditions of the objective reality surrounding him, which he perceives from the position of the universe, identifying himself as an object of created, or as an object of evolutionary origin.

The basis of human legal consciousness is always the images of those people around him, in whom he sees his ideals, who seem to him to be the heroes of earthly life.

An Orthodox, church-going person sees the meaning of his life in serving God, his neighbors, and those around him. In his first letter to the Corinthians, the holy Apostle Paul notes: "Everything is permissible for me, but not everything is profitable; everything is permissible for me, but not everything edifies. Let no one seek his own, but each one the benefit of another" [35, 1 Cor. 10:23-24]. This is exactly what every reasonable person should do, and, above all, a person endowed with government powers. Of course, such benefits for him cannot extend only to his immediate environment, and even more so to his family members, for whom what they officially receive from their labor contribution should be enough.

A person's legal consciousness is part of his social, spiritual and moral self-awareness, it expresses a person's attitude to God, to the legal system of society, to the system of public authority, it is based on subjective self-conviction in the fairness of legal norms, in trust in the system of public authority.

Theory of State and Law

A law-abiding, Orthodox person accepts the legal system of society without any opposition in the form in which the subjects of public authority demand from him, for this is what the Gospel prescribes to him – for “All authority is from God,” and therefore to her and her laws must be obeyed. Let us note here, while in exile in Siberia, F.M. Dostoevsky did not part with the Gospel, which was given to him by the wife of one of the Decembrists in Tobolsk when he was in transit prison [15; 26].

The famous Russian Orthodox philosopher I.A. Ilyin noted that “the absence of a healthy sense of justice in society turns this society into a sieve of abuses and crimes.” The laws that must exist on earth and in human society, organizing its activities are norms, rules that indicate to a person his best path and his external behavior, in order to realize all the best in him through the Christian religion, through one – relationship with the Divine, so that “every person perceives His law as his own law.” The human world, according to I.A. Ilyin, is in the chaos of constant violent manifestations, wars, revolutions and other troubles, during which humanity has lost its way in its spiritual life. The only way to overcome this chaos is for a person to turn to his sense of justice, to try to find and revive in him the sacred foundations and deep sources of a healthy sense of justice [29, p. 224]. This source, of course, is the Gospel and the Orthodox Christian culture based on It, which contains a deep morally meaningful meaning of our existence, in which every sensible Orthodox Christian finds his self-affirmation and self-expression.

An Orthodox, church-going person identifies himself with the host of saints who reject serving their material and carnal passions, striving to achieve their perfection in serving other people. Among the majority who consider themselves to be Orthodox, the composition of the churchgoers does not exceed 15%; these are those who, at least once on major church holidays, confessed to the sins we commit daily. In the Sermon on the Mount, Christ the Savior compares such people to grains that fell on fertile soil: “some fell on good soil and brought forth fruit: one a hundredfold, and another sixty, and another thirty” [34, Matthew 13: 8]. “What is sown on good soil means one who hears the word and understands it, and who bears fruit, so that some bear fruit a hundredfold, some sixty, and some thirty” [34, Matthew 13:23]. It is difficult to include in this category people whose concerns about their financial condition, to the detriment of the national interests of the state, dull their conscience and have a destructive effect on their self-awareness and legal consciousness. This category of government officials should be attributed to the grains that fell among the thorns: “And what was sown among the thorns is the one who hears the word, but the cares of this world and the deceitfulness of wealth choke the word, and it becomes unfruitful” [34, Matthew 13: 22].

Achieving social justice in a single state, even in conditions of high technical and technological progress, a highly developed economy, without the national idea of forming a spiritual and moral mentality based on the ideas and principles of Orthodox Christian culture, is simply unthinkable. In this sense, the remark of I.A. is absolutely correct. Ilyin that “We must turn to our instinct and accustom it to “law-abidingness” or “loyalty,” and this will only be possible for those in whom the spirituality of instinct lives, strong and definite enough to assimilate the spiritual meaning of law, its purpose and its appointment. It is vain to think that spirit and instinct are hostile to each other: as if they are incompatible and are in an eternal struggle. This is not true. Of course, there are people who hardly live in spirit, who are indifferent to the spiritual principle and spiritual contents; they live by a spiritually indifferent instinct, which all their activities follow. But even their spirit can suddenly ignite in the depths of instinct and lead them to unusual manifestations of con-

science, prayer, artistic choice, a sense of right or justice, mercy, generosity and love. And the task of correct education is precisely to manifest the spiritual principle in the human instinct from childhood, and not in the sense of a disciplinary imposed habit, but in the sense of free joy and free preference" [27, p. 230].

Of course, this seems to be a complex, lengthy and ambiguous process, depending on the will of the ruling political elite of the state. However, the ruling public power itself must be impeccably pure, independent of its carnal material addictions.

The basis for achieving such a level of mutual understanding between people, where peace, order, law-abidingness, security and social harmony will have a harmonious development, where work, leisure and human living conditions will be reliably protected by a morally impeccable apparatus of state power, should be a legal system based on the ideas moral Orthodox dogma, which allows us to ensure the realization of the right to create conditions for a decent life and free development of every person. This is precisely what is evidenced by the provisions of the Basic Law of Russia [1] after amendments were made to it in 2020 [9; 10; 16; 33; 36; 38].

In a state that strives for the ideal of civilization and wants to be called legal or socially just, these relations must be distinguished not only by their perfection and be based on laws that are of an impeccable nature, meeting the interests of all layers of society, but also have an impeccable management apparatus all social processes, setting an example for imitation, formed from impartial, incorruptible, honest, fair and God-fearing personnel. They, these social relations, will ensure goodness, trust, justice, freedom, emanating from the heart and soul of a person [12].

Bibliography

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // www.consultant.ru; Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarova. Moscow: Publishing house "Urayt", 2023. 325 p.

2. Bastrykin called for the state ideology to be written into the Constitution // <https://www.rbc.ru/politics/22/11/2023/655db8f39a7947609f6e6b9e>

3. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. The relationship between the idea of absolute good and human freedom in the philosophy of law F.M. Dostoevsky // Legal science: history and modernity. 2021. No. 6. P. 176–181.

4. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. The idea of absolute Good in Dostoevsky's philosophy of law: its relevance in the context of constitutional reforms // Amendments to the Constitution of the Russian Federation and prospects for the development of regional legislation: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference (Ufa, March 24, 2021) / Rep. . ed. N.V. Yamaletdinova. Ufa: RIC BashSU, 2021. 310 p.

5. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. The idea of Good in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of the philosophy of law (to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky) / Opening speech by Professor A. Alexandrov. 2nd edition, corrected, supplemented; Investigative Committee of the Russian Federation. St. Petersburg: University Foundation, 2023. 456 p.

6. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. Philosophy of law F.M. Dostoevsky and the system of moral and legal values of the peoples of Russia in the 21st century // Legal science: history and modernity. 2020. No. 9. P. 168–181.

7. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. Man and people as the highest values in the philosophy of law F.M. Dostoevsky // Legal science: history and modernity. 2021. No. 3. P. 165–172.

8. Bogatyrev D.K., Salnikov V.P. The values of Christian humanism and state-legal ideology // World of politics and sociology. 2019. No. 11–12. Pp. 36–43.
9. Bulatov R.B. Constitution of the Russian Federation: amendments of 2020 and their meaning: Textbook. St. Petersburg: GUAP, 2023. 232 p.
10. Vinogradova E.V., Vinogradova P.A. Strengthening constitutional guarantees by the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation. Moscow: Editus, 2020. 200 p.
11. Vinogradova E.V., Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Fair Justice M.I. Cleandrov. Justice and fairness. 2nd ed., revised. and additional // State and law. 2023. No. 7. Pp. 194–199.
12. Goodness, trust, justice in philosophical and legal thought: antiquity and modernity: Monograph / Ed. ed. V.P. Salnikova. St. Petersburg: St. Petersburg Military Institute of the Order of Zhukov National Guard Troops, University Foundation St. Petersburg, 2022. 463 p.
13. Dostoevsky F.M. Complete works: in 30 volumes. T. 30, book. 1: Letters, 1878–1881. Leningrad: Science. Leningrad branch, 1988. 455 pp.
14. Zhuk A.S., Salnikov V.P. Value consensus of society as the basis of a sovereign legal ideology // Legal science: history and modernity. 2023. No. 2. P. 163–170.
15. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. A wonderful work has been published about Fyodor Mikhailovich Dostoevsky. Review of the book by Metropolitan Hilarion (Alfeev) “The Gospel of Dostoevsky. Moscow: Publishing house “Poznanie”, 2021. 232 pp.” // Legal science: history and modernity. 2021. No. 8. P. 177–193.
16. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Amendments to Russian legislation and commercial theory of law as the basis of sovereign philosophy of law // Amendments to the Constitution of the Russian Federation and prospects for the development of regional legislation: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference (Ufa, March 24, 2021) / Rep. ed. N.V. Yamaletdinova. Ufa: RIC BashSU, 2021. Pp. 172–187.
17. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Reflections on the foundations of Russian sovereign philosophical and legal ideology // Legal science: history and modernity. 2020. No. 2. P. 183–194.
18. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Being and reflection: ontological foundations of law in the philosophy of F.M. Dostoevsky // World of politics and sociology. 2018. No. 12. P. 157–171.
19. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the question of the speculative-logical foundations of the metaphysics of law. – 2nd ed., rev. and additional Moscow: Norma: INFRA-M, 2024. 376 p. // DOI 10.12737/2134199
20. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Freedom as the concreteness of the idea of absolute good in Dostoevsky’s philosophy of law // Monitoring of law enforcement. 2020. No. 1. P. 4–7. // DOI: 10.21681/2226-0692-2020-1-04-07
21. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Theoretical and methodological foundations of the philosophy of law F.M. Dostoevsky as an ideologist of “pre-Eurasianism” // Rule of Law: Theory and Practice. 2019. No. 2. P. 17–24
22. Zakhartsev S.I., Lezhneva O.Yu., Salnikov V.P., Chabukiani O.A. Fair judicial power as a guarantor of the rule of law // Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University. 2021. No. 4. P. 26–34.
23. Zorina N.V., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Prokofiev K.G., Salnikov M.V. The idea of freedom in the sovereign ideology of law: axiological and moral-legal aspects // World of Politics and Sociology. 2018. No. 11. Pp. 188–193.
24. Zorkin V.D. Law against chaos: Monograph. 3rd ed., revised and supplemented. Moscow: NORM: INFRA-M, 2023. 536 p. // DOI 10.12737/1958344.
25. Zorkin V.D. Justice is an imperative of the civilization of law // Questions of philosophy. 2019. No. 1. P. 5–14.
26. Hilarion, Met. (Alfeev) Dostoevsky's Gospel. Moscow: Poznanie, 2021. 232 p.
27. Ilyin I.A. General doctrine of law and state. On the essence of legal consciousness: // I.A. Ilyin. Collection op. T. 4. Moscow: Russian Book, 1994. 415 p.
28. Ilyin I.A. Fundamentals of Christian culture. St. Petersburg: Shpil, 2004.

29. Ilyin I.A. Motherland and us. Brochures for the people (1906,1917). The collapse of Russia. White idea. The doctrine of legal consciousness. About the future Russian culture // Compiled by: Lisitsa Yu.T. Smolensk: Posokh, 1995. 509 p.
30. Ismagilov R.F., Salnikov V.P. Law and justice: historical traditions and modern models (Historical and legal analysis of theoretical studies of topical issues of the relationship between the idea of law and the idea of justice in the XX-XXI centuries): Monograph. St. Petersburg: University Foundation, 2017. 324 p. (Series: "Science and Society").
31. Ismagilov R.F., Salnikov V.P. Dostoevsky's legal philosophy and ideocratic foundations of Russian sovereignty // Legal science: history and modernity. 2021. No. 1. P. 171–176.
32. Cleandrov M.I. Justice and fairness. 2nd ed., revised. and additional Moscow: NORM, 2023. 424 p.
33. Lazarev V.V. The ideology of constitutional reform of the legal system of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2021. No. 4. P. 5–17.
34. New Testament of our Lord Jesus Christ. T. 1. Moscow: Moscow Sretensky Monastery; "New Book", 1997. 576 p.
35. New Testament of our Lord Jesus Christ. T. 2. Moscow: Moscow Sretensky Monastery; "New Book", 1996. 640 p.
36. Romashov R.A. Amendments to the Constitution of Russia as a form of constitutional and legal innovation // Legal technology. 2021. No. 15. pp. 41–47.
37. Salnikov V.P., Maslennikov D.V. Philosophy of law F.M. Dostoevsky as a source of development of the theory of Russian state and law // Problems of the status of modern Russia: historical and legal aspect: materials of the All-Russian scientific and practical conference (Ufa, April 5–6, 2018) / Rep. ed. F.H. Galiev. In 2 parts. Part 1. Ufa: RIC BashSU, 2018. P. 72–79.
38. Salnikov V.P., Romashov R.A., Salnikov M.V. Changing the Constitution is a consequence of the transformation of the state legal system of the Russian Federation (review-reflection on the textbook by R.B. Bulatov "The Constitution of the Russian Federation: amendments of 2020 and their significance") // Legal science: history and modernity. 2023. No. 12. P. 61–67.
39. Salnikov V.P., Stepashin S.V., Khabibulin A.G. Statehood as a phenomenon and object of typology: theoretical and methodological analysis. St. Petersburg: "University Foundation", 2001. 208 p. (Series: "Human and Society Security").
40. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I. The value basis of sovereignty (on the issue of sovereign state-legal ideology) // Legal science: history and modernity. 2019. No. 11. P. 149–162.
41. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Prokofiev K.G., Morozov A.I. The principle of sovereignty of state-legal ideology and philosophy of law // World of Politics and Sociology. 2019. No. 9. P. 170–178.
42. Ekimov A.I. Axiom of the relationship between justice and law // World of politics and sociology. 2015. No. 1. P. 13–23.
43. Ekimov A.I. Law in the context of justice: towards research methodology // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2013. No. 2 (307). Pp. 51–61.

For citation: Mazurin S.F. The role of Orthodox Christian culture in the formation of spirituality and morality in the social environment of society: article // Theory of State and Law. 2024. No. 2 (36). P. 151–158.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_142

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_159

Е.А. Плешаков*

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРИОРИТЕТ КАК ОБЩЕПРАВОВАЯ ЦЕННОСТЬ

***Аннотация.** В статье подвергается осмыслению феномен «юридический приоритет», прочно вошедший не только в политико-экономический тезаурус, но и юридический. Выдвигается гипотеза о возможности установления сущности данного феномена, форм его проявления призму философии права, а именно с позиции аксиологического подхода. Доказывается основополагающая роль ценностей при определении юридических приоритетов, которые позиционируются автором в качестве формально-юридического и нравственно-этического критерия установления юридического приоритета в правовом регулировании.*

***Ключевые слова:** юридический приоритет, дифференциация, ценности, предпочтение, правовые преимущества.*

Слово «приоритет» составляет весьма популярную лексическую единицу, как в общеупотребительном тезаурусе, так и в юридическом. О приоритетах в какой-либо сфере или роде деятельности, в рамках решения определенных задач приходится слышать довольно часто. Как известно, расставить приоритеты означает отдать первенство чему-либо, превосходство, придать чему-либо главенствующую роль [5, с. 985].

В определенном смысле тенденциозным явлением стало включение приоритета в сферу государственно-правового строительства, публичного управления. Речь идет о позиционировании ряда направлений юридической деятельности в качестве первостепенных, выделении в системе прав и обязанностей личности тех из них, которые обладают первенством по отношению к другим и пр.

С одной стороны, наличие определенных прав субъекта, имеющих более весомое значение перед иными, явление далеко не новое. К примеру, виднейший отечественный дореволюционный юрист Г.Ф. Шершеневич еще в начале XX века описывал приоритетное право выкупа векселя: «Если предложение о выкупе последует от нескольких лиц, то преимущество дается тому из них, чей платеж освободил бы от ответственности наибольшее число обязанных по векселю лиц» [10, с. 622].

С другой стороны, приоритет в рамках правовых отношений сегодня стал рассматриваться не только как форма объективации правового преимущества, создающая условия для наиболее комфортной реализации субъективного права отдельными участниками правоотношений (в таком ракурсе ранее юридический приоритет исследовался учеными [9, с. 15]), но и как инструмент выстраивания иерархичности

* **Плешаков Евгений Александрович**, старший преподаватель кафедры судебной и прокурорской деятельности Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: law_pleshakov@mail.ru

благ в широком смысле этого слова (и материальных, и нематериальных). В этом ракурсе, небезынтересным представляется обращение к феномену «юридический приоритет» с аксиологических позиций, через призму традиционных ценностей.

Восприятие ценностей, в том числе в проекции к правовой действительности, может быть различным. Однако общий смысл останется неизменным – ценности в праве определяют главное в юридическом воздействии, а именно методы, средства, и наконец, границы правового регулирования. В зависимости от того, что позиционируется в обществе и государстве в качестве главенствующей ценности, предпринимаются конкретные меры правотворческого и правоприменительного характера, на основополагающие ценности ориентируется интерпретационная деятельность.

Далеко за примером ходить не будем. Президент Российской Федерации В.В. Путин в рамках ежегодной встречи с гражданами и журналистами весьма наглядно определил основополагающие ценности нашего государства, одновременно с этим сформулировав конкретные требования по их приоритетной защите, включая организационные и правовые меры. В частности, в своей речи отечественный политический лидер свыше девяти раз обратил внимание на различные традиционные национальные ценности (большая семья, межконфессиональная толерантность, межнациональное согласие и пр.), и в результате не менее трех раз прозвучало слово «приоритет» применительно к их сохранению, укреплению, преумножению [7].

В этой связи, можно выдвинуть гипотезу о том, что ценности выступают критерием установления приоритетов государственно-правового регулирования. При этом, характерным аспектом является то, что ценности могут определять: как формально-юридические условия для главенствующего положения каких-либо сфер, так и нравственно-этические ориентиры.

Выдвинутая гипотеза нагляднее всего аргументируется на следующих примерах. Так, отдельные ценности не только провозглашаются в качестве приоритетных политическими лидерами, но и гарантируются государством путем законодательного утверждения и последующей практической реализации. К уже существующим мерам социальной и иной поддержки семей с детьми (что является безусловной ценностью при укреплении гражданского общества и социального государства), в 2023 году добавились новые. В частности, при наличии ребенка гражданин Российской Федерации вправе оформить ипотечный кредит по льготной ставке, если у него в период до 31.12.2023 (включительно) родился ребенок, который является гражданином Российской Федерации [3].

Два формально-юридических условия в вышеуказанном примере (наличие гражданства Российской Федерации и срок рождения ребенка), как было указано выше, в рамках ключевых ценностей дополняются приоритетной заботой о наименее защищенных группах населения, находящихся в группе социального риска. В частности, аналогичные вышеуказанным мерам поддержки предусмотрены механизмы получения ипотечного кредита по льготной ставке если у заемщика ребенок-инвалид. Такой социальный и правовой статус несовершеннолетнего – несомненный нравственный ориентир приоритетной заботы государства о детях и их родителях.

Все вышеизложенное является отражением конституционной нормы о ценности семейного воспитания и постулате, что «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики» [1; 6]. Конкретные механизмы поддержания конституционного приоритета детей конкретизируются федеральным законодатель-

ством. К примеру, выплаты государства в виде пособий, субсидий, дотаций, обусловленные рождением ребенка, а также все иные формы улучшения финансового положения семей с детьми (доходы в связи с оказанием господдержки по ипотеке, льготное исчисление процентов и пр.), налогом не облагаются [2].

Ценности общества и государства обуславливают как законодательное закрепление юридических приоритетов (главенствующих направлений правотворчества, основные подходы к интерпретации положений нормативных правовых актов и пр.). Далее, опираясь на основополагающие ценности и уже при помощи юридического приоритета происходит упорядочение общественных отношений за счет выстраивания дифференциации, иерархичного построения системы благ.

Сказанное обуславливает определенную дихотомию, диалектическую связь ценностей и приоритетов. С одной стороны, ценности общества и государства получают поддержку в виде приоритетной юридической регламентации и обеспечения. Например, защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей определена в качестве стратегического национального приоритета [4].

С другой стороны, среди самих ценностей необходимо установить приоритеты. Если среди правовых ценностей Конституция Российской Федерации провозглашает основополагающими такие, как: равенство, справедливость, законность и иные, то иметь реальное воплощение они будут только при условии признания в качестве отправной ценности – *приоритета права*. Приоритет права должен стать реальной квинтэссенцией общественной жизни, таким режимом построения взаимоотношений всех субъектов, при котором возможно согласование взаимных интересов, нахождение компромисса, гармонии между обществом и государством.

Выдвинутая гипотеза в определенном смысле подтверждается и необходимостью расширения границ правопонимания: от доминирующего позитивистского (с его концепцией верховенства закона) к естественно-правовым, а также неоклассическим. Данный аспект мы более детально разовьем в следующих своих публикациях, а здесь лишь приведем один аргумент. Концепция приоритета права, в отличие от верховенства закона – более диалогична как раз ввиду опоры на традиционные ценности общества: веру в добро, справедливость, взаимное уважение и доверие.

Следовательно, мы полагаем, что *юридический приоритет* как общеправовая ценность представляет собой *средство дифференциации и иерархичного построения различных элементов правовой системы, на основе которого государство не только находит различия относительно важности, значимости таких элементов правовой системы как норма права, правовой институт, правовое отношение, правовое сознание, правовой статус и пр., но и выстраивает их внутреннюю иерархию, опираясь на ценности общества и преследуемый интерес* [8, с. 40].

Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru/
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (в ред. от 19.12.2023), п. 1 ст. 210, пп. 1 п. 1 ст. 212, п. п. 1, 2.1, 65.1, 77 ст. 217 и др. // www.consultant.ru/
3. Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (в ред. от 24.07.2023) «О потребительском кредите (займе)» // www.consultant.ru/

4. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // www.consultant.ru/
5. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1194 с.
6. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с.
7. О чем говорил Президент Владимир Путин, подводя итоги года и отвечая на вопросы журналистов и жителей страны // Российская газета, 2023, 14 дек.
8. Пleshakov E.A. К вопросу о сущности юридического приоритета // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2023. – № 4 (64). – С. 35–43.
9. Репьев А.Г. «Преимущественное право» и «правовой приоритет» в юридической доктрине и законодательстве // Вестник российской правовой академии. – 2019. – № 1. – С. 14–20.
10. Шершеневич Г.Ф. Избранное: В 6 т. Т. 2 включая Курс гражданского права / вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2017. – 704 с.

Для цитирования: Пleshakov E.A. Юридический приоритет как общеправовая ценность: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 2 (36). – С. 159–162.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_159

LEGAL PRIORITY AS A GENERAL LEGAL VALUE

Evgeny A. Pleshakov*

***Annotation.** The article examines the phenomenon of "legal priority", which is firmly embedded not only in the political and economic thesaurus, but also in the legal one. A hypothesis is put forward about the possibility of establishing the essence of this phenomenon, the forms of its manifestation through the prism of the philosophy of law, namely from the standpoint of an axiological approach. The fundamental role of values in determining legal priorities is proved, which are positioned by the author as a formal legal and moral-ethical criterion for establishing legal priority in legal regulation.*

***Keywords:** legal priority, differentiation, values, preference, legal advantages.*

The word "priority" is a very popular lexical unit, both in the common thesaurus and in the legal one. You hear quite often about priorities in any area or type of activity, within the framework of solving certain problems. As you know, setting priorities means giving primacy to something, superiority, giving something a dominant role [5, p. 985].

In a certain sense, the inclusion of priority in the sphere of state-legal construction and public administration has become a tendentious phenomenon. We are talking about positioning a number of areas of legal activity as paramount, highlighting in the system of rights and obligations of the individual those of them that have primacy in relation to others, etc.

On the one hand, the presence of certain subject rights that are more significant than others is far from a new phenomenon. For example, the most prominent domestic pre-

* **Evgeny A. Pleshakov**, senior lecturer of the Department of Judicial and Prosecutorial Activity Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University. E-mail: law_pleshakov@mail.ru

revolutionary lawyer G.F. Shershenevich, at the beginning of the 20th century, described the priority right to repurchase a bill of exchange: “If an offer to repurchase comes from several persons, then priority is given to the one whose payment would relieve the largest number of persons obligated under the bill from liability” [10, p. 622].

On the other hand, priority within the framework of legal relations today has come to be considered not only as a form of objectification of legal advantage, creating conditions for the most comfortable implementation of subjective law by individual participants in legal relations (from this perspective, legal priority was previously studied by scientists [9, p. 15]), but and as a tool for building a hierarchy of goods in the broad sense of the word (both material and intangible). From this perspective, it is not without interest to address the phenomenon of “legal priority” from an axiological position, through the prism of traditional values.

The perception of values, including in projection to legal reality, may be different. However, the general meaning will remain unchanged – values in law determine the main thing in legal influence, namely methods, means, and finally, the boundaries of legal regulation. Depending on what is positioned in society and the state as the overriding value, specific law-making and law enforcement measures are taken, and interpretative activities are oriented towards fundamental values.

We won't go far for an example. President of the Russian Federation V.V. Putin, as part of his annual meeting with citizens and journalists, very clearly defined the fundamental values of our state, while at the same time formulating specific requirements for their priority protection, including organizational and legal measures. In particular, in his speech, the domestic political leader drew attention more than nine times to various traditional national values (large family, interfaith tolerance, interethnic harmony, etc.), and as a result, the word “priority” was heard at least three times in relation to their preservation, strengthening, multiplying [7].

In this regard, we can put forward a hypothesis that values act as a criterion for setting priorities for state legal regulation. At the same time, a characteristic aspect is that values can determine both formal and legal conditions for the dominant position of any spheres, and moral and ethical guidelines.

The hypothesis put forward is most clearly supported by the following examples. Thus, certain values are not only proclaimed as priorities by political leaders, but are also guaranteed by the state through legislative approval and subsequent practical implementation. To the already existing measures of social and other support for families with children (which is an absolute value in strengthening civil society and the welfare state), new ones were added in 2023. In particular, if there is a child, a citizen of the Russian Federation has the right to apply for a mortgage loan at a preferential rate if he has a child born before 12/31/2023 (inclusive) who is a citizen of the Russian Federation [3].

The two formal legal conditions in the above example (citizenship of the Russian Federation and the date of birth of the child), as indicated above, within the framework of key values are complemented by priority care for the least protected groups of the population who are at social risk. In particular, similar to the above support measures, mechanisms are provided for obtaining a mortgage loan at a preferential rate if the borrower has a disabled child. This social and legal status of a minor is an undoubted moral guideline for the priority care of the state for children and their parents.

All of the above is a reflection of the constitutional norm on the value of family education and the postulate that “children are the most important priority of state policy” [1; 6]. Specific mechanisms for maintaining the constitutional priority of children are specified

by federal legislation. For example, state payments in the form of benefits, subsidies, subsidies due to the birth of a child, as well as all other forms of improving the financial situation of families with children (income in connection with the provision of state support for mortgages, preferential calculation of interest, etc.) are not subject to tax [2].

The values of society and the state determine the legislative consolidation of legal priorities (the main directions of law-making, the main approaches to the interpretation of the provisions of regulatory legal acts, etc.). Further, based on fundamental values and with the help of legal priority, social relations are streamlined through the creation of differentiation, the hierarchical construction of a system of benefits.

The above determines a certain dichotomy, a dialectical connection of values and priorities. On the one hand, the values of society and the state receive support in the form of priority legal regulation and support. For example, the protection of traditional Russian spiritual and moral values is defined as a strategic national priority [4].

On the other hand, priorities must be established among the values themselves. If among the legal values the Constitution of the Russian Federation proclaims as fundamental such as: equality, justice, legality and others, then they will have a real embodiment only if they are recognized as the starting value – the priority of law. The priority of law should become the real quintessence of social life, such a regime for building relationships among all subjects in which it is possible to harmonize mutual interests, find a compromise, and harmony between society and the state.

The hypothesis put forward is, in a certain sense, confirmed by the need to expand the boundaries of legal understanding: from the dominant positivist (with its concept of the rule of law) to natural law, as well as neoclassical ones. We will develop this aspect in more detail in our next publications, but here we will only present one argument. The concept of the priority of law, in contrast to the rule of law, is more dialogical precisely because of its reliance on traditional values of society: faith in goodness, justice, mutual respect and trust.

Consequently, we believe that legal priority as a general legal value is a means of differentiation and hierarchical construction of various elements of the legal system, on the basis of which the state not only finds differences regarding the importance, significance of such elements of the legal system as a rule of law, a legal institution, a legal relationship, a legal consciousness, legal status, etc., but also builds their internal hierarchy, based on the values of society and the pursued interest [8, p. 40].

Bibliography

1. “The Constitution of the Russian Federation” (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // www.consultant.ru/

2. Tax Code of the Russian Federation (Part Two) dated 05.08.2000 No. 117-FZ (as amended on 19.12.2023), clause 1 of Art. 210, pp. 1 clause 1 art. 212, paragraph 1, 2.1, 65.1, 77 art. 217 and others // www.consultant.ru/

3. Federal Law No. 353-FZ dated December 21, 2013 (as amended on July 24, 2023) “On consumer credit (loan)” // www.consultant.ru/

4. Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 No. 809 “On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values” // www.consultant.ru/

5. Large explanatory dictionary of the Russian language / comp. and ch. ed. S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 2000. 1194 p.

6. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house "Urayt", 2023. 325 p.

7. What President Vladimir Putin said when summing up the year and answering questions from journalists and residents of the country // Rossiyskaya Gazeta, 2023, December 14.

8. Pleshakov E.A. On the question of the essence of legal priority // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (64). Pp. 35–43.

9. Repev A.G. "Preemptive right" and "legal priority" in legal doctrine and legislation // Bulletin of the Russian Legal Academy. 2019. No. 1. P. 14–20.

10. Shershenevich G.F. Favorites: In 6 volumes. Volume 2, including Civil Law Course / intro. word, comp.: P.V. Krashennnikov. Moscow: Statute, 2017. 704 p.

For citation: Pleshakov E.A. Legal priority as a general legal value: article // Theory of State and Law. 2024. No. 2 (36). P. 162–165.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_159

Научная статья

УДК 342.92

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_166

И.М. Силивеев*

СООТНОШЕНИЕ ФОРМ НОРМОКОНТРОЛЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАМКАХ НОРМОКОНТРОЛИРУЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***Аннотация.** В статье анализируется проблема соотношения различных форм нормоконтроля законодательства субъектов Российской Федерации как на стадии принятия правовых норм, так и их реализации. Отмечается существование трех форм нормоконтроля регионального законодательства: судебной, административной и специальной, которые одновременно могут использоваться в условиях процесса нормоконтролирующей деятельности. Анализируются критерии соотношения форм нормоконтроля и условия, при которых обеспечивается необходимая степень упорядочивания соотношения отдельных форм нормоконтроля.*

***Ключевые слова:** нормоконтроль, законодательство, нормоконтролирующая деятельность, судебный нормоконтроль, внесудебный нормоконтроль.*

Нормоконтролирующая деятельность является в настоящее время важной составляющей процесса функционирования права. Расширение сферы правового регулирования, активная нормотворческая деятельность, требуют от лиц, включенных как в процессы правотворчества, так и реализации права постоянного анализа законности действующих правовых норм, соответствия таких норм нормам, имеющим более высокую юридическую силу, внутренней непротиворечивости и иных факторов [10].

Под нормоконтролем в отечественной литературе понимается деятельность по установлению, поддержанию и восстановлению конституционности и законности, которая выражается в проверке соответствия акта нормативному акту большей юридической силы, а в иных случаях – в проверке специальных действий правового характера, а также, в случае выявления нарушений законодательства, – их пресечении и привлечении виновных к ответственности [15, с. 221].

Необходимость проведения нормоконтролирующей деятельности очевидна. Она позволяет поддерживать состояние права на уровне, обеспечивающем осуществление общественных отношений без ущерба интересам государства, общества и личности. Нормоконтроль позволяет оперативно выявлять и устранять в рамках регионального законодательства нормы, противоречащие иным нормам (имеющим большую юридическую силу), поддерживать в субъекте Российской Федерации такое состояние законодательства, которое соотносимо и гармонично федеральному

* **Силивеев Илья Михайлович**, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Иркутского института (филиал) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Всероссийский государственный университет юстиции" (РПА Минюста России), член Иркутского регионального отделения Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права. E-mail: siliveev@mail.ru

законодательству, выявлять и устранять пробелы в праве и т.д. В таком случае, нормоконтролирующая деятельность является объективно обоснованной и необходимой для полноценного функционирования региональной правовой системы. При этом, на современном этапе развития регионального законодательства имеется широкая совокупность форм нормоконтроля, позволяющего с одной стороны реализовать в полной мере нормоконтролирующую функцию государства, а с другой создающей проблему конкуренцию форм нормоконтроля. Данная конкуренция, полагаем, является важной теоретической и прикладной проблемой, разрешение которой может обеспечить решение проблем качества регионального законодательства, законности в рамках правотворческой и правореализационной деятельности.

Следует отметить, что в рамках процесса нормоконтрольной деятельности необходимо выделить отдельные стадии такой деятельности. В контексте периодизации нормоконтроля можно говорить о существовании нормоконтроля при принятии законодательства субъектов Российской Федерации и нормоконтроля при реализации правовых норм регионального законодательства.

Нормоконтролирующая деятельность в процессе принятия законодательства субъектов Российской Федерации имеет объективный характер и выражена в нормах, регламентирующих нормотворческий процесс, включающий как деятельность органов государственной власти субъектов Российской Федерации (высшего представительного органа субъекта Российской Федерации в ходе принятия нормативного правового акта, главы субъекта Российской Федерации, как субъекта, подписывающего акт регионального законодательства, иных субъектов, которые до момента принятия, подписания и опубликования регионального нормативного правового акта могут выявить правовой дефект и осуществить действия, направленные на устранение таких дефектов).

Нормоконтролирующая деятельность в процессе реализации правовых норм регионального законодательства представляется более широкой и одновременно более сложной задачей, реализуемой в практической сфере. В отличие от нормотворческого процесса процесс правореализации не имеет нормативного закрепления в одном нормативном акте. Хотя каждый элемент реализации права по-своему нормативно урегулирован, вряд ли такое регулирование можно рассматривать как целостное и в полной мере обеспечивающее единство деятельности.

В настоящее время можно говорить о существовании трех форм нормоконтроля: судебного, административного и специального нормоконтроля. А.И. Соколова определяет данные виды нормоконтроля как судебный, прокурорский и административный [12, с. 162], что не вполне справедливо, поскольку исключает ряд субъектов из норм контрольной деятельности. При этом. Отметим, что в юридической литературе есть и другие подходы к определению форм нормоконтроля.

Содержание судебного-нормоконтрольной деятельности состоит в проверке судом положений нормативных правовых актов с точки зрения их соответствия предписаниям большей юридической силы, принятии того или иного решения по результатам такой проверки. Проверяемые нормы выступают в качестве предмета, или объекта, указанной деятельности.

Стоит отметить, что практика современного конституционного строительства показывает, что условием эффективной реализации Конституции Российской Федерации (в рамках комплексного понимания эффективности, как научной и прикладной категории [9, с. 46]) является независимость судебной ветви власти, которая представляет собой один из важнейших структурных элементов механизма гос-

ударства. Являясь самостоятельной и независимой ветвью власти, она служит гарантией преодоления возникающих в обществе противоречий, разрешает конфликты при помощи правовых инструментов. Деятельность судов имеет своим назначением защиту прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, обеспечение исполнения Конституции Российской Федерации, законов, иных нормативных правовых актов и международных договоров РФ [1; 11].

Судебный нормоконтроль разделяется на две разновидности: конституционно-судебный нормоконтроль и административно-судебный нормоконтроль [12, с. 34], отличающийся как органом государственной власти, проводящий такой нормоконтроль (Конституционный Суд Российской Федерации и федеральные суды судебной системы Российской Федерации соответственно), так и правовым основанием такого нормоконтроля (Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» [2] и «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» [3]). При этом, судебный нормоконтроль объединен общими принципами нормоконтролирующей деятельности, и направлен на осуществление в рамках отправления судопроизводства выявления и устранения противоречий и дефектов в законодательстве субъектов Российской Федерации.

Административный нормоконтроль осуществляется органами государственной власти, в чью компетенцию входит регулярная нормоконтролирующая деятельность (как на федеральном, так и на региональном уровне). К таким субъектам можно отнести органы Прокуратуры Российской Федерации и Министерство юстиции Российской Федерации.

Одной из наиболее распространенных форм нормоконтроля в отношении законодательства субъектов РФ можно назвать прокурорский нормоконтроль. Хотя по своей природе деятельность прокуратуры является контролирующей, в рамках прокурорской деятельности данная деятельность получила наименование – надзор за законностью нормативных правовых актов. И в этом контексте такой надзор в отношении нормативных правовых актов регионального уровня практически не отличается от аналогичного надзора за законностью других нормативных правовых актов.

Деятельность прокуратуры реализуется в рамках приказа Генпрокуратуры России от 02.10.2007 № 155 (ред. от 20.02.2020) «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» [4]. Согласно данному приказу прокурорам субъектов Российской Федерации, городов, районов, приравненным к ним военным прокурорам и прокурорам других специализированных прокуратур под персональную ответственность обеспечить надлежащую организацию надзора в указанной сфере в соответствующих прокуратурах, для чего:

- обеспечить активное участие прокурорских работников в подготовке нормативных правовых актов, затрагивающих права и свободы граждан;
- своевременно запрашивать и изучать проекты региональных, муниципальных нормативных правовых актов, участвовать в работе комитетов, комиссий и рабочих групп представительных и исполнительных органов публичной власти;
- своевременно направлять в адрес руководителей указанных органов замечания и предложения об устранении выявленных в проектах нормативных правовых актов несоответствий федеральным и региональным законам.

Министерство Юстиции РФ также осуществляет нормоконтролирующие действия в отношении законодательства субъектов РФ. Активное нормотворчество субъектов

Российской Федерации порождает большое количество нормативных правовых актов. Важнейшим правовым инструментом, с помощью которого выявляются несоответствия между нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации и Конституцией Российской Федерации, федеральным законодательством, является правовая экспертиза, проводимая Министерством юстиции Российской Федерации.

В своей диссертационной работе В.Ф. Степанищев высказывает мнение, что «в форме юридической экспертизы нормативных правовых актов, осуществляемой территориальным органом юстиции в субъекте Российской Федерации, осуществляется конституционный нормоконтроль» [13, с. 7]. Аналогичная мысль высказана А.Н. Зуевой [8, с. 14].

Н.С. Ельцов обосновывает, что нормоконтроль применительно к деятельности Министерства юстиции Российской Федерации по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации представляет собой одну из форм осуществления государственной власти, заключающуюся в контроле со стороны компетентных органов за соответствием юридических норм нормам актов более высокой юридической силы, а также общепризнанным принципам и нормам международного права [7, с. 34].

Таким образом, административный нормоконтроль законодательства субъектов Российской Федерации, реализуемый в форме прокурорского нормоконтроля и нормоконтроля Министерства юстиции России, является сложившейся, устойчивой формой нормоконтроля законодательства субъектов Российской Федерации.

Специальный нормоконтроль осуществляется органами государственной власти субъектов Российской Федерации и реализуется в пределах их полномочий. В частности, такой нормоконтроль проводится высшим представительным органом субъекта Российской Федерации в процессе принятия нормативного правового акта, главой субъекта Российской Федерации в рамках полномочий по осуществлению контроля над соблюдением требований законодательства в рамках нормотворческого процесса, а также реагирования на выявления дефектов в уже действующих нормативных правовых актах регионального уровня.

Еще одной, сравнительно новой компонентой данной формы нормоконтроля можно назвать нормоконтроль конституционных (уставных) советов при представительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации [6]. Однако, с учетом того, что данные советы начали создаваться только в 2022 году, представлены лишь в ряде субъектов Российской Федерации (Республика Башкортостан, Республика Саха (Якутия), Республика Адыгея) с совершенно разным объемом полномочий в рамках нормоконтролирующей деятельности и практика их работы пока не изучена, указанная компонента нормоконтролирующей деятельности может рассматриваться нами лишь в качестве гипотетически возможной. При этом. Нельзя не отметить, что деятельность таких конституционных (уставных) советов могла бы стать весьма значимой и обеспечивающей совмещение различных форм нормоконтролирующей деятельности, применительно к нормоконтролю регионального законодательства, связанного с функционированием Конституций и Уставов субъектов Российской Федерации.

По мнению некоторых исследователей в настоящее время в Российской Федерации можно выделить и четвертую форму нормоконтроля законодательства – общественный нормоконтроль [14, с. 184]. Между тем, данная форма не является регулярной и сводится главным образом к общественной антикоррупционной экспертизе, которая может осуществляться субъектами, реализующими самостоятельную, инициативную деятельность по проверке нормативных правовых актов (в том числе и нормативных

правовых актов субъектов Российской Федерации) на наличие или отсутствие в них коррупциогенных факторов [5, с. 6]. Можно согласиться с утверждением о наличии факта существования такой формы нормоконтроля в практике нормоконтролирующей деятельности, однако этот нормоконтроль не может в полной мере быть применен в связи с тем, что не является системной и регулярной формой деятельности, а реализуется исключительно по воле субъекта, проводящего такой нормоконтроль.

Связи с этим как в рамках нормоконтроля на стадии принятия акта законодательства субъекта Российской Федерации, так и на стадии реализации норм регионального законодательства проявляется проблема соотношения отдельных форм нормоконтроля. Данная проблема основывается на том, что в настоящее время фактически нет строго определенной очередности проведения нормоконтролирующей деятельности, а сами формы нормоконтроля могут быть использованы субъектами процесса нормоконтроля практически произвольно. В такой ситуации в рамках правотворческого и правореализационного процесса могут возникать негативные последствия такой неопределенности, отмечаться неблагоприятные последствия указанной деятельности.

Анализ проблематики нормоконтролирующей деятельности показывает, что в большинстве субъектов Российской Федерации в настоящее время не выстроена система единой и комплексной нормоконтролирующей деятельности. В лучшем случае приняты нормы, включающие в механизм нормотворческого процесса субъекты, которые могут (и должны) осуществлять нормотворческую деятельность. В рамках же процесса реализации права имеет место несогласованная и разрозненная совокупность норм, определяющих компетенцию отдельных субъектов нормотворческого процесса не увязанная в единую общую систему. Между тем, системность такой деятельности имеет большое значение. Как минимум она позволила бы выстроить процесс нормоконтроля как постоянное взаимодействие совокупности нормоконтролирующих субъектов, которые в процессе реализации собственных полномочий в рамках нормоконтролирующей деятельности обеспечивают единство правового пространства России, высокое качество принимаемых и реализуемых нормативных правовых актов, оперативное изменение и дополнение региональных нормативных правовых актов, устранение правовых дефектов, приведение нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации в совместив федеральному законодательству, в случае изменений в последних.

В настоящее время наблюдается конкуренция форм нормоконтролирующей деятельности. Лишь в отдельных аспектах есть четкие формулы использования тех или иных форм нормоконтроля. Так, например, в рамках института реагирования главой субъекта Российской Федерации на неисполнение законодательным органом субъекта Российской Федерации обязанности по приведению Конституции (Устава) или закона субъекта Российской Федерации в соответствие федеральному законодательству выстроена четкая последовательность применения форм нормоконтроля, включающая первоначальное выявление противоречия между федеральным и региональным законодательством (при этом без определения источника информации о самом факте противоречия, которая может быть получена главой субъекта Российской Федерации как по результатам проверки, приводимой собственным аппаратом, так и в контексте реагирования на представления Прокуратуры, официальных документов Министерства Юстиции), обращения в законодательный орган. В случае не реагирования законодательного органа обращение в суд (и осуществление су-

дебного нормоконтроля в рамках административного судопроизводства), вынесения судебного решения и, в случае последующего неосуществления деятельности по внесению необходимых изменений в рамках нормотворческого процесса, применение главой субъекта Российской Федерации дальнейших мер, связанных с применением конституционной-правовой ответственности.

В таком случае мы видим наличие нормативно закрепленного алгоритма оптимального сочетания форм нормоконтроля, позволяющего добиться приведения законодательства субъектов Российской Федерации в соответствие с федеральным законодательством. Однако это одни из немногих схем сочетания различных форм нормоконтроля, существующих в законодательстве Российской Федерации. При этом, данная конструкция предусмотрена федеральным законодательством, хотя большая часть нормоконтролирующих действий, применительно к законодательству субъектов Российской Федерации осуществляется в рамках взаимодействия между органами государственной власти субъектов Российской Федерации, то есть на региональном уровне. В настоящее время законодательство субъектов Российской Федерации в части оптимизации нормоконтролирующей деятельности в лучшем случае можно рассматривать как пробельное, а в худшем, в некоторых субъектах, как вовсе отсутствующее.

Полагаем, что нормоконтролирующая деятельность в целях оптимального использования функционала органов государственной власти должна выстраиваться в единым механизм, при котором отдельные формы нормоконтроля (судебный, административный, специальный, а в некоторых случаях и общественный) не конкурировали между, а взаимно дополняли друг друга, обеспечивая единство правового пространства России, искоренение правовых дефектов и достижение высокого правового качества регионального законодательства.

Наиболее простой представляется задача в рамках процесса принятия нормативных правовых актов. В случае если в законодательстве субъекта Российской Федерации, регламентирующем нормотворческую деятельность, будет применена практика системного подхода к организации нормоконтроля можно добиться последовательного проведения нормоконтролирующих действий с оптимизацией участия субъектов нормоконтроля и необходимой степенью реагирования на результат нормоконтролирующей деятельности. При этом, полагаем, конституционные (уставные) советы при законодательных органах субъектов Российской Федерации могли бы стать предварительным фильтром, обеспечивая отсеивание результатов общественного нормоконтроля (которые далеко не всегда очевидны и обоснованы), а также вести учет позиций органов государственной власти, осуществляющих административный нормоконтроль, выступая в роли своеобразного примирительного механизма между органами государственной власти субъектов Российской Федерации, задействованными в нормоконтролирующей деятельности. Выстраивание такого механизма возможно, в том числе и в рамках единого нормативного правового акта, регламентирующего нормотворческий процесс в субъектах Российской Федерации.

В рамках нормоконтроля в процессе реализации норм законодательства субъектов Российской Федерации существенно сложнее выстроить оптимальную степень взаимодействия отдельных форм нормоконтроля. Хотя системную нормоконтролирующую деятельность должны реализовывать и законодательный орган субъекта Российской Федерации, и глава субъекта, и органы прокуратуры и Министерства юстиции, выстраивая своеобразный «фильтр», призванный оперативно выявлять и устранять дефекты регионального законодательства, на практике этого

не происходит. Зачастую о факте наличия дефекта становится известно только в рамках судебного нормоконтроля, когда (зачастую) чье-либо право уже нарушено и его восстановление требует судебного вмешательства.

Полагаем, то задача организация оптимального соотношения форм нормоконтроля регионального законодательства на стадии реализации права может быть решена только и исключительно при использовании двух механизмов, предусматривающих с одной стороны – системную нормоконтролирующую деятельность, а с другой – возможность использования всех форм нормоконтроля в случае выявления дефектов и противоречий в практической сфере. Добиться этого можно лишь созданием института регулярной ревизии состояния законодательства субъекта Российской Федерации.

Такая нормативная ревизия может проводиться как законодательным органом субъекта Российской Федерации (в том числе с использованием инструментария конституционных (уставных) советов), так и органами исполнительной власти в рамках их полномочий по нормоконтролю. В этом случае нормативная ревизия может быть предусмотрена как в связи с изменениями федерального законодательства (для выявления потребности в изменении законодательства субъекта федерации), так и в рамках периодической мониторинговой деятельности. Системность в проведении такой ревизии позволяет устранить большую часть нарушений, не приводя к возникновению правового конфликта, обеспечивая стабильную работу органов государственной власти и обеспечения соблюдения прав и законных интересов граждан. При этом осознавая недостижимость абсолютного качества в рамках такой ревизионной деятельности, сохранение всех имеющихся форм нормоконтроля в контексте возможности реагирования на конкретные дефекты законодательства, вскрывшиеся в результате, например, судебного разбирательства по определенному делу.

В целом полагаем, что можно обеспечить взаимное сочетание различных форм нормоконтроля, как фактора достижения правового качества нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации, и устранения правовых дефектов в них. При этом, такой механизм может быть выстроен в рамках регионального законодательства и не потребует существенных затрат в связи с его внедрением и реализацией.

Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru/
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // www.consultant.ru
3. «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // www.consultant.ru
4. Приказ Генпрокуратуры России от 02.10.2007 № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» // www.consultant.ru
5. *Артемов А.Б., Комаров С.А.* Коррупция как научная категория: статья // *Право и государство: теория и практика.* – 2012. – № 4 (88). – С. 6.
6. Брежнев О.В. Проблемы организации и компетенции конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации (на примере республик Адыгея, Саха (Якутия), Башкортостан) / О.В. Брежнев // *Актуальные проблемы российского права.* – 2023. – 18(4). – С. 21–30.

7. Ельцов Н.С. Территориальные органы юстиции в механизме обеспечения единства правового пространства России / Н.С. Ельцов // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. – М.: Спарк, 2001. – № 5. – С. 33–38.

8. Зуева А.П. О деятельности Минюста России в сфере обеспечения единства правового пространства / А.П. Зуева // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. – 2018. – № 4–5. – С. 13–17.

9. Казанцев А.О. Конституционный нормоконтроль и административно-судебный нормоконтроль: сравнительный анализ / А.О. Казанцев // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 1 (109). – С. 34–44.

10. Калинин А.Ю., Комаров С.А. Эффективность правового регулирования и адекватность процессов правообразования: статья // Юридическая мысль. – 2011. – № 5 (67). – С. 42–46.

11. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с.

12. Соколова А.И. Понятие и правовая природа института нормоконтроля / А.И. Соколова // Вестник Оренбургского государственного университета. – Оренбург: Изд-во Оренбург. ун-та, 2013. – № 3. – С. 162–168.

13. Степанищев В.Ф. Роль органов юстиции в обеспечении единого правового пространства Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2003. – 276 с.

14. Соколова А.И. О субъектах общественного нормоконтроля за муниципальными правовыми актами / А.И. Соколова // Актуальные проблемы современных общественных наук: диалог общества и власти : Материалы IV Международной научно-практической Интернет-конференции молодых ученых, Уфа, 01–30 июня 2014 года. – Уфа: Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, 2014. – С. 184–189.

15. Упоров В.А. О понятии нормоконтроля в праве / В.А. Упоров // Устойчивое развитие России: вызовы, риски, стратегии: материалы XIX Международной научно-практической конференции: к 25-летию Гуманитарного университета, Екатеринбург, 12–13 апреля 2016 года. Том 2. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. – С. 218–222.

Для цитирования: Силивеев И.М. Соотношение форм нормоконтроля законодательства субъектов Российской Федерации в рамках нормоконтролирующей деятельности: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 2 (36). – С. 166–173.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_166

CORRELATION OF FORMS OF NORMATIVE CONTROL OF LEGISLATION OF THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION WITHIN THE FRAMEWORK OF NORMATIVE CONTROL ACTIVITY

Ilya M. Siliveev*

Annotation. *The problem of the correlation of various forms of normative control of the legislation of the constituent entities of the Russian Federation is analyzed both at the stage of adoption of legal norms and their implementation. The existence of three forms of normative control of regional legislation is noted: judicial, administrative and special, which can be simultaneously used in the process of*

* Siliveev Ilya Mikhailovich, senior lecturer of the department of civil law and process of the Irkutsk Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice" (RPA of the Ministry of Justice of Russia), member of the Irkutsk regional branch of the Interregional Association of State and State Theorists rights. E-mail: siliveev@mail.ru

normative control activity. Criteria for the correlation of forms of normative control and the conditions under which the necessary degree of ordering of the ratio of individual forms of normative control is provided are analyzed.

Keywords: *normative control, legislation, normative control activity, judicial normative control, extrajudicial normative control*

Regulatory control activities are currently an important component of the process of functioning of law. Expansion of the scope of legal regulation, active rule-making activities require from persons involved both in the processes of law-making and the implementation of the law a constant analysis of the legality of existing legal norms, compliance of such norms with norms that have higher legal force, internal consistency and other factors [10].

In domestic literature, normative control is understood as the activity of establishing, maintaining and restoring constitutionality and legality, which is expressed in checking the compliance of an act with a normative act of greater legal force, and in other cases – in checking special actions of a legal nature, as well as, in case of detection of violations of the law, their suppression and bringing the perpetrators to justice [15, p. 221].

The need for regulatory control activities is obvious. It allows maintaining the state of law at a level that ensures the implementation of public relations without prejudice to the interests of the state, society and the individual. Standard control allows you to quickly identify and eliminate norms within the framework of regional legislation that contradict other norms (having greater legal force), maintain a state of legislation in the constituent entity of the Russian Federation that is correlated and harmonious with federal legislation, identify and eliminate gaps in the law, etc. . In this case, normative control activities are objectively justified and necessary for the full functioning of the regional legal system. At the same time, at the present stage of development of regional legislation, there is a wide range of forms of normative control, which allows, on the one hand, to fully implement the normative control function of the state, and on the other hand, forms of normative control that create the problem of competition. This competition, we believe, is an important theoretical and applied problem, the resolution of which can provide a solution to the problems of the quality of regional legislation, legality within the framework of law-making and law-implementation activities.

It should be noted that within the framework of the process of normative control activities, it is necessary to distinguish separate stages of such activities. In the context of the periodization of normative control, we can talk about the existence of normative control when adopting legislation of the constituent entities of the Russian Federation and normative control in the implementation of legal norms of regional legislation.

The normative control activity in the process of adopting legislation of the constituent entities of the Russian Federation is of an objective nature and is expressed in norms regulating the rule-making process, including both the activities of government bodies of the constituent entities of the Russian Federation (the highest representative body of the constituent entity of the Russian Federation in the course of the adoption of a normative legal act, chapter subject of the Russian Federation, as a subject signing an act of regional legislation, other subjects that, before the adoption, signing and publication of a regional regulatory legal act, can identify a legal defect and take actions aimed at eliminating such defects).

Regulatory control activities in the process of implementing legal norms of regional legislation seem to be a broader and at the same time more complex task, implemented in the practical sphere. Unlike the rule-making process, the process of legal implementation

does not have a normative enshrinement in one normative act. Although each element of the implementation of law is regulated in its own way, it is unlikely that such regulation can be considered as holistic and fully ensuring the unity of activity.

Currently, we can talk about the existence of three forms of normative control: judicial, administrative and special normative control. A.I. Sokolova defines these types of regulatory control as judicial, prosecutorial and administrative [12, p. 162], which is not entirely fair, since it excludes a number of subjects from the norms of control activities. Wherein. Note that in the legal literature there are other approaches to determining the forms of regulatory control.

The content of judicial normative control activity consists in checking by the court the provisions of regulatory legal acts from the point of view of their compliance with regulations of greater legal force, making one or another decision based on the results of such verification. The verified norms act as the subject, or object, of the specified activity.

It is worth noting that the practice of modern constitutional construction shows that the condition for the effective implementation of the Constitution of the Russian Federation (within the framework of a comprehensive understanding of efficiency as a scientific and applied category [9, p. 46]) is the independence of the judicial branch of government, which represents one of the most important structural elements of the mechanism of the state. Being an independent and independent branch of government, it serves as a guarantee for overcoming contradictions that arise in society and resolves conflicts with the help of legal instruments. The activities of the courts are intended to protect the rights, freedoms and legitimate interests of citizens and organizations, to ensure the implementation of the Constitution of the Russian Federation, laws, other normative legal acts and international treaties of the Russian Federation [1; eleven].

Judicial normative control is divided into two types: constitutional-judicial normative control and administrative-judicial normative control [12, p. 34], distinguished both by the government body conducting such normative control (the Constitutional Court of the Russian Federation and the federal courts of the judicial system of the Russian Federation, respectively), and the legal basis for such normative control (Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation" [2] and "Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation" [3]). At the same time, judicial normative control is united by the general principles of normative control activities, and is aimed at identifying and eliminating contradictions and defects in the legislation of the constituent entities of the Russian Federation within the framework of judicial proceedings.

Administrative normative control is carried out by government bodies, whose competence includes regular normative control activities (both at the federal and regional levels). Such entities include the bodies of the Prosecutor's Office of the Russian Federation and the Ministry of Justice of the Russian Federation.

One of the most common forms of normative control in relation to the legislation of the constituent entities of the Russian Federation can be called prosecutorial normative control. Although by its nature the activities of the prosecutor's office are supervisory, within the framework of prosecutorial activities this activity received the name – supervision over the legality of regulatory legal acts. And in this context, such supervision in relation to regulatory legal acts at the regional level is practically no different from similar supervision over the legality of other regulatory legal acts.

The activities of the prosecutor's office are implemented within the framework of the order of the Prosecutor General's Office of Russia dated October 2, 2007 No. 155

(as amended on February 20, 2020) “On the organization of prosecutorial supervision over the legality of regulatory legal acts of public authorities of the constituent entities of the Russian Federation and local self-government” [4]. According to this order, prosecutors of constituent entities of the Russian Federation, cities, districts, military prosecutors equated to them and prosecutors of other specialized prosecutor's offices, under personal responsibility, ensure proper organization of supervision in this area in the relevant prosecutor's offices, for which:

- ensure the active participation of prosecutors in the preparation of regulatory legal acts affecting the rights and freedoms of citizens;
- timely request and study draft regional, municipal regulatory legal acts, participate in the work of committees, commissions and working groups of representative and executive bodies of public power;
- timely send comments and proposals to the heads of these bodies to eliminate inconsistencies identified in draft regulatory legal acts with federal and regional laws.

The Ministry of Justice of the Russian Federation also carries out normative control actions in relation to the legislation of the constituent entities of the Russian Federation. The active rule-making of the constituent entities of the Russian Federation gives rise to a large number of normative legal acts. The most important legal instrument, with the help of which inconsistencies are identified between the regulatory legal acts of the constituent entities of the Russian Federation and the Constitution of the Russian Federation, federal legislation, is the legal examination carried out by the Ministry of Justice of the Russian Federation.

In his dissertation work V.F. Stepanishchev expresses the opinion that “in the form of a legal examination of normative legal acts, carried out by the territorial body of justice in a constituent entity of the Russian Federation, constitutional normative control is carried out” [13, p. 7]. A similar idea was expressed by A.N. Zueva [8, p. 14].

N.S. Eltsov substantiates that normative control in relation to the activities of the Ministry of Justice of the Russian Federation to ensure the unity of the legal space of the Russian Federation is one of the forms of exercise of state power, consisting in control by the competent authorities over the compliance of legal norms with the norms of acts of more high legal force, as well as generally accepted principles and norms of international law [7, p. 34].

Thus, administrative normative control of the legislation of the constituent entities of the Russian Federation, implemented in the form of prosecutorial normative control and normative control of the Ministry of Justice of Russia, is an established, stable form of normative control of the legislation of the constituent entities of the Russian Federation.

Special normative control is carried out by state authorities of the constituent entities of the Russian Federation and is implemented within the limits of their powers. In particular, such normative control is carried out by the highest representative body of a constituent entity of the Russian Federation in the process of adopting a regulatory legal act, by the head of a constituent entity of the Russian Federation within the framework of the powers to exercise control over compliance with legal requirements within the framework of the normative process, as well as respond to the identification of defects in already current regulatory legal acts at the regional level.

Another, relatively new component of this form of normative control can be called the normative control of constitutional (statutory) councils under the representative bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation [6]. However, taking

into account the fact that these councils began to be created only in 2022, they are represented only in a number of constituent entities of the Russian Federation (Republic of Bashkortostan, Republic of Sakha (Yakutia), Republic of Adygea) with completely different scope of powers within the framework of regulatory activities and the practice of their work has not yet been studied; this component of normative control activities can be considered by us only as hypothetically possible. Wherein. It should be noted that the activities of such constitutional (statutory) councils could become very significant and ensure the combination of various forms of normative control activities in relation to the normative control of regional legislation related to the functioning of the Constitutions and Charters of the constituent entities of the Russian Federation.

According to some researchers, currently in the Russian Federation it is possible to distinguish a fourth form of normative control of legislation – public normative control [14, p. 184]. Meanwhile, this form is not regular and comes down mainly to public anti-corruption examination, which can be carried out by entities implementing independent, proactive activities to check regulatory legal acts (including regulatory legal acts of constituent entities of the Russian Federation) for validity – the presence or absence of corruption factors in them [5, p. 6]. One can agree with the statement that there is a fact of the existence of such a form of normative control in the practice of normative control activities, however, this normative control cannot be fully applied due to the fact that it is not a systematic and regular form of activity, but is implemented solely at the will of the subject conducting such normative control.

In connection with this, both within the framework of normative control at the stage of adoption of an act of legislation of a constituent entity of the Russian Federation, and at the stage of implementation of norms of regional legislation, the problem of the relationship between individual forms of normative control appears. This problem is based on the fact that at present there is, in fact, no strictly defined sequence of normative control activities, and the forms of normative control themselves can be used by subjects of the normative control process almost arbitrarily. In such a situation, within the framework of the law-making and law-implementation process, negative consequences of such uncertainty may arise, and adverse consequences of this activity may be noted.

An analysis of the problems of normative control activities shows that in the majority of constituent entities of the Russian Federation, a system of unified and comprehensive normative monitoring activities has not currently been built. At best, norms are adopted that include in the mechanism of the rule-making process subjects who can (and should) carry out rule-making activities. Within the framework of the process of implementing the law, there is an uncoordinated and disparate set of norms that determine the competence of individual subjects of the rule-making process and are not linked into a single general system. Meanwhile, the systematic nature of such activities is of great importance. At a minimum, it would make it possible to build the process of normative control as a constant interaction of a set of normative legal entities, which, in the process of exercising their own powers within the framework of normative control activities, ensure the unity of the legal space of Russia, the high quality of adopted and implemented normative legal acts, prompt changes and additions regional regulatory legal acts, elimination of legal defects, bringing the regulatory legal acts of the constituent entity of the Russian Federation into line with federal legislation, in case of changes in the latter.

Currently, there is competition between forms of regulatory control activities. Only in certain aspects are there clear formulas for the use of certain forms of normative control.

For example, within the framework of the institution of response by the head of a subject of the Russian Federation to the failure of the legislative body of a subject of the Russian Federation to fulfill the obligation to bring the Constitution (Charter) or the law of a subject of the Russian Federation into compliance with federal legislation, a clear sequence of application of forms of normative control has been built, including the initial identification of a contradiction between federal and regional legislation (without identifying the source of information about the fact of the contradiction itself, which can be obtained by the head of a subject of the Russian Federation both based on the results of an audit carried out by his own apparatus, and in the context of responding to submissions from the Prosecutor's Office, official documents of the Ministry of Justice), appeals to the legislative body. In case of failure of the legislative body to respond, an appeal to the court (and the implementation of judicial normative control within the framework of administrative proceedings), a court decision and, in the event of subsequent failure to implement the necessary changes within the framework of the rule-making process, the application by the head of the subject of the Russian Federation of further measures related with the use of constitutional and legal responsibility.

In this case, we see the presence of a normatively established algorithm for the optimal combination of forms of normative control, which makes it possible to bring the legislation of the constituent entities of the Russian Federation into conformity with federal legislation. However, these are one of the few schemes for combining various forms of regulatory control that exist in the legislation of the Russian Federation. At the same time, this design is provided for by federal legislation, although most of the regulatory actions in relation to the legislation of the constituent entities of the Russian Federation are carried out within the framework of interaction between government bodies of the constituent entities of the Russian Federation, that is, at the regional level. Currently, the legislation of the constituent entities of the Russian Federation in terms of optimizing normative control activities can, at best, be considered as lacking, and at worst, in some constituent entities, as completely absent.

We believe that normative control activities, in order to optimally use the functionality of public authorities, should be built into a single mechanism in which individual forms of normative control (judicial, administrative, special, and in some cases public) do not compete with each other, but complement each other, ensuring the unity of the legal space of Russia, the eradication of legal defects and the achievement of high legal quality of regional legislation.

The simplest task seems to be within the framework of the process of adopting normative legal acts. If the legislation of the constituent entity of the Russian Federation regulating rule-making activities applies the practice of a systematic approach to the organization of standard control, it is possible to achieve consistent implementation of standard-control actions with optimization of the participation of subjects of standard control and the necessary degree of response to the result of standard-control activities. At the same time, we believe that constitutional (statutory) councils under the legislative bodies of the constituent entities of the Russian Federation could become a preliminary filter, ensuring the screening of the results of public normative control (which are not always obvious and justified), as well as keeping records of the positions of government bodies that carry out administrative normative control, acting as a kind of conciliatory mechanism between government bodies of the constituent entities of the Russian Federation involved in normative control activities. Building such a mechanism is possible, includ-

ing within the framework of a single normative legal act regulating the rule-making process in the constituent entities of the Russian Federation.

Within the framework of normative control in the process of implementing the norms of legislation of the constituent entities of the Russian Federation, it is much more difficult to build the optimal degree of interaction between individual forms of normative control. Although the legislative body of the subject of the Russian Federation, the head of the subject, the prosecutor's office and the Ministry of Justice should implement systemic normative control activities, building a kind of "filter" designed to quickly identify and eliminate defects in regional legislation, in practice this does not happen. Often, the fact of the presence of a defect becomes known only within the framework of judicial normative control, when (often) someone's right has already been violated and its restoration requires judicial intervention.

We believe that the task of organizing an optimal relationship between the forms of normative control of regional legislation at the stage of implementation of law can be solved only and exclusively by using two mechanisms that provide, on the one hand, for systemic normative control activities, and on the other, the possibility of using all forms of normative control in the event of identifying defects and contradictions in the practical sphere. This can be achieved only by creating an institution for regular audit of the state of legislation of the constituent entity of the Russian Federation.

Such a regulatory audit can be carried out both by the legislative body of a constituent entity of the Russian Federation (including using the tools of constitutional (statutory) councils) and by executive authorities within the framework of their powers of regulatory control. In this case, a regulatory audit can be provided both in connection with changes in federal legislation (to identify the need to change the legislation of a constituent entity of the federation), and as part of periodic monitoring activities. Consistency in carrying out such an audit makes it possible to eliminate most of the violations without leading to the emergence of a legal conflict, ensuring the stable operation of government bodies and ensuring respect for the rights and legitimate interests of citizens. At the same time, recognizing the unattainability of absolute quality within the framework of such audit activities, the preservation of all existing forms of regulatory control in the context of the possibility of responding to specific legislative defects revealed as a result, for example, of a trial in a certain case.

In general, we believe that it is possible to ensure a mutual combination of various forms of regulatory control, as a factor in achieving the legal quality of regulatory legal acts of a constituent entity of the Russian Federation, and eliminating legal defects in them. At the same time, such a mechanism can be built within the framework of regional legislation and will not require significant costs in connection with its implementation and implementation.

Bibliography

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // www.consultant.ru/
2. Federal Constitutional Law of July 21, 1994 No. 1-FKZ (as amended on July 31, 2023) "On the Constitutional Court of the Russian Federation" // www.consultant.ru
3. "Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation" dated 03/08/2015 No. 21-FZ (as amended on 02/14/2024) // www.consultant.ru

4. Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated October 2, 2007 No. 155 "On the organization of prosecutorial supervision over the legality of regulatory legal acts of public authorities of the constituent entities of the Russian Federation and local self-government" // www.consultant.ru

5. Artemyev A.B., Komarov S.A. Corruption as a scientific category: article // Law and state: theory and practice. – 2012. – No. 4 (88). – P. 6.

6. Brezhnev O.V. Problems of organization and competence of constitutional (statutory) councils of the constituent entities of the Russian Federation (on the example of the republics of Adygea, Sakha (Yakutia), Bashkortostan) / O.V. Brezhnev // Current problems of Russian law. – 2023. – 18(4). – P. 21–30

7. Eltsov N.S. Territorial bodies of justice in the mechanism for ensuring the unity of the legal space of Russia / N.S. Eltsov // Bulletin of the Ministry of Justice of the Russian Federation. Moscow: Spark, 2001, No. 5. P. 33–38.

8. Zueva A.P. On the activities of the Ministry of Justice of Russia in the sphere of ensuring the unity of the legal space / A.P. Zueva // Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law. 2018. No. 4–5. pp. 13–17.

9. Kazantsev A.O. Constitutional norm control and administrative-judicial norm control: comparative analysis / A.O. Kazantsev // Russian law: education, practice, science. 2019. No. 1(109). pp. 34–44.

10. Kalinin A.Yu., Komarov S.A. The effectiveness of legal regulation and the adequacy of legal formation processes: article // Legal Thought. 2011. No. 5 (67). pp. 42–46.

11. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarova. Moscow: Publishing house "Urayt", 2023. 325 p.

12. Sokolova A.I. The concept and legal nature of the institution of normative control / A.I. Sokolova // Bulletin of OSU. 2013. No. 3 (152). pp. 162–168.

13. Stepanishchev V.F. The role of justice authorities in ensuring a unified legal space of the Russian Federation: dis. ...cand. legal sci. Tyumen, 2003. 276 p.

14. Sokolova A.I. On the subjects of public normative control over municipal legal acts / A.I. Sokolova // Current problems of modern social sciences: dialogue between society and government: Materials of the IV International Scientific and Practical Internet Conference of Young Scientists, Ufa, June 01–30, 2014. Ufa: Bashkir Academy of Public Service and Management under the President of the Republic of Bashkortostan, 2014. pp. 184–189.

15. Uporov V.A. On the concept of normative control in law / V.A. Uporov // Sustainable development of Russia: challenges, risks, strategies: materials of the XIX International Scientific and Practical Conference: for the 25th anniversary of the Humanitarian University, Yekaterinburg, April 12–13, 2016. Volume 2. Ekaterinburg: Humanitarian University, 2016. P. 218–222.

For citation: Siliveev I.M. Correlation of forms of normative control of legislation of the constituent entities of the Russian Federation within the framework of normative control activities: article // Theory of State and Law. 2024. No. 2 (36). P. 173–180.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_166

Научная статья

УДК 34.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_181

А.А. Смирнов*

Р.Ф. Исмагилов**

ИНСТИТУТ ПАССИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА ПРИ ВЫБОРАХ В ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** В статье анализируется институт пассивного избирательного права при выборах в органы государственной власти в Российской Федерации. Выбор данной темы обусловлен тем, что с осуществлением пассивных избирательных прав в Российской Федерации в итоге зависит выбор кандидатуры должностного лица публичной власти. При этом реализация пассивного избирательного права возможна только в условиях взаимообусловленности всей системы конституционных прав и свобод российских граждан.*

Поэтому весьма актуальными являются теоретические исследования юридической природы пассивного избирательного права как разновидности основных прав и свобод личности, его места в системе конституционных прав, свобод и обязанностей, принципов их регулирования.

***Ключевые слова:** Конституция Российской Федерации; государственная власть, пассивное избирательное право, выборы, права и свободы граждан.*

Согласно Конституции Российской Федерации [1], Россия – «демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Одной из форм непосредственного проявления власти народа следует считать свободные выборы. Помимо прочего, Конституция Российской Федерации устанавливает право граждан Российской Федерации избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Посредством осуществления избирательных прав фор-

* **Смирнов Артур Андреевич** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: matgip2017@yandex.ru

Научный руководитель – **Комаров Сергей Александрович**, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, Заслуженный работник науки и образования РАН, доктор юридических наук, профессор. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

** **Исмагилов Рашид Фаатович**, профессор кафедры теории и методики непрерывного профессионального образования Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии, доктор юридических наук, профессор. E-mail: Fonduniver@bk.ru

мируется вся система представительных органов в Российской Федерации, замещаются все ключевые должности в органах публичной власти. Таким образом, избирательные права – это важный инструмент реализации конституционных принципов.

Субъективные избирательные права граждан Российской Федерации определяют уровень и степень политической свободы граждан в обществе, влияют прямым образом на конституционно-правовой статус человека и гражданина.

Изучение проблем теории и истории российского избирательного права, содержания избирательных прав граждан Российской Федерации на различных стадиях избирательного процесса нашло отражение в работах таких ученых, как: С.А. Авакьян, М.В. Баглай, Р.Т. Биктагиров, С.В. Большаков, Н.С. Бондарь, И.Б. Борисов, В.И. Васильев, Ю.А. Веденеев, А.А. Вешняков, В.В. Габриэлян, А.Г. Головин, В.П. Горбунов, Ю.А. Дмитриев, М.В. Клочков, С.А. Комаров, С.Ф. Платонов, Е.С. Шугрина и др.

Истоки современных выборов зародились в Древней Греции и Древнем Риме. Воля народа, выраженная голосованием, имела силу закона. В Древней Греции применялась тайная баллотировка с помощью жребия с использованием белых и черных бобов. Белыми бобами голосовали за, черными – против.

Пассивное избирательное право прошло долгий путь своего становления. На его развитие повлияло проведение земской реформы. Она позволила предоставить гражданам набор политических прав и сформировать основы избирательного права. Тогда же произошел уход от абсолютизма. Проходящие в стране революции в начале XX в. тоже оставили свой след на объеме пассивного избирательного права. На тот момент процессы по его совершенствованию были приостановлены большевиками, осуществившие возврат к прежним устоям в избирательной системе. Однако ближе к середине XX в. с принятием новых конституций положение изменилось. Вклад в развитие пассивного избирательного права был внесен путем разработки специальных нормативных актов и учреждения новых представительных органов.

В настоящее время в Российской Федерации существует упорядоченная система правового регулирования пассивного избирательного права, которая выстроилась благодаря богатому историческому опыту ее развития. Реализацию гражданами пассивного избирательного права следует [7, с. 261] считать одним из важнейших условий воплощения принципа народовластия в политико-правовую жизнь.

Общепринятые избирательные стандарты гарантируют равенство пассивного избирательного права, прежде всего, тем, что к кандидатам предъявляются равные требования по их выдвижению и регистрации.

Например, пунктом 6 статьи 9 Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках СНГ констатируется, что подлинные выборы предполагают равные и справедливые правовые условия для регистрации кандидатов, списков кандидатов и политических партий; «регистрационные требования должны быть ясными и не содержать условий, способных стать основанием для привилегий либо ограничений дискриминационного характера. Не допускается произвольное или дискриминирующее применение норм о регистрации кандидатов, списков кандидатов и политических партий» [10].

Но, несмотря на то, что российское избирательное законодательство детально регламентирует процесс регистрации кандидатов, было бы ошибочным утверждать, что на практике в ходе избирательного процесса не возникает затруднений – как у представителей избирательных комиссий различных уровней и судов, так и у самих граждан, желающих реализовать свое пассивное избирательное право [2, 3].

Правовые ограничения прав граждан являются естественным и логичным элементом их правового статуса. Это также дает четкое понимание о степени цивилизованности конкретного общества, выступает показателем его правовых возможностей и уровня правового развития [11, с. 102].

В этой связи в научной литературе справедливо указывается, что целью ограничения прав и свобод граждан и своего рода профилактикой возможных противоречий является нахождение разумного компромисса между общественной необходимостью и интересами обладателя прав [9, с. 26].

Следовательно, правовое регулирование оснований и условий возможных ограничений прав и свобод неизбежно, что необходимо для обеспечения совместимости индивидуальной свободы с благом общества, а блага общества – со свободой личности [8, с. 309].

В соответствии со ст. 4 Федерального закона от 12 июня 2002 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [3] гражданин Российской Федерации, достигший возраста 18 лет, имеет право быть избранным депутатом представительного органа муниципального образования, а по достижении возраста, установленного Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, конституциями (уставами), законами субъектов Российской Федерации, быть избранным депутатом законодательного (представительного) органа государственной власти, выборным должностным лицом.

Очевидно, что относительно субъектов избирательных правоотношений установлен разный возрастной ценз, что является отличительным признаком сущности содержания правосубъектности избирательного права.

Не имеют права быть избранными граждане, признанные судом недееспособными или содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда.

И.В. Стародубцева рассуждает, например, в том, что указанные ограничения могут носить постоянный или временный характер. Недееспособные лица редко признаются дееспособными и восстанавливаются в правах. Ограничение для них может быть постоянным. Наказание за совершение преступления как основание ограничения пассивного избирательного права имеет временный характер [12, с. 25].

Не имеют права быть избранными граждане Российской Федерации, имеющие гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Указанные граждане вправе быть избранными в органы местного самоуправления, если это предусмотрено международным договором Российской Федерации.

Ограничения пассивного избирательного права, связанные с нахождением места жительства гражданина Российской Федерации на определенной территории Российской Федерации, включая требования к продолжительности и сроку прожи-

вания гражданина Российской Федерации на данной территории, устанавливаются только Конституцией Российской Федерации.

В учебной литературе эти цензы называют как «основные» [5, с. 150].

Однако выделяют и «дополнительные», которые в результате внесенных изменений и дополнений в федеральное законодательство от 21 февраля 2014 г. имеют достаточно обширное место.

Не имеют права быть избранными граждане Российской Федерации:

а) осужденные к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений и имеющие на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления, включая осужденных к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, судимость которых снята или погашена, до истечения десяти лет со дня снятия или погашения судимости, а также осужденных к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, судимость которых снята или погашена, до истечения пятнадцати лет со дня снятия или погашения судимости;

б) осужденные за совершение преступлений экстремистской направленности, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, и имеющие на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления, если на таких лиц не распространяется действие подпункта «а»;

в) подвергнутые административному наказанию за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.3 и 20.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, если голосование на выборах состоится до окончания срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию;

г) в отношении которых вступившим в силу решением суда установлен факт нарушения ограничений, предусмотренных п. 1 ст. 56 Федерального закона от 12 июня 2002 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», либо совершения действий, предусмотренных подпунктом «ж» п. 7 и подпунктом «ж» п. 8 ст. 76 указанного Федерального закона, если указанные нарушения либо действия совершены до дня голосования на выборах в течение установленного законом срока полномочий органа государственной власти или органа местного самоуправления, в которые назначены выборы, либо должностного лица, для избрания которого назначены выборы.

Законодательством в качестве ограничения пассивного избирательного права предусмотрен также ценз неизбираемости, то есть невозможности для лица баллотироваться кандидатом. Неизбираемость связана со специальными ограничениями для определенных лиц, категорий лиц.

В федеральном законодательстве содержится еще одно ограничение: при наличии в отношении гражданина Российской Федерации вступившего в силу решения суда о лишении его права занимать государственные и (или) муниципальные должности в течение определенного срока этот гражданин не может быть зарегистрирован в качестве кандидата, если голосование на выборах в органы государственной власти, органы местного самоуправления состоится до истечения указанного срока.

Таким образом, для реализации пассивного избирательного права вводятся ограничительные цензы (пять основных цензов): ценз гражданства, возрастной ценз, ценз дееспособности, ценз судимости и ценз оседлости. Кроме этого, россий-

скому законодательству свойственны и дополнительные условия: запреты, расширяющие ценз судимости, привлечения к административной ответственности, нарушения избирательного законодательства.

Также практически во всех зарубежных странах право избирать и быть избранным имеет ограничения или цензы. Рассмотрим данные требования для избирателей более подробно.

– *Возраст.* Данный ценз означает, что правом участия в выборах может обладать только лицо, достигшее определенного возраста.

В начале прошлого столетия многие государства устанавливали ограничения по возрасту для участия в выборах: 20–25 лет. Это привело к тому, что довольно широкая прослойка молодежи была отстранена от участия в политической жизни государства. Однако после Второй мировой войны избирательный возраст стал снижаться. В некоторых государствах сейчас он составляет 18 лет, в других – 21 год (также предусматривается возрастное деление для активного и пассивного избирательного права).

– *Оседлость.* Данный ценз устанавливает ограничения по времени проживания гражданина на территории той или иной местности, для реализации им своего избирательного права. Многие зарубежные государства устанавливают данный ценз, однако на практике он применяется с некоторыми особенностями. Например, чтобы получить активное избирательное право на выборах в парламент, необходимо постоянно проживать на определенной территории.

Кроме вышеназванных цензов, отдельные государства устанавливают и ряд других запретов на осуществление гражданами своего избирательного права. Ярким примером является такая категория граждан, как военнослужащие, в основном – рядовые и лица младшего командного состава. Отдельные государства отличаются тем, что устанавливают для своих избирателей так называемые «нестандартные цензы»: например, ст. 48 Конституции Италии предусматривает лишения избирательного права «в случаях совершения недостойных поступков, указанных в законе» [6].

Другим примером является США. Например, в законодательстве некоторых штатов – Алабамы, Коннектикута и Луизианы, установлено довольно субъективное требование к избирателю: необходимо наличие «хорошего характера». Но существуют государства, в которых происходили целые дискриминации избирателей по принципу национальной и расовой принадлежности: например, вплоть до 1994 года в Южно-Африканской Республике по «закону» коренное население страны не имело никаких избирательных прав.

В заключении хотелось бы процитировать К.В. Арановского: «Принцип всеобщего избирательного права вдохновляет ожидания справедливости, от которой ни одно общество не посмеет открыто отречься, а справедливость часто связывают именно с равенством прав... идея всеобщего избирательного права показала себя как локомотив не бесспорного, но все же прогресса. Всеобщее избирательное право стало почти универсальной ценностью, и отказ от него не только недопустим, но и объективно невозможен» [4, с. 25].

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что пассивное избирательное право имеет сложную правовую природу порядок реализации. Наряду с этим, оно характеризуется тем, что может выступать одним из важнейших инструментов осуществления принципов народовластия и пра-

нового государства, занимающих центральное место в системе основ конституционного строя Российской Федерации. Институт пассивного избирательного права определяет степень политической свободы в обществе, а также конституционно-правовой статус человека и гражданина в РФ. В его основе находятся принципы, отражающие наиболее важные аспекты организации и проведения выборов.

Библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru; Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 02.05.2012 № 40-ФЗ (последняя редакция) // www.consultant.ru.
3. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // www.consultant.ru.
4. Арановский К. В. Всеобщее избирательное право в его ценностных основаниях и издержках / К. В. Арановский // Рос. юрид. журнал. – 2010. – № 4. – С. 67–75.
5. Безруков А. В. Конституционное право России: учеб. пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. / А. В. Безруков. – М.: Юстицинформ, 2015. – 302 с.
6. Васильева Т.А. Правительство Италии // Козырин А.Н., Глушко Е.К. и др. Правительство в зарубежных странах: Учебное пособие / Под ред. А.Н. Козырина и Е.К. Глушко. – М.: Ось-89, 2017. – 240 с.
7. Гришин, Н. В. Институты ограничения пассивного избирательного права в современной России: перспективы оптимизации // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2013. – № 4–2. – С. 259–262.
8. Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: учебник для вузов / под ред. О. И. Тиунова. – М.: Норма, 2005. – 608 с.
9. Морозова, Л. А. Принципы, пределы и основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву («круглый стол» журнала «Государство и право») (Начало) // Государство и право. – 1998. – № 7. – С. 20–42.
10. О стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств: Конвенция государств-участников СНГ / Закл. в г. Кишиневе 07.10.2002 // Бюл. междунар. договоров. – 2006. – № 2.
11. Приходько И. М. Ограничения в российском праве (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2001. – 195 с.
12. Стародубцева, И. А. Конституционные ограничения пассивного избирательного права в России и зарубежных странах / И. А. Стародубцева // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 4. – С. 25–28.

Для цитирования: Смирнов А.А., Исмагилов Р.Ф. Институт пассивного избирательного права при выборах в органы государственной власти в Российской Федерации: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 2 (36). – С. 181–186.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_36_2_181

INSTITUTE OF PASSIVE ELECTORAL LAW IN ELECTIONS TO GOVERNMENT BODIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Artur A. Smirnov*
Ismagilov Rashid F. Ismagilov**

Annotation. *The article analyzes the institution of passive suffrage in elections to government bodies in the Russian Federation. The choice of this topic is due to the fact that the exercise of passive electoral rights in the Russian Federation ultimately determines the choice of candidacy for a public official. At the same time, the implementation of passive electoral rights is possible only in conditions of interdependence of the entire system of constitutional rights and freedoms of Russian citizens.*

Therefore, theoretical studies of the legal nature of passive suffrage as a type of fundamental rights and freedoms of the individual, its place in the system of constitutional rights, freedoms and duties, and the principles of their regulation are very relevant.

Key words: *Constitution of the Russian Federation; state power, passive suffrage, elections, rights and freedoms of citizens.*

According to the Constitution of the Russian Federation [1], Russia is “a democratic federal legal state with a republican form of government.” The bearer of sovereignty and the only source of power in the Russian Federation is its multinational people. Free elections should be considered one of the forms of direct manifestation of people's power. Among other things, the Constitution of the Russian Federation establishes the right of citizens of the Russian Federation to elect and be elected to government bodies and local government bodies. Through the exercise of electoral rights, the entire system of representative bodies in the Russian Federation is formed, all key positions in public authorities are filled. Thus, voting rights are an important tool for the implementation of constitutional principles.

The subjective electoral rights of citizens of the Russian Federation determine the level and degree of political freedom of citizens in society and directly influence the constitutional and legal status of a person and a citizen.

The study of the problems of the theory and history of Russian electoral law, the content of the electoral rights of citizens of the Russian Federation at various stages of the electoral process is reflected in the works of such scientists as: S.A. Avakyan, M.V. Baglay, R.T. Biktagirov, S.V. Bolshakov, N.S. Bondar, I.B. Borisov, V.I. Vasiliev, Yu.A. Vedeneev, A.A. Veshnyakov, V.V. Gabrielyan, A.G. Golovin, V.P. Gorbunov, Yu.A. Dmitriev, M.V. Klochkov, S.A. Komarov, S.F. Platonov, E.S. Shugrina et al.

The origins of modern elections began in Ancient Greece and Ancient Rome. The will of the people, expressed by voting, had the force of law. In Ancient Greece, secret balloting

* **Smirnov Artur Andreevich** – graduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Private educational institution of higher education “Law Institute” (St. Petersburg). E-mail: matgip2017@yandex.ru

Scientific supervisor – **Komarov Sergey Aleksandrovich**, President of the Interregional Association of State and Law Theorists, Scientific Director of the Private educational institution of higher education “Law Institute” (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Honored Worker of Science and Education RAE, Doctor of Law, Professor. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

** **Ismagilov Rashid Faatovich**, Professor of the Department of Theory and Methodology of Continuing Professional Education of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops, Doctor of Law, Professor. E-mail: Fonduniver@bk.ru

was used by lot using white and black beans. White beans were used to vote for, black beans were used to vote against.

Passive suffrage has come a long way in its development. Its development was influenced by the zemstvo reform. It made it possible to provide citizens with a set of political rights and form the basis of electoral law. At the same time there was a departure from absolutism. Revolutions taking place in the country at the beginning of the 20th century, also left their mark on the scope of passive suffrage. At that time, the processes to improve it were suspended by the Bolsheviks, who carried out a return to the previous principles in the electoral system. However, closer to the middle of the 20th century. With the adoption of new constitutions, the situation changed. Contribution to the development of passive suffrage was made through the development of special regulations and the establishment of new representative bodies.

Currently, in the Russian Federation there is an orderly system of legal regulation of passive electoral law, which was built thanks to the rich historical experience of its development. The implementation by citizens of passive suffrage follows [7, p. 261] considered one of the most important conditions for the implementation of the principle of democracy in political and legal life.

Generally accepted electoral standards guarantee equality of passive suffrage, first of all, by the fact that candidates are subject to equal requirements for their nomination and registration.

For example, paragraph 6 of Article 9 of the Convention on Standards of Democratic Elections, Electoral Rights and Freedoms in the CIS Member States states that genuine elections presuppose equal and fair legal conditions for the registration of candidates, lists of candidates and political parties; "Registration requirements must be clear and not contain conditions that could give rise to discriminatory privileges or restrictions. Arbitrary or discriminatory application of rules on the registration of candidates, lists of candidates and political parties is not allowed" [10].

But, despite the fact that Russian election legislation regulates in detail the process of registering candidates, it would be erroneous to say that in practice there are no difficulties during the election process – both for representatives of election commissions at various levels and courts, and for citizens themselves who want to implement their passive suffrage [2, 3].

Legal restrictions on the rights of citizens are a natural and logical element of their legal status. This also gives a clear understanding of the degree of civilization of a particular society and serves as an indicator of its legal capabilities and level of legal development [11, p. 102].

In this regard, the scientific literature rightly points out that the purpose of limiting the rights and freedoms of citizens and a kind of prevention of possible contradictions is to find a reasonable compromise between social necessity and the interests of the owner of the rights [9, p. 26].

Consequently, legal regulation of the grounds and conditions for possible restrictions on rights and freedoms is inevitable, which is necessary to ensure the compatibility of individual freedom with the good of society, and the good of society with personal freedom [8, p. 309].

In accordance with Art. 4 of the Federal Law of June 12, 2002 "On the basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation" [3] a citizen of the Russian Federation who has reached the age of 18 years has the right to be elected as a deputy of the representative body of a municipal formation, and up-

on reaching age established by the Constitution of the Russian Federation, federal laws, constitutions (charters), laws of the constituent entities of the Russian Federation, to be elected as a deputy of a legislative (representative) body of state power, an elected official.

It is obvious that different age limits have been established for subjects of electoral legal relations, which is a distinctive feature of the essence of the content of the legal personality of electoral law.

Citizens declared incompetent by a court or held in prison by a court sentence do not have the right to be elected.

I.V. Starodubtseva argues, for example, that these restrictions can be permanent or temporary. Incapacitated persons are rarely recognized as capable and their rights are restored. The restriction for them may be permanent. Punishment for committing a crime as a basis for restricting passive suffrage is temporary [12, p. 25].

Citizens of the Russian Federation who have citizenship of a foreign state or a residence permit or other document confirming the right to permanent residence of a citizen of the Russian Federation on the territory of a foreign state do not have the right to be elected. These citizens have the right to be elected to local government bodies if this is provided for by an international treaty of the Russian Federation.

Restrictions on passive voting rights related to the location of the place of residence of a citizen of the Russian Federation in a certain territory of the Russian Federation, including requirements for the duration and period of residence of a citizen of the Russian Federation in this territory, are established only by the Constitution of the Russian Federation.

In educational literature these qualifications are called “basic” [5, p. 150].

However, there are also “additional” ones, which, as a result of the amendments and additions to the federal legislation dated February 21, 2014, have a fairly extensive place.

Citizens of the Russian Federation do not have the right to be elected:

a) those sentenced to imprisonment for committing grave and (or) especially grave crimes and having, on the day of voting in the elections, an unexpunged and unexpunged conviction for these crimes, including those sentenced to imprisonment for committing serious crimes, the conviction of which was expunged or expunged, before the expiration of ten years from the date of removal or expungement of the criminal record, as well as those sentenced to imprisonment for committing especially serious crimes, the criminal record of which was expunged or expunged, until the expiration of fifteen years from the date of expungement or expungement of the criminal record;

b) those convicted of committing crimes of an extremist nature, provided for by the Criminal Code of the Russian Federation, and having, on the day of voting in the elections, an unexpunged and outstanding conviction for these crimes, if such persons are not covered by subparagraph “a”;

c) subjected to administrative punishment for committing administrative offenses under Art. 20.3 and 20.29 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences, if voting in elections takes place before the end of the period during which the person is considered subject to administrative punishment;

d) in respect of which a court decision that has entered into force has established the fact of violation of the restrictions provided for in paragraph 1 of Art. 56 of the Federal Law of June 12, 2002 “On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation”, or performing the actions provided for in subparagraph “g” of paragraph 7 and subparagraph “g” of paragraph 8 of Art. 76 of the said Federal Law, if the specified violations or actions were committed before voting

day in the elections during the statutory term of office of the state authority or local government body for which elections are scheduled, or of the official for whose election elections are scheduled.

The legislation also provides for the qualification of non-electability, that is, the impossibility of a person to stand as a candidate, as a restriction on passive suffrage. Non-electability is associated with special restrictions for certain persons and categories of persons.

Federal legislation contains one more restriction: if there is a court decision that has entered into force in relation to a citizen of the Russian Federation depriving him of the right to hold state and (or) municipal positions for a certain period, this citizen cannot be registered as a candidate if the vote in the elections to state authorities and local governments will take place before the expiration of the specified period.

Thus, to implement passive suffrage, restrictive qualifications are introduced (five main qualifications): citizenship qualification, age qualification, legal capacity qualification, criminal record qualification and residence qualification. In addition, Russian legislation is characterized by additional conditions: prohibitions that expand the qualifications for a criminal record, bringing to administrative responsibility, violations of election legislation.

Also, in almost all foreign countries the right to vote and be elected has restrictions or qualifications. Let's look at these requirements for voters in more detail.

Age. This qualification means that only a person who has reached a certain age can have the right to participate in elections.

At the beginning of the last century, many states set age limits for participation in elections: 20–25 years. This led to the fact that a fairly wide layer of young people was excluded from participation in the political life of the state. However, after World War II, the voting age began to decline. In some states it is now 18 years old, in others it is 21 years old (an age division is also provided for active and passive suffrage).

Settlement. This qualification establishes restrictions on the time a citizen can live on the territory of a particular locality in order for him to exercise his right to vote. Many foreign countries establish this qualification, but in practice it is applied with some peculiarities. For example, in order to obtain active voting rights in parliamentary elections, you must permanently reside in a certain territory.

In addition to the above-mentioned qualifications, individual states establish a number of other prohibitions on citizens exercising their right to vote.

A striking example is such a category of citizens as military personnel, mainly privates and junior officers.

Some states differ in that they establish so-called “non-standard qualifications” for their voters: for example, Art. 48 of the Italian Constitution provides for deprivation of the right to vote “in cases of committing unworthy acts specified in the law” [6].

Another example is the USA. For example, the legislation of some states – Alabama, Connecticut and Louisiana, establishes a rather subjective requirement for a voter: they must have “good character”.

But there are states in which entire discrimination of voters took place on the basis of nationality and race: for example, until 1994 in the Republic of South Africa, according to the “law”, the indigenous population of the country did not have any voting rights.

In conclusion, I would like to quote K.V. Aranovsky: “The principle of universal suffrage inspires expectations of justice, which no society dares to openly renounce, and justice is often associated precisely with equality of rights... the idea of universal suffrage has shown itself to be a locomotive of not indisputable, but still progress. Universal suffrage

has become an almost universal value, and abandoning it is not only unacceptable, but also objectively impossible" [4, p. 25].

Thus, based on all of the above, we can conclude that passive suffrage has a complex legal nature and implementation procedure. Along with this, it is characterized by the fact that it can act as one of the most important tools for implementing the principles of democracy and the rule of law, which occupy a central place in the system of foundations of the constitutional system of the Russian Federation. The institution of passive suffrage determines the degree of political freedom in society, as well as the constitutional and legal status of a person and citizen in the Russian Federation. It is based on principles that reflect the most important aspects of organizing and conducting elections.

Bibliography

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // www.consultant.ru; Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house "Urayt", 2023. 325 p. (Series: Professional Commentary).
2. Federal Law "On Amendments to the Federal Law "On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation" and the Federal Law "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation" dated 02.05.2012 No. 40-FZ (latest edition) // www.consultant.ru.
3. Federal Law of June 12, 2002 "On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation" (latest edition) // www.consultant.ru.
4. Aranovsky K.V. Universal suffrage in its value foundations and costs / K.V. Aranovsky // *Ross. legal magazine*. 2010. No. 4. P. 67–75.
5. Bezrukov A.V. Constitutional law of Russia: textbook. allowance. 3rd ed., revised. and additional / A. V. Bezrukov. Moscow: Justitsinform, 2015. 302 p.
6. Vasilyeva T.A. Government of Italy // Kozyrin A.N., Glushko E.K. and others. Government in foreign countries: Textbook / Ed. A.N. Kozyrin and E.K. Glushko. Moscow: Os-89, 2017. 240 p.
7. Grishin, N.V. Institutions for limiting passive electoral rights in modern Russia: optimization prospects / N.V. Grishin // *Izv. Alt. state un-ta*. 2013. No. 4–2. Pp. 259–262.
8. Constitutional rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation: textbook for universities / ed. O. I. Tiunova. Moscow: Norma, 2005. 608 p.
9. Morozova, L. A. Principles, limits and grounds for limiting human rights and freedoms under Russian legislation and international law ("round table" of the magazine "State and Law") (Beginning) / L. A. Morozova // *State and Law*. 1998. No. 7. P. 20–42.
10. On the standards of democratic elections, electoral rights and freedoms in the member states of the Commonwealth of Independent States: Convention of the CIS Member States / Concluding. in Chisinau 07.10.2002 // *Bulletin international contracts*. 2006. No. 2.
11. Prikhodko I.M. Restrictions in Russian law (problems of theory and practice): dis. ... cand. legal Sci. Saratov, 2001. 195 p.
12. Starodubtseva, I. A. Constitutional restrictions on passive electoral law in Russia and foreign countries / I. A. Starodubtseva // *Constitutional and municipal law*. 2014. No. 4. Pp. 25–28.

For citation: Smirnov A.A., Ismagilov R.F. Institute of passive electoral law in elections to government bodies in the Russian Federation: article // *Theory of State and Law*. 2024. No. 2 (36). P. 187–191.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_36_2_181

Научная статья

УДК 340.137.3; 341.234

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_192

В.А. Сысоев*

С.В. Игнатьева**

ПРОБЛЕМА ФОРМЫ ПРАВООТНОШЕНИЯ В РАБОТАХ Ю.И. ГРЕВЦОВА

***Аннотация.** В статье рассматривается научная позиция профессора Ю.И. Гревцова относительно формы правового отношения, которую он находил в истоках понимания права в объективном и субъективном смыслах, различая право в широком и узком состояниях. Исследование содержания и формы, собственно, правового общественного отношения, рассматривается Ю.И. Гревцовым в качестве относительно самостоятельного реального явления, обладающего своим непосредственным содержанием и формой.*

***Ключевые слова:** правовое отношений, форма правового отношения, содержание правового отношения, реализация права, субъективное право, объективное право, структура правового отношения.*

Теоретический анализ категории правоотношение вообще, его формы – в частности, занимает значительное место в научном наследии Ю.И. Гревцова, который считал, что «именно по форме можно различать и классифицировать различные виды общественных отношений. Знакомство с формой отношения способно усилить убежденность в том, что данный вид отношений находится на стадии фактического общественного отношения. Например, юридические отношения, – писал Ю.И. Гревцов, с точки зрения их формы, имеют ярко выраженную тенденцию к такому порядку осуществления взаимодействия (его сторонами), при котором на передний план выходят следующие признаки: предвидимость (предсказуемость) результата взаимодействия, определенность поведения сторон такого отношения, форма такого отношения обеспечивает возможность в последующем доказывать нарушение одной стороной порядка взаимодействия, равенство сторон во взаимодействии» [3, с. 18].

* **Сысоев Владимир Александрович**, аспирант кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: matgip2017@yandex.ru

Научный руководитель – **Комаров Сергей Александрович**, Президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права; научный руководитель Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург); профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий. E-mail: SVKkomarov2008@yandex.ru.

** **Игнатьева Светлана Викторовна**, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации; профессор кафедры публичного права Института технологий предпринимательства и права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», доктор юридических наук, профессор. E-mail: matgip2017@yandex.ru

Оригинальность его суждений относительно формы правоотношения следует искать в истоках понимания права в объективном и субъективном смыслах, где он различает право в широком и узком состояниях. Под правом в *широком* смысле слова Ю.И. Гревцовым понимаются юридические права и обязанности (субъективное право), собственно правовые нормы (объективное право), правоприменение, осуществляемое юридическим персоналом (судьи, адвокаты, прокуроры, государственные чиновники, применяющие правовые нормы), и юридические учреждения. Под правом в *узком* смысле слова он понимал только объективное право.

Ю.И. Гревцов, как и большинство современных ученых, субъективное право и юридическую обязанность, реализуемые в правовом отношении, считал неотъемлемыми его элементами, допуская, что субъективное право необходимо не всегда рассматривать только в качестве элемента правоотношений. Это объясняется тем, что оно может реализовываться вне правоотношений, в рамках реальных правовых общественных связей. Юридические права и обязанности в правовых отношениях, определяют основное своеобразие любой разновидности общественных отношений в силу того, что они «отливаются» в форму юридического отношения, охраняемую государством, отсюда делаем вывод, что он понимает субъективное право и юридическую обязанность (должное поведение) как форму правового отношения [4, с. 120].

Такой подход в юридической литературе не встретил однозначной поддержки, ибо большинство теоретиков государства и права, да и специалистов отраслевых юридических наук считают субъективные юридические права и обязанности не формой, а содержанием правоотношения [8, с. 257; 10, гл. 3 § 1; 14, гл. 1]. С.С. Алексеев был уверен в том, что субъективное право и юридическая обязанность образуют «юридическое» содержание, в отличие от «материального», под которым в данном случае понимается поведение субъектов отношения [1, с. 256, 301]. Так, в частности, Р.О. Халфина писала: «Исследование реального поведения участников правоотношения с их правами и обязанностями раскрывает соотношение формы и содержания, соответствие реального поведения установленной правом модели». Иными словами, она высказывается за юридически значимое поведение в качестве содержания правоотношения [8, с. 257].

Предваряя непосредственный анализ формы юридического отношения, Ю.И. Гревцов делает несколько вводных замечаний.

Во-первых, он считает, что философские категории «содержание» и «форма» в познании общественных отношений могут использоваться в нескольких аспектах. В одном случае с их помощью прослеживается связь и взаимодействие базисных и надстроечных сил, где первые определяют в основном и главным характер вторых. Соотношение базиса и надстройки, вскрываемое в этом случае, это один из возможных аспектов соотношения содержания и формы, причем больше относящийся к общесоциологическому пласту познания [5].

Во втором случае, ссылаясь на И. Сабо, он пишет, что, используя эти категории, показывают соотношение самих надстроечных явлений с учетом уже специфики конкретной области познания. Так, например, речь может идти о некоторых политических, моральных и пр. отношениях как содержании и об их юридическом выражении как форме [13, с. 22].

Наконец, возможен и *третий аспект*, уверен Ю.И. Гревцов. Он имеет в виду исследование содержания и формы самого правового общественного отношения, рассматриваемого в качестве относительно самостоятельного реального явления,

обладающего своим непосредственным содержанием и формой. Этот аспект содержания и формы правового отношения обусловлен тем, что его непосредственное содержание, будучи всегда так или иначе детерминированным, с одной стороны, материальными условиями, а с другой – государственной волей (которая также оказывается, в свою очередь, обусловленной условиями существования), выступает, в конечном счете, все-таки своеобразным результатом взаимодействия не только этих, но и дополнительных факторов, среди которых не последнее место принадлежит «внутреннему механизму отношения».

На наличие у правового отношения своего содержания указывалось в юридической и философской литературе [2; 9, с. 139; 11, с. 423; 15, с. 210]. Так, С.А. Комаров под содержанием правового отношения понимает субъективные права и юридические обязанности, которые составляют юридическое содержание правоотношения, т.е. то, без чего нет и самого правоотношения. В правоотношении государственная воля, выраженная в норме права, опосредуется волей участников правоотношения. Благодаря юридической связи прав и обязанностей субъекты действуют, реализуют свои права и обязанности. Это значит, что управомоченное и обязанное поведение необходимо входит в содержание правоотношения. Принято говорить в этой связи о материальном содержании правоотношения [6, с. 397–398].

Ю.И. Гревцов справедливо замечает, что ни в коей мере не умаляется значение материального фактора (первого аспекта соотношения содержания и формы), ибо не может быть никаких сомнений в определенной обусловленности правовых отношений материальными условиями, однако, верно и то, что в той или иной мере, но всегда, это влияние оказывается не непосредственным, а опосредованным. «В некоторых случаях материальные условия оказывают влияние на надстроечные явления не через какие-то уже сложившиеся отношения, а через общественные связи. Возникающие в таких случаях отношения и есть правовые отношения, «впитавшие», тенденцию развития материальных отношений под воздействием права. Поэтому, говоря о непосредственном содержании и форме правоотношений, мы не отходим от упомянутых выше аспектов соотношения содержания и формы, поскольку имеем в виду содержанием таких правоотношений поведение участников общественных связей, вызванных к жизни наличным способом производства. По сути дела, третий аспект есть углубление и в определенной мере конкретизация первых двух. Можно полагать, что упрощенный подход к правоотношениям как только форме производственных отношений потому и неточен, что недостаточно решительно учитывает во всех гранях непосредственное содержание правоотношений и их специфическую форму, В гносеологическом плане в подобных случаях: происходит неоправданный прямой перенос содержания философских категорий в конкретную отрасль знания без необходимого в таких случаях их опосредования и конкретизации применительно к специфике исследуемого предмета» [12].

Соотношение содержания и формы явления может быть правильно понято только при учете взаимообусловленного действия категорий «содержание» и «форма», поскольку содержание не бесформенно, а форма явления в одно и то же время существует в самом содержании и представляет нечто, внешнее ему. Содержание есть не что иное, как переход формы содержание, а форма – переход содержания в форму.

Рассматривая идеи Ю.И. Гревцова, отметим, что форма правоотношения вряд ли может быть понята достаточно детально без учета тех связей и переходов, благодаря которым содержание проявляется в форме, равно как и обратных связей, кото-

рые формируют содержание. Уже на этом, достаточно абстрактном уровне рассуждений, отчетливо проступают те затруднения, которые вытекают из позиции, признающей содержанием правовых отношений юридические права и обязанности его участников. В частности, весьма затруднительно дать ответ на вопрос, каким образом взаимосвязаны в это случае содержание и форма правового отношения, во что переходят права и обязанности, на что они направлены, во что воплощаются и т.д. Нужно сказать, что нередко вопрос о том, что составляет форму правоотношения, сторонники такой позиции вообще оставляют открытым [12].

Содержанием общественных отношений является деятельность (взаимодействие) участников таких отношений. Это обстоятельство с необходимостью обуславливает другой важный вывод, что права и обязанности, реализуемые в правовых общественных отношениях, в конечном счете имеют своим источником неправовую сферу, они коренятся в деятельности людей, прежде всего материального характера. Это значит, что закрепление в нормах права юридических правомочий и обязанностей не является самоцелью. Оно всегда связано с общественной деятельностью людей и их организаций. Не нормы права порождают необходимость общественного взаимодействия, а, напротив, такое взаимодействие вызывает необходимость в тех или иных правах и обязанностях, имеющих общественное значение и потому нуждающихся в закреплении нормами объективного права. Поэтому в самом общем плане можно сказать, что форму правового отношения образует то, что «выталкивается» содержанием, деятельностью людей, то, что переходит из содержания и «просвечивает» в форме.

С другой стороны, для общественной деятельности характерна упорядоченность, урегулированность, осуществление ее в соответствии с тенденциями общественного развития. И в этом смысле нет и не должно быть в социалистическом обществе произвольной деятельности, не зависящей в той или иной мере от деятельности остальных членов общества. Следовательно, не должно быть и произвольного использования форм осуществления общественной деятельности, т. е. прав и обязанностей, не находящихся в определенной зависимости от связанности индивида обществом.

В таком понимании форма деятельности людей в юридической сфере осуществляет координацию совместных усилий, совместной деятельности в направлении, которое отвечает прогрессивному развитию и движению социалистического общества к коммунистическому.

Имея в виду отмеченное, надо считать, что в правоотношении нельзя абсолютно отделить то, что принадлежит только форме, от того, что имеет отношение только к содержанию. Содержание постоянно «переливается» в форму, форма «укрощает» содержание. Все это делает возможным общий вывод: сочетание прав и обязанностей образует содержательную форму правового отношения. В отличие от формы правоотношения, формой правовой общественной связи выступает сочетание правомочий субъекта связи со всеобщими обязанностями каждого не нарушать принадлежащего ему правомочия. Конкретное сочетание прав и обязанностей в правовом отношении оказывается предметным главным образом потому, что оно обеспечивает осуществление деятельности в определенной форме или закрепляет для этого необходимые условия.

Некоторое значение для уяснения сложного механизма «сцепления» содержания и формы правового отношения может иметь различие *внутренней* и *внешней* формы правового общественного отношения. Внутренняя форма – это правомочия

и юридические обязанности субъектов правоотношения, т. е. возможное и должное поведение. Точнее, внутреннюю форму правоотношения образует специфическое сочетание правомочий и юридических обязанностей его субъектов. Их анализ может показать, насколько содержание правового отношения (реальное взаимодействие) соответствует возможному или должному, предписанному нормой объективного права, с другой стороны, насколько имманентно форма закрепляет (переходит) содержание с точки зрения отражения формой стремлений взаимодействующих сторон и предписаний законодателя.

Под внешней формой отношения можно понимать порядок (условия) совершения определенных *действий* в юридической сфере, который, как правило, жестко регламентирован правом. Внешняя форма оказывается непосредственно соотносительной с юридическим фактом. Остановимся на примерах. С точки зрения содержания правоотношение займа представляет, собой реальную передачу займодавцем другой стороне (заемщику) определенной суммы денег или вещи, определенной родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить и возвращает такую же сумму денег (или обусловленное соглашением) или равное количество вещей того же рода и качества (ст. 269 ГК РСФСР). С позиций внутренней формы такое правовое отношение может быть представлено следующим образом: одна сторона (займодавец) может (имеет право) передать находящиеся в ее собственности деньги или вещь другой стороне (заемщику), которая может их принять. Сочетание же обязанностей и прав может быть правильно понято только в том случае, если будет рассматриваться не только с позиций внутренней, но и внешней формы.

С точки зрения первой в правоотношении займа имеется юридическая обязанность заемщика вернуть взятое в заем и обязанность займодавца требовать таковое только по истечению обусловленного соглашением (или законом) срока. С позиций же внешней формы содержание рассматриваемого отношения оказывается значимым для закона при совершении еще одного реального действия – предоставления заемщиком расписки, когда заем совершается на сумму свыше 50 руб. В итоге для правового отношения в целом оказывается возможным, иное (дополнительное) сочетание правомочий и обязанностей. Займодавец получает возможность требовать предоставления расписки, а заемщик обязан ее предоставить. И именно эта часть взаимодействия оказывается особенно значимой для внешней формы правового отношения займа.

Предвидя возражение, что рассматриваемые действия их форма осуществления охватываются юридическим фактом скажем, что сам по себе юридический факт является жизненным обстоятельством, с которым норма права связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношения. Следовательно, юридический факт есть необходимая предпосылка правового отношения и не больше. Самими правомочиями и юридическими обязанностями он не является. Во всяком случае реальное осуществление последних, их юридически значимое сочетание имеет место не до того, как правоотношение возникает, а в его рамках. В этой связи будет уместным вспомнить слова К. Маркса, который говорил о договоре как форме юридического отношения, как волевом отношении, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением [7, с. 94].

Внешняя форма может выступать как бы безразличной (пассивной) к содержанию. Например, из самого содержания правоотношения займа внешняя форма его

осуществления как будто не вытекает, вполне допустимо нормальное развитие этого правоотношения, когда одна сторона передает другой имущество свыше 50 руб., не требуя при этом предоставления расписки. Взаимодействие и удовлетворение взаимных интересов происходит главным образом в рамках внутренней формы. Содержание правоотношения отливается как бы только во внутреннюю форму. Но в случае нарушения нормального хода такого взаимодействия, когда предметом договора была сумма свыше 50 руб. и требуемые законом для этого случая действия были не совершены, защита его серьезно затрудняется. Может оказаться невозможной окончательная реализация такого правоотношения и суд вправе отказать в его защите на том основании, что не соблюдена требуемая законом форма.

Таким образом, внешняя форма правоотношения, будучи в некоторых случаях как будто пассивной к содержанию, в действительности всегда оказывается с ним связанной, в особенности, когда взаимодействие отклоняется от предусмотренного нормой. И в этом случае правовое отношение охраняется прежде всего через внешнюю форму, но весьма своеобразным путем: посредством отказа в защите тех отношений данного вида, участники которых нарушили внешнюю форму. Роль внешней формы еще более наглядна в правоотношениях купли-продажи жилого дома, дачи, автомашины. Юридическим фактом, вызывающим возникновение рассматриваемых отношений, является договор, который совершается письменно, с последующим удостоверением в соответствующем органе и регистрацией в исполнительном комитете Совета народных депутатов.

Внешняя форма такого рода отношений образуется движением непосредственно связанных с юридическим фактом и актами применения права правомочий и юридических обязанностей, регламентирующих порядок покупки и продажи, плюс субъективные права и обязанности (процессуальные) соответствующих государственных органов. Малейшее отклонение от внешней формы, предписанной законом, влечет не только отказ в защите правового отношения, но и признание противоречивого, недействительного характера сделки.

Сочетание (движение) юридических прав и обязанностей сторон и соответствующих прав (обязанностей) государственных органов характеризует форму процессуальных правоотношений. Внутреннюю форму образуют права и обязанности участников материального правоотношения, вызвавшие необходимость процессуальной защиты. Внешнюю форму составляют процессуальные права и обязанности сторон и соответствующих госорганов и других лиц, участвующих в процессе.

Стало быть, внутренняя и внешняя форма правового общественного отношения могут обладать сложной структурой, зависящей и от движения, развития содержания отношения (взаимодействия его сторон). Серьезного внимания, на наш взгляд, заслуживает внешняя форма и потому, что дает возможность воспроизвести в общей норме права строго контролируруемую модель взаимодействия, исходя из социальных ситуаций, попадая в которые, индивиды добиваются осуществления определенных интересов.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права [Текст]: Курс лекций. В 2 т. – Свердловск, 1972–1973. – Т. 1: Основные вопросы общей теории социалистического права, 1972. – 396 с.
2. *Дроздов А. В.* Общественные отношения, их виды, структура: дис. ... докт. филос. наук. – Л., 1967. – 292 с.

3. Гревцов Ю. И., Хохлов Е. Б. О юридико-догматических химерах в правоведении // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2006. – № 5 (268). – С. 1–23.
4. Гревцов Ю.И. Содержание и форма правоотношений // Советское государство и право. – 1980. – № 6. – С. 117–122.
5. Гревцов Ю.И. Правовое отношение: основные взаимосвязи // Советское государство и право. – 1985. – № 1. – С. 12–19.
6. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.
7. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. – 907 с.
8. Общее учение о правоотношении / Халфина Р.О. – М.: Юрид. лит., 1974. – 351 с.
9. Перфильев М. Н. Общественные отношения [Текст]: Методол. и социол. проблемы / АН СССР. Ленингр. кафедра философии. – Л.: Наука, 1974. – 237 с.
10. Петров Г. И. Советские административно-правовые отношения. – Л., 1972, гл. 3, § 1. – 157 с.
11. Попелова И. Этика [Текст]. Об исторической и современной проблематике нравственной теории / Пер. с чешского И. И. Ивановой [и др.]. – М.: Прогресс, 1965. – 669 с.
12. Проблема формы правоотношения // <https://studfile.net/preview/16768104/page:9/>
13. Сабо И. Основы теории права / Пер. с венг. / Под ред. и с вступ. статьей д-ра юрид. наук В. А. Туманова. – М.: Прогресс, 1974. – 270 с.
14. Чечина Н.А. Гражданские процессуальные правоотношения. – Л., 1962, гл. 1. – 68 с.
15. Я в и ч Л. С. Общая теория права. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. – 287 с.

Для цитирования: Сысоев В.А., Игнатьева С.В. Проблема формы правоотношения в работах Ю.И. Гревцова: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 2 (36). – С. 192–198.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_192

THE PROBLEM OF THE FORM OF LEGAL RELATIONSHIP IN THE WORKS OF YU.I. GREVTSOV

Vladimir A. Sysoev*
Svetlana V. Ignatieva**

***Annotation.** The article discusses the scientific position of Professor Yu.I. Grevtsov regarding the form of legal relations, which he found in the origins of the understanding of law in the objective and subjective senses, distinguishing law in broad and narrow states. The study of the content and form, in fact, of legal social relations is considered by Yu.I. Grevtsov as a relatively independent real phenomenon, having its own direct content and form.*

* **Sysoev Vladimir Aleksandrovich**, graduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Private educational institution of higher education "Law Institute" (St. Petersburg). E-mail: matgip2017@yandex.ru

Scientific supervisor – **Sergey Aleksandrovich Komarov**, President of the Interregional Association of State and Law Theorists; scientific director of the Private educational institution of higher education "Law Institute" (St. Petersburg); Professor of the Department of Theory of State and Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru.

** **Ignatieva Svetlana Viktorovna**, professor of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation; Professor of the Department of Public Law of the Institute of Entrepreneurship Technologies and Law of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation", Doctor of Law, Professor.

Theory of State and Law

Key words: *legal relationship, form of legal relationship, content of legal relationship, implementation of law, subjective law, objective law, structure of legal relationship.*

Theoretical analysis of the category of legal relationship in general, its form in particular, occupies a significant place in the scientific heritage of Yu.I. Grevtsov, who believed that “it is by form that one can distinguish and classify different types of social relations. Familiarity with the form of relationship can strengthen the conviction that this type of relationship is at the stage of an actual social relationship. For example, legal relations,” wrote Yu.I. Grevtsov, from the point of view of their form, have a pronounced tendency towards such an order of interaction (by its parties), in which the following features come to the fore: foreseeability (predictability) of the result of interaction, certainty of behavior of the parties to such a relationship, the form of such a relationship provides the opportunity to subsequently prove the violation by one party of the order of interaction, the equality of the parties in the interaction” [3, p. 18].

The originality of his judgments regarding the form of legal relations should be sought in the origins of the understanding of law in the objective and subjective senses, where he distinguishes between law in broad and narrow states. Under law in the broad sense of the word Yu.I. Grevtsov understands legal rights and obligations (subjective law), legal norms themselves (objective law), law enforcement carried out by legal personnel (judges, lawyers, prosecutors, government officials applying legal norms), and legal institutions. By law in the narrow sense of the word, he understood only objective law.

Yu.I. Grevtsov, like most modern scientists, considered subjective right and legal obligation, realized in legal terms, to be its integral elements, admitting that subjective right should not always be considered only as an element of legal relations. This is explained by the fact that it can be implemented outside of legal relations, within the framework of real legal social relations. Legal rights and obligations in legal relations determine the main originality of any type of social relations due to the fact that they are “cast” into the form of a legal relationship protected by the state, from here we conclude that he understands subjective right and legal obligation (due behavior) as a form of legal relationship [4, p. 120].

This approach has not met with unambiguous support in the legal literature, since most theorists of state and law, and even specialists in branch legal sciences, consider subjective legal rights and obligations not the form, but the content of the legal relationship [8, p. 257; 10, ch. 3 § 1; 14, ch. 1]. S.S. Alekseev was confident that subjective right and legal obligation form “legal” content, in contrast to “material”, which in this case means the behavior of the subjects of the relationship [1, p. 256, 301]. So, in particular, R.O. Halfina wrote: “The study of the real behavior of participants in a legal relationship with their rights and obligations reveals the relationship between form and content, the correspondence of real behavior to the model established by law.” In other words, she speaks out for legally significant behavior as the content of a legal relationship [8, p. 257].

Anticipating the direct analysis of the form of legal relationship, Yu.I. Grevtsov makes several introductory remarks.

Firstly, he believes that the philosophical categories “content” and “form” in the knowledge of social relations can be used in several aspects. In one case, with their help, the connection and interaction of basic and superstructural forces can be traced, where the former mainly determine the character of the latter. The relationship between the base and the superstructure, revealed in this case, is one of the possible aspects of the relationship between content and form, moreover, more related to the general sociological layer of knowledge [5].

In the *second* case, referring to I. Szabo, he writes that, using these categories, they show the relationship of the superstructural phenomena themselves, taking into account the specifics of a particular area of cognition. So, for example, we can talk about some political, moral, etc. relations as content and their legal expression as form [13, p. 22].

Finally, a *third* aspect is also possible, Yu.I. Grevtsov is sure. He means the study of the content and form of the legal social relationship itself, considered as a relatively independent real phenomenon, having its own direct content and form. This aspect of the content and form of a legal relationship is due to the fact that its direct content, being always determined in one way or another, on the one hand, by material conditions, and on the other, by the state will (which also turns out to be, in turn, conditioned by the conditions of existence), ultimately acts as a peculiar result of the interaction of not only these, but also additional factors, among which not the least place belongs to the “internal mechanism of relationship.”

The presence of a legal relationship of its own content was indicated in legal and philosophical literature [2; 9, p. 139; 11, p. 423; 15, p. 210]. So, S.A. Komarov understands the content of a legal relationship as subjective rights and legal obligations that constitute the legal content of the legal relationship, i.e. something without which there is no legal relationship itself. In a legal relationship, the state will, expressed in a rule of law, is mediated by the will of the participants in the legal relationship. Thanks to the legal connection of rights and obligations, subjects act and realize their rights and obligations. This means that authorized and obligated behavior is necessarily included in the content of the legal relationship. It is customary to speak in this regard about the material content of the legal relationship [6, p. 397–398].

Yu.I. Grevtsov rightly notes that the importance of the material factor (the first aspect of the relationship between content and form) is in no way diminished, since there can be no doubt about the certain conditionality of legal relations by material conditions, however, it is also true that in that or to some other extent, but always, this influence is not direct, but indirect. “In some cases, material conditions influence superstructural phenomena not through some already established relationships, but through social connections. The relations that arise in such cases are legal relations that have “absorbed” the tendency for the development of material relations under the influence of law. Therefore, when speaking about the direct content and form of legal relations, we do not deviate from the above-mentioned aspects of the relationship between content and form, since we mean by the content of such legal relations the behavior of participants in social relations brought to life by the existing method of production. In fact, the third aspect is a deepening and, to a certain extent, specification of the first two. It can be assumed that the simplified approach to legal relations as only a form of production relations is therefore inaccurate because it does not sufficiently take into account in all aspects the direct content of legal relations and their specific form. In epistemological terms, in such cases: an unjustified direct transfer of the content of philosophical categories to a specific branch of knowledge without the mediation and concretization necessary in such cases in relation to the specifics of the subject under study” [12].

The relationship between the content and form of a phenomenon can be correctly understood only by taking into account the interdependent action of the categories “content” and “form”, since the content is not formless, and the form of the phenomenon at the same time exists in the content itself and represents something external to him. Content is nothing more than the transition of form from content, and form is the transition of content to form.

Considering the ideas of Yu.I. Grevtsov, we note that the form of a legal relationship can hardly be understood in sufficient detail without taking into account those connections and transitions due to which the content appears in the form, as well as the feedback connections that form the content. Already at this rather abstract level of reasoning, the difficulties that arise from a position that recognizes the content of legal relations as the legal rights and obligations of its participants clearly appear. In particular, it is very difficult to answer the question of how the content and form of the legal relationship are interconnected in this case, what rights and obligations are transferred to, what they are aimed at, what they are embodied in, etc. It must be said that often the question of what constitutes the form of a legal relationship is generally left open by supporters of this position [12].

The content of social relations is the activity (interaction) of the participants in such relations. This circumstance necessarily determines another important conclusion that the rights and obligations realized in legal social relations ultimately have their source in the non-legal sphere; they are rooted in the activities of people, primarily of a material nature. This means that the consolidation of legal powers and responsibilities in the rules of law is not an end in itself. It is always connected with the social activities of people and their organizations. It is not the rules of law that give rise to the need for social interaction, but, on the contrary, such interaction creates the need for certain rights and obligations that have social significance and therefore need to be consolidated by the norms of objective law. Therefore, in the most general sense, we can say that the form of a legal relationship is formed by what is “pushed out” by the content, by the activities of people, by what passes from the content and “shines through” in the form.

On the other hand, social activity is characterized by orderliness, regulation, and its implementation in accordance with the trends of social development. And in this sense, there is not and should not be in a socialist society any voluntary activity that does not depend to one degree or another on the activities of other members of society. Consequently, there should be no arbitrary use of forms of carrying out social activity, that is, rights and obligations that are not in a certain dependence on the individual’s connection with society.

In this understanding, the form of human activity in the legal field coordinates joint efforts, joint activities in a direction that corresponds to the progressive development and movement of a socialist society towards a communist one.

Bearing in mind what has been noted, we must assume that in a legal relationship it is impossible to absolutely separate that which belongs only to the form from that which relates only to the content. The content is constantly “pouring” into the form, the form “tames” the content. All this makes possible a general conclusion: the combination of rights and obligations forms a meaningful form of legal relationship. In contrast to the form of a legal relationship, the form. legal social communication is a combination of the powers of the subject of communication with the universal obligations of everyone not to violate the powers that belong to him. A specific combination of rights and obligations in legal terms turns out to be substantive mainly because it ensures the implementation of activities in a certain form or establishes the necessary conditions for this.

The distinction between the internal and external forms of a legal social relationship may be of some importance for understanding the complex mechanism of “coupling” the content and form of a legal relationship. The internal form is the powers and legal obligations of the subjects of legal relations, i.e. possible and proper behavior. More precisely, the internal form of the legal relationship is formed by a specific combination of powers and legal obligations of its subjects. Their analysis can show how much the content of a legal

relationship (real interaction) corresponds to the possible or proper, prescribed by the norm of objective law, on the other hand, how immanently the form fixes (transfers) the content from the point of view of the form's reflection of the aspirations of the interacting parties and legislator's instructions.

The external form of a relationship can be understood as the procedure (conditions) for performing certain actions in the legal sphere, which, as a rule, is strictly regulated by law. The external form turns out to be directly correlated with the legal fact. Let's look at some examples. From the point of view of content, the legal relationship of a loan represents a real transfer by the lender to the other party (borrower) of a certain amount of money or thing defined by generic characteristics, and the borrower undertakes to return and returns the same amount of money (or stipulated by the agreement) or an equal number of things of the same kind and quality (Article 269 of the Civil Code of the RSFSR). From the standpoint of the internal form, such a legal relationship can be presented as follows: one party (the lender) can (has the right) to transfer the money or thing in its ownership to the other party (the borrower), who can accept it. The combination of duties and rights can be correctly understood only if it is considered not only from the standpoint of internal, but also external form.

From the point of view of the first, in the legal relationship of a loan there is a legal obligation of the borrower to return what was borrowed and the obligation of the lender to demand it only after the expiration of the period stipulated by the agreement (or law). From the standpoint of the external form, the content of the relationship in question turns out to be significant for the law when another real action is performed – the borrower provides a receipt when the loan is made for an amount over 50 rubles. As a result, for the legal relationship as a whole, a different (additional) combination of powers and duties turns out to be possible. The lender has the opportunity to demand the provision of a receipt, and the borrower is obliged to provide it. And it is this part of the interaction that turns out to be especially significant for the external form of the legal relationship of the loan.

Anticipating the objection that the actions in question, their form of implementation, are covered by a legal fact, let's say that a legal fact itself is a vital circumstance with which the rule of law connects the emergence, change or termination of a legal relationship. Consequently, a legal fact is a necessary prerequisite for a legal relationship and nothing more. It is not the powers and legal obligations themselves. In any case, the actual implementation of the latter, their legally significant combination, takes place not before the legal relationship arises, but within its framework. In this regard, it would be appropriate to recall the words of K. Marx, who spoke about the contract as a form of legal relationship, as a volitional relationship in which the economic relationship is reflected. The content of this legal, or volitional, relationship is given by the economic relationship itself [7, p. 94].

The external form can appear as if indifferent (passive) to the content. For example, from the very content of the legal relationship of a loan, the external form of its implementation does not seem to follow; the normal development of this legal relationship is quite acceptable, when one party transfers property over 50 rubles to the other, without requiring the provision of a receipt. Interaction and satisfaction of mutual interests occurs mainly within the framework of the internal form. The content of the legal relationship is cast, as it were, only into an internal form. But in the event of a violation of the normal course of such interaction, when the subject of the agreement was an amount exceeding 50 rubles. and the actions required by law for this case were not performed, its defense is seriously hampered. The final implementation of such a legal relationship may turn out to be impossible,

and the court has the right to refuse to protect it on the grounds that the form required by law has not been observed.

Thus, the external form of a legal relationship, being in some cases seemingly passive to the content, in reality always turns out to be connected with it, especially when the interaction deviates from what is prescribed by the norm. And in this case, the legal relationship is protected primarily through the external form, but in a very unique way: by refusing to protect those relations of a given type, the participants of which have violated the external form. The role of external form is even more obvious in the legal relations of purchase and sale of a residential building, dacha, car. The legal fact that causes the emergence of the relationship under consideration is an agreement that is concluded in writing, followed by certification in the relevant body and registration in the executive committee of the Council of People's Deputies. The external form of this kind of relationship is formed by the movement of powers and legal obligations directly related to the legal fact and acts of application of law, regulating the order of purchase and sale, plus subjective rights and obligations (procedural) of the relevant government bodies. The slightest deviation from the external form prescribed by law entails not only a refusal to protect the legal relationship, but also recognition of the contradictory, invalid nature of the transaction.

The combination (movement) of the legal rights and obligations of the parties and the corresponding rights (responsibilities) of government bodies characterizes the form of procedural legal relations. The internal form is formed by the rights and obligations of participants in a material legal relationship, which necessitate procedural protection. The external form consists of the procedural rights and obligations of the parties and the relevant government agencies and other persons participating in the process.

Therefore, the internal and external form of a legal social relationship can have a complex structure, depending on the movement and development of the content of the relationship (the interaction of its parties). In our opinion, the external form deserves serious attention because it makes it possible to reproduce in a general rule of law a strictly controlled model of interaction, based on social situations in which individuals seek to achieve certain interests.

Bibliography

1. Alekseev S.S. Problems of the theory of law [Text]: Course of lectures. In 2 volumes. Sverdlovsk, 1972–1973. T. 1: Basic questions of the general theory of socialist law, 1972. 396 p.
2. Drozdov A.V. Social relations, their types, structure: dis. ... doc. Philosopher Sci. Leningrad, 1967. 292 p.
3. Grevtsov Yu. I., Khokhlov E. B. About legal-dogmatic chimeras in jurisprudence // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2006. No. 5 (268). Pp. 1–23.
4. Grevtsov Yu.I. Content and form of legal relations // Soviet state and law. 1980. No. 6. P. 117–122.
5. Grevtsov Yu.I. Legal relationship: basic relationships // Soviet state and law. 1985. No. 1. P. 12–19.
6. Komarov, S. A. General theory of state and law: a textbook for universities / S. A. Komarov. – 10th ed., rev. and additional Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 528 p.
7. Marx K. Capital. Criticism of political economy // Marx K., Engels F. Soch., vol. 23. 907 p.
8. General doctrine of legal relations / Halfina R.O Moscow: Legal. lit., 1974. 351 p.
9. Perfilyev M. N. Social relations [Text]: Methodology. and sociol. problems / USSR Academy of Sciences. Leningr. Department of Philosophy. Leningrad, 1974. 237 p.
10. Petrov G.I. Soviet administrative-legal relations. Leningrad, 1972, ch. 3, § 1. 157 p.

Теория государства и права

11. Popelova I. Ethics [Text]. On historical and modern issues of moral theory / Transl. from Czech by I. I. Ivanova [and others]. Moscow: Progress, 1965. 669 p.
12. The problem of the form of legal relationship // <https://studfile.net/preview/16768104/page:9/>
13. Sabo I. Fundamentals of the theory of law / Transl. from Hungarian / Ed. and with intro. article by Doctor of Law. Sciences V. A. Tumanova. Moscow: Progress, 1974. 270 p.
14. Chechina N.A. Civil procedural legal relations. Leningrad, 1962, ch. 1. 68 p.
15. I V i h L. S. General theory of law. Leningrad: Leningrad State University Publishing House, 1976. 287 p.

For citation: Sysoev V.A., Ignatieva S.V. The problem of the form of legal relationship in the works of Yu.I. Grevtsova: article // Theory of State and Law. 2024. No. 2 (36). P. 198–204.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_192

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_205

Т.В. Твердова*

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫХ В ПОРЯДКЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ГАРАНТИЙ

***Аннотация.** В статье анализируются проблемы, связанные с отсутствием понятия защиты гражданского права, обосновывается актуальность определения данного понятия. Автор исходит из необходимости соответствующих государственных органов и должностных лиц использовать право законодательной инициативы, устраняя тем самым пробелы в действующем законодательстве, важности мониторинга уже сложившихся общественных отношений, нуждающихся в правовом регулировании.*

***Ключевые слова:** Конституция РФ, защита права, гражданские права, способы защиты, ненадлежащий способ защиты, мониторинг, субъекты права законодательной инициативы.*

В словаре С.И. Ожегова под словом «право» понимается возможность действовать, поступать каким-нибудь образом, требовать что-то [9]. Такое определение права дано с позиции человеческого понимания, что, в принципе, весьма распространено в социуме. Многие люди, заявляя о своем праве, не задумываются над тем, закреплено ли оно нормативно. «Я вправе иметь свое мнение и высказать его, имею право не соглашаться с кем-то, имею право родить ребенка» и т.д. Иными словами, права действовать, требовать, получать, защищаться и другие естественные права изначально формируются в составе общественного отношения, то есть на уровне социального института. Именно эта стадия существования прав граждан является основополагающей для придания им нормативности, если государство сочтет это необходимым. Когда в обществе сформировалось устойчивое мнение о справедливом притязании на те или иные права, то, соответственно, возникает и необходимость придать им правовой статус, но с учетом полезности этих прав для общества. Хотя пользу определяет государство, но движущей силой для «запуска» юридического оформления прав является общественное мнение. Однако оно должно стать известно тому, кто имеет соответствующие функции, такие как: проводить мониторинг мнения общества, проявлять законодательную инициативу, предложив законодательному органу соответствующий проект нормативного правового акта.

Такая позиция может показаться странной исходя из того, что все права граждан уже провозглашены в главе 2 Конституции Российской Федерации [2; 8]. Однако

* **Твердова Татьяна Викторовна**, доцент кафедры гражданского права и процесса Автономной некоммерческой организации высшего образования «Московский международный университет», руководитель правового комитета Ассоциации «Российский Союз аудиторов», кандидат юридических наук, доцент. E-mail: tverdovativ@mail.ru

Основной закон государства декларирует и гарантирует любому желающему осуществить конституционное право, а конкретный способ осуществления, пределы и запреты регламентируются в федеральных законах, предназначенных регулировать сложившиеся общественные отношения, причем, делать это вовремя, не отставая от их развития. Осуществить это может только государство, одной из основных функций которого является обеспечение правового порядка. Следует согласиться с мнением о том, что воздействие общества на государство есть прямая связь, а воздействие государства на общество – обратная [10, с. 44]. Так как государство ответственно за придание обязательности полезным обществу сложившимся правилам, то его уполномоченные органы должны обладать закрепленной за ними юридической способностью и обязанностью отслеживать развитие общественных отношений, анализировать их сущность, определять полезность для граждан и выявлять пробелы в действующем законодательстве, а по итогам – спроектировать содержание правовых норм либо законов, которые должны обеспечивать достижение общественно-государственных целей и задач на данном этапе, а также поддерживать эффективный правовой механизм защиты прав. В этом заключается суть законодательной инициативы.

Согласно части 1 статьи 104 Конституции Российской Федерации право законодательной инициативы принадлежит Президенту Российской Федерации, Совету Федерации, сенаторам Российской Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации, законодательным органам субъектов Российской Федерации [2; 8]. Однако вряд ли удастся найти нормативное закрепление обязанности государственных органов власти и управления постоянно анализировать, проводить мониторинг уже сложившихся общественных отношений, нуждающихся в правовом регулировании, давать им оценку. Пожалуй, похожей функций обладает Верховный Суд Российской Федерации. В соответствии с частью 6 статьи 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации» Верховный Суд Российской Федерации осуществляет принадлежащее ему в соответствии с частью 1 статьи 104 Конституции Российской Федерации право законодательной инициативы по вопросам своего ведения, а также разрабатывает предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации по вопросам своего ведения [3]. Хотя в Законе не указана обязанность Суда осуществлять мониторинг общественных отношений, но практически, Верховный суд, делая систематический Обзор судебных дел по разным отраслям права, получает представление о том, насколько отстает действующее законодательство от сложившихся общественных отношений, что дает возможность проявлять законодательную инициативу по конкретным пробелам.

Так, 19 декабря 2023 года Пленум Верховный Суд России принял постановление «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации». Проект федерального закона был разработан в целях совершенствования процедуры рассмотрения арбитражными судами дел о банкротстве, направлен на повышение ее эффективности и качества отправления правосудия по делам данной категории. Предлагается упрощение банкротных процедур по определенным категориям обособленных споров, увеличение минимальной суммы требований кредиторов, при достижении которой может быть возбуждено дело о банкротстве юридического лица [5].

Указанное свидетельствует об осведомленности Суда о тех пробелах в законе, из-за которых не в полной мере регулируются соответствующие общественные отношения, порождая проблемы в части удовлетворении долговых обязательств, защиты прав должников и кредиторов. Ведь банкротство, по сути, является одним из способов защиты прав неплатежеспособных членов общества и организаций. По нашему мнению, наиболее востребованными правами в обществе являются права, в силу которых у физического и юридического лица появляются вещи, формируется порядок владения и пользования ими, а также отчуждения. Это гражданские права. Происхождение термина «гражданское право», возможно, связано с тем, что древние римляне называли «*jus civile*». Как известно, в римском праве сословие граждан имело наибольшее число видов имущественных прав и способов их защиты. Обладание имуществом без возможности его защищать от посягательств и вреда с древних времен принципиально не допускалось, что соответственно, актуально и в современном мире. Провозглашенное субъективное право «мертво» без механизма его защиты от любых незаконных посягательств или отказа признать право.

Согласно статье 7 Всеобщей Декларации прав человека все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона. Все люди имеют право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации, нарушающей Декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации [1]. Право на судебную защиту закреплено в статье 46 Конституции Российской Федерации, иных норм о защите прав в Конституции РФ нет, в том числе о защите гражданских прав [2; 8]. В статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации обозначен перечень способов защиты гражданских прав [4]. Однако понятие и сущность защиты гражданских прав нормативно не определены, что побуждает ученых-цивилистов дискуссировать с целью поиска оптимального понимания с позиции науки и права. Так, есть мнение, что защита субъективного права подлежит оценке в материальном и процессуальном аспектах [6, с. 11, 48]. Встречается также понимание защиты права как необходимых мер, что ценно с точки зрения субъекта, нуждающегося в защите [7]. Вероятно, научная полемика и обсуждение понятия защиты будет еще долго продолжаться, по крайней мере, до нормативного закрепления его, например, в Гражданском кодексе РФ. Пока нормы Кодекса не позволяют предельно ясно понимать сущность защиты гражданских прав, объем и пределы защиты.

Статья 12 Гражданского Кодекса РФ, не уточняя, что понимается под защитой, перечисляет ее способы: защита гражданских прав осуществляется путем признания права; восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; признания оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, применения последствий недействительности ничтожной сделки; признания недействительным решения собрания; признания недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления; самозащиты права; присуждения к исполнению обязанности в натуре; возмещения убытков; взыскания неустойки; компенсации морального вреда; прекращения или изменения правоотношения; неприменения судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону; иными способами, предусмотренными законом [4]. Практически все указанные способы могут быть реализуемы через судебную защиту, кроме самозащиты.

В судебной практике нередко встречается такой термин, как «ненадлежащий способ защиты». Например, в решении Арбитражного суда Республики Башкортостан от 15 июля 2021 года по делу № А07-10221/2020 указано: «Истцом выбран ненадлежащий способ защиты права» [11]. Есть основание считать, что ошибки в выборе надлежащего способа вытекают, прежде всего, из-за отсутствия нормативного понятия защиты, которое должно быть в законе первично, а способы, как следствие понятия.

Поскольку Конституцией Российской Федерации провозглашены разноотраслевые права, выберем только основные конституционные гражданские права для проведения некоторого анализа осуществимости их защиты посредством действующих норм гражданского права. К ним относятся: право быть собственником (пункт 2 статьи 8, пункты 1, 2, 3 статьи 35); право собственности на землю (пункт 2 статьи 9, статья 36); свобода и личная неприкосновенность (пункт 1 статьи 22); неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, защита своей чести и доброго имени, тайна сообщений (статья 23); неразглашение каким бы то ни было способом информации о частной жизни лица без его согласия (статья 24); право иметь жилище и его неприкосновенность (статьи 25, 40); право заниматься предпринимательской деятельностью (статья 34); право на возмещение вреда (статья 53) [2; 8]. Из Конституции РФ следует, что гарантируются как имущественные, так и неимущественные гражданские права. Так как правовая природы их различна, следовательно, защита их, ее конечная цель и способы защиты не могут быть одинаковы.

Конституционная природа прав означает не только их провозглашение, но и правовое обеспечение возможности осуществлять права и защищать их от незаконного посягательства и непризнания. Способы защиты нарушенного или не признаваемого права, предусмотренные в Гражданском кодексе РФ, нельзя идентифицировать с понятием защиты. Не определены и цели применения способов. Цели понятны только при осуществлении таких способов, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, а также признание оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, применения последствий недействительности ничтожной сделки. Другие способы, названные в статье 12 Гражданского кодекса РФ, по своей сути являются всего лишь обозначением действий без уточнения способов их осуществления. Однако неизбежно все эти действия осуществляются в судебном порядке (кроме самозащиты), поэтому статья 12 должна координировать со статьей 11 Кодекса, закрепившей судебный способ защиты [4].

Цель защиты, к которой стремится потерпевшей, должна быть ему понятна, причем его волеизъявление, выраженное в конкретном обращении в уполномоченный, способный защитить, орган, должно совпадать с его внутренней волей, иначе есть риск того, что суд называет ненадлежащим способом защиты. В свою очередь, каждый способ защиты субъективного гражданского права должен иметь свою цель, нормативно закрепленную. Потерпевший субъект (считающий себя таковым) должен осознавать, что он хочет: наказать виновного путем уменьшения его имущественной массы за счет получения от него денежной компенсации, имущества; получить имущественные права; обеспечить признания оспариваемого или не признаваемого права; устранить препятствия; обязать совершить действия либо не совершать и другие.

Защита имущественных гражданских прав должна представлять собой: комплекс действий: самого субъекта, считающего себя потерпевшим, в том числе: его

обращение в уполномоченный орган, без чего механизм не начнет действовать (кроме самозащиты); осуществление юридически закрепленных функций уполномоченного органа по рассмотрению и оценке того, в силу чего субъект считает себя нуждающимся в защите; достижение результата таким уполномоченным органом по итогам рассмотрения, при этом для самого субъекта результат может быть и отрицательный, то есть не обеспечивший ему защиты, поскольку орган не усмотрел в этом необходимости. Если же результат тот, которого добивался субъект, то механизм защиты продолжается далее путем совершения действий исполнительного характера в отношении вступившего в законную силу акта уполномоченного органа.

Таким образом, защита представляет собой длящийся юридический факт в форме комплекса правомерных действий субъекта, считающего себя нуждающимся в защите его субъективного права; органов, уполномоченных рассматривать обращение субъекта в порядке, установленном законом; принятие уполномоченным органом в пределах своих прав необходимого акта; осуществление другим уполномоченным органом действий по принудительному исполнению акта для достижения конечной цели, к которой стремился субъект. При этом субъект, желающий получить защиту, должен понимать, какую цель он преследует, может ли он ее достичь посредством избранного правового механизма защиты либо не может или это возможно, но не однозначно. Если цель не достигнута, то с позиции субъекта защиту он не получил. Не останавливаясь на этом, субъект при желании вправе иметь возможность изменить намеченную цель и вновь прибегнуть к защите. Все указанное в совокупности можно обозначить как правовой механизм защиты.

Подводя итоги, есть основание полагать, что действующее гражданское право и законодательство нуждается в определении понятия защиты гражданских прав и целей защиты. Указанные в статье 12 Гражданского кодекса РФ способы защиты нуждаются в более четкой формулировке [4], а именно: указания цели применения каждого способа защиты, порядка реализации этого способа (судебный/внесудебный).

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // www.un.org
2. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru/
3. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации» // www.consultant.ru/
4. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // www.consultant.ru/
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 от 19 декабря 2023 года «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // <https://www.vsrp.ru/documents/own/33270/>
6. Болгова В.В. *Формы защиты субъективного права: теоретические проблемы*: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2000. 240 с.
7. Измайлова Е.В. *Защита гражданских прав: подходы к пониманию* // Пролог: журнал о праве. 2018, № 2 (18). С. 7–13 // <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-grazhdanskih-prav-podhody-k-ponimaniyu/viewer>

8. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с.

9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений: [новое издание] / Сергей Иванович Ожегов; под общ. ред. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – М.: Мир И образование, 2015. 1375 с. // <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23251&ysclid=lr0mz89ywr446944514>

10. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – 5-е изд. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 528 с.

11. Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 15 июля 2021 года по делу № А07-10221/2020 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/RtiXsKrY9KUV/?ysclid=lttylh9fvt680984331>

Для цитирования: Твердова Т.В. Проблема понимания защиты гражданских прав, осуществляемых в порядке реализации конституционных гарантий: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 2 (36). – С. 205-210.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_205

THE PROBLEM OF UNDERSTANDING THE PROTECTION OF CIVIL RIGHTS EXERCISED IN THE IMPLEMENTATION OF CONSTITUTIONAL GUARANTEES

Tatyana V. Tverdova *

Annotation. *The article analyzes the problems associated with the lack of the concept of protection of civil law, and substantiates the relevance of the definition of this concept. The author proceeds from the need for relevant government bodies and officials to use the right of legislative initiative, thereby eliminating gaps in current legislation, and the importance of monitoring already established social relations that require legal regulation.*

Key words: *Constitution of the Russian Federation, protection of rights, civil rights, methods of protection, inappropriate method of protection, monitoring, subjects of the right of legislative initiative.*

In the dictionary of S.I. Ozhegov, the word “right” is understood as the ability to act, to act in some way, to demand something [9]. This definition of law is given from the position of human understanding, which, in principle, is very common in society. Many people, declaring their right, do not think about whether it is enshrined in legislation. “I have the right to have my opinion and express it, I have the right to disagree with someone, I have the right to give birth to a child,” etc. In other words, the rights to act, demand, receive, defend and other natural rights are initially formed as part of a social relationship, that is, at the level of a social institution. It is this stage of the existence of citizens’ rights that is fundamental for giving them normativity, if the state deems it necessary. When a stable opinion has formed in society about a fair claim to certain rights, then, accordingly, the need arises to give them legal status, but taking into account the usefulness of these rights for society. Although the benefit is determined by the state, the driving force for the “launch” of

* **Tverdova Tatyana Viktorovna**, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of ANOVO "Moscow International University"; Head of the Legal Committee of the Association "Russian Union of Auditors", Candidate of Law, Associate Professor. E-mail: tverdovatv@mail.ru

legal registration of rights is public opinion. However, it should become known to those who have the corresponding functions, such as: monitoring public opinion, taking legislative initiative by proposing the relevant draft normative legal act to the legislative body.

This position may seem strange based on the fact that all the rights of citizens are already proclaimed in Chapter 2 of the Constitution of the Russian Federation [2; 8]. However, the Basic Law of the state declares and guarantees anyone who wishes to exercise a constitutional right, and the specific method of implementation, limits and prohibitions are regulated in federal laws intended to regulate existing social relations, and to do this on time, keeping up with their development. This can only be accomplished by the state, one of the main functions of which is to ensure legal order. One should agree with the opinion that the impact of society on the state is a direct connection, and the impact of the state on society is inverse [10, p. 44]. Since the state is responsible for making established rules useful to society binding, its authorized bodies must have the legal ability assigned to them and the obligation to monitor the development of social relations, analyze their essence, determine their usefulness for citizens and identify gaps in the current legislation, and as a result – to design the content of legal norms or laws that should ensure the achievement of public and state goals and objectives at this stage, as well as support an effective legal mechanism for the protection of rights. This is the essence of the legislative initiative.

According to Part 1 of Article 104 of the Constitution of the Russian Federation, the right of legislative initiative belongs to the President of the Russian Federation, the Federation Council, senators of the Russian Federation, deputies of the State Duma, the Government of the Russian Federation, legislative bodies of the constituent entities of the Russian Federation [2; 8]. However, it is unlikely that it will be possible to find a normative consolidation of the obligation of state authorities and management to constantly analyze, monitor already existing social relations that need legal regulation, and evaluate them. Perhaps the Supreme Court of the Russian Federation has similar functions. In accordance with Part 6 of Article 2 of the Federal Constitutional Law of 02/05/2014 No. 3-FKZ (as amended on 07/14/2022) “On the Supreme Court of the Russian Federation”, the Supreme Court of the Russian Federation exercises its rights in accordance with Part 1 of Article 104 of the Constitution of the Russian Federation the right of legislative initiative on issues under its jurisdiction, and also develops proposals for improving the legislation of the Russian Federation on issues under its jurisdiction [3]. Although the Law does not indicate the obligation of the Court to monitor public relations, but in practice, the Supreme Court, by making a systematic review of court cases in various branches of law, gets an idea of how far the current legislation lags behind existing social relations, which makes it possible to demonstrate legislative initiative on specific gaps.

Thus, on December 19, 2023, the Plenum of the Supreme Court of Russia adopted a resolution “On introducing to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation a draft federal law “On Amendments to the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” and the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation” . The draft federal law was developed in order to improve the procedure for consideration of bankruptcy cases by arbitration courts and is aimed at increasing its efficiency and the quality of the administration of justice in cases of this category. It is proposed to simplify bankruptcy procedures for certain categories of isolated disputes, to increase the minimum amount of creditors' claims, upon reaching which a bankruptcy case for a legal entity can be initiated [5].

This indicates the Court's awareness of those gaps in the law, due to which the relevant social relations are not fully regulated, giving rise to problems in terms of satisfying

debt obligations, protecting the rights of debtors and creditors. After all, bankruptcy, in fact, is one of the ways to protect the rights of insolvent members of society and organizations. In our opinion, the most popular rights in society are the rights by virtue of which an individual and legal entity acquires things, the procedure for owning and using them, as well as alienation, is formed. These are civil rights. The origin of the term "civil law" may be related to what the ancient Romans called "jus civile". As is known, in Roman law the citizen class had the largest number of types of property rights and methods of protecting them. Possession of property without the ability to protect it from encroachment and harm has been fundamentally not allowed since ancient times, which, accordingly, is also relevant in the modern world. The proclaimed subjective right is "dead" without a mechanism for protecting it from any illegal attacks or refusal to recognize the right.

According to Article 7 of the Universal Declaration of Human Rights, all persons are equal before the law and are entitled, without any distinction, to the equal protection of the law. All persons have the right to equal protection against any discrimination in violation of the Declaration and against any incitement to such discrimination [1]. The right to judicial protection is enshrined in Article 46 of the Constitution of the Russian Federation; there are no other rules on the protection of rights in the Constitution of the Russian Federation, including the protection of civil rights [2; 8]. Article 12 of the Civil Code of the Russian Federation outlines a list of ways to protect civil rights [4]. However, the concept and essence of the protection of civil rights are not normatively defined, which encourages civil scientists to discuss in order to find an optimal understanding from the standpoint of science and law. Thus, there is an opinion that the protection of subjective rights is subject to assessment in material and procedural aspects [6, p. 11, 48]. There is also an understanding of the protection of rights as necessary measures, which is valuable from the point of view of the subject in need of protection [7]. Probably, scientific polemics and discussion of the concept of protection will continue for a long time, at least until it is normatively consolidated, for example, in the Civil Code of the Russian Federation. So far, the norms of the Code do not allow us to clearly understand the essence of the protection of civil rights, the scope and limits of protection.

Article 12 of the Civil Code of the Russian Federation, without specifying what is meant by protection, lists its methods: protection of civil rights is carried out through the recognition of rights; restoration of the situation that existed before the violation of the right, and suppression of actions that violate the right or create a threat of its violation; recognizing a contestable transaction as invalid and applying the consequences of its invalidity, applying the consequences of the invalidity of a void transaction; invalidation of the meeting's decision; invalidation of an act of a state body or local government body; self-defense rights; awards to perform duties in kind; compensation for losses; collection of penalties; compensation for moral damage; termination or change of legal relationship; non-application by the court of an act of a state body or local government body that contradicts the law; in other ways provided for by law [4]. Almost all of the above methods can be implemented through judicial protection, except for self-defense.

In judicial practice, the term "inappropriate method of defense" is often encountered. For example, the decision of the Arbitration Court of the Republic of Bashkortostan dated July 15, 2021 in case No. A07-10221/2020 states: "The plaintiff chose an inappropriate method of protecting the right" [11]. There is reason to believe that errors in choosing the appropriate method arise, first of all, from the lack of a normative concept of protection, which should be primary in the law, and methods as a consequence of the concept.

Since the Constitution of the Russian Federation proclaims multi-branch rights, we will select only basic constitutional civil rights to conduct some analysis of the feasibility of their protection through the current norms of civil law. These include: the right to be an owner (clause 2 of article 8, clauses 1, 2, 3 of article 35); land ownership (clause 2 of article 9, article 36); freedom and personal security (Article 22, paragraph 1); inviolability of private life, personal and family secrets, protection of one's honor and good name, secrecy of communications (Article 23); non-disclosure in any way of information about the private life of a person without his consent (Article 24); the right to have a home and its inviolability (Articles 25, 40); the right to engage in entrepreneurial activities (Article 34); right to compensation for harm (Article 53) [2; 8]. It follows from the Constitution of the Russian Federation that both property and non-property civil rights are guaranteed. Since their legal nature is different, therefore, their protection, its ultimate goal and methods of protection cannot be the same.

The constitutional nature of rights means not only their proclamation, but also the legal provision of the opportunity to exercise rights and protect them from illegal encroachment and non-recognition. The methods of protecting a violated or unrecognized right provided for in the Civil Code of the Russian Federation cannot be identified with the concept of protection. The purposes of using the methods have not been determined. The goals are clear only when implementing such methods as restoring the situation that existed before the violation of the right, and suppressing actions that violate the right or create a threat of violation, as well as recognizing a voidable transaction as invalid and applying the consequences of its invalidity, applying the consequences of invalidity worthless deal. Other methods, named in Article 12 of the Civil Code of the Russian Federation, are essentially just a designation of actions without specifying the methods for their implementation. However, inevitably all these actions are carried out in court (except for self-defense), therefore Article 12 must be coordinated with Article 11 of the Code, which establishes the judicial method of defense [4].

The purpose of the protection that the victim seeks must be clear to him, and his expression of will, expressed in a specific appeal to an authorized body capable of protecting, must coincide with his internal will, otherwise there is a risk of what the court calls an improper method of protection. In turn, each method of protecting subjective civil law must have its own goal, normatively established. The injured subject (who considers himself such) must realize that he wants: to punish the perpetrator by reducing his property mass by receiving monetary compensation and property from him; obtain property rights; ensure recognition of a disputed or unrecognized right; remove obstacles; oblige to perform actions or not to perform others.

The protection of property civil rights should represent: a set of actions: the subject himself, who considers himself a victim, including: his appeal to the authorized body, without which the mechanism will not begin to operate (except for self-defense); implementation of legally established functions of an authorized body to review and assess why the subject considers himself to be in need of protection; achievement of a result by such an authorized body based on the results of consideration, while for the subject himself the result may be negative, that is, it does not provide him with protection, since the body did not see the need for this. If the result is the one sought by the subject, then the protection mechanism continues further by performing executive actions in relation to the act of the authorized body that has entered into legal force.

Thus, protection is a continuing legal fact in the form of a set of lawful actions of a subject who considers himself in need of protection of his subjective right; bodies authorized to consider the subject's appeal in the manner prescribed by law; adoption by the au-

thorized body, within the limits of its rights, of the necessary act; the implementation by another authorized body of actions to enforce the act in order to achieve the final goal that the subject was striving for. At the same time, the subject who wants to receive protection must understand what goal he is pursuing, whether he can achieve it through the chosen legal mechanism of protection or cannot, or whether it is possible, but not unambiguous. If the goal is not achieved, then from the position of the subject he did not receive protection. Without stopping there, the subject, if desired, has the right to have the opportunity to change the intended goal and again resort to protection. All of the above together can be described as a legal protection mechanism.

To summarize, there is reason to believe that the current civil law and legislation needs to define the concept of protection of civil rights and the purposes of protection. The methods of protection specified in Article 12 of the Civil Code of the Russian Federation need a more clear formulation [4], namely: indicating the purpose of using each method of protection, the procedure for implementing this method (judicial/extrajudicial).

Bibliography

1. Universal Declaration of Human Rights. Adopted by resolution 217 A (III) of the UN General Assembly of December 10, 1948 // www.on.org
2. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // www.consultant.ru/
3. Federal Constitutional Law of 02/05/2014 No. 3-FKZ (as amended on 07/14/2022) "On the Supreme Court of the Russian Federation" // www.consultant.ru/
4. "Civil Code of the Russian Federation (Part One)" dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on July 24, 2023) // www.consultant.ru/
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 dated December 19, 2023 "On introducing to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation the draft federal law "On Amendments to the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" and the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation» // <https://www.vsrfr.ru/documents/own/33270/>
6. Bolgova V.V. Forms of protection of subjective rights: theoretical problems: author's reference. diss. ...cand. legal Sci. Samara, 2000. 240 p.
7. Izmailova E.V. Protection of civil rights: approaches to understanding // Prologue: a journal about law. 2018, No. 2 (18). pp. 7–13 // <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-grazhdanskih-prav-podhody-k-ponimaniyu/viewer>
8. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarova. Moscow: Publishing house "Urayt", 2023. 325 p.
9. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language: 100,000 words, terms and expressions: [new edition] / Sergey Ivanovich Ozhegov; under general ed. L. I. Skvortsova. 28th ed., revised. Moscow: Peace and Education, 2015. 1375 p. // <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23251&ysclid=lr0mz89ywr446944514>
10. Theory of state and law: textbook / N.I. Matuzov, A.V. Malko. 5th ed. Moscow: Publishing house "Delo" RANEPА, 2020. 528 p.
11. Decision of the Arbitration Court of the Republic of Bashkortostan dated July 15, 2021 in case No. A07-10221/2020 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/RtiXsKrY9KUV/?ysclid=lttylh9ftv680984331>

For citation: Tverdova T.V. The problem of understanding the protection of civil rights exercised in the implementation of constitutional guarantees: article // Theory of State and Law. 2024. No. 2 (36). P. 210–214.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_205

Научная статья

УДК 342.574

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_215

А.Б. Храмцов*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА ГЛАСНЫХ ГОРОДСКИХ ДУМ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО РЕФОРМЕ 1870 ГОДА

***Аннотация.** В работе на широкой источниковой базе исследована практика реализации городской реформы 1870 г. в Томской губернии. По новым правилам были созданы выборные институты на местном уровне – городские думы и городские управы. Выявлен комплекс нарушений и конфликтных ситуаций как в организации выборов и подведении их итогов, так и текущей работе органов самоуправления. Избирательное право получили в среднем 10 % жителей городов. Согласно статистике, большинство законных избирателей не участвовали в выборах и общественных делах. Распределением налогоплательщиков по трем разрядам значительно ограничивался принцип всеословности в формировании городских собраний. В составах гласных дум преобладал «торговый» элемент, по сословиям – купцы, мещане и чиновники. Образовательный уровень городских избранников долгие годы был ниже среднего, нередко избирались и неграмотные. Местные думы выражали интересы предпринимателей, были закрыты от большей части населения.*

Ключевые слова: выборы, избиратели, реформа, городская дума, гласные, городская управа, социальный состав.

Либеральные реформы 1860–1870-х гг. предоставили российским гражданам широкие возможности для участия в местном самоуправлении, действовавшего в соответствии с принципом всеословности от имени всего городского общества. В этой связи интерес представляет исследование особенностей формирования представительных собраний по закону 1870 г., определение социального состава гласных (депутатов) городских дум, от которых зависела эффективность деятельности данного института власти.

Первые выборы показали «оторванность» норм Городового положения 1870 г. от сложившихся местных условий и сословной структуры общества в городах Сибири. Ключевой на этапе введения реформы стала проблема определения участников выборов, формирования избирательных списков. Уже 21 сентября 1870 г. Главное управление Западной Сибири доложило в МВД, что при составлении списков избирателей в городах региона обнаружился ряд недоразумений. По закону 1870 г. право голоса предоставлялось лишь тем владельцам недвижимых имуществ, которые уплачивали с них налог в бюджет города. В губернском Тобольске, кроме однопро-

* **Храмцов Александр Борисович**, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий Тюменского индустриального университета, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: khramtsov_ab@bk.ru

центного сбора на квартирную повинность, не существовало более никакого налога с недвижимости ни в пользу казны, ни в пользу города. В итоге в списки избирателей по Томску и Тобольску были включены плательщики квартирного сбора с недвижимости и плательщики сборов по производству торгов и промыслов в доход казны, хотя и не имевшие в городах собственности [1].

Проведение реформы 1870 г. в Томской губернии было возложено на городские хозяйственные управления, которые включали старосту, секретаря и писцов. Очевидно, что опыт составления списков избирателей и в целом организации выборов по новым правилам у них отсутствовал. В этой связи они допускали различные ошибки и нарушения, на что указывала губернская власть в лице контрольно-надзорного органа – присутствия по городским делам (далее – присутствие) [2]. В состав членов присутствия входили: губернатор, председатель общего губернского управления, председатель казенной палаты, губернский прокурор, голова губернского города и городской секретарь [3].

Согласно журналу присутствия от 13 июня 1875 г., Барнаульскому хозяйственному управлению был возвращен список избирателей на первое четырехлетие для исправления. Первый список включал 1424 горожан. Однако не верно была осуществлена «делажка» избирателей по разрядам. После исправлений число избирателей сократилось. Аналогичная ситуация отмечалась в Каинске. Присутствие постановило провести новое распределение избирателей по разрядам, согласно сумме их платежей [4]. В Колывани, согласно журналу губернского присутствия, городская власть неверно исчислила состав местной думы в 30 гласных. При количестве избирателей в 646 лиц, согласно положению 1870 г., в думе должно быть 42 гласных [5]. По рапорту Нарымского хозяйственного управления относительно составления списка избирателей, губернское присутствие дало свои разъяснения, в частности, «включать в список всех городских обывателей, оплачивающих в доход города платеж». Ввиду малочисленности города всех сборов с жителей в его бюджет было 772 руб., если делить на 3 разряда, то в 1-м разряде было бы 4 лица с платежом 257 руб. В этой связи присутствие приняло решение представить в МВД ходатайство о введении в Нарыме 2-х разрядов избирателей. Интересно, что при введении новой реформы в Кузнецке губернское присутствие в августе 1875 г. изначально «не нашло каких-либо обстоятельств для разъяснений и узаконений... список избирателей был составлен совершенно правильно». Однако к ноябрю, когда поступили прошения местных жителей в связи с невключением их в состав избирателей, было предписано городскому управлению пересоставить список [6].

Кроме этого, губернское присутствие принимало решения по прошениям частных лиц. В частности, согласно журналу от 9 апреля 1875 г., губернский секретарь Н.Я. Беляев заявил о невключении его в список избирателей по г. Томску. Присутствие посчитало решение местной управы безосновательным и предписало ей включить просителя в избирательный список [7].

Однако не все обращения жителей заслуживали внимания и удовлетворялись. В частности, губернское присутствие 13/22 сентября 1880 г. рассмотрело жалобу бийского купца В. Гилева на его невключение в список избирателей. Присутствие установило, что он был под судом и следствием, имел штрафы, что запрещал закон. Его прошение оставили «без последствий» [8].

На избирательных участках также фиксировались нарушения. Присутствие 6 мая 1875 г. рассмотрело жалобы купцов Королева и Ермолаева, мещанина Первунинско-

го, учителя Томской гимназии Тюменцева на нарушения, допущенные на выборах по 1-у разряду 24 апреля 1875 г. В частности, в выборах приняли участие политические ссыльные, причисленные в мещане, что запрещал закон 1870 г. Во 2-м разряде также были допущены нарушения, на что указывали 7 жалоб избирателей. Результаты выборов по 1-у и 2-у разрядам присутствие отменило и назначило провести новые [9]. Следовательно, и формирование нового состава гласных Томской городской думы затягивалось. На заседания думы вынуждены были собираться гласные прежнего состава, уже отслужившие свой срок. Такая проблема была характерна для многих сибирских городов. В Каинске, в марте 1888 г. новый состав думы никак не мог приступить к выборам городского головы. И продолжал службу старый, отслуживший свой срок голова А.П. Ерофеев. Произошло это потому, что результаты выборов гласных по 3-му разряду из-за протестов не утверждались губернским присутствием [10].

Также губернское присутствие 29 декабря 1875 г. рассмотрело вопрос об участии членов Алтайского горного управления в выборах по г. Барнаулу. Присутствие, в соответствии ст. 19 закона 1870 г., постановило, что «должностные лица горного управления не имеют такого права» [11].

Таким образом, из-за мелких нарушений и нерешенных вопросов проведение реформы 1870 г. в регионе затянулось более чем на 7 лет. По количеству избирателей в Томской губернии выделялись 3 крупных города – Барнаул, Томск и Бийск, 2 средних – Колывань и Мариинск и 3 малых – Кузнецк, Каинск и Нарым. Избирательное право было предоставлено в среднем 10 % населения городов: в Томске из 24431 жителя лишь 3,9 % стали избирателями; в Каинске из 5450 – 5 %; в Нарыме из 2000 – 8,7 %; в Барнауле из 14594 – 9,4 %; в Мариинске из 5550 – 10,5 %; в Кузнецке из 3020 – 12,2 %; в Бийске из 6797 – 12,8 %; в Колывани из 3900 горожан получили право голоса на местных выборах 16,6 % [12, с. 167, 174, 179, 185, 192, 196, 201, 207].

По закону 1870 г., избиратели-налогоплательщики подразделялись на 3 разряда, исходя из суммы оплачиваемых сборов в бюджет города. Каждый разряд выбирал в думу треть гласных. Количество гласных в думах составляло от 30 до 72. На каждые 150 свыше 300 избирателей прибавлялось по 6 гласных (табл. 1).

Таблица 1

Итоги выборов в городские думы Томской губернии на первое и второе четырехлетие по закону 1870 г. [13]

Город	Первое четырехлетие					Второе четырехлетие				
	всего избирателей по списку	всего гласных	1 разряд	2 разряд	3 разряд	всего избирателей по списку	всего гласных	1 разряд	2 разряд	3 разряд
Томск	957	57	19	19	19	2015	72	24	24	24
Барнаул	1390	72	24	24	24	1566	72	24	24	24
Бийск	873	48	16	16	16	979	54	18	18	18
Каинск	270	30	10	10	10	287	30	10	10	10
Колывань	646	42	14	14	14	733	48	16	16	16
Кузнецк	369	30	10	10	10	348	30	10	10	10
Мариинск	584	36	12	12	12	742	42	14	14	14
Нарым	174	30	15	15	-*	168	30	15	15	-*

Идея широкого участия в местном самоуправлении не нашла должного понимания среди жителей сибирских городов. Более того, первые выборы состоялись без предвыборных агитаций и общественных собраний. По мнению газеты, «выборы проходят тихо, смиренно, ни прений, ни партий у нас нет... это происходит от равнодушия обывателей к самоуправлению, заседания гласными не посещаются... во избежание лишней гласности на заседания посторонних и не пускают» [14]. Большая часть избирателей не явилась на участки. Согласно отчетам, явка горожан на первых выборах оказалась низкой. Скажем, в Томске на выборы пришли 250 человек (26 %), в Барнауле – 91 (6,6 %), в Мариинске – 68 (11,6 %), в Бийске – 59 (6,8 %), в Кузнецке – 38 (10,3 %). Высокие показатели по явке на выборы отмечались в Колывани – 270 или 41,8 % от всех избирателей [12, с. 167, 179, 185, 192, 196, 201].

На первых выборах в Томске (1870 г.) число избирателей составило 957 человек, из них по разрядам – 1-й – 43 (4,5 %), 2-й – 196 (20,5 %), 3-й – 718 (75 %) человек; по сословиям состав был «разношёрстным»: купцы и почётные граждане 151 (15,8 %), мещане – 444 (46,4 %), дворяне и чиновники – 95 (9,9 %), военное сословие (офицеры) – 13 (1,4 %), нижние чины – 52 (5,4 %), казаки – 10 (1 %), крестьяне – 35 (3,7 %), инородцы – 14 (1,5 %), «лица неизвестных сословий» – 134 (14 %), разночинцы – 9 (0,9 %), лиц духовного звания, а также учреждений, ведомств и предприятий в избирательном списке не было. Любопытно, что томские власти не смогли установить сословную принадлежность 14 % избирателей [15].

К следующим выборам (1875 г.) количество участников выборов в Томске возросло более чем в 2,1 раза (табл. 1), что произошло не в связи с естественным приростом или активным прибытием в город новых людей. Очевидно, что первый список составлялся без должной «проработки» состава жителей и установления их избирательных прав. В дальнейшем местная управа значительно переработала список избирателей, удельный вес которых поднялся с 3,9 % до 7,9 % от всего населения.

Томским головой на первое четырехлетие был избран купец Д.И. Тецков, служивший главой города с 1864 г. Однако его общественную службу администрация губернии признала неэффективной. Согласно отношению губернатора от 7 января 1875 г., «Тецков оказался совершенно неспособным к исполнению принятой на себя обязанности отчасти по старости лет, а главное по недостатку развития». По его оценке, городское хозяйство шло самым плачевным образом, а городская касса была растрочена [16]. В итоге новым томским головой гласные выбрали купца 1-й гильдии Е.И. Королева, который был заместителем головы в 1871–1875 гг.

На первых выборах по числу избирателей лидировал Барнаул (1390). Причем, согласно списку барнаульцев, имевших право голоса, в 1-й разряд вошли всего 20 лиц (1,4 %), во 2-й разряд – 72 (5,2 %) и в 3-й разряд – 1298 (93,4 %). [17]. Каждый разряд направлял в местную думу 24 гласных, стало быть несоразмерность в избирательных правах между разрядами была огромная, что противоречило принципу всеобщности.

В средних и малых городах губернии сложился более однородный состав населения. В них основным сословием являлись мещане, которые вели мелочный торг и состояли главным образом в 3-м разряде избирателей. Например, на первых выборах в Мариинске (1875 г.) избиратели распределялись так: 1-й разряд – 35 чел. или 6 % (сумма сбора в бюджет города 1332 руб.), 2-й разряд – 66 чел. или 13 %

(1360 руб.) и 3-й разряд – 483 чел. или 81 % (1332 руб.) [18]. В Колывани на вторых выборах (1879 г.) число избирателей возросло до 733: 1-й разряд – 6 лиц (сумма сбора 527 руб.), 2-й разряд – 45 (522 руб.) и 3 разряд – 682 (511 руб.) [19].

В малом Каинске список избирателей (1875 г.) включал 270 жителей: 1-й разряд – 6; 2-й разряд – 24; 3 разряд – 240 (88,9 %). Каждый разряд направлял в местную думу 10 гласных. Следовательно, избиратели 1-го разряда без выборов «проходили» в состав думы. Ясно отчего в выборах приняли участие лишь 22 человека [12, с. 174]. В малом Нарыме право участия в первых выборах (1877 г.) получили 174 жителя. С разрешения МВД избирателей распределили на 2 разряда, вместо 3-х. Так, в 1-й разряд вошли всего 8 чел. или 4,6 %, во 2-й – 166 чел. или 95,4 %. Местная дума состояла из 30 гласных. Каждый разряд избирал в нее 15 гласных, следовательно, диспропорция колоссальная: 8 лиц 1-го разряда выбирали 15 гласных и 166 лиц 2-го разряда также 15 гласных. Нарымская городская дума в собрании 23 октября 1877 г. ввиду недостаточности средств и малочисленности населения приняла решение не учреждать городскую управу. Такое же решение приняла Кузнецкая городская дума. Однако позднее управы в этих городах были открыты [20].

По спискам гласных, избранных в городские собрания на первое четырехлетие, можно установить их социально-сословный состав: в думах несли службу 3 категории – купцы, мещане и дворяне (чиновники). Только в Томской городской думе 70 % гласных были купцами и почетными гражданами. В Барнаульской городской думы сильные позиции имели чиновники (в основном, вышедшие в отставку). В других городах ведущая роль принадлежала мещанству. В целом в составах гласных дум преобладал «торговый» класс. Также отдельные гласные были из «неторговых» категорий: учителя, отставные военные, казаки и крестьяне. Результаты выборов на второе четырехлетие показали, что данный расклад не изменился (табл. 2).

Таблица 2

Социально-сословный состав гласных городских дум Томской губернии на первое и второе четырехлетие по закону 1870 г. [21]

Город	Первое четырехлетие					Второе четырехлетие				
	всего гласных	Купцы и почетные граждане	Мещане	Дворяне и чиновники	Другие категории	всего гласных	Купцы и почетные граждане	Мещане	Дворяне и чиновники	Другие категории
Томск	57	40	6	10	1	72	51	10	10	1
Барнаул	72	17	26	23	6	72	19	16	26	11
Бийск	48	10	28	8	2	54	12	30	6	6
Каинск	30	11	17	1	1	30	9	18	2	1
Колывань	42	13	27	1	1	48	14	32	0	2
Кузнецк	30	5	19	4	2	30	8	16	4	2
Мариинск	36	13	20	1	2	42	9	31	0	2
Нарым	30	7	20	0	3	30	8	21	0	1

По вероисповеданию 99 % гласных местных дум были православными. В частности, в Томской городской думе служили 69 гласных православной веры, 2 католика и 1 иудей. Образовательный уровень гласных долгие годы оставался невысоким. В Томске гласных с высшим образованием было 5, средним – 6 и ниже среднего (в т.ч. домашнее) – 61 [22]. В местной думе общественную службу несли гласные из профессоров Томского университета [23]. Среди городов губернии выделялась Барнаульская городская дума, где высшее образование имели 10 гласных, среднее – 13, начальное – 18 и домашнее – 31, неграмотных не было. В думе работали бывшие чиновники Алтайского горного управления [24]. В Мариинской городской думе (1896 г.) с образованием ниже среднего был 1 гласный, с домашним – 16 и 3-е неграмотных гласных; по вероисповеданию гласных – 17 православных, 2 из «субботнической секты» и 1 католик [25].

Последующие выборы также не обходились без протестов. Скажем, Колыванская городская дума 26 октября 1883 г. утвердила список лиц, имевших право голосовать на выборах в думу на новое четырехлетие с 1884–1888 гг. Местные купцы Жернаков и Базыльников подали жалобу губернатору на их невключение в список как плательщиков сборов в бюджет города с трактирных заведений. Томское присутствие постановило местной думе пересоставить избирательный список [26]. Губернское присутствие 11 февраля 1884 г. рассмотрело список по г. Мариинску, выявило ряд «неправильностей», в частности, в 1-й разряд были зачислены купец и его сыновья с общим имущественным цензом 62 руб., тогда как право голоса на выборах должно быть предоставлено только главе семейству [27].

Кроме погрешностей на местных выборах, органы самоуправления допускали процедурные нарушения в текущей своей работе. Например, присутствие 15 января 1875 г. не утвердило результаты выборов в собрании Томской городской думы 4 декабря 1874 г. на должность купеческого старосты и в сиротский суд. Выборы были отменены, так как они состоялись без участия стряпчего и полицмейстера, что предписывала ст. 415 Устава о службе по выборам [28]. Томская городская дума в собрании 23 ноября 1874 г. рассмотрела действия городской управы, принявшей к своему рассмотрению жалобы на грабежи в городе и бездействие полиции. Гласные посчитали, что управа «вышла» из установленной законом компетенции [29]. Губернское присутствие посчитало, что для устранения незаконных действий членов управы на первый раз не предавать их суду, ограничиться разъяснениями, городскому голове и гласным думы усилить контроль за управой, чтобы она не превышала власти и не нарушала закон [30].

Губернское присутствие 18 мая 1884 г. отменило постановление Каинской городской думы от 2 апреля, согласно которому городской голова А.П. Ерофеев предложил думе нанять для охраны города как ночных, так и дневных объездных. Выбор объездных, время их служения, распределение по городу и размер жалования всецело бы зависели от главы и местной думы. Члены присутствия пришли к выводу, что такие объездные, по существу своих обязанностей, ничто иное как полицейские служители, тем самым «учреждается особая городская полиция, отдельная от правительственной полиции, на что дума не имеет никакого права» [31].

11 августа 1884 г. Томское губернское присутствие отменило постановление Нарымской городской думы от 6 мая по вопросу выборов городского головы. В связи с отказом прежнего головы, купца И.А. Щепетильникова дума постановила, что выбор должен пасть на кого-либо из гласных 1-го разряда. Присутствие признало это

ошибкой: в городские головы могли быть избираемы не только гласные, но и другие лица, внесенные в список избирателей. Для производства выборов главы города в собрании думы должны участвовать не менее 1/2 от общего состава гласных (30), а участие приняли лишь 8 гласных (26 %) [32].

В целом же в малых городах из-за малочисленности участников избирательного процесса отмечалось меньше скандалов. Выборы проходили мирно и спокойно. Например, губернское присутствие утвердило рапорт каинского головы об открытии местной думы 8 января 1876 г. Согласно рапорту, в собрании думы прежний староста Кокушкин сообщил гласным, что выборы состоялись в соответствии с законом, а губернатор утвердил избранных лиц: городским головой купца И.П. Ерофеева, его помощником купца Д.Ф. Мясникова, а также членов управы. Личный состав гласных думы был приведен к присяге, дав клятвенное обещание на верность службе [33].

Таким образом, реализация реформы 1870 г. в городах Томской губернии сопровождалась множеством нарушений и конфликтных ситуаций. Очевидно, что многие ошибки как в организации выборов, так и в работе городских дум объясняются уровнем грамотности служащих. Несмотря на это, на местном уровне были созданы новые выборные институты, всесловный принцип которых ограничивался трехрядной избирательной системой. Городские думы, состоявшие из предпринимателей региона, «превратились» в элитарный институт власти, закрытый от большей части населения сибирских городов.

Библиографический список

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1255. Л. 5–6; 8–10; 205–206.
2. Храмцов А.Б. Губернские по городским делам присутствия как надзорные органы Западной Сибири в 1870–1890-е годы //История государства и права. – 2013. – № 9. – С. 13–16.
3. РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1255. Л. 28.
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 125–126. Л. 127–128 об.
5. ГАТО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 133–134.
6. ГАТО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 135, 152–152 об.
7. ГАТО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 43–45.
8. ГАТО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 4. Л. 12–12 об.
9. ГАТО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 77–93 об.
10. Сибирский вестник. 1888. № 38. С. 3.
11. ГАТО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 198–199 об.
12. Экономическое состояние городских поселений Сибири. МВД, 1882.
13. Составлено по: РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1255. Л. 1–370; Д. 1436. Л. 1–160; Экономическое состояние городских поселений Сибири. МВД, 1882. С. 167, 174, 179, 185, 192, 196, 201, 207; Томские губернские ведомости. 1870. № 48. С. 14–16; 1875. № 4. С. 2–3; № 5. С. 4; № 6. С. 3–4; № 7. С. 3–4; № 8. С. 3–6; № 26. С. 2–4; № 37. С. 4–5; № 41. С. 4–5; № 42. С. 4; № 45. С. 4; № 46. С. 4–5; № 48. С. 4–5; № 49. С. 4–5; 1877. № 1. С. 3–4; 1879. № 33. С. 3–4; № 34. С. 3–4; № 41. С. 4–5; № 42. С. 3–4; 1880. № 35. С. 3–4; № 36. С. 3; № 37. С. 4.
14. Сибирский вестник. 1888. № 3. С. 4.
15. Свод постановлений Томской городской думы за 1871, 1872, 1873 гг. Томск, 1887. С. II–VII.

16. РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1436. Л. 44–45.
17. Томские губернские ведомости. 1875. № 45. С. 4; № 46. С. 4–5; № 48. С. 4–5; № 49. С. 4–5.
18. РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1436. Л. 60–61.
19. Томские губернские ведомости. 1879. № 42. С. 3–4.
20. РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1436. Л. 89, 106, 110, 111, 121.
21. Составлено по: РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1436. Л. 1–160; Томские губернские ведомости. 1871. № 3. С. 3–4; 1875. № 33. С. 3–4; 1876. № 6. С. 3; № 8. С. 3; 1877. № 10. С. 5; № 11. С. 5; 1879. № 34. С. 4; № 44. С. 4–5; 1880. № 5. С. 4; № 47. С. 3–4; Свод постановлений Томской городской думы. За 1871, 1872, 1873 гг. Томск, 1887. С. II–VII.
22. Сибирский вестник. 1887. № 3. С. 1.
23. Грибовский М.В. Профессора Томского университета – гласные городской думы (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. – История. – 2014. – № 2 (28). – С. 18–23.
24. История Барнаульской городской думы. – URL: <https://duma-barnaul.ru/deyatelnost/history/> (дата обращения: 10.01.2024).
25. ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 668. Л. 1–8.
26. ГАТО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 8. Л. 17–17 об.
27. ГАТО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 8. Л. 18–19.
28. ГАТО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 24–25 об.
29. Томские губернские ведомости. 1875. № 3. С. 3.
30. ГАТО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 101 об.
31. ГАТО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 8. Л. 49–50 об.
32. ГАТО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 8. Л. 104–104 об.
33. ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 80. Л. 1–1 об., 2–3.

Для цитирования: Храмов А.Б. Особенности формирования и социального состава гласных городских дум Томской губернии по реформе 1870 г.: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 2 (36). – С. 215–222.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_215

FEATURES OF THE FORMATION AND SOCIAL COMPOSITION OF THE VOWELS OF THE CITY COUNCILS OF THE TOMSK PROVINCE ACCORDING TO THE REFORM OF 1870

Alexander B. Khramtsov*

***Annotation.** In work on a broad istochnikovy base practice of realization of city reform of 1870 in the Tomsk province is investigated. By new rules electoral institutes at the local level – City Councils and town councils were created. The complex of violations and conflict situations as in the organization of elections and leading of their results, and the current work of self-government institutions is revealed. Suffrage was acquired on average by 10% of residents of the cities. Statistically, most of lawful voters didn't participate in elections and public affairs. Distribution of taxpayers by three categories considerably limited the principle of a vsesoslov-*

* **Khramtsov Alexander Borisovich**, associate professor departments of humanities and technology of the Industrial University of Tyumen, candidate of historical sciences, associate professor. E-mail: khramtsov_ab@bk.ru

Theory of State and Law

most in formation of city meetings. In structures of public thoughts, the "trade" element, on estates – merchants, petty bourgeois and officials prevailed. Educational level of city elects for many years was below an average, also illiterate were quite often chosen. Local thoughts expressed the interests of businessmen, were closed from the most part of the population.

Key words: elections, voters, reform, city council, vowels, city government, social composition.

Liberal reforms of the 1860–1870-s. provided Russian citizens with ample opportunities to participate in local self-government, which acted in accordance with the principle of all classes on behalf of the entire urban society. In this regard, it is of interest to study the peculiarities of the formation of representative assemblies according to the law of 1870, determining the social composition of the councilors (deputies) of city councils, on which the effectiveness of the activities of this institution of power depended.

The first elections showed the “isolation” of the norms of the City Regulations of 1870 from the prevailing local conditions and the class structure of society in the cities of Siberia. The key problem at the stage of introducing the reform was the determination of election participants and the formation of electoral lists. Already on September 21, 1870, the Main Directorate of Western Siberia reported to the Ministry of Internal Affairs that a number of misunderstandings were discovered when compiling voter lists in the cities of the region. According to the law of 1870, the right to vote was granted only to those owners of real estate who paid taxes on them to the city budget. In the provincial Tobolsk, except for the one percent tax on housing duties, there was no longer any tax on real estate either in favor of the treasury or in favor of the city. As a result, the voter lists for Tomsk and Tobolsk included payers of housing taxes on real estate and payers of fees for trades and trades for the treasury, although they did not have property in the cities [1].

The implementation of the reform of 1870 in the Tomsk province was entrusted to the city economic departments, which included the headman, secretary and scribes. Obviously, they had no experience in compiling voter lists and generally organizing elections according to the new rules. In this regard, they made various mistakes and violations, as indicated by the provincial authorities represented by the control and supervisory body – the presence on city affairs (hereinafter referred to as the presence) [2]. The members of the presence included: the governor, the chairman of the general provincial administration, the chairman of the treasury chamber, the provincial prosecutor, the head of the provincial city and the city secretary [3].

According to the presence journal dated June 13, 1875, the list of voters for the first four years was returned to the Barnaul Economic Administration for correction. The first list included 1,424 townspeople. However, the “division” of voters into categories was carried out incorrectly. After the corrections, the number of voters decreased. A similar situation was observed in Kainsk. The Presence decided to carry out a new distribution of voters into categories, according to the amount of their payments [4]. In Kolyvan, according to the journal of the provincial presence, the city authorities incorrectly calculated the composition of the local дума at 30 vowels. With a number of voters of 646, according to the regulations of 1870, there should be 42 vowels in the Дума [5]. According to the report of the Narym Economic Administration regarding the compilation of the list of voters, the provincial presence gave its explanations, in particular, “to include in the list all city inhabitants who pay a payment to the city’s income.” Due

to the small population of the city, all fees from residents in its budget were 772 rubles, if divided into 3 categories, then in the 1st category there would be 4 persons with a payment of 257 rubles. In this regard, the presence decided to submit a petition to the Ministry of Internal Affairs to introduce 2 categories of voters in Narym. It is interesting that when introducing a new reform in Kuznetsk, the provincial presence in August 1875 initially “did not find any circumstances for clarification and legalization... the voter list was compiled absolutely correctly.” However, by November, when petitions from local residents were received due to their non-inclusion in the electorate, the city administration was ordered to recompile the list [6].

In addition, the provincial presence made decisions on petitions from private individuals. In particular, according to the journal dated April 9, 1875, provincial secretary N.Ya. Belyaev announced that he was not included in the voter list for Tomsk. The presence considered the decision of the local government to be unfounded and ordered it to include the petitioner in the electoral list [7].

However, not all requests from residents deserved attention and were satisfied. In particular, on September 13/22, 1880, the provincial presence considered the complaint of the Biysk merchant V. Gilev about his non-inclusion in the voter list. The presence established that he was under trial and investigation, had fines, which was prohibited by law. His request was left “without consequences” [8].

Violations were also recorded at polling stations. The Presence on May 6, 1875 considered complaints from the merchants Korolev and Ermolaev, the tradesman Pervuninsky, and the teacher of the Tomsk gymnasium Tyumentsev about violations committed in the elections for the 1st category on April 24, 1875. In particular, political exiles, classified among the townspeople, took part in the elections, which the law of 1870 prohibited. In the 2nd category, violations were also committed, as indicated by 7 voter complaints. The presence canceled the election results for categories 1 and 2 and ordered new ones [9]. Consequently, the formation of a new composition of voters of the Tomsk City Duma was delayed. Members of the previous composition, who had already served their term, were forced to gather for Duma meetings. This problem was typical for many Siberian cities. In Kainsk, in March 1888, the new composition of the Duma could not proceed with the elections of the mayor. And the old head, A.P., who had served his term, continued to serve. Erofeev. This happened because the results of the elections of voters in the 3rd category were not approved by the provincial presence due to protests [10].

Also, on December 29, 1875, the provincial presence considered the issue of the participation of members of the Altai Mining Administration in the elections for the city of Barnaul. Presence, in accordance with Art. 19 of the 1870 law, ruled that “officials of the mining department do not have such a right” [11].

Thus, due to minor violations and unresolved issues, the implementation of the 1870 reform in the region dragged on for more than 7 years. In terms of the number of voters in the Tomsk province, 3 large cities stood out – Barnaul, Tomsk and Biysk, 2 medium ones – Kolyvan and Mariinsk and 3 small ones – Kuznetsk, Kainsk and Narym. The right to vote was granted to an average of 10% of the city population: in Tomsk, out of 24,431 residents, only 3.9% became voters; in Kainsk out of 5450 – 5%; in Narym out of 2000 – 8.7%; in Barnaul out of 14594 – 9.4%; in Mariinsk out of 5550 – 10.5%; in Kuznetsk out of 3020 – 12.2%; in Biysk out of 6797 – 12.8%; in Kolyvan, out of 3,900 townspeople, 16.6% received the right to vote in local elections [12, p. 167, 174, 179, 185, 192, 196, 201, 207].

Theory of State and Law

According to the law of 1870, taxpayer voters were divided into 3 categories, based on the amount of taxes paid to the city budget. Each rank selected a third of the voters for the Duma. The number of voters in the Dumas ranged from 30 to 72. For every 150 over 300 voters, 6 voters were added (Table 1).

Table 1

Results of elections to the city dumas of the Tomsk province for the first and second four years according to the law of 1870 [13]

City	First quadrennial					Second quadrennial				
	total voters on the list	total voters	1 discharge	2 discharge	3 discharge	total voters on the list	total voters	1 discharge	2 discharge	3 discharge
Tomsk	957	57	19	19	19	2015	72	24	24	24
Barnaul	1390	72	24	24	24	1566	72	24	24	24
Biysk	873	48	16	16	16	979	54	18	18	18
Kainsk	270	30	10	10	10	287	30	10	10	10
Kolyvan	646	42	14	14	14	733	48	16	16	16
Kuznetsk	369	30	10	10	10	348	30	10	10	10
Mariinsk	584	36	12	12	12	742	42	14	14	14
Narym	174	30	15	15	-*	168	30	15	15	-*

The idea of broad participation in local self-government has not found proper understanding among residents of Siberian cities. Moreover, the first elections took place without pre-election campaigning or public meetings. According to the newspaper, "the elections are held quietly, peacefully, we have no debates, no parties... this comes from the indifference of ordinary people to self-government, meetings are not attended by members of the public... in order to avoid unnecessary publicity, outsiders are not allowed to attend the meetings" [14]. Most voters did not show up to the polling stations. According to reports, turnout in the first elections was low. Let's say, in Tomsk 250 people (26%) came to the polls, in Barnaul – 91 (6.6%), in Mariinsk – 68 (11.6%), in Biysk – 59 (6.8%), in Kuznetsk – 38 (10.3%). High turnout rates were observed in Kolyvan – 270 or 41.8% of all voters [12, p. 167, 179, 185, 192, 196, 201].

At the first elections in Tomsk (1870), the number of voters was 957 people, of which by category – 1st – 43 (4.5%), 2nd – 196 (20.5%), 3rd – 718 (75%) people; by class, the composition was "mixed": merchants and honorary citizens 151 (15.8%), burghers – 444 (46.4%), nobles and officials – 95 (9.9%), military class (officers) – 13 (1.4%), lower ranks – 52 (5.4%), Cossacks – 10 (1%), peasants – 35 (3.7%), foreigners – 14 (1.5%), "persons of unknown classes" – 134 (14%), commoners – 9 (0.9%), persons of clergy, as well as institutions, departments and enterprises were not on the electoral list. It is curious that the Tomsk authorities were unable to establish the class affiliation of 14% of voters [15].

By the next elections (1875), the number of election participants in Tomsk increased by more than 2.1 times (Table 1), which was not due to natural growth or the active arrival of new people to the city. It is obvious that the first list was compiled without proper "elaboration" of the composition of the residents and the establishment of their vot-

ing rights. Subsequently, the local government significantly revised the list of voters, whose share rose from 3.9% to 7.9% of the total population.

The merchant D.I. was elected head of Tomsk for the first four years Tetskov, who served as the head of the city since 1864. However, the provincial administration recognized his public service as ineffective. According to the governor's attitude on January 7, 1875, "Tetskov turned out to be completely incapable of fulfilling the duties he had assumed, partly due to old age, and most importantly due to lack of development." According to his assessment, the city economy was going in the most deplorable manner, and the city treasury was wasted [16]. As a result, the voters chose the merchant of the 1st guild E.I. as the new head of Tomsk. Queen, who was deputy head in 1871–1875.

In the first elections, Barnaul led in the number of voters (1390). Moreover, according to the list of Barnaul residents who had the right to vote, only 20 persons (1.4%) were included in the 1st category, 72 (5.2%) in the 2nd category and 1298 (93, %) in the 3rd category (4 %) [17]. Each rank sent 24 voters to the local duma; therefore, the disproportion in voting rights between ranks was enormous, which contradicted the principle of all-class status.

In the medium-sized and small towns of the province, a more homogeneous composition of the population has developed. The main class in them were the townspeople, who engaged in petty bargaining and were mainly in the 3rd category of voters. For example, in the first elections in Mariinsk (1875), voters were distributed as follows: 1st category – 35 people or 6% (amount of collection to the city budget is 1332 rubles), 2nd category – 66 people or 13% (1360 rubles) and 3rd category – 483 people or 81% (1332 rubles) [18]. In Kolyvan, at the second elections (1879), the number of voters increased to 733: 1st category – 6 persons (collection amount 527 rubles), 2nd category – 45 (522 rubles) and 3rd category – 682 (511 rubles) [19].

In Maly Kainsk, the voter list (1875) included 270 residents: 1st category – 6; 2nd category – 24; 3rd category – 240 (88.9%). Each category sent 10 voters to the local duma. Consequently, voters of the 1st category "passed" into the Duma without elections. It is clear why only 22 people took part in the elections [12, p. 174]. In Small Narym, 174 residents received the right to participate in the first elections (1877). With the permission of the Ministry of Internal Affairs, voters were divided into 2 categories, instead of 3. Thus, only 8 people were included in the 1st category or 4.6%, in the 2nd – 166 people or 95.4%. The local duma consisted of 30 councilors. Each category elected 15 voters into it, therefore, the disproportion is colossal: 8 persons of the 1st category chose 15 voters and 166 persons of the 2nd category also 15 voters. The Narym City Duma in its meeting on October 23, 1877, due to insufficient funds and small population, decided not to establish a city government. The Kuznetsk City Duma made the same decision. However, later councils in these cities were opened [20].

Based on the lists of councilors elected to city assemblies for the first four years, it is possible to establish their social class composition: 3 categories served in the councils – merchants, townspeople and nobles (officials). In the Tomsk City Duma alone, 70% of the members were merchants and honorary citizens. In the Barnaul City Duma, officials (mostly retired) had strong positions. In other cities, the leading role belonged to the philistinism. In general, the "merchant" class predominated in the composition of the public councils. Also, some voters were from "non-trade" categories: teachers, retired military personnel, Cossacks and peasants. The results of the elections for the second four-year period showed that this situation has not changed (Table 2).

Table 2

Social and class composition of the vowels of the city councils of the Tomsk province for the first and second four years according to the law of 1870 [21]

City	First quadrennial					Second quadrennial				
	total vowels	Merchants and honorary citizens	Bourgeois	Nobles and officials	Other categories	total vowels	Merchants and honorary citizens	Bourgeois	Nobles and officials	Other categories
Tomsk	57	40	6	10	1	72	51	10	10	1
Barnaul	72	17	26	23	6	72	19	16	26	11
Biysk	48	10	28	8	2	54	12	30	6	6
Kainsk	30	11	17	1	1	30	9	18	2	1
Kolyvan	42	13	27	1	1	48	14	32	0	2
Kuznetsk	30	5	19	4	2	30	8	16	4	2
Mariinsk	36	13	20	1	2	42	9	31	0	2
Narym	30	7	20	0	3	30	8	21	0	1

By religion, 99% of the members of local councils were Orthodox. In particular, 69 members of the Orthodox faith, 2 Catholics and 1 Jew served in the Tomsk City Duma. The educational level of vowels remained low for many years. In Tomsk there were 5 vowels with higher education, 6 with secondary education and 61 with lower than secondary education (including home education) [22]. In the local Duma, public service was carried out by vowels from Tomsk University professors [23]. Among the cities of the province, the Barnaul City Duma stood out, where 10 members had higher education, 13 had secondary education, 18 had primary education, and 31 had home education; there were no illiterate people. Former officials of the Altai Mining Administration worked in the Duma [24]. In the Mariinsky City Duma (1896), with education below average there was 1 vowel, with home education – 16 and 3 illiterate vowels; according to the religion of the vowels – 17 Orthodox, 2 from the “Subbotnik sect” and 1 Catholic [25].

Subsequent elections were also not without protests. For example, on October 26, 1883, the Kolyvan City Duma approved the list of persons who had the right to vote in elections to the Duma for the new four-year period from 1884–1888. Local merchants Zhernakov and Bazyl'nikov filed a complaint with the governor about their non-inclusion in the list as payers of fees to the city budget from tavern establishments. The Tomsk presence decided the local duma to recompile the electoral list [26]. On February 11, 1884, the provincial presence reviewed the list for the city of Mariinsk, revealing a number of “irregularities”, in particular, a merchant and his sons were included in the 1st category with a total property qualification of 62 rubles, while the right to vote in elections should be granted only to the head of the family [27].

In addition to errors in local elections, self-government bodies committed procedural violations in their ongoing work. For example, the presence on January 15, 1875 did not approve the results of the elections in the meeting of the Tomsk City Duma on December 4, 1874 for the post of merchant elder and to the orphan's court. The elections were canceled because they took place without the participation of the solicitor and chief of police, which

was prescribed by Art. 415 of the Charter on the Electoral Service [28]. The Tomsk City Duma, in its meeting on November 23, 1874, considered the actions of the city government, which accepted complaints about robberies in the city and inaction of the police. Vowels considered that the government “left” the competence established by law [29]. The provincial presence considered that in order to eliminate the illegal actions of members of the council for the first time, do not bring them to trial, limit themselves to explanations, the mayor and the public Duma should strengthen control over the council so that it does not exceed the authorities and does not violate the law [30].

The provincial presence on May 18, 1884 canceled the resolution of the Kain City Duma of April 2, according to which the mayor A.P. Erofeev proposed that the Duma hire both night and day patrols to protect the city. The choice of bypass guards, the time of their service, distribution throughout the city and the amount of salary would depend entirely on the head and the local duma. Members of the presence came to the conclusion that such bypass officers, in essence of their duties, are nothing more than police servants, thereby “establishing a special city police, separate from the government police, to which the Duma has no right” [31].

On August 11, 1884, the Tomsk provincial presence canceled the resolution of the Narym City Duma of May 6 on the issue of the election of the mayor. Due to the refusal of the former head, merchant I.A. The Shchepetilnikov Duma decided that the choice should fall on one of the 1st class vowels. The presence recognized this as a mistake: not only vowels, but also other persons included in the voter list could be elected to mayors. To carry out the election of the head of the city, at least 1/2 of the total number of vowels (30) must participate in the Duma meeting, and only 8 vowels (26%) took part [32].

In general, in small towns, due to the small number of participants in the electoral process, fewer scandals were observed. The elections were held peacefully and calmly. For example, the provincial presence approved the report of the Kain mayor on the opening of the local duma on January 8, 1876. According to the report, at the meeting of the duma, the former headman Kokushkin informed the public that the elections were held in accordance with the law, and the governor approved the elected persons: the mayor of the merchant I.P. Erofeev, his assistant merchant D.F. Myasnikov, as well as members of the council. The members of the Duma were sworn in, making an oath of loyalty to the service [33].

Thus, the implementation of the reform of 1870 in the cities of the Tomsk province was accompanied by many violations and conflict situations. It is obvious that many mistakes both in the organization of elections and in the work of city councils are explained by the level of literacy of employees. Despite this, new electoral institutions were created at the local level, the all-class principle of which was limited to a three-class electoral system. City dumas, consisting of entrepreneurs from the region, “turned” into an elite institution of power, closed from the majority of the population of Siberian cities.

Bibliography

1. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1287. Op. 38. D. 1255. L. 5–6; 8–10; 205–206.
2. Khramtsov A.B. Provincial presence in urban affairs as supervisory authorities of Western Siberia in the 1870s–1890s // History of State and Law. 2013. No. 9. pp. 13–16.
3. RGIA. F. 1287. Op. 38. D. 1255. L. 28.
4. State Archive of the Tomsk Region (GATO). F. 48. Op. 1. D. 2. L. 125–126. L. 127–128 vol.
5. GATO. F. 48. Op. 1. D. 2. L. 133–134.
6. GATO. F. 48. Op. 1. D. 2. L. 135, 152–152 vol.

7. GATO. F. 48. Op. 1. D. 2. L. 43–45.
8. GATO. F. 48. Op. 1. D. 4. L. 12–12 vol.
9. GATO. F. 48. Op. 1. D. 2. L. 77–93 vol.
10. Siberian Bulletin. 1888. No. 38. P. 3.
11. GATO. F. 48. Op. 1. D. 2. L. 198–199 vol.
12. Economic state of urban settlements in Siberia. Ministry of Internal Affairs, 1882.
13. Compiled from: RGIA. F. 1287. Op. 38. D. 1255. L. 1–370; D. 1436. L. 1–160; Economic condition of urban settlements in Siberia. Ministry of Internal Affairs, 1882. P. 167, 174, 179, 185, 192, 196, 201, 207; Tomsk Provincial Gazette. 1870. No. 48. P. 14–16; 1875. No. 4. P. 2–3; No. 5. P. 4; No. 6. P. 3–4; No. 7. P. 3–4; No. 8. P. 3–6; No. 26. P. 2–4; No. 37. P. 4–5; No. 41. P. 4–5; No. 42. P. 4; No. 45. P. 4; No. 46. P. 4–5; No. 48. P. 4–5; No. 49. P. 4–5; 1877. No. 1. P. 3–4; 1879. No. 33. P. 3–4; No. 34. P. 3–4; No. 41. P. 4–5; No. 42. P. 3–4; 1880. No. 35. P. 3–4; No. 36. P. 3; No. 37. P. 4.
14. Siberian Bulletin. 1888. No. 3. P. 4.
15. Code of resolutions of the Tomsk City Duma for 1871, 1872, 1873. Tomsk, 1887. S. II–VII.
16. RGIA. F. 1287. Op. 38. D. 1436. L. 44–45.
17. Tomsk Provincial Gazette. 1875. No. 45. P. 4; No. 46. P. 4–5; No. 48. P. 4–5; No. 49. Pp. 4–5.
18. RGIA. F. 1287. Op. 38. D. 1436. L. 60–61.
19. Tomsk Provincial Gazette. 1879. No. 42. P. 3–4.
20. RGIA. F. 1287. Op. 38. D. 1436. L. 89, 106, 110, 111, 121.
21. Compiled from: RGIA. F. 1287. Op. 38. D. 1436. L. 1–160; Tomsk Provincial Gazette. 1871. No. 3. P. 3–4; 1875. No. 33. P. 3–4; 1876. No. 6. P. 3; No. 8. P. 3; 1877. No. 10. P. 5; No. 11. P. 5; 1879. No. 34. P. 4; No. 44. P. 4–5; 1880. No. 5. P. 4; No. 47. P. 3–4; Code of resolutions of the Tomsk City Duma. For 1871, 1872, 1873. Tomsk, 1887. P. II–VII.
22. Siberian Bulletin. 1887. No. 3. P. 1.
23. Gribovsky M.V. Professors of Tomsk University – vowels of the city duma (late XIX – early XX centuries) // Bulletin of Tomsk State University. Story. 2014. No. 2 (28). pp. 18–23.
24. History of the Barnaul City Duma. – URL: <https://duma-barnaul.ru/deyatelnost/history/> (access date: 01/10/2024).
25. GATO. F. 127. Op. 2. D. 668. L. 1–8.
26. GATO. F. 48. Op. 1. D. 8. L. 17–17 vol.
27. GATO. F. 48. Op. 1. D. 8. L. 18–19.
28. GATO. F. 48. Op. 1. D. 2. L. 24–25 vol.
29. Tomsk Provincial Gazette. 1875. No. 3. P. 3.
30. GATO. F. 48. Op. 1. D. 1. L. 101 vol.
31. GATO. F. 48. Op. 1. D. 8. L. 49–50 vol.
32. GATO. F. 48. Op. 1. D. 8. L. 104–104 vol.
33. GATO. F. 2. Op. 1. D. 80. L. 1–1 rev., 2–3.

For citation: Khramtsov A.B. Features of the formation and social composition of the vowels of the city councils of the Tomsk province according to the reform of 1870 // Theory of State and Law. 2024. No. 2 (36). P. 222–229.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_215

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_230

В.Н. Шутова*

УГРОЗЫ ПРАВОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИМ

***Аннотация.** В статье исследуются внешние и внутренние угрозы правовой безопасности России в современных условиях, а также отдельные элементы механизма противодействия им. К внешним угрозам автор относит навязывание западного толкования норм международного права и его негативное воздействие на национальную правовую систему, а также попытки воздействия извне на российские традиционные ценности. В числе внутренних угроз рассматриваются низкий уровень правовой культуры и различные дефекты действующего законодательства. Сформулирован вывод о том, что настоящее время созданы достаточно эффективные механизмы обеспечения правовой безопасности, которые, тем не менее, требуют совершенствования.*

***Ключевые слова:** правовая безопасность, национальная безопасность, угрозы правовой безопасности, механизм противодействия угрозам.*

В последние несколько лет в юридической науке и смежных отраслях знания актуализировались исследования, посвященные проблемам изучения вызовов и угроз национальной безопасности. Такое внимание объективно обусловлено тем, что в условиях динамично развивающихся общественных отношений, социально-политической нестабильности при сложной международной обстановке наблюдается рост внешних и внутренних угроз национальной безопасности России. Общие тенденции, присущие национальной безопасности, проявляющиеся в трансформации угроз, характерны и для отдельных ее видов, в том числе правовой безопасности.

При этом следует подчеркнуть, что большинство современных исследований вопросов правовой безопасности носят в основном теоретический характер и направлены, в первую очередь, на определение предметной сферы, разрешение терминологических разногласий и т.п. Прикладным же вопросам, как представляется, уделяется недостаточное внимание. В связи с этим исследование основных угроз правовой безопасности России в современных условиях и механизмов их противодействия представляется актуальным и своевременным.

Применительно к правовой безопасности ученые помимо устоявшегося термина «угроза» используют и другие: «опасность» [19, с. 248], «юридические факторы риска» [18, с. 12]. Между тем, само понятие угрозы правовой безопасности, как правило, в теоретических исследованиях не формулируется, а авторы ограничиваются указанием на то, что угрозы бывают внешними и внутренними. Поскольку в Страте-

* *Шутова Валентина Николаевна* – заведующая кафедрой конституционного права и теории права Иркутского института (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: tinav@bk.ru.

гии национальной безопасности [9] и в других официальных документах употребляется термин угроза, в дальнейшем будет использоваться общепринятая терминология. Определить же угрозы правовой безопасности представляется возможным исходя из определения угроз национальной безопасности, которое приводится в Стратегии национальной безопасности, и понимания самой правовой безопасности. Поскольку автор статьи придерживается узкого или аксиологического подхода к пониманию правовой безопасности [20, с. 32–33], угрозу правовой безопасности можно определить как совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную опасность причинения ущерба правовой системе Российской Федерации.

В зависимости от локализации источника опасности угрозы национальной безопасности подразделяются на внешние и внутренние. Представляется, что такая классификация угроз актуальна и для правовой безопасности.

Еще в 2008 году А.А. Фомин в диссертационном исследовании, посвященном юридической безопасности, отмечал: «сопоставление внутренних и внешних угроз показало, что наибольшую опасность ... представляют внутренние угрозы» [18, с. 24]. Рассуждая о внешних (или международных) угрозах, он признавал, что отдельные такие угрозы имеют место, например, когда «некоторые участники мирового сообщества пытаются оказывать через международно-правовые механизмы давление на внутреннюю правовую жизнь и правовую политику России» [18, с. 24]. В целом же он придерживался позиции, что внешнее воздействие на российскую правовую систему либо опосредовано, либо не столь принципиально. Следует подчеркнуть, что на тот период времени позиция А.А. Фомина представлялась вполне обоснованной. Между тем, в современных общественно-политических реалиях нельзя отрицать значимость внешних угроз правовой безопасности России, которые трансформировались и приобрели масштабный характер.

Внешние угрозы правовой безопасности в настоящее время заключаются, в первую очередь, в негативном воздействии на российскую правовую систему международного права в искаженном истолковании, подверженного в современном мире влиянию политики. Приходится констатировать, что международное право в условиях глобального кризиса во многом утратило свою функцию регулятора и превратилось в институт манипулирования и политического давления при отстаивании геополитических интересов.

В Российской Федерации предусмотрен механизм защиты от такого негативного внешнего воздействия на национальную правовую систему, который активно используется в настоящее время. В первую очередь этот механизм реализует Конституционный Суд РФ через полномочия, установленные пунктом «г» части 1 и частями 3.2 и 3.3 статьи 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» [2]. Между тем, полномочие по проверке конституционности не вступивших в силу международных договоров РФ требует отдельного внимания в контексте исследуемой темы. Практику Конституционного Суда РФ по этой категории дел нельзя назвать обширной. Как представляется, это обусловлено тем, что действующее законодательство предусматривает единственный случай обязательного обращения Президента РФ в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке соответствия Конституции РФ международного договора – договора о принятии в Российскую Федерацию иностранного государства или части иностранного государства в качестве нового субъекта Российской Федерации. Во всех остальных случаях обращения не носят обязательного характера.

Таким образом, в настоящее время большая часть международных договоров, рассмотренных Конституционным Судом РФ – это договоры о принятии новых субъектов в состав Российской Федерации. А поскольку речь идет о внешних угрозах правовой безопасности России, которые могут содержаться в том числе в международных договорах, которые подписываются и ратифицируются Российской Федерацией, можно согласиться с позицией Н.В. Витрука, полагавшего, что целесообразно увеличить число обязательных обращений о проверке конституционности международных договоров, в частности тех, которые «затрагивают фундаментальные права и свободы человека и гражданина, а также территориальную целостность государства» [11, с. 476].

Что касается полномочий Конституционного Суда РФ, закрепленных в частях 3.2 и 3.3 статьи 3 Федерального конституционного закона, то они получили у ученых-конституционалистов наименование «механизм неисполнения» [14, с. 79] и могут быть рассмотрены на примере постановлений Конституционного Суда Российской Федерации по делу «Анчугов и Гладков против России» [7] и «ОАО Нефтяная компания «ЮКОС» против России» [8]. Эти полномочия по своей сути представляют механизм «оценки пределов вмешательства международных органов и судов в национальную юрисдикцию» [14, с. 83] и являются эффективным средством обеспечения верховенства Конституции РФ и правовой безопасности России в современных условиях.

В настоящее время еще одним элементом механизма защиты правовой безопасности России от внешних угроз выступает практика приостановления или денонсации международных договоров РФ. Так, например, систематические и грубые нарушения американской стороной положений договора между РФ и США о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3), а также фактический отказ от сотрудничества в сфере безопасности привели к тому, что Федеральным законом от 28 февраля 2023 г. № 38-ФЗ [3] действие международного договора было приостановлено. В этот же день был принят федеральный закон, прекращающий действие в отношении России ряда международных договоров Совета Европы [4]. Однако денонсация этих международных договоров воспринимается юридическим научным сообществом неоднозначно, и некоторые видят здесь в первую очередь политические причины, а потом уже вопросы обеспечения безопасности.

Если говорить о негативном влиянии международного права как внешней угрозе правовой безопасности, то, как представляется, следует затронуть еще один существенный аспект этого процесса – попытки воздействия извне на российские традиционные, в том числе правовые, ценности. Проблема подмены ценностей антиценностями в достаточной мере осознана в государстве и обществе. Соответственно, механизмы противодействия подобного рода угрозам сформированы.

Во-первых, это закрепление в Конституции РФ в результате конституционной реформы 2020 г. так называемых «ценностей второго порядка» культурно-мировоззренческого и духовно-нравственного характера [1; 15].

Во-вторых, соответствующее правовое регулирование в культурно-духовной и ценностной сферах. Так, Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [10] определяет и перечисляет традиционные ценности, а также закрепляет перечень антиценностей. Впоследствии было принято несколько федеральных законов, направленных на борьбу с антиценностями: Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, ин-

формационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6] касающийся, в частности, запрета пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, а также дополнение федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» статьей 45.1, устанавливающей запрет на осуществление медицинских вмешательств, включая применение лекарственных препаратов, направленных на смену пола [5].

Приведенные примеры демонстрируют преимущественное использование законодателем императивных методов правового регулирования, заключающихся в установлении запретов в отношении распространения и пропаганды антиценностей. Между тем, нельзя не указать на необходимость сочетания императивных и диспозитивных методов в правовом регулировании, поскольку сфера формирования ценностных установок является довольно деликатной. Соответственно, чтобы механизм противодействия этой угрозе был эффективным, представляется целесообразным сочетание методов запрета и поощрения.

Что касается внутренних угроз правовой безопасности, то в этом вопросе наблюдается определенное единство мнений. Практически у всех авторов, исследующих вопросы правовой безопасности, описаны одни и те же факторы (но с разными формулировками), негативно влияющие на право и законодательство.

Так, Н.А. Духно справедливо утверждает, что «правовая безопасность обеспечена тогда, когда отсутствует опасность искажения правовой системы в виде принятия неправовых законов или игнорирования правовых принципов» [12, с. 28], относя тем самым к угрозам правовой безопасности, прежде всего, принятие нормативных правовых актов, противоречащих Конституции Российской Федерации, либо отступающих от принципов права. Авторы монографии «Закон: от проекта до реализации (зарубежный опыт)», ссылаясь на зарубежный опыт, к угрозам правовой безопасности относят «умножение законодательных норм, их чрезмерную сложность, ненадлежащий, непоследовательный, нечеткий, а также ненормативный характер положений некоторых законов» [13, с. 32], акцентируя тем самым внимание на юридико-технических проблемах законодательства, наносящих вред устоявшимся отношениям.

Обобщая мнения ученых и принимая во внимание ранее проведенные автором исследования, перечень внутренних угроз правовой безопасности России с учетом современной общественно-политической ситуации в стране можно представить следующим образом.

Во-первых, низкий уровень правосознания и правовой культуры. В этом вопросе следует согласиться с В.В. Мамоновым, который подчеркивает, что «состояние защищенности правовой безопасности РФ не будет достигнуто, пока в нашей стране сохраняется низкий уровень правовой культуры, но высока степень правового нигилизма» [16, с. 10].

Во-вторых, дефекты (несовершенство) действующего законодательства. Этим собирательным понятием объединяется достаточно широкий круг негативных тенденций, характеризующих современное российское законодательство. К ним можно отнести принятие нормативных правовых актов, противоречащих Конституции Российской Федерации, либо нейтрализующих, ее предписания; пробельность и противоречивость законодательства, а также его нестабильность. Здесь следует подчеркнуть, что термин «нестабильность» представляется очень широким и на самом деле включает в себя еще целый ряд негативных явлений, характерных для современного россий-

ского законодательства: ситуативность, спорадический характер, феномен «законодательной инфляции» и другие [21, с. 43–46]. Соответственно, механизмами по защите правовой безопасности от внутренних угроз в этой сфере будут выступать правовые, организационные и иные меры по повышению качества законодательства.

На некоторых элементах механизма противодействия внутренним угрозам правовой безопасности следует остановиться подробнее, оценить их востребованность и эффективность. Ведущая роль здесь, как и в случае с внешними угрозами, отводится Конституционному Суду РФ, с той лишь разницей, что в области противодействия внутренним угрозам Конституционный Суд работает более интенсивно. Основное его полномочие в этой сфере – проверка конституционности законов и других нормативных правовых актов. Необходимо положительно оценить новое полномочие Суда, появившееся в результате конституционной реформы 2020 г. – проверку конституционности проектов законов. Представляется, что для противодействия внутренним угрозам правовой безопасности в сфере качества законодательства предварительный конституционный контроль является необходимой мерой. Однако эффективность и востребованность этого нововведения возможно будет оценить лишь после накопления достаточного массива соответствующих решений Конституционного Суда РФ.

Следующим элементом механизма противодействия внутренним угрозам правовой безопасности выступают различные виды экспертиз, как обязательных, так и факультативных, которые предусмотрены в законодательном процессе. Проведение экспертиз позволяет повысить качество законодательства, минимизировать количество законопроектов, не соответствующих требованиям юридической техники, избежать противоречивости и несогласованности в законодательном регулировании. При этом, как представляется, важно повысить роль независимой научно-правовой экспертизы. Привлечение ученых для работы над подготовкой законопроекта, а также к проведению экспертиз позволит сократить разрыв между юридической наукой и законотворчеством.

Важно отметить, что есть и иные механизмы противодействия внутренним угрозам правовой безопасности в сфере качества законодательства, однако в силу недостаточной востребованности и редкого использования они не будут здесь анализироваться.

Завершая рассмотрение исследуемой темы, следует согласиться с утверждением, что «угрозы правовой безопасности отличаются высокой динамичностью» [17, с. 51]. Этот тезис наглядно иллюстрирует изменение соотношения внешних и внутренних угроз за сравнительно небольшой отрезок времени. Таким образом, приведенный перечень угроз не является исчерпывающим и стабильным: он будет видоизменяться и трансформироваться в зависимости от конкретных общественно-политических условий жизнедеятельности общества и результатов предпринимаемых мер со стороны органов государственной власти по минимизации негативных воздействий на право. Представляется, что российская правовая система показала свою гибкость и способность адекватно реагировать на появление новых внутренних и внешних угроз и вызовов: в настоящее время созданы и достаточно успешно функционируют механизмы обеспечения правовой безопасности. Между тем, такие механизмы не должны оставаться неизменными, их необходимо корректировать и совершенствовать с целью повышения их эффективности и учета новых сформировавшихся и потенциальных угроз правовой безопасности.

Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru/
2. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021 г.) // www.consultant.ru/
3. Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 38-ФЗ «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений» // www.consultant.ru/
4. Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // www.consultant.ru/
5. Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 386-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // www.consultant.ru/
6. Федеральный закон от 05 декабря 2022 г. № 478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // www.consultant.ru/
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // www.consultant.ru/
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // www.consultant.ru/
9. Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // www.consultant.ru/
10. Указ Президента РФ от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // www.consultant.ru/
11. *Витрук Н.В.* Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: учеб. пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. – 592 с.
12. *Духно Н.А.* Конституция Российской Федерации и правовая безопасность в России // Вестник Академии права и управления. – 2019. – № 1(54). – С. 26–32.
13. Закон: от проекта до реализации (зарубежный опыт): монография / А.Н. Пилипенко, Н.Ю. Трещетенкова, Ф.А. Лещенков; отв. ред. А.Н. Пилипенко. – М.: Инфотропик Медиа, 2022. – 272 с.
14. *Кожевников О.А., Крысанов А.В.* Конституционная реформа 2020 г.: к вопросу об особенностях исполнения решений межгосударственных органов и судов зарубежной юрисдикции в Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2021. – № 3. – С. 77–85.
15. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с.
16. *Мамонов В.В.* Правовая безопасность Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. – 2005. – № 2. – С. 4–10.
17. Национальная безопасность, юридическая ответственность и безответственность: проблемы механизма взаимодействия и системных связей: монография / Д.А. Липинский, Н.В. Макарейко, А.А. Мусаткина и др.; под ред. Д.А. Липинского. – М.: РИОР, 2020. – 578 с.

18. Фомин А.А. Юридическая безопасность субъектов российского права (вопросы теории и практики): автореферат дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01. – Саратов, 2008. – 59 с.

19. Шабуров А.С. Правовая безопасность в системе категорий юриспруденции // Актуальные проблемы правового обеспечения национальной безопасности в России: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции (Курган, 21 апреля 2017 г.) / отв. ред. Л. Н. Чертова, О. И. Филонова. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. – С. 243–250.

20. Шутова В.Н. Правовая безопасность Российской Федерации: проблемы понимания и оценка современных угроз // Пролог: журнал о праве. – 2022. – № 2. – С. 32–39.

21. Шутова В.Н. Тенденции современного российского законодательства и вопросы повышения его качества // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 4. – С. 41–49.

Для цитирования: Шутова В.Н. Угрозы правовой безопасности России и механизмы противодействия им: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 2 (36). – С. 230–236.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_230

THREATS TO THE LEGAL SECURITY OF RUSSIA AND MECHANISMS TO COUNTER THEM

Valentina N. Shutova*

Annotation. *The article examines the external and internal threats to Russia's legal security in modern conditions, as well as individual elements of the mechanism to counter them. The author considers the imposition of a Western interpretation of international law and its negative impact on the national legal system, as well as attempts to influence Russian traditional values from the outside, to be external threats. Among the internal threats, the low level of legal culture and various defects of the current legislation are considered. The conclusion is formulated that at present, sufficiently effective mechanisms for ensuring legal security have been created, which, nevertheless, require improvement.*

Key words: *Legal security; national security; threats to legal security; mechanism for countering threats*

Over the past few years, legal science and related fields of knowledge have updated research on the problems of studying challenges and threats to national security. This attention is objectively due to the fact that in conditions of dynamically developing social relations, socio-political instability in a difficult international situation, there is an increase in external and internal threats to Russia's national security. General trends inherent in national security, manifested in the transformation of threats, are also characteristic of its individual types, including legal security.

It should be emphasized that most modern studies of legal security issues are mainly theoretical in nature and are aimed, first of all, at defining the subject area, resolving terminological disagreements, etc. Applied issues seem to receive insufficient attention. In this regard, the study of the main threats to the legal security of Russia in modern conditions and the mechanisms to counter them seems relevant and timely.

* **Shutova Valentina Nikolaevna** – Head of the Department of Constitutional Law and Theory of Law of Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Candidate of Law, Associate Professor. E-mail: tinav@bk.ru.

In relation to legal security, scientists, in addition to the established term “threat,” also use others: “danger” [19, p. 248], “legal risk factors” [18, p. 12]. Meanwhile, the very concept of a threat to legal security, as a rule, is not formulated in theoretical studies, and the authors limit themselves to pointing out that threats can be external and internal. Since the National Security Strategy [9] and other official documents use the term threat, generally accepted terminology will be used in the following. It seems possible to identify threats to legal security based on the definition of threats to national security, which is given in the National Security Strategy, and an understanding of legal security itself. Since the author of the article adheres to a narrow or axiological approach to understanding legal security [20, p. 32–33], a threat to legal security can be defined as a set of conditions and factors that create a direct or indirect danger of causing damage to the legal system of the Russian Federation.

Depending on the location of the source of danger, threats to national security are divided into external and internal. It seems that such a classification of threats is also relevant for legal security.

Back in 2008, A.A. Fomin, in his dissertation research on legal security, noted: “a comparison of internal and external threats showed that the greatest danger... is represented by internal threats” [18, p. 24]. Discussing external (or international) threats, he recognized that certain such threats occur, for example, when “some participants in the world community try to exert pressure through international legal mechanisms on the internal legal life and legal policy of Russia” [18, p. 24]. In general, he took the position that the external influence on the Russian legal system is either indirect or not so fundamental. It should be emphasized that at that time the position of A.A. Fomina seemed quite reasonable. Meanwhile, in modern socio-political realities, one cannot deny the significance of external threats to the legal security of Russia, which have transformed and acquired a large-scale character.

External threats to legal security currently consist, first of all, in the negative impact on the Russian legal system of international law in a distorted interpretation, subject to the influence of politics in the modern world. We have to admit that international law, in the context of the global crisis, has largely lost its regulatory function and turned into an institution of manipulation and political pressure in defending geopolitical interests.

The Russian Federation has a mechanism for protection against such negative external influences on the national legal system, which is currently being actively used. First of all, this mechanism is implemented by the Constitutional Court of the Russian Federation through the powers established by paragraph “d” of Part 1 and parts 3.2 and 3.3 of Article 3 of the Federal Constitutional Law “On the Constitutional Court of the Russian Federation” [2]. Meanwhile, the power to verify the constitutionality of international treaties of the Russian Federation that have not entered into force requires special attention in the context of the topic under study. The practice of the Constitutional Court of the Russian Federation in this category of cases cannot be called extensive. It seems that this is due to the fact that the current legislation provides for the only case of a mandatory application by the President of the Russian Federation to the Constitutional Court of the Russian Federation with a request to verify the compliance of the Constitution of the Russian Federation with an international treaty – an agreement on the admission into the Russian Federation of a foreign state or part of a foreign state in as a new subject of the Russian Federation. In all other cases, appeals are not binding.

Thus, at present, most of the international treaties considered by the Constitutional Court of the Russian Federation are agreements on the admission of new entities to the

Russian Federation. And since we are talking about external threats to the legal security of Russia, which may be contained, among other things, in international treaties that are signed and ratified by the Russian Federation, we can agree with the position of N.V. Vitruk, who believed that it is advisable to increase the number of mandatory requests to verify the constitutionality of international treaties, in particular those that “affect the fundamental rights and freedoms of man and citizen, as well as the territorial integrity of the state” [11, p. 476].

As for the powers of the Constitutional Court of the Russian Federation, enshrined in parts 3.2 and 3.3 of Article 3 of the Federal Constitutional Law, they received the name “non-execution mechanism” from constitutional scholars [14, p. 79] and can be considered using the example of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the case “Anchugov and Gladkov v. Russia” [7] and “OJSC Oil Company “YUKOS” v. Russia” [8]. These powers inherently represent a mechanism for “assessing the limits of intervention of international bodies and courts in national jurisdiction” [14, p. 83] and are an effective means of ensuring the supremacy of the Constitution of the Russian Federation and the legal security of Russia in modern conditions.

Currently, another element of the mechanism for protecting Russia’s legal security from external threats is the practice of suspending or denouncing international treaties of the Russian Federation. For example, systematic and gross violations by the American side of the provisions of the treaty between the Russian Federation and the United States on the reduction of strategic offensive arms (START-3), as well as the actual refusal to cooperate in the security sphere, led to the fact that the Federal Law of February 28, 2023 No. 38-FZ [3] the international treaty was suspended. On the same day, a federal law was adopted that terminated the validity of a number of international treaties of the Council of Europe in relation to Russia [4]. However, the denunciation of these international treaties is perceived ambiguously by the legal scientific community, and some see here primarily political reasons, and then security issues.

If we talk about the negative impact of international law as an external threat to legal security, then, it seems, we should touch upon another significant aspect of this process – attempts from the outside to influence Russian traditional, including legal, values. The problem of replacing values with anti-values is sufficiently recognized in the state and society. Accordingly, mechanisms to counter this kind of threats have been formed.

Firstly, this is the consolidation in the Constitution of the Russian Federation as a result of the constitutional reform of 2020 of the so-called “second order values” of a cultural, ideological, spiritual and moral nature [1; 15].

Secondly, appropriate legal regulation in the cultural, spiritual and value spheres. Thus, the Decree of the President of the Russian Federation “On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values” [10] defines and lists traditional values, and also establishes a list of anti-values. Subsequently, several federal laws were adopted aimed at combating anti-values: the Federal Law “On Amendments to the Federal Law “On Information, Information Technologies and Information Protection” and certain legislative acts of the Russian Federation” [6] concerning, in particular, prohibition of propaganda of non-traditional sexual relationships and (or) preferences, as well as the addition of the federal law of November 21, 2011 No. 323-FZ “On the fundamentals of protecting the health of citizens in the Russian Federation” with Article 45.1, establishing a ban on medical interventions, including the use of medications aimed at gender reassignment [5].

The given examples demonstrate the predominant use by the legislator of imperative methods of legal regulation, which consist in establishing prohibitions regarding the dissemination and promotion of anti-values. Meanwhile, one cannot help but point out the need to combine imperative and dispositive methods in legal regulation, since the sphere of formation of value attitudes is quite delicate. Accordingly, in order for the mechanism to counter this threat to be effective, it seems appropriate to combine methods of prohibition and encouragement.

As for internal threats to legal security, there is a certain unity of opinion on this issue. Almost all authors studying issues of legal security describe the same factors (but with different formulations) that negatively affect law and legislation.

So, N.A. Dukhno rightly asserts that “legal security is ensured when there is no danger of distortion of the legal system in the form of the adoption of illegal laws or ignoring legal principles” [12, p. 28], thereby referring to threats to legal security, first of all, the adoption of normative legal acts that contradict the Constitution of the Russian Federation or deviate from the principles of law. The authors of the monograph “The Law: from Project to Implementation (Foreign Experience)”, referring to foreign experience, include “the multiplication of legislative norms, their excessive complexity, inappropriate, inconsistent, unclear, as well as the non-normative nature of the provisions of some laws” [13, p. 32], thereby focusing attention on legal and technical problems of legislation that harm established relations.

Summarizing the opinions of scientists and taking into account the research previously conducted by the author, the list of internal threats to the legal security of Russia, taking into account the current socio-political situation in the country, can be presented as follows.

Firstly, the low level of legal awareness and legal culture. On this issue we should agree with V.V. Mamonov, who emphasizes that “the state of protection of the legal security of the Russian Federation will not be achieved as long as our country maintains a low level of legal culture, but a high degree of legal nihilism” [16, p. 10].

Secondly, the defects (imperfections) of the current legislation. This collective concept unites a fairly wide range of negative trends that characterize modern Russian legislation. These include the adoption of normative legal acts that contradict the Constitution of the Russian Federation, or neutralize its prescriptions; gaps and contradictions in legislation, as well as its instability. It should be emphasized here that the term “instability” seems very broad and in fact includes a whole series of negative phenomena characteristic of modern Russian legislation: situational nature, sporadic nature, the phenomenon of “legislative inflation” and others [21, p. 43–46]. Accordingly, the mechanisms for protecting legal security from internal threats in this area will be legal, organizational and other measures to improve the quality of legislation.

Some elements of the mechanism for countering internal threats to legal security should be discussed in more detail, their relevance and effectiveness should be assessed. The leading role here, as in the case of external threats, is assigned to the Constitutional Court of the Russian Federation, with the only difference that in the field of countering internal threats, the Constitutional Court works more intensively. His main authority in this area is to check the constitutionality of laws and other normative legal acts. It is necessary to positively evaluate the new power of the Court, which emerged as a result of the constitutional reform of 2020 – checking the constitutionality of draft laws. It seems that in order to counter internal threats to legal security in the sphere of the quality of legislation, preliminary constitutional control is a necessary measure. However, the effectiveness and rel-

evance of this innovation will be possible to assess only after the accumulation of a sufficient array of relevant decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

The next element of the mechanism for countering internal threats to legal security are various types of examinations, both mandatory and optional, which are provided for in the legislative process. Carrying out examinations makes it possible to improve the quality of legislation, minimize the number of bills that do not meet the requirements of legal technology, and avoid inconsistency and inconsistency in legislative regulation. At the same time, it seems important to increase the role of independent scientific and legal expertise. Involving scientists to work on the preparation of a bill, as well as to conduct examinations, will reduce the gap between legal science and lawmaking.

It is important to note that there are other mechanisms to counter internal threats to legal security in the field of quality legislation, however, due to insufficient demand and rare use, they will not be analyzed here.

Concluding the consideration of the topic under study, one should agree with the statement that "threats to legal security are highly dynamic" [17, p. 51]. This thesis clearly illustrates the change in the ratio of external and internal threats over a relatively short period of time. Thus, the given list of threats is not exhaustive and stable: it will change and transform depending on the specific socio-political conditions of society and the results of measures taken by government authorities to minimize negative impacts on the law. It seems that the Russian legal system has shown its flexibility and ability to adequately respond to the emergence of new internal and external threats and challenges: mechanisms for ensuring legal security have now been created and are functioning quite successfully. Meanwhile, such mechanisms should not remain unchanged; they need to be adjusted and improved in order to increase their effectiveness and take into account new emerging and potential threats to legal security.

Bibliography

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // www.consultant.ru/
2. Federal constitutional law "On the Constitutional Court of the Russian Federation" dated July 21, 1994 No. 1-FKZ (as amended on July 1, 2021) // www.consultant.ru/
3. Federal Law of February 28, 2023 No. 38-FZ "On the suspension by the Russian Federation of the Treaty between the Russian Federation and the United States of America on measures for further reduction and limitation of strategic offensive weapons" // www.consultant.ru/
4. Federal Law of February 28, 2023 No. 43-FZ "On the termination of international treaties of the Council of Europe in relation to the Russian Federation" // www.consultant.ru/
5. Federal Law of July 24, 2023 No. 386-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // www.consultant.ru/
6. Federal Law of December 5, 2022 No. 478-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" and certain legislative acts of the Russian Federation" // www.consultant.ru/
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 19, 2016 No. 12-P "In the case of resolving the issue of the possibility of execution in accordance with the Constitution of the Russian Federation of the decision of the European Court of Human Rights of July 4, 2013 in the case of "Anchugov and Gladkov" against Russia" in connection with the request of the Ministry of Justice of the Russian Federation" // www.consultant.ru/
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 19, 2017 No. 1-P "In the case of resolving the issue of the possibility of execution in accordance with the Con-

stitution of the Russian Federation of the decision of the European Court of Human Rights of July 31, 2014 in the case of OJSC Oil Company YUKOS "vs. Russia" in connection with the request of the Ministry of Justice of the Russian Federation" // www.consultant.ru/

9. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // www.consultant.ru/

10. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" // www.consultant.ru/

11. Vitruk N.V. Constitutional justice. Judicial and constitutional law and process: textbook. allowance. 3rd ed., revised. and additional. Moscow: Norma: INFRA-M, 2010. 592 p.

12. Dukhno N.A. The Constitution of the Russian Federation and legal security in Russia // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2019. No. 1(54). P. 26–32.

13. Law: from project to implementation (foreign experience): monograph / A.N. Pilipenko, N.Yu. Treshchetenkova, F.A. Leshchenkov; resp. ed. A.N. Pilipenko. Moscow: Infotropik Media, 2022. 272 p.

14. Kozhevnikov O.A., Krysanov A.V. Constitutional reform 2020: on the issue of the peculiarities of execution of decisions of interstate bodies and courts of foreign jurisdiction in the Russian Federation // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. 2021. No. 3. P. 77–85.

15. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarova. Moscow: Publishing house "Urayt", 2023. 325 p.

16. Mamonov V.V. Legal security of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2005. No. 2. P. 4–10.

17. National security, legal responsibility and irresponsibility: problems of the mechanism of interaction and systemic connections: monograph / D.A. Lipinsky, N.V. Makareiko, A.A. Musatkina and others; edited by Doctor of Law sc., prof. YES. Lipinsky. Moscow: RIOR, 2020. 578 p.

18. Fomin A.A. Legal security of subjects of Russian law (issues of theory and practice): abstract of thesis. ... doc. legal Sciences: 12.00.01. Saratov, 2008. 59 p.

19. Shaburov A.S. Legal security in the system of categories of jurisprudence // Current problems of legal support of national security in Russia: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference (Kurgan, April 21, 2017) / resp. ed. L. N. Chertova, O. I. Filonova. Kurgan: Kurgan State Publishing House. Univ., 2019. Pp. 243–250.

20. Shutova V.N. Legal security of the Russian Federation: problems of understanding and assessment of modern threats // Prologue: journal about law. 2022. No. 2. P. 32–39.

21. Shutova V.N. Trends in modern Russian legislation and issues of improving its quality // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 4. P. 41–49.

For citation: Shutova V.N. Threats to the legal security of Russia and mechanisms to counter them: article // Theory of State and Law. 2024. No. 2 (36). P. 236–241.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_230

Научная статья

УДК 340; 341

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_242

Я.А. Явид*

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ КАК ФОРМА ПРАВОВОЙ ИНФИЛЬТРАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ ОБ ОХРАНЕ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

***Аннотация.** В статье рассматривается природа процесса имплементации как формы правовой инфильтрации правовых норм в контексте изменения российского законодательства о культурном наследии и действия особых обстоятельств, меняющих представления о соотношении норм международного права и российского законодательства, отмечается значимость правовой защиты культурного наследия как вектора развития национально-правового регулирования. Рассматриваются основные способы имплементации международно-правовых норм применительно к проблеме унификации терминологического аппарата законодательства о культурном наследии. На основании анализа нормативного содержания законодательства о культуре подчеркивается опережающее развитие национально-правовых норм, свидетельствующей о значительной свободе действий российского законодателя по адаптации международных правил и требований к объективным потребностям общественного развития.*

***Ключевые слова:** инфильтрация, имплементация, отсылка, инкорпорация, культурное наследие.*

Проблема имплементации положений ратифицированных Российской Федерацией международных соглашений актуализирована в условиях качественного пересмотра модели соотношения норм национального и международного права. Первоначальным импульсом для данного процесса стала конституционализация в 2020 г. принципа приоритета норм Конституции Российской Федерации (Основного закона страны) над международными договорами и решениями межгосударственных органов, который свое дальнейшее развитие получил в 2022 г. [3; 5], когда была осуществлена обширная ревизия международных соглашений, участие в которых для

* **Явид Ярослав Алексеевич** – аспирант кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: info@yavid.ru

Научный руководитель – **Комаров Сергей Александрович**, Президент МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права», научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, доктор юридических наук, профессор. [Http://orcid.org/0000-0002-0425-0897](http://orcid.org/0000-0002-0425-0897). E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru; matgip2017@yandex.ru.

Научный консультант – **Юдин Валерий Иванович**, профессор кафедры философии права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), помощник сенатора Федерального Собрания Российской Федерации, доктор политических наук, доцент. E-mail: valeriyudin@yandex.ru

Российской Федерации было прекращено. Как результат, предметом для теоретико-правового осмысления стал вопрос о природе процесса внедрения принятых норм и правил международного права в «тело» российского законодательства, который обыкновенно принято рассматривать как проблему инфильтрации норм международного права.

Область охраны объектов культурного наследия оказалась в меньшей степени подвержена пересмотру в контексте денонсации Российской Федерации в 2022 г. целого ряда международных договоров, однако общее состояние данной сферы общественных отношений все еще требует более углубленного изучения. Нормы международного права, наряду с положениями российского законодательства, оказывают действенное юридическое воздействие на отношения в сфере охраны культурного наследия. В силу данного обстоятельства проблема приведения норм российского законодательства в соответствие с содержанием международных соглашений является актуальным и значимым предметом для научного рассмотрения.

Инфильтрация норм международного права об охране культурного наследия является закономерным процессом, так как простое принятие государством определенных международно-правовых обязательств еще не является основанием для практического воплощения соответствующих норм в правовой жизни общества. Инфильтрация обыкновенно рассматривается как проникновение (инвазия) международно-правовых норм в систему национального законодательства. Данный термин является описательным средством для решения вопроса о соотношении международного права и национального законодательства. Поскольку принятие международно-правового договора не совпадает по времени с осуществлением действия соответствующей правовой нормы, которую он содержит, есть все основания для рассмотрения правовой инфильтрации как процесса практического внедрения международных правил на национальном уровне. Инфильтрация становится инструментом, благодаря которому правила и требования, зафиксированные в актах международного права, а также в нормативно-правовых документах зарубежных стран, могут определенным образом быть внедрены «во внутригосударственное право конкретные государства» [7, с. 9].

Если рассматривать динамику развития национального законодательства как многофакторное явление, то все причины, которые обуславливают его изменение изнутри, являются внутренними или эндогенными факторами. В то же самое время принятие государством участия в действии определенного международного договора следует рассматривать в качестве внешней экзогенной причины изменения национального законодательства. Таким образом, международное право становится тем фактором, под влиянием которого принимаются, изменяются или отменяются нормы национального законодательства об охране культурного наследия.

До настоящего момента времени имплементацию принято рассматривать как наиболее типичную форму правовой инфильтрации норм международного права, получившую широкое распространение также и в области законодательства о культурном наследии Российской Федерации. Представляя собой термин латинского происхождения, имплементация восходит к «implere» («наполнять»), однако в русский язык он был заимствован из английской юриспруденции, в которой «implementation» означает «осуществление» или «выполнение». В этом

смысле имплементация приобретает прикладное и результативное значение как понятие, обозначающее достижение некоторого практического результата, эффекта.

Широкий подход к пониманию имплементации позволяет рассматривать данное понятие в качестве непосредственной реализации чего-либо, синоним практического воплощения какого-либо предписания или правила. Такое понимание позволяет рассматривать имплементацию не только в качестве процесса воплощения или внедрения норм международного права в национальные законодательства, но и как всякий процесс претворения чего-либо в жизнь, что придает данному термину междисциплинарный статус.

В контексте механизма международно-правового регулирования необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что нормы международных соглашений, как правило, не имеют непосредственного действия в правовом пространстве государства. Для их практического воплощения требуются определенные усилия со стороны органов государственной власти, которые могут носить как правовой, так и организационный характер. И.И. Лукашук отмечает, что осуществление норм международного права становится возможным лишь при условии, когда создан механизм имплементации данных норм, то есть, когда действует система организационных и правовых инструментов, благодаря применению которых осуществляется практическое воплощение «предписаний норм международного права» [6, с. 16].

Имплементация норм международного права об охране культурного наследия может осуществляться различными способами. Достаточно распространенным методом является *рецепция*, которая предполагает почти дословное воспроизведение в законодательных актах Российской Федерации используемых на международно-правовом уровне терминов. Легитимность рассмотрения рецепции в качестве способа имплементации норм международного права о культурном наследии вызывает вопросы, так как процесс имплементации предполагает определенную меру адаптации положений национального законодательства под требования наднационального уровня. В свою очередь *отсылка* может рассматривать в качестве такого способа применения международно-правовых норм, в результате которого нормативного содержание актов российского законодательства о культурном наследии наполняется отсылочными нормами. Иными словами, при возникновении определенной правовой ситуации указывается, что она подлежит урегулированию определенной нормой международного права.

Отсылка позволяет обогатить правовую систему государства новым нормативным содержанием без существенного изменения его правовых норм. Отсылка может носить двусторонний характер, так как не только национальный нормативно-правовой акт может отсылаться на норму международного договора, но и наоборот. Отсылка позволяет щадящим образом обеспечить практическое воплощение на практике действия норм международного права без существенного изменения облика механизма правового регулирования в какой-либо области.

Инкорпорация позволяет государству принимать нормы национального права, «способствующие исполнению предписаний международного права» [8, с. 58]. Процесс инкорпорации может требовать от российского законодателя действий по отмене или изменению уже действующих норм, а также по принятию новых норм, если это требуется для имплементации положений международного права. Обычно

венно инкорпорация предполагает необходимость принятия отдельного нормативно-правового акта национального законодательства, который конкретизирует положения международно-правового соглашения. Так как нормы международного права достаточно часто носят общий характер, соответствующие им нормы российского законодательства призваны конкретизировать их содержание на национально-правовом уровне. Таким образом, перед любым государством, которое стремится к выполнению своих международно-правовых обязательств фактически возникает две возможности для обеспечения действия норм международного права на национальном уровне – отсылка к соответствующей норме и принятие специального нормативно-правового акта.

В рассматриваемой области на сегодняшний день заключено достаточно внушительное количество международных соглашений, предметом регулирования которых выступают различные стороны общественных отношений по охране культурного наследия. Отправной точкой для механизма правового регулирования в данной сфере является развитый терминологический аппарат, который позволяет точно определить предмет для правовой защиты. Вплоть до начала нынешнего столетия основные международно-правовые документы по охране культурного наследия придерживались так называемого вещественного подхода к его пониманию. Гагская конвенция об охране культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г. [1], рассматривая в качестве культурных ценностей движимые и недвижимые ценности, фактически подчеркивает их материальный характер, хотя и делает сильный акцент на значении данных объектов для истории и культуры каждого народа.

Принятые на международном уровне перечни предметов, которые могут выступать в качестве объектов культурного наследия или культурных ценностей, также носят вещественный характер. Обычно под ними понимают памятники искусства, предметы старины, археологические объекты и прочее. Таким образом, можно констатировать, что во второй половине XX века на международно-правовом уровне доминировал преимущественно вещественный подход к пониманию культурного наследия. Российское законодательство о культурном наследии, принятое в постсоветский период, в свою очередь оперировало более широким подходом, который также включал в круг объектов культурного наследия нематериальные ценности. Рамочным законом в данной сфере стали Основы законодательства Российской Федерации о культуре [4], которые поместили в объем понятия о культурных ценностях также нравственные и эстетические идеалы, а также образцы поведения, язык, фольклор и иные нематериальные объекты, получавшие государственную защиту. Избранный российским законодателем широкий подход к пониманию культурных ценностей указывает на то обстоятельство, что правовая система Российской Федерации не стала ограничиваться теми пределами для правовой защиты, которые были установлены нормами международных соглашений. Имплементация соответствующих международных договоров в области охраны культурного наследия сопровождалась адаптацией их содержания к объективным потребностям национального механизма правового регулирования.

Данный шаг является достаточно нетипичным примером имплементации норм международного права в систему российского законодательства. Обыкновенно имплементация может сопровождаться сужением сферы правового регулирова-

ния, однако в рассмотренном примере законодатель пошел по пути расширения объема правовой защиты, предоставляемого для культурного наследия народов Российской Федерации. Столь широкий подход позволил включить в его понятие, наряду с предметами вещественного характера, нематериальные ценности, которые выражали достояние духовной культуры российского общества. Вместе с тем, подобный подход в определенном смысле предвосхитил логику развития международно-правового регулирования в сфере охраны объектов культурного наследия, так как 17 октября 2003 г. была принята Конвенция ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия [2].

Таким образом, имплементация норм международного права об охране объектов культурного наследия в систему российского законодательства является одним из наиболее распространенных способов правовой инфильтрации, востребованных в правотворческой практике Российской Федерации. Данная форма предоставляет значительную свободу действий для национального законодателя, обладающего возможностями для расширения объема предоставляемой правовой защиты. Имплементация норм международного права предполагает их последовательную адаптацию к объективным потребностям общества. Закономерности развития общественных отношений в сфере охраны культурного наследия обуславливают конкретные методы имплементации международно-правовых норм в нормативно-правовые акты Российской Федерации.

Библиографический список

1. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14 мая 1954 г.) // www.consultant.ru.
2. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия от 17 октября 2003 г. // www.consultant.ru.
3. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru
4. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (ред. от 10.07.2023) // www.consultant.ru.
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с.
6. Лукашук И.И. Международно-правовое регулирование международных отношений (системный подход). М.: Международные отношения, 1975. 176 с.
7. Мельниченко Т.А. Теоретические и нормативные основания правовой инфильтрации: дисс. канд. юрид. наук: 12.00.01. Коломна, 2006. 187 с.
8. Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права. М.: Международные отношения, 1982. 136 с.

Для цитирования: Явид Я.А. Имплементация как форма правовой инфильтрации правовых норм об охране объектов культурного наследия: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 2 (36). – С. 242–246.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_242

IMPLEMENTATION AS A FORM OF LEGAL INFILTRATION OF LEGAL NORMS ON THE PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS

Yaroslav A. Yavid *

Annotation. *The article examines the nature of the implementation process as a form of legal infiltration of legal norms in the context of changes in Russian legislation on cultural heritage and the effect of special circumstances that change ideas about the relationship between international law and Russian legislation, and notes the importance of legal protection of cultural heritage as a vector for the development of national legal regulation. The main ways of implementing international legal norms in relation to the problem of unifying the terminological apparatus of legislation on cultural heritage are considered. Based on the analysis of the normative content of cultural legislation, the rapid development of national legal norms is emphasized, indicating significant freedom of action of the Russian legislator to adapt international rules and requirements to the objective needs of social development.*

Key words: *infiltration, implementation, reference, incorporation, cultural heritage.*

The problem of implementing the provisions of international agreements ratified by the Russian Federation has been updated in the conditions of a qualitative revision of the model of the relationship between the norms of national and international law. The initial impetus for this process was the constitutionalization in 2020 of the principle of priority of the norms of the Constitution of the Russian Federation (the Basic Law of the country) over international treaties and decisions of interstate bodies, which received its further development in 2022 [3; 5], when an extensive revision of international agreements was carried out, participation in which was terminated for the Russian Federation. As a result, the subject for theoretical and legal understanding has become the question of the nature of the process of introducing accepted norms and rules of international law into the “body” of Russian legislation, which is usually considered as a problem of infiltration of international law norms.

The area of protection of cultural heritage objects turned out to be less subject to revision in the context of the denunciation of a number of international treaties by the Russian Federation in 2022, however, the general state of this area of public relations still requires a more in-depth study. The norms of international law, along with the provisions of

* **Yavid Yaroslav Alekseevich** – post-graduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg). E-mail: info@yavid.ru

Supervisor – **Komarov Sergey Aleksandrovich**, President of the International Public Organization “Interregional Association of State and Law Theorists”, Scientific Supervisor of the Legal Institute (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Doctor of Law, Professor // <http://orcid.org/0000-0002-0425-0897>. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru; matgip2017@yandex.ru

Scientific consultant – **Yudin Valery Ivanovich**, professor of the Department of Philosophy of Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Law Institute" (St. Petersburg), assistant to the senator of the Federal Assembly of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Associate Professor. E-mail: valeriyudin@yandex.ru

Russian legislation, have an effective legal impact on relations in the field of cultural heritage protection. Due to this circumstance, the problem of bringing the norms of Russian legislation into conformity with the content of international agreements is a relevant and significant subject for scientific consideration.

The infiltration of international law norms on the protection of cultural heritage is a natural process, since the mere acceptance by the state of certain international legal obligations is not yet the basis for the practical implementation of the relevant norms in the legal life of society. Infiltration is usually considered as the penetration (invasion) of international legal norms into the system of national legislation. This term is a descriptive means for resolving the issue of the relationship between international law and national legislation. Since the adoption of an international legal treaty does not coincide in time with the implementation of the corresponding legal norm that it contains, there is every reason to consider legal infiltration as a process of practical implementation of international rules at the national level. Infiltration becomes a tool thanks to which the rules and requirements recorded in acts of international law, as well as in regulatory documents of foreign countries, can be introduced in a certain way "into the domestic law of specific states" [7, p. 9].

If we consider the dynamics of the development of national legislation as a multifactorial phenomenon, then all the reasons that determine its change from the inside are internal or endogenous factors. At the same time, the state's acceptance of participation in a certain international treaty should be considered as an external exogenous reason for changes in national legislation. Thus, international law becomes the factor under the influence of which norms of national legislation on the protection of cultural heritage are adopted, amended or repealed.

Until now, implementation has been generally considered to be the most typical form of legal infiltration of international law, which has also become widespread in the field of legislation on the cultural heritage of the Russian Federation. A term of Latin origin, implementation goes back to "implere" ("to fill"), but it was borrowed into Russian from English jurisprudence, in which "implementation" means "carrying out" or "carrying out." In this sense, implementation acquires an applied and effective meaning as a concept denoting the achievement of some practical result or effect.

A broad approach to understanding implementation allows us to consider this concept as the direct implementation of something, synonymous with the practical implementation of any prescription or rule. This understanding allows us to consider implementation not only as a process of translating or introducing international law into national legislation, but also as any process of putting something into practice, which gives this term an interdisciplinary status.

In the context of the mechanism of international legal regulation, it is necessary to take into account the fact that the norms of international agreements, as a rule, do not have direct effect in the legal space of the state. Their practical implementation requires certain efforts on the part of public authorities, which can be of both a legal and organizational nature. I.I. Lukashuk notes that the implementation of the norms of international law becomes possible only if a mechanism for the implementation of these norms is created, that is, when a system of organizational and legal instruments is in place, through the use of which the practical implementation of "prescriptions of international law" is carried out [6, p. 16].

The implementation of international law on the protection of cultural heritage can be carried out in various ways. A fairly common method is reception, which involves al-

most verbatim reproduction of the terms used at the international legal level in the legislative acts of the Russian Federation. The legitimacy of considering reception as a way of implementing international law on cultural heritage raises questions, since the implementation process presupposes a certain measure of adaptation of the provisions of national legislation to the requirements of the supranational level. In turn, reference can be considered as such a way of applying international legal norms, as a result of which the normative content of acts of Russian legislation on cultural heritage is filled with reference norms. In other words, when a certain legal situation arises, it is indicated that it is subject to regulation by a certain norm of international law.

Referral makes it possible to enrich the legal system of a state with new normative content without significantly changing its legal norms. The reference can be bilateral in nature, since not only a national legal act can be referred to a norm of an international treaty, but also vice versa. The reference makes it possible to sparingly ensure the practical implementation of the rules of international law in practice without significantly changing the appearance of the mechanism of legal regulation in any area.

Incorporation allows the state to adopt norms of national law that “contribute to the implementation of the requirements of international law” [8, p. 58]. The incorporation process may require the Russian legislator to abolish or amend existing norms, as well as to adopt new norms, if this is required to implement the provisions of international law. Typically, incorporation presupposes the need to adopt a separate legal act of national legislation, which specifies the provisions of an international legal agreement. Since the norms of international law are often of a general nature, the corresponding norms of Russian legislation are designed to specify their content at the national legal level. Thus, any state that strives to fulfill its international legal obligations actually faces two opportunities to ensure the validity of international law at the national level – a reference to the relevant norm and the adoption of a special legal act.

In the area under consideration, today a fairly impressive number of international agreements have been concluded, the subject of regulation of which are various aspects of public relations for the protection of cultural heritage. The starting point for the mechanism of legal regulation in this area is a developed terminological apparatus, which allows you to accurately determine the subject for legal protection. Until the beginning of this century, the main international legal documents on the protection of cultural heritage adhered to the so-called material approach to its understanding. The Hague Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict of May 14, 1954 [1], considering movable and immovable property as cultural property, actually emphasizes their material nature, although it places a strong emphasis on the significance of these objects for the history and culture of everyone people.

Internationally accepted lists of items that can act as objects of cultural heritage or cultural assets are also of a material nature. Usually they are understood as monuments of art, antiquities, archaeological sites, etc. Thus, it can be stated that in the second half of the 20th century, a predominantly material approach to understanding cultural heritage dominated at the international legal level. Russian legislation on cultural heritage, adopted in the post-Soviet period, in turn, operated on a broader approach, which also included intangible values among cultural heritage objects. The framework law in this area was the Fundamentals of Legislation of the Russian Federation on Culture [4], which included moral and aesthetic ideals, as well as patterns of behavior, language, folklore and other intangible objects that received state ownership within the scope of the concept of cultural values.

protection. The broad approach chosen by the Russian legislator to understanding cultural values indicates the fact that the legal system of the Russian Federation has not become limited to the limits for legal protection that were established by the norms of international agreements. The implementation of relevant international treaties in the field of cultural heritage protection was accompanied by the adaptation of their content to the objective needs of the national legal regulation mechanism.

This step is a rather atypical example of the implementation of international law into the system of Russian legislation. Typically, implementation may be accompanied by a narrowing of the scope of legal regulation, but in the example considered, the legislator took the path of expanding the scope of legal protection provided for the cultural heritage of the peoples of the Russian Federation. Such a broad approach made it possible to include in its concept, along with objects of a material nature, intangible values that expressed the heritage of the spiritual culture of Russian society. At the same time, such an approach, in a certain sense, anticipated the logic of the development of international legal regulation in the field of protection of cultural heritage sites, since the UNESCO Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage was adopted on October 17, 2003 [2].

Thus, the implementation of international law on the protection of cultural heritage objects into the system of Russian legislation is one of the most common methods of legal infiltration, in demand in the law-making practice of the Russian Federation. This form provides considerable discretion for the national legislator, who has the ability to expand the scope of legal protection provided. The implementation of international law presupposes their consistent adaptation to the objective needs of society. The patterns of development of public relations in the field of cultural heritage protection determine specific methods for implementing international legal norms into the legal acts of the Russian Federation.

Bibliography

1. Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict (The Hague, May 14, 1954) // www.consultant.ru.
2. International Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage of October 17, 2003 // www.consultant.ru.
3. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // www.consultant.ru
4. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on culture (as amended on July 10, 2023) // www.consultant.ru.
5. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / S. A. Komarov [etc.]; edited by S.A. Komarova. 4th ed., revised. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 343 p.
6. Lukashuk I.I. International legal regulation of international relations (systematic approach). Moscow: International relations, 1975. 176 p.
7. Melnichenko T.A. Theoretical and normative foundations of legal infiltration: diss. Ph.D. legal Sciences: 12.00.01. Kolomna, 2006. 187 p.
8. Muellerson R.A. The relationship between international and national law. Moscow: International relations, 1982. 136 p.

For citation: Yavid Ya.A. Implementation as a form of legal infiltration of legal norms on the protection of cultural heritage objects: article // Theory of State and Law. 2024. No. 2 (36). P. 247–250.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_242

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_251

М.Ю. Гутман*

А.О.Щукин**

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВЫБОРНЫХ ЛИЦ И ВЫБОРНЫХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПЕРЕД НАСЕЛЕНИЕМ

***Аннотация.** В статье анализируется ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления перед населением муниципального образования, государством, физическими и юридическими лицами в соответствии с федеральными законами.*

Основания наступления ответственности органов местного самоуправления, депутатов, членов выборных органов местного самоуправления, выборных должностных лиц местного самоуправления перед населением и порядок решения соответствующих вопросов определяются уставами муниципальных образований.

***Ключевые слова:** Конституция Российской Федерации; ответственность; должностные лица; органы местного самоуправления; устав муниципального образования; население.*

Одной из самых значительных составляющих государственного устройства Российской Федерации, как и любого другого государства с демократическим устройством, является местное самоуправление. В государственном устройстве страны роль местного самоуправления очень велика, так как оно связывает между собой население и государственные структуры [17, с. 239]. Исторически сложилось, что народ является главным субъектом осуществления власти на местном уровне. Население имеет право на самостоятельное решение относительно вопросов мест-

* **Гутман Матвей Юрьевич**, почётный председатель Региональной общественной организации ветеранов Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, полковник милиции. E-mail: mygutman@gmail.com

* **Щукин Антон Олегович** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: 255.55.30gmail.com

Научный руководитель – **Комаров Сергей Александрович**, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, Заслуженный работник науки и образования РАН, доктор юридических наук, профессор. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

ного значения, и оно также имеет защиту в виде государственных гарантий. Реализация этого права возможна различными способами и в равной мере доступна всем гражданам Российской Федерации [18, с. 63].

В мировой практике местное самоуправление определяют как право и реальную возможность органов муниципальных образований регулировать существенную часть публичных дел, функционируя в рамках законодательства, под свою ответственность и в интересах населения, которое проживает на определенной территории. Конституция Российской Федерации установила, что население имеет право осуществлять свою власть непосредственно и через органы государственной власти и органы местного самоуправления [1].

Однако непосредственный механизм реализации местной власти населением определен в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». К нему относятся местный референдум, муниципальные выборы, процедура голосования по отзыву депутатов, опрос граждан, правотворческая инициатива граждан и т.д. [2].

Доказано, что власть в государстве будет сильной тогда, когда в процессе своей деятельности органы власти будут опираться на мнение населения. К органам муниципального образования это имеет непосредственное отношение. И чем больше будет многообразных форм реализации гражданами местной власти, тем более структурированным станет местное общество, а, следовательно, более полно будут реализовываться интересы населения в решениях органов муниципального образования. Кроме того, при осуществлении местной власти на практике возникает большое количество вопросов, включая и частые нарушения прав граждан. Данные проблемы требуют правового регулирования, так как от степени эффективности реализации местной власти своих полномочий зависит улучшение политических, социально-экономических, культурных сфер жизни населения.

Одной из главных целей для местной власти должно быть создание реальной возможности для граждан влиять на разработку и принятие решений местными органами. Таким образом, для эффективной работы муниципалитетов необходимо, прежде всего, стремление и воля граждан, а также должностных лиц органов государственной и местной власти разрешать данную проблему совместными усилиями.

Однако не всегда власть на местах эффективно и добросовестно выполняет свои полномочия, поэтому ответственность местного самоуправления становится неотъемлемой частью правового статуса подобного органа публичной власти. Вследствие этого важно определить границы ответственности местной власти. Ответственность перед населением – это ответственность членов выборных органов местного самоуправления, депутатов и выборных должностных лиц.

Традиционно выделяют три основных подхода к определению оснований ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления перед населением:

- 1) утрата доверия (выражение недоверия);
- 2) правонарушение;
- 3) как утрата доверия, так и правонарушение.

Согласно ч. 2 ст. 24 Федерального закона № 131-ФЗ, основания для отзыва депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления и процедура отзыва указанных лиц устанавливаются уставом муниципального образования [2]. Такими основаниями могут служить

только конкретные противоправные решения или действия (бездействие) указанных лиц в случае их подтверждения в судебном порядке.

Проанализировав ряд уставов муниципальных образований, можно резюмировать, что при установлении в них оснований для отзыва сформировалось два подхода. Первый основывается на точном воспроизведении в уставе муниципального образования нормы ч. 2 ст. 24 Федерального закона № 131-ФЗ, с пометкой, что по иным основаниям отзыв не допускается [8, 9].

Второй подход основан на расширительном толковании выше названной нормы. Например, в уставах некоторых муниципальных образований конкретизируются противоправные решения и действия (бездействия), которые могут повлечь отзыв депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, что приводит к расширению перечня оснований.

Каждое основание имеет свои особенности.

1) Нарушение (несоблюдение) депутатом, главой муниципального образования Конституции Российской Федерации, федерального законодательства, устава (основного закона) и законодательства субъекта Российской Федерации, устава и иных нормативных актов муниципального образования.

Данное основание в некоторых уставах в зависимости от муниципального образования получило более детальную формулировку. Например, в Уставе г. Омска указано, что нарушение указанных выше актов должно повлечь нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина [10].

2) Невыполнение депутатом своих полномочий (обязанностей), неисполнение главой муниципального образования полномочий по занимаемой должности, определенных уставом и муниципальными правовыми актами.

Например, в уставе г. Ставрополь под невыполнением главой муниципального образования обязанностей понимается систематическое (не менее трех раз в течение срока своих полномочий), без уважительных причин, уклонение от осуществления своих обязанностей, установленных федеральными законами, законами субъекта Российской Федерации, уставом и иными нормативными актами муниципального образования, если такое неисполнение обязанностей установлено вступившим в законную силу судебным актом [6].

Такое основание более конкретизировано в уставе г. Ижевск, где говорится, что невыполнением соответствующих полномочий будет также являться отказ депутата от ведения приема избирателей, рассмотрения их обращений, уклонение от участия в заседаниях, ее комиссий, иных рабочих органов [7].

3) Совершение действий, порочащих звание депутата, главы муниципального образования. Такие действия могут как правомерными, так и противоправными.

Например, в Уставе городского поселения г. Юхнов данное основание определено как нарушение общепринятых норм поведения в обществе, неуважение достоинства других граждан [11]. Однако такой поступок скорее подлежит оценке с точки зрения морали, либо нравственности, поэтому данное основание будет противоречить ч. 2 ст. 24 Федерального закона № 131-ФЗ, так как основаниями для отзыва могут служить только его конкретные противоправные решения или действия (бездействие) [2].

Устав г. Ижевска в свою очередь говорит о совершении противоправных поступков, порочащих статус депутата и умаляющих авторитет власти [7].

4) Возникновение обстоятельств о противоправной деятельности депутата представительного органа местного самоуправления, открывшихся после его избрания, если данные обстоятельства могли быть существенными или решающими при определении выбора избирателей. Такое основание, в отличие от всех остальных, связано с деятельностью лица в прошлом, до избрания его в депутаты.

Не могут являться основаниями отзыва депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления его политические убеждения и законная политическая деятельность; факты, для которых предусмотрен особый порядок их установления и которые являются в соответствии с законодательством самостоятельными основаниями прекращения его полномочий [5], а также позиция, выраженная при голосовании на заседании ее комиссий, иных рабочих органов [7].

Несколько лет назад Конституционный Суд Российской Федерации указал, что расширительная интерпретация оснований отзыва недопустима, как и не представляется возможным отнесение к перечню обстоятельств, связанных с утратой доверия избирателей и без обоснования подлежащими проверке фактами общей негативной оценки деятельности должностного лица, так как это противоречит ст. 3 (чч. 2 и 3) и ст. 130 (чч. 1 и 2) Конституции Российской Федерации в силу того, что таким образом может быть поставлены под сомнение результаты выборов, на основании которых должностное лицо было избрано [3].

Анализ уставов отдельных муниципальных образований показал, что основания исследуемой ответственности связаны с совершением должностным лицом местного самоуправления исключительно правонарушения. Такое основание как утрата доверия было исключено из перечня оснований в результате реформирования муниципального законодательства.

Таким образом, реализация ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления перед населением осуществляется посредством закрепленной в Федеральном законе № 131-ФЗ и в уставах муниципальных образований меры ответственности в виде досрочного прекращения полномочий ответственных субъектов, которая может быть реализована в форме отзыва депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления. Отзыв – это досрочное прекращение полномочий выборного должностного лица, посредством проведения в соответствии с законодательством соответствующего голосования. Зависимость возможности отзыва от вида избирательной системы устанавливает ч. 2.1 ст. 24 Федерального закона № 131-ФЗ. Следовательно, институт отзыва может быть реализован только в отношении лиц, избранных по мажоритарной избирательной системе [2].

При реализации института отзыва возникают некоторые трудности, чаще всего об этом свидетельствуют следующие факторы:

- 1) необходимость подтверждения судом фактов, являющихся основаниями для отзыва;
- 2) недостаточная активность населения;
- 3) недостаточность финансовых средств в бюджетах муниципальных образований для проведения голосования по отзыву;
- 4) нарушение процедуры отзыва.

Голосование по отзыву депутата представительного органа муниципального образования, выборного должностного лица местного самоуправления регламенти-

руется ст. 24 Федерального закона № 131-ФЗ [2] и конкретизируется в уставах муниципальных образований.

Можно выделить шесть этапов процедуры отзыва:

- 1) инициатива отзыва;
- 2) назначение голосования;
- 3) подготовка к голосованию;
- 4) проведение голосования;
- 5) подведение итогов по результату голосования;
- 6) исполнение решения по результатам голосования.

Проанализировав уставы муниципальных образований, можно встретить различные формулировки.

Например, инициатива об отзыве депутата представительного органа, выборного должностного лица может исходить от населения [10]; избирателей [12, 13]; граждан Российской Федерации, имеющих право на участие в местном референдуме, место жительства которых расположено в избирательном округе депутата [14].

Некоторые уставы муниципальных образований уточняют количество граждан, которое необходимо для инициирования голосования по отзыву.

Например, в г. Новосибирск инициативная группа по отзыву депутата должна составлять не менее 300 человек, а по отзыву выборного должностного лица местного самоуправления не менее 1000 человек. А в уставе г. Архангельск их число составляет 70 и 2000 человек соответственно. Устав муниципального образования должен устанавливать высокий норматив количества сбора подписей для инициирования процедуры отзыва – не менее числа подписей, требуемых при выдвижении на выборах, во избежание произвольного вынесения на голосование вопроса об отзыве [3].

Возбуждение вопроса об отзыве состоит из следующих этапов.

Во-первых, проведение избирателями собраний по отзыву. При этом должны быть соблюдены следующие условия:

– участие (присутствие) установленного числа граждан, чтобы собрание было правомочно (в уставах это число определяется либо в виде доли (в процентном соотношении) от числа избирателей, зарегистрированных в избирательном округе, где был избран депутат, или от числа избирателей зарегистрированных на территории муниципального образования в случае отзыва главы муниципального образования [11], либо в виде точно установленного количества граждан [15];

– депутат или выборное должностное лицо должны быть письменно уведомлены о времени, месте проведения собрания и о мотивах, послуживших инициации отзыва;

– проведение тайного или открытого голосования для решения вопроса о необходимости проведения голосования по отзыву;

– оформление результатов голосования в виде протокола собрания.

Во-вторых, по результатам собрания создание и регистрация в избирательной комиссии муниципального образования инициативной группы. Численность такой группы также определяется уставом. Ходатайство о регистрации должно содержать обстоятельства, послужившие основанием для отзыва, и соответствующее решение суда, которым они установлены. При соблюдении всех условий избирательная комиссия выдает членам инициативной группы удостоверения и регистрационное свидетельство, обнаруживает данное решение, извещает о нем представительный

орган муниципального образования и лицо, в отношении которого инициируется отзыв.

В-третьих, инициативной группой в течение месяца со дня регистрации проводится сбор подписей в поддержку отзыва, с несением всех расходов на это. Необходимое число подписей в зависимости от муниципального образования варьируется от 1 % до 10 % от числа избирателей соответствующего избирательного округа [15], либо от числа участников отзыва [16].

В-четвертых, в избирательную комиссию направляется протокол об итогах сбора подписей вместе с подписанными листами, и проводится проверка достоверности подписей в листах по отзыву.

В-пятых, в случае достаточного количества подписей избирательной комиссией принимается решение о проведении голосования по отзыву.

В-шестых, избирательная комиссия направляет в представительный орган муниципального образования указанное решение, который, в свою очередь, принимает решение о начале процедуры голосования по отзыву, утверждает смету расходов и определяет дату голосования. Затем разрешается проведение агитации «за» и «против» отзыва.

Подготовку и проведение голосования по отзыву также осуществляет избирательная комиссия муниципального образования. Все решения, принятые за это время, подлежат обнародованию в средствах массовой информации.

Депутат, член выборного органа местного самоуправления, выборное должностное лицо местного самоуправления считается отозванным, если за отзыв проголосовало не менее половины избирателей, зарегистрированных в муниципальном образовании (избирательном округе). С момента официального опубликования (обнародования) итогов голосования депутат, член выборного органа местного самоуправления, выборное должностное лицо местного самоуправления прекращает свои полномочия.

Согласно Постановления Конституционного Суда Российской Федерации, недопустимо облегчение процедуры отзыва, так как это может привести к злоупотреблению его использованием, прежде всего, с точки зрения необходимости обеспечения непрерывности осуществления функций выборной публичной власти [4].

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что организованность и инициатива местных жителей является ведущим фактором для обеспечения ответственности должностных лиц и органов местной власти перед населением. Знание гражданами своих прав, личный интерес каждого в разрешении проблем местного значения залог процветания такого органа публичной власти. В свою очередь, местное самоуправления обязано добросовестно, ответственно выполнять свои полномочия и обязанности перед населением муниципальных образований.

Библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru; Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с. (Серия: Профессиональный комментарий).

2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // www.consultant.ru

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2002 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Корякского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе» в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева» // www.consultant.ru

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 07 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // www.consultant.ru

5. Постановление Оренбургского городского Совета от 27 апреля 2006 г. № 44 «Об Уставе города Оренбурга» // www.consultant.ru

6. Решение Ставропольской городской Думы от 11 мая 2016 г. № 847 «Об Уставе муниципального образования города Ставрополя Ставропольского края» // www.consultant.ru

7. Решение Городской думы г. Ижевска от 16 июня 2005 г. № 333 «О принятии Устава муниципального образования "Город Ижевск" (Устава города Ижевска)» // www.consultant.ru

8. Устав города Твери (принят решением Думы города Твери от 23 июня 2005 г. № 68) // www.consultant.ru

9. Устав города Томска (принят решением Думы города Томска от 04 мая 2010 г. № 1475) // www.consultant.ru

10. Устав города Омска (утвержден решением Омского городского Совета от 20 сентября 1995 г. № 92) // www.consultant.ru

11. Устав муниципального образования «Городское поселение город Юхнов» (Утв. Решением городской Думы городского поселения «г. Юхнов» № 10 от 16 октября 2005 г.) // www.consultant.ru

12. Устав муниципального образования «Город Калуга» // www.consultant.ru

13. Устав города Брянска // www.consultant.ru

14. Устав муниципального образования – городской округ город Рязань Рязанской области // www.consultant.ru

15. Устав городского округа «Город Хабаровск» (принят решением Хабаровской городской Думы от 13 июля 2004 г. № 509) // www.consultant.ru

16. Устав городского округа – города Барнаула Алтайского края (принят Решением Барнаульской городской Думы от 28 февраля 2018 г. № 71) // www.consultant.ru

17. *Аминов И. Р.* Взаимодействие государства и местного самоуправления в Российской Федерации // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2016. – № 19-2. – С. 239-242.

18. *Аминов И. Р., Кашапова Н. Р.* Формы непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления в Российской Федерации // Вопросы современной юриспруденции. – 2016. – № 57. – С. 60-65.

Для цитирования: *Гутман М.Ю., Шукин А.О.* Ответственность выборных лиц и выборных муниципальных органов местного самоуправления перед населением: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 2 (36). – С. 251-257.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_251

RESPONSIBILITY OF ELECTED OFFICIALS AND ELECTED MUNICIPAL BODIES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT TO THE POPULATION

Matvey Yu. Gutman*

Anton O. Shchukin**

Annotation. *The article analyzes the responsibility of local government bodies and officials to the population of the municipality, the state, individuals and legal entities in accordance with federal laws.*

The grounds for the responsibility of local self-government bodies, deputies, members of elected local government bodies, elected officials of local self-government to the population and the procedure for resolving relevant issues are determined by the charters of municipalities.

Key words: *Constitution of the Russian Federation; responsibility; officials; local government bodies; municipal charter; population.*

One of the most significant components of the government structure of the Russian Federation, like any other state with a democratic structure, is local self-government. In the state structure of the country, the role of local self-government is very large, since it connects the population and government structures with each other [17, p. 239]. Historically, the people are the main subject of the exercise of power at the local level. The population has the right to make independent decisions regarding issues of local importance, and it also has protection in the form of state guarantees. The implementation of this right is possible in various ways and is equally available to all citizens of the Russian Federation [18, p. 63].

In world practice, local self-government is defined as the right and real opportunity of municipal bodies to regulate a significant part of public affairs, functioning within the framework of legislation, under their own responsibility and in the interests of the population living in a certain territory. The Constitution of the Russian Federation established that the population has the right to exercise its power directly and through state authorities and local governments [1].

However, the direct mechanism for the implementation of local power by the population is defined in the Federal Law of October 6, 2003 No. 131-FZ "On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation." This includes a local referendum, municipal elections, voting procedures for the recall of deputies, a survey of citizens, a law-making initiative of citizens, etc. [2].

* **Gutman Matvey Yurievich** – Honorary Chairman of the Regional Public Organization of Veterans of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Police Colonel. E-mail: mygutman@gmail.com

** **Shchukin Anton Olegovich** – graduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Private educational institution of higher education "Law Institute" (St. Petersburg). E-mail: 255.55.30@gmail.com

Scientific supervisor – **Komarov Sergey Aleksandrovich**, President of the Interregional Association of State and Law Theorists, Scientific Director of the Private educational institution of higher education "Law Institute" (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Honored Worker of Science and Education RAE, Doctor of Law, Professor. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

It has been proven that power in the state will be strong when, in the process of their activities, the authorities rely on the opinion of the population. This has a direct bearing on municipal authorities. And the more diverse forms of local government exercise by citizens, the more structured local society will become, and, consequently, the more fully the interests of the population will be realized in the decisions of municipal bodies. In addition, when exercising local power in practice, a large number of issues arise, including frequent violations of citizens' rights. These problems require legal regulation, since the improvement of political, socio-economic, and cultural spheres of life of the population depends on the degree of effectiveness of local authorities in exercising their powers.

One of the main goals for local authorities should be to create a real opportunity for citizens to influence the development and adoption of decisions by local authorities. Thus, for the effective operation of municipalities, it is necessary, first of all, the desire and will of citizens, as well as officials of state and local authorities, to resolve this problem through joint efforts.

However, local authorities do not always fulfill their powers effectively and conscientiously, so the responsibility of local government becomes an integral part of the legal status of such a public authority. As a result, it is important to define the boundaries of local government responsibilities. Responsibility to the population is the responsibility of members of elected local government bodies, deputies and elected officials.

Traditionally, there are three main approaches to determining the grounds for the responsibility of local government bodies and officials to the population:

- 1) loss of trust (expression of mistrust);
- 2) offense;
- 3) both loss of trust and offense.

According to Part 2 of Art. 24 of Federal Law No. 131-FZ, the grounds for the recall of a deputy, a member of an elected body of local self-government, an elected official of local self-government and the procedure for the recall of these persons are established by the charter of the municipality [2]. Such grounds can only serve as specific illegal decisions or actions (inaction) of these persons if they are confirmed in court.

Having analyzed a number of charters of municipalities, we can summarize that when establishing the grounds for revocation in them, two approaches were formed. The first is based on the exact reproduction in the charter of the municipality of the norm of Part 2 of Art. 24 of Federal Law No. 131-FZ, with a note that revocation is not allowed for other reasons [8, 9].

The second approach is based on a broad interpretation of the above-mentioned norm. For example, the charters of some municipalities specify illegal decisions and actions (inactions) that may lead to the recall of a deputy, a member of an elected local government body, or an elected local government official, which leads to an expansion of the list of grounds.

Each base has its own characteristics.

1) Violation (non-compliance) by a deputy, head of a municipality of the Constitution of the Russian Federation, federal legislation, charter (basic law) and legislation of the subject of the Russian Federation, charter and other regulations of the municipality.

This basis in some charters, depending on the municipality, received a more detailed formulation. For example, the Charter of the city of Omsk states that violation of the above acts should entail a violation of the rights, freedoms and legitimate interests of a person and citizen [10].

2) Failure of a deputy to fulfill his powers (responsibilities), failure of the head of a municipality to fulfill the powers of his position, determined by the charter and municipal legal acts.

For example, in the charter of the city of Stavropol, failure by the head of a municipal entity to fulfill his duties is understood as systematic (at least three times during his term of office), without good reason, evasion of his duties established by federal laws, laws of a constituent entity of the Russian Federation, charter and other normative acts of a municipal entity, if such failure to fulfill obligations is established by a judicial act that has entered into legal force [6].

This basis is more specified in the charter of the city of Izhevsk, which states that failure to fulfill the relevant powers will also be the refusal of a deputy to receive voters, consider their appeals, evasion of participation in meetings of its commissions, and other working bodies [7].

3) Committing actions that discredit the title of a deputy or head of a municipality. Such actions can be both legal and illegal.

For example, in the Charter of the urban settlement of Yukhnov, this basis is defined as a violation of generally accepted norms of behavior in society, disrespect for the dignity of other citizens [11]. However, such an act is more likely to be assessed from the point of view of morality or morality, therefore this basis will contradict Part 2 of Art. 24 of Federal Law No. 131-FZ, since only his specific illegal decisions or actions (inaction) can serve as grounds for revocation [2].

The charter of the city of Izhevsk, in turn, speaks of the commission of illegal acts that discredit the status of the deputy and diminish the authority of the authorities [7].

4) The emergence of circumstances regarding the illegal activities of a deputy of a representative body of local self-government that emerged after his election, if these circumstances could be significant or decisive in determining the choice of voters. This basis, unlike all others, is associated with the activities of a person in the past, before his election as a deputy.

His political beliefs and legitimate political activities cannot be grounds for recalling a deputy, a member of an elected body of local self-government, or an elected official of local self-government; facts for which a special procedure for their establishment is provided and which, in accordance with the law, are independent grounds for termination of his powers [5], as well as the position expressed during voting at a meeting of its commissions and other working bodies [7].

Several years ago, the Constitutional Court of the Russian Federation indicated that a broad interpretation of the grounds for recall is unacceptable, just as it is not possible to include in the list of circumstances associated with the loss of voter confidence and without substantiation by verifiable facts of a general negative assessment of the activities of an official, since this contradicts Art. 3 (parts 2 and 3) and art. 130 (parts 1 and 2) of the Constitution of the Russian Federation due to the fact that in this way the results of the elections on the basis of which the official was elected may be called into question [3].

An analysis of the charters of individual municipalities showed that the grounds for the liability under study are related to the commission of an offense by a local government official exclusively. Such grounds as loss of trust were excluded from the list of grounds as a result of reforming municipal legislation.

Thus, the implementation of the responsibility of local government bodies and officials to the population is carried out through the measure of responsibility enshrined in

Federal Law No. 131-FZ and in the charters of municipalities in the form of early termination of powers of responsible entities, which can be implemented in the form of recall of a deputy, member of an elected body local government, elected official of local government. Recall is the early termination of the powers of an elected official through an appropriate vote in accordance with the law. The dependence of the possibility of recall on the type of electoral system is established by Part 2.1 of Art. 24 of Federal Law No. 131-FZ. Consequently, the institution of recall can only be implemented in relation to persons elected under the majoritarian electoral system [2].

When implementing the institution of recall, some difficulties arise, most often this is evidenced by the following factors:

- 1) the need for the court to confirm the facts that are the basis for the revocation;
- 2) insufficient activity of the population;
- 3) insufficient financial resources in the budgets of municipalities to conduct a recall vote;
- 4) violation of the recall procedure.

Voting on the recall of a deputy of a representative body of a municipality or an elected official of local self-government is regulated by Art. 24 of Federal Law No. 131-FZ [2] and is specified in the charters of municipalities.

There are six stages in the recall procedure:

- 1) recall initiative;
- 2) appointment of voting;
- 3) preparation for voting;
- 4) conducting voting;
- 5) summing up the voting results;
- 6) execution of the decision based on the voting results.

Having analyzed the charters of municipalities, one can come across different formulations.

For example, the initiative to recall a deputy of a representative body or an elected official may come from the population [10]; voters [12, 13]; citizens of the Russian Federation who have the right to participate in a local referendum, whose place of residence is located in the electoral district of the deputy [14].

Some municipal charters specify the number of citizens required to initiate a recall vote.

For example, in the city of Novosibirsk, the initiative group for the recall of a deputy must be at least 300 people, and for the recall of an elected official of local government, at least 1,000 people. And in the charter of the city of Arkhangelsk their number is 70 and 2000 people, respectively. The charter of a municipal entity should establish a high standard for the number of signatures collected to initiate the recall procedure – no less than the number of signatures required for nomination in elections, in order to avoid arbitrarily putting the issue of recall to a vote [3].

Raising the issue of recall consists of the following steps.

First, voters holding recall meetings. In this case, the following conditions must be met:

- participation (presence) of a set number of citizens for the meeting to be competent (in the charters this number is defined either as a share (percentage) of the number of voters registered in the electoral district where the deputy was elected, or of the number of voters registered in the territory of the municipal education in the event of the recall of the head of a municipality [11], or in the form of a precisely established number of citizens [15];

- the deputy or elected official must be notified in writing of the time, place of the meeting and the reasons for initiating the recall;
- holding a secret or open vote to decide whether a recall vote is necessary;
- registration of voting results in the form of minutes of the meeting.

Secondly, based on the results of the meeting, the creation and registration of an initiative group with the election commission of the municipality. The size of such a group is also determined by the charter. The application for registration must contain the circumstances that served as the basis for the revocation and the corresponding court decision that established them. If all conditions are met, the election commission issues identification cards and a registration certificate to members of the initiative group, publishes this decision, and notifies the representative body of the municipality and the person in respect of whom the recall is initiated about it.

Thirdly, the initiative group, within a month from the date of registration, collects signatures in support of the recall, bearing all costs for this. The required number of signatures, depending on the municipality, varies from 1% to 10% of the number of voters in the corresponding electoral district [15], or the number of participants in the recall [16].

Fourthly, a protocol on the results of collecting signatures along with the signed sheets is sent to the election commission, and the authenticity of the signatures on the recall sheets is checked.

Fifth, if there are enough signatures, the election commission decides to hold a recall vote.

Sixth, the election commission sends the specified decision to the representative body of the municipality, which, in turn, decides to begin the recall voting procedure, approves the cost estimate and determines the voting date. Campaigning for and against the recall is then allowed.

The preparation and conduct of the recall vote is also carried out by the municipal election commission. All decisions made during this time are subject to publication in the media.

A deputy, member of an elected body of local self-government, or an elected official of local self-government is considered recalled if at least half of the voters registered in the municipality (electoral district) voted for the recall. From the moment of official publication (disclosure) of the voting results, a deputy, member of an elected body of local self-government, or an elected official of local self-government terminates his powers.

According to the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation, it is unacceptable to simplify the recall procedure, since this can lead to abuse of its use, primarily from the point of view of the need to ensure the continuity of the functions of elected public authority [4].

Thus, based on the above, we can conclude that the organization and initiative of local residents is the leading factor in ensuring the responsibility of officials and local authorities to the population. Citizens' knowledge of their rights and everyone's personal interest in resolving local problems is the key to the prosperity of such a public authority. In turn, local governments are obliged to conscientiously and responsibly fulfill their powers and responsibilities to the population of municipalities.

Bibliography

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // www.consultant.ru;

Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house "Urayt", 2023. 325 p. (Series: Professional Commentary).

2. Federal Law of October 6, 2003 No. 131-FZ (as amended on December 25, 2023) "On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation" // www.consultant.ru

3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 2, 2002 No. 7-P "On the case of checking the constitutionality of certain provisions of the Law of the Krasnoyarsk Territory "On the procedure for recalling a deputy of a representative body of local self-government" and the Law of the Koryak Autonomous Okrug "On the procedure for recalling a deputy of a representative body of local self-government, an elected official of local government in the Koryak Autonomous Okrug" in connection with the complaints of applicants A.G. Zlobin and Yu.A. Khnaeva" // www.consultant.ru

4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 7, 2000 No. 10-P "On the case of verifying the constitutionality of certain provisions of the Constitution of the Altai Republic and the Federal Law "On the General Principles of the Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation" // www.consultant.ru

5. Resolution of the Orenburg City Council dated April 27, 2006 No. 44 "On the Charter of the City of Orenburg" // www.consultant.ru

6. Decision of the Stavropol City Duma of May 11, 2016 No. 847 "On the Charter of the municipal formation of the city of Stavropol, Stavropol Territory" // www.consultant.ru

7. Decision of the City Duma of Izhevsk dated June 16, 2005 No. 333 "On the adoption of the Charter of the municipal formation "City of Izhevsk" (Charter of the City of Izhevsk)" // www.consultant.ru

8. Charter of the city of Tver (adopted by the decision of the Duma of the city of Tver dated June 23, 2005 No. 68) // www.consultant.ru

9. Charter of the city of Tomsk (adopted by the decision of the Duma of the city of Tomsk dated May 4, 2010 No. 1475) // www.consultant.ru

10. Charter of the city of Omsk (approved by the decision of the Omsk City Council dated September 20, 1995 No. 92) // www.consultant.ru

11. Charter of the municipal formation "Urban settlement Yukhnov" (Approved by the decision of the City Duma of the urban settlement "Yukhnov" No. 10 of October 16, 2005) // www.consultant.ru

12. Charter of the municipal formation "City of Kaluga" // www.consultant.ru

13. Charter of the city of Bryansk // www.consultant.ru

14. Charter of the municipal formation – urban district of the city of Ryazan, Ryazan region // www.consultant.ru

15. Charter of the urban district "City of Khabarovsk" (adopted by the decision of the Khabarovsk City Duma of July 13, 2004 No. 509) // www.consultant.ru

16. Charter of the urban district – the city of Barnaul, Altai Territory (adopted by the Decision of the Barnaul City Duma of February 28, 2018 No. 71) // www.consultant.ru

17. Aminov I. R. Interaction of the state and local self-government in the Russian Federation // Current problems of the state and society in the field of ensuring the rights and freedoms of man and citizen. 2016. No. 19–2. Pp. 239–242.

18. Aminov I. R., Kashapova N. R. Forms of direct participation of the population in the implementation of local self-government in the Russian Federation // Issues of modern jurisprudence. 2016. No. 57. Pp. 60–65.

For citation: Gutman M.Yu., Shchukin A.O. Responsibility of elected officials and elected municipal bodies of local self-government to the population: article // Theory of State and Law. 2024. No. 2 (36). P. 258–263.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2_36_251

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ Е.В. СЕРЕДЕ

С.А. Комаров^{*}
Т.Л. Комарова^{**}
М.Б. Ревнова^{***}

16 марта 2024 года отметила свой юбилей член редакционного совета журнала «Теория государства и права», профессор кафедры уголовного права и процесса Юридического института (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор **Елена Васильевна Середа**.

Образование высшее юридическое. В 1977 году закончила юридический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова с отличием по специальности «правоведение», с присвоением квалификации «юрист». В 1983 г. под научным руководством профессора Н.А. Стручкова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Личность женщин, впервые осужденных за тяжкие насильственные преступления их исправление и перевоспитание в ИТК» [1].

С 1977 по 2001 год служила в органах внутренних дел, работала во Всероссийском научно-исследовательском институте Министерства внутренних дел Российской Федерации, где занималась научными исследованиями в области уголовного, уголовно-исполнительного права и внедрением их в практику. В июне 2001 г. уволилась из органов внутренних дел по выслуге лет.

В 2000 году успешно защитила докторскую диссертацию на тему: «Теоретические и прикладные проблемы применения наказания в виде лишения свободы в от-

^{*} **Комаров Сергей Александрович**, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, Заслуженный работник науки и образования РАЕ, доктор юридических наук, профессор. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

^{**} **Комарова Татьяна Львовна**, проректор по науке и инновациям Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), Ученый секретарь Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: Komarova_tl@mail.ru

^{***} **Ревнова Мария Борисовна**, ректор Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), председатель Санкт-Петербургского регионального отделения Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

ношении женщин и проблемы их социальной реабилитации». Научный консультант – Селиверстов В.И., доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

В своей диссертации Е.В. Середа последовательно рассматривает вопросы преступности женщин в России с точки зрения истории и современности, теоретические и прикладные проблемы назначения и исполнения (отбывания) наказания в виде лишения свободы в отношении женщин. Специальное внимание уделено проблемам социальной реабилитации женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Согласимся с автором в том, что в науке уголовного права и уголовно-исполнительного права фактически отсутствовало комплексное исследование теоретических и прикладных проблем применения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин [2]. Данное обстоятельство обусловило рассмотрение Е.В. Середой по-новому многих концептуальных положений, касающихся вопросов назначения и исполнения (отбывания) наказания в виде лишения свободы в отношении женщин, ибо такие вопросы всегда волновали не только ученых, но и просто рядовых граждан [2].

С июня 2001 г. по октябрь 2015 г. работала в Аппарате Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: до 2004 г. в должности начальника отдела правового просвещения, а с 2004 г. по 2015 г. – начальником Организационно-аналитического управления, а затем Управления международных отношений, в компетенцию которых входили вопросы взаимодействия с уполномоченными по правам человека в субъектах Российской Федерации, международное сотрудничество в сфере прав человека, а также взаимодействие с государственными органами и правозащитными организациями.

В течение шести лет (с 2006 г. по 2012 г.) являлась членом Комитета Совета Европы по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от Российской Федерации (ЕКПП). Принимала участие в качестве члена Комитета в инспектировании пенитенциарных учреждений Эстонии, Украины, Болгарии, Кипра, Норвегии и подготовке итоговых докладов ЕКПП о ситуации с применением пыток и бесчеловечного или унижающего обращения и наказания в этих странах. Владеет английским языком.

С сентября 2016 г. по декабрь 2020 г. возглавляла кафедру национальной безопасности и правоохранительной деятельности Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета.

Середа Е.В. с 2019 года работает профессором кафедры уголовного права и процесса ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), является со-руководителем магистерской программы «Юрист для власти и защиты прав человека», читает лекционные курсы «Права и свободы человека в современном мире», «Институт прав человека в Российской Федерации и за рубежом», «Институт Уполномоченного по правам человека», «Практика Европейского суда по правам человека по рассмотрению дел в отношении Российской Федерации».

Являлась членом диссертационных советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук.

Середа Е.В. – полковник внутренней службы в отставке, имеет классный чин Действительного государственного советника Российской Федерации 3 класса.

Член редколлегии ряда юридических журналов.

За продолжительную и безупречную службу в органах внутренних дел неоднократно поощрялась руководством МВД России, награждена нагрудным знаком «За

отличную службу в МВД», медалями «За безупречную службу» 3 и 2 степени, «200 лет МВД» и др.

За активное участие в законотворческой работе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Середе Е.В. неоднократно объявлялись благодарности, награждена медалью «В память 850-летия Москвы», почетной грамотой и благодарностями Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

Под руководством Е.В. Середы сложилась научная школа, в круг научных интересов которой входят проблемы назначения и исполнения уголовных наказаний, защита прав граждан, конституционное и международное публичное право, вопросы совершенствования законодательства об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации. Под ее научным руководством 6 человек успешно защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. В настоящее время она осуществляет научное руководство 4 аспирантами.

Научно-педагогический стаж работы составляет – 46 лет.

Середа Е.В. принимала участие в разработке действующих Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Российской Федерации, являлась одним из разработчиков и руководителей проведения эксперимента по совершенствованию условий отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами, автором новой редакции Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (2015 г.), а также Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования деятельности уполномоченных по правам человека».

Е.В. Середа является членом Ассоциации юристов России, членом Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права. Елена Васильевна – автор более 150 научных работ, включая учебники [3; 4], комментарии [5; 6; 8]. Ряд её статей опубликован в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [9–20; 22–26]. Имеются публикации в иностранных изданиях [21].

Е.В. Середа принимает активное участие в работе международных научно-практических конференций, симпозиумов и круглых столов в Москве, Санкт-Петербурге, Рязани, Тамбове, Уфе, Иркутске, Ставрополе, Нижнем Новгороде, а также за рубежом. Особое внимание уделяет реализации программы «Денисовские чтения», иным различным научным мероприятиям, к которым привлекается научная общественность России и других стран, а также аспиранты и студенты.

Члены Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, друзья и коллеги, редакция журнала «Теория государства и права» сердечно поздравляют Елену Васильевну Середу с юбилеем и желают ей крепкого здоровья, успешной и плодотворной научно-педагогической и общественной деятельности, творческих успехов, новых учеников, монографий, а также личного благополучия и счастья!

Библиографический список

1. Середа Е.В. Личность женщин, впервые осужденных за тяжкие насильственные преступления, их исправление и перевоспитание в ИТК: дисс. ... канд.юрид.наук. – М., 1983. – 120 с.
2. Середа Е.В. Теоретические и прикладные проблемы применения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин и их социальной реабилитации: дисс. ... докт.юрид. наук. – М., 2000. – 324 с.

3. *Серета Е.В.* Правовая система Российской Федерации: Учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры. – М.: Юстиция, 2018. – С. 89–111.
4. *Серета Е.В.* Основы современного российского права: Учебник для бакалавриата и магистратуры. – М.: Юстиция, 2019. – С.101–132.
5. *Серета Е.В.* Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий. – М, 2001. – С. 139–155.
6. *Серета Е.В.* Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: Учебно-методическое издание // Под общей редакцией О.О. Миронова. – М.: Юриспруденция, 2003. – С. 223–245.
7. *Серета Е.В.* Теория и практика защиты прав человека: Учебно-методическое пособие для переподготовки и повышения квалификации государственных служащих исполнительных органов государственной власти РФ // Под общей редакцией О.О. Миронова. – М.: Юриспруденция, 2003. – С. 96–141.
8. *Серета Е.В., Трунцевский Ю.В.* Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу РФ: Учебно-методическое издание // Под редакцией И.Л. Трунова. – М.: Эксмо, 2006. С. 424–434.
9. *Серета Е.В., Яншина М.В.* Актуальные проблемы защиты потерпевших и свидетелей // Юридическая мысль. – 2007. – № 6. – С.118–123.
10. *Серета Е.В.* Модель «Омбудсман плюс» как одна из возможных моделей независимого превентивного механизма // Юридическая мысль. – 2009. – № 6. – С. 123–126.
11. *Серета Е.В., Лаптева И.В.* Вопросы взаимодействия Российской Федерации и Европейского суда по правам человека // Юридическая мысль. – 2010. – № 1. – С. 124–130.
12. *Серета Е.В.* Конституционное закрепление защиты прав потерпевших от преступлений и перспективы ее совершенствования // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 5. – С. 75–79.
13. *Серета Е.В.* Проблемы становления института Уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации // Научно-правовой журнал «Омбудсмен». – 2012. – № 1. – С. 37–42.
14. *Серета Е.В.* Практика работы Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания // Человек: преступление и наказание. – 2013. – № 3 (82). – С. 136–139.
15. *Серета Е.В.* Проблемы законодательного регулирования института Уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации. //В сб.: Исполнение судебного решения как неотъемлемая часть конституционного права на судебную защиту / Материалы Всероссийской научно-практической конференции (26–27 сентября 2013 г.). – Рязань: Академия ФСИН России, 2013. – С. 217–222.
16. *Серета Е.В.* Право на получение медицинской помощи лицами, содержащимися в пениitenciарных учреждениях // Человек: преступление и наказание. – 2014. – № 2 (85). – С. 162–164.
17. *Серета Е.В.* Соответствие медицинского обслуживания лиц, содержащихся в пениitenciарных учреждениях, медицинским стандартам обращения с заключенными // Российский следователь. – 2016. – № 8. – С. 28–30.
18. *Серета Е.В.* Независимый превентивный механизм и общественные наблюдательные комиссии: общее и особенное // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – Вып. 2 (766). – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. – С. 134–144.
19. *Серета Е.В.* О модели Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. //Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Итоги и обоснования теоретического моделирования. – М.: Юриспруденция, 2017. – С. 262–269.
20. *Серета Е.В.* Международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью: проблемы и пути их решения //Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – Вып. 2 (831). – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. – С. 215–223.

21. *Серёда Е.В., Иванов С.А.* Устранение коллизий норм международного права в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков, как условие обеспечения прав человека // *Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores»* // <http://www.dilemascontemporaneoseducacionpoliticaayvalores.com/> Año: VII. Número: Edición Especial Artículo no.:90. Período: Octubre, 2019.

22. *Серёда Е.В., Комаров С.А.* Теоретические проблемы регулирования экстрадиции заключенных в двусторонних международных соглашениях // В сб.: *Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества /Материалы Всероссийской научно-практической конференции (10 декабря 2020 г.). – Уфа: БашГУ. – С. 98–107.*

23. *Серёда Е.В., Чесноков Н.А.* Цифровая трансформация органов прокуратуры Российской Федерации и стран СНГ: статья // *Вестник МГЛУ. – Образование и педагогические науки. – М., 2020. – № 2 (835). – С. 268–280.*

24. *Серёда Е.В.* Отдельные правовые аспекты совершенствования государственной политики в сфере трудовой миграции // *Серёда Е.В., Искевич И.С., Иванов С.А. // Миграционное право. – 2021. – № 4. – С. 10–14.*

25. *Серёда Е.В., Иванов С.А.* Экстрадиция и отдельные аспекты ее регулирования в двусторонних и многосторонних международных соглашениях // *Теория государства и права. – 2021. – № 4 (25). – С. 138–143.*

26. *Серёда Е.В. и др.* Исторические предпосылки и становление международных правовых основ по борьбе с незаконным оборотом наркотиков // *Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 115–122.*

Для цитирования: *Комаров С.А., Комарова Т.Л., Ревнова М.Б.* Наши поздравления Е.В. Серёде: статья // *Теория государства и права. – 2024. – № 2 (36). – С. 264–268.*

ANNIVERSARY

OUR CONGRATULATIONS to E.V. SEREDA

Sergey A. Komarov*

Tatyana L. Komarova**

Maria B. Revnova***

On March 16, 2024, a member of the editorial board of the journal “Theory of State and Law”, professor of the Department of Criminal Law and Process at the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor Elena Vasilievna Sereda, celebrated her anniversary.

Higher legal education. In 1977 she graduated from the Faculty of Law of Moscow State University. M.V. Lomonosov with honors in the specialty “legislation”, with the qualification “lawyer”. In 1983, under the scientific guidance of Professor N.A. Struchkova de-

* **Komarov Sergey Aleksandrovich**, President of the Interregional Association of State and Law Theorists, Scientific Director of the Private Educational Institution of Higher Education “Law Institute” (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Honored Worker of Science and Education RAE, Doctor of Law, Professor. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

** **Komarova Tatyana Lvovna**, Vice-Rector for Science and Innovation of the Private Educational Institution of Higher Education “Law Institute” (St. Petersburg), Scientific Secretary of the Interregional Association of State and Law Theorists, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. E-mail: Komarova_tl@mail.ru

*** **Revnova Maria Borisovna**, rector of the Private educational institution of higher education “Law Institute” (St. Petersburg), chairman of the St. Petersburg regional branch of the Interregional Association of Theorists of State and Law, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. E-mail: lawinst-sp@mail.ru

fended her Ph.D. thesis on the topic “The personality of women who were first convicted of serious violent crimes, their correction and re-education in the correctional colony” [1]. From 1977 to 2001 she served in the internal affairs bodies, worked at the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs Russian Federation, where she was engaged in scientific research in the field of criminal, penal law and their implementation in practice. In June 2001, she retired from the internal affairs bodies due to length of service.

In 2000, she successfully defended her doctoral dissertation on the topic: “Theoretical and applied problems of applying punishment in the form of imprisonment against women and problems of their social rehabilitation.” Scientific consultant – Seliverstov V.I., Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation.

In his dissertation E.V. Sereda consistently examines the issues of criminality of women in Russia from the point of view of history and modernity, theoretical and applied problems of assigning and executing (serving) sentences in the form of imprisonment in relation to women. Special attention is paid to the problems of social rehabilitation of women serving sentences of imprisonment. We agree with the author that in the science of criminal law and penal law there was virtually no comprehensive study of theoretical and applied problems of applying punishment in the form of imprisonment against women [2]. This circumstance led to the consideration of E.V. In a new way, many conceptual provisions concerning the issues of assigning and executing (serving) sentences in the form of imprisonment in relation to women, because such issues have always worried not only scientists, but also ordinary citizens [2].

From June 2001 to October 2015, she worked in the Office of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation: until 2004, as head of the legal education department, and from 2004 to 2015, as head of the Organizational and Analytical Department, and then the Department of International Relations, whose competence included issues of interaction with human rights commissioners in the constituent entities of the Russian Federation, international cooperation in the field of human rights, as well as interaction with government bodies and human rights organizations.

For six years (from 2006 to 2012) she was a member of the Council of Europe Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment from the Russian Federation (CPT). She took part as a member of the Committee in the inspection of penitentiary institutions in Estonia, Ukraine, Bulgaria, Cyprus, Norway and the preparation of the final reports of the CPT on the situation with the use of torture and inhuman or degrading treatment and punishment in these countries. Speaks English.

From September 2016 to December 2020, she headed the Department of National Security and Law Enforcement at the Institute of International Law and Justice of Moscow State Linguistic University.

Sereda E.V. Since 2019, he has been working as a professor at the Department of Criminal Law and Procedure at the Private Educational Institution of Higher Education “Legal Institute” (St. Petersburg), is a co-director of the master’s program “Lawyer for Government and Protection of Human Rights,” and gives lecture courses “Human Rights and Freedoms in Modern world”, “Institute of Human Rights in the Russian Federation and Abroad”, “Institute of the Commissioner for Human Rights”, “Practice of the European Court of Human Rights in considering cases against the Russian Federation”.

She was a member of dissertation councils for the defense of dissertations for the scientific degree of candidate and doctor of legal sciences.

Sereda E.V. – retired colonel of the internal service, has the class rank of Actual State Advisor of the Russian Federation 3rd class.

Member of the editorial board of several legal journals.

For long and impeccable service in the internal affairs bodies, she was repeatedly encouraged by the leadership of the Ministry of Internal Affairs of Russia, awarded the badge “For Excellent Service in the Ministry of Internal Affairs”, medals “For Impeccable Service” 3rd and 2nd degree, “200 Years of the Ministry of Internal Affairs”, etc.

For active participation in the legislative work of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, E.V. Serede. Gratitude was repeatedly announced, she was awarded the medal “In Memory of the 850th Anniversary of Moscow”, a diploma and commendations from the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation.

Under the leadership of E.V. Sereda has developed a scientific school whose scientific interests include problems of appointment and execution of criminal punishment, protection of citizens' rights, constitutional and international public law, issues of improving legislation on human rights ombudsmen in the constituent entities of the Russian Federation. Under her scientific supervision, 6 people successfully defended their dissertations for the degree of candidate of legal sciences. Currently, she provides scientific supervision to 4 graduate students.

Scientific and pedagogical work experience is 46 years.

Sereda E.V. took part in the development of the current Criminal and Criminal Executive Codes of the Russian Federation, was one of the developers and leaders of the experiment to improve the conditions for serving sentences in the form of imprisonment for convicted women, the author of the new edition of the Federal Constitutional Law “On Commissioner for Human Rights in the Russian Federation” (2015), as well as the Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to improve the activities of Commissioners for Human Rights.”

E.V. Sereda is a member of the Russian Lawyers Association, a member of the Interregional Association of State and Legal Theorists. Elena Vasilievna is the author of more than 150 scientific works, including textbooks [3; 4], comments [5; 6; 8]. A number of her articles were published in publications recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [9–20; 22–26]. There are publications in foreign publications [21].

E.V. Sereda takes an active part in international scientific and practical conferences, symposiums and round tables in Moscow, St. Petersburg, Ryazan, Tambov, Ufa, Irkutsk, Stavropol, Nizhny Novgorod, as well as abroad. He pays special attention to the implementation of the “Denisov Readings” program and various other scientific events in which the scientific community of Russia and other countries, as well as graduate and undergraduate students, is involved.

Members of the Interregional Association of State and Law Theorists, friends and colleagues, the editors of the journal “Theory of State and Law” cordially congratulate Elena Vasilyevna Sereda on her anniversary and wish her good health, successful and fruitful scientific, pedagogical and social activities, creative success, new students, monographs, as well as personal well-being and happiness!

Bibliography

1. Sereda E.V. Personality of women convicted for the first time for serious violent crimes, their correction and re-education in a correctional colony: dissertation. ... cand. legal sci. Moscow, 1983. 120 p.

2. Sereda E.V. Theoretical and applied problems of applying punishment in the form of imprisonment against women and their social rehabilitation: dissertation. ... doc. legal sci. Moscow, 2000. 324 p.
3. Sereda E.V. Legal system of the Russian Federation: Textbook for bachelor's, specialist and master's degrees. Moscow: Justice, 2018. Pp. 89–111.
4. Sereda E.V. Fundamentals of modern Russian law: Textbook for bachelor's and master's degrees. Moscow: Justice, 2019. P. 101–132.
5. Sereda E.V. Criminal Executive Code of the Russian Federation. Article-by-article scientific and practical commentary. Moscow, 2001. Pp. 139–155.
6. Sereda E.V. Commentary on the Criminal Executive Code of the Russian Federation: Educational and methodological publication // Under the general editorship of O.O. Mironov. Moscow: Jurisprudence, 2003. Pp. 223–245.
7. Sereda E.V. Theory and practice of human rights protection: Educational and methodological manual for retraining and advanced training of civil servants of executive bodies of state power of the Russian Federation // Under the general editorship of O.O. Mironova. Moscow: Jurisprudence, 2003. Pp. 96–141.
8. Sereda E.V., Truntsevsky Yu.V. Commentary on the Criminal Executive Code of the Russian Federation: Educational and methodological publication // Edited by I.L. Trunova. Moscow: Eksmo, 2006. Pp. 424–434.
9. Sereda E.V., Yanshina M.V. Current problems of protecting victims and witnesses // Legal Thought. 2007. No. 6. P.118–123.
10. Sereda E.V. The “Ombudsman Plus” model as one of the possible models of an independent preventive mechanism // Legal Thought. 2009. No. 6. P. 123–126.
11. Sereda E.V., Lapteva I.V. Issues of interaction between the Russian Federation and the European Court of Human Rights // Legal Thought. 2010. No. 1. P. 124–130.
12. Sereda E.V. Constitutional consolidation of the protection of the rights of victims of crimes and prospects for its improvement // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 5. P. 75–79.
13. Sereda E.V. Problems of establishing the institution of the Commissioner for Human Rights in the constituent entities of the Russian Federation // Scientific and legal journal “Ombudsman”. 2012. No. 1. P. 37–42.
14. Sereda E.V. Practice of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment // Man: crime and punishment. 2013. No. 3 (82). Pp. 136–139.
15. Sereda E.V. Problems of legislative regulation of the institution of the Commissioner for Human Rights in the constituent entities of the Russian Federation. // In the collection: Execution of a court decision as an integral part of the constitutional right to judicial protection / Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (September 26–27, 2013). Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2013. Pp. 217–222.
16. Sereda E.V. The right to receive medical care by persons held in penitentiary institutions // Man: crime and punishment. 2014. No. 2 (85). Pp. 162–164.
17. Sereda E.V. Compliance of medical care for persons held in penitentiary institutions with medical standards for the treatment of prisoners // Russian investigator. 2016. No. 8. P. 28–30.
18. Sereda E.V. Independent preventive mechanism and public monitoring commissions: general and special // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences. Vol. 2 (766). Moscow: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education MSLU, 2016. Pp. 134–144.
19. Sereda E.V. On the model of the General Part of the new Criminal Executive Code of the Russian Federation. //General part of the new Criminal Executive Code of the Russian Federation. Results and justifications of theoretical modeling. Moscow: Juris-Prudentsiya, 2017. Pp. 262–269.
20. Sereda E.V. International cooperation in the fight against crime: problems and ways to solve them // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical scienc-

es. Vol. 2 (831). Moscow: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education MSLU, 2019. Pp. 215–223.

21. Sereda E.V., Ivanov S.A. Elimination of conflicts of international law in the field of combating drug trafficking as a condition for ensuring human rights // Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores" // <http://www.dilemascontemporaneoseducacionpolitica-yvalores.com/> Año: VII. Number: Edición Especial Artículo no.: 90. Periodo: Octubre, 2019.

22. Sereda E.V., Komarov S.A. Theoretical problems of regulating the extradition of prisoners in bilateral international agreements // In the collection: Human rights in the dialogue between state authorities and civil society / Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (December 10, 2020). Ufa: Bash State University. Pp. 98–107.

23. Sereda E.V., Chesnokov N.A. Digital transformation of the prosecutor's office of the Russian Federation and CIS countries: article // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences. M., 2020. No. 2 (835). Pp. 268–280.

24. Sereda E.V. Selected legal aspects of improving state policy in the field of labor migration // Sereda E.V., Iskevich I.S., Ivanov S.A. // Migration law. 2021. No. 4. P. 10–14.

25. Sereda E.V., Ivanov S.A. Extradition and certain aspects of its regulation in bilateral and multilateral international agreements // Theory of State and Law. 2021. No. 4 (25). Pp. 138–143.

26. Sereda E.V. and others. Historical background and formation of international legal framework for combating drug trafficking // Theory of State and Law. 2022. No. 4 (29). Pp. 115–122.

For citation: Komarov S.A., Komarova T.L., Revnova M.B. Our congratulations to E.V. Sereda: article // Theory of state and law. 2024. No. 2 (36). P. 268–272.

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Для публикации рукописи (статьи, обзора, отзыва или рецензии) в журнале «Теория государства и права» необходимо на адрес электронной почты komarova_tl@mail.ru направить Оферту, текст рукописи, справку системы «Антиплагиат», рецензию научного руководителя (для студентов и аспирантов).

Предложение делать оферты, а также текст Оферты размещены в публичном доступе на странице журнала по адресу: <http://matgip.ru/trebuem>

Все рукописи проходят процедуру рецензирования в соответствии с установленным порядком.

Студенты и аспиранты, как правило, публикуются в соавторстве со своими научными руководителями.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

Статья (обзор, отзыв, рецензия) предоставляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски в квадратных скобках на источник из библиографического списка.

Допустимый объем одной публикации 6–10 страниц (больше количество страниц – в порядке исключения).

К статье прилагаются:

- а) аннотация статьи (4–5 строк) и ключевые слова;
- б) сведения об авторе, в том числе: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (учебы), должность, контактные данные: адрес с указанием почтового индекса, контактный телефон, E-mail.

Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторе предоставляются на русском и английском языках.

RULES FOR PUBLICATION OF ARTICLES IN THE JOURNAL "THEORY OF STATE AND LAW"

To publish a manuscript (article, review, review or review) in the journal "Theory of State and Law", it is necessary to send the Offer, the text of the manuscript, a certificate of the Antiplagiat system, a review of the scientific advisor (for students and graduate students).

The offer to make offers, as well as the text of the Offer, are posted in the public domain on the journal's page at: <http://matgip.ru/trebuem>

All manuscripts are reviewed in accordance with the established procedure.

Undergraduate and graduate students typically publish in collaboration with their supervisors.

RULES FOR REGISTRATION OF THE MATERIAL

Article (review, review, review) is provided in electronic form, file in Microsoft Office Word format, font Times New Roman, size 14, spacing 1.5, automatic paragraph 1.25 mm, footnotes in square brackets to the source from the bibliographic list.

The allowed volume of one publication is 6–10 pages (more pages are an exception).

Attached to the article:

- a) abstract of the article (4–5 lines) and keywords;
- b) information about the author, including: full name (full name), academic degree, academic title, place of work (study), position, contact information: address with zip code, contact phone number, E-mail.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, обзоров, отзывов и рецензий, предоставляемых авторами для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Журнал).

2. Каждая рукопись, поступившая в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет ее соответствия профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. По общему правилу рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии – специалист по тематике рецензируемых материалов, имеющий за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи.

В целях более эффективной экспертной оценки рукописей редакция имеет право привлекать внешних рецензентов – специалистов по тематике рецензируемых материалов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков, имеющих за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи).

5. Рецензенты уведомляются о том, что процедура рецензирования является конфиденциальной. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Сроки рецензирования рукописей:

7.1. Главный редактор Журнала рассматривает предоставленную к публикации рукопись в соответствии с п. 3 Порядка в течение семи дней с момента ее предоставления в редакцию.

7.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

7.3. В сроки, указанные в подп. 7.1 и 7.2 Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

7.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью рационального формирования редакторского портфеля.

8. Содержание рецензии:

8.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

8.1.1. соответствие содержания рукописи ее названию;

8.1.2. актуальность темы исследования;

8.1.3. научная новизна полученных результатов;

8.1.4. целесообразность публикации рукописи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

8.1.5. подача материала (язык, стиль, полнота и логика изложения);

8.1.7. законность и обоснованность заимствований.

8.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

8.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

8.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале;

8.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале с внесением технической правки;

8.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале после устранения автором замечаний рецензента (с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту);

8.3.4. рекомендовать отказать в публикации рукописи в Журнале по причине несоответствия ее научного уровня или иных критериев требованиям, предъявляемым к соответствующим рукописям.

9. В случае принятия рецензентом решения, указанного в подп. 8.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором рукопись повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, рукопись считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

10. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в подп. 8.3.2-8.3.4 Порядка, текст рецензии направляется автору рукописи.

11. Окончательное решение о принятии рукописи к публикации в Журнале принимает Редакционный совет на основании рецензии.

12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом.

13. В течение срока, установленного п. 12 Порядка, копия рецензии предоставляется в Министерство образования и науки Российской Федерации в случае поступления в редакцию Журнала соответствующего запроса.

PROCEDURE FOR REVIEWING MANUSCRIPTS, SUBMITTED FOR PUBLICATION IN THE JOURNAL "THEORY OF STATE AND LAW"

1. This Procedure for reviewing manuscripts submitted for publication in the journal Theory of State and Law (hereinafter referred to as the Procedure) determines the procedure for reviewing manuscripts of scientific articles, reviews, reviews and reviews provided by authors for publication in the journal Theory of State and right-va "(hereinafter – the Journal).

2. Each manuscript submitted to the editorial office of the Journal must undergo a review procedure.

3. The manuscript received by the editorial office of the Journal is reviewed by the chief editor for its compliance with the profile of the Journal, the requirements for formatting and is sent for review to a specialist.

4. As a general rule, reviewing is carried out by one of the members of the editorial board – a specialist on the subject of the reviewed materials, who has scientific publications on the subject of the reviewed manuscript over the past three years.

For a more effective expert assessment of manuscripts, the editorial board has the right to involve external reviewers – specialists on the subject of the reviewed materials (doctors or candidates of science, including practitioners who have had scientific publications on the subject of the reviewed manuscript over the past three years).

5. Reviewers are advised that the review procedure is confidential. Reviewers are not allowed to make copies of articles and transfer them to third parties.

6. Reviewing is carried out confidentially for the authors of articles. The review is provided to the author of the manuscript upon his written request without a signature and without specifying the name, position, place of work of the reviewer.

7. Terms of reviewing manuscripts:

7.1. The editor-in-chief of the Journal considers the manuscript submitted for publication in accordance with clause 3 of the Procedure within seven days from the date of its submission to the editorial office.

7.2. The reviewing of the manuscript by a specialist is carried out within four to eleven days from the moment the manuscript was submitted to him by the editor-in-chief.

7.3. Within the terms specified in sub. 7.1 and 7.2 Order, excluding weekends and holidays established by the current legislation of the Russian Federation.

7.4. By agreement of the editorial board and the reviewer, the review of the manuscript can be carried out in a shorter time frame in order to rationally form the editorial portfolio.

8. Content of the review:

8.1. The review should contain an expert assessment of the manuscript according to the following parameters:

8.1.1. correspondence of the content of the manuscript to its title;

8.1.2. Relevance of the research topic;

8.1.3. scientific novelty of the results obtained;

8.1.4. the expediency of publishing the manuscript, taking into account the literature previously released on this issue;

8.1.5. presentation of material (language, style, completeness and logic of presentation);

8.1.7. the legality and validity of borrowing.

8.2. The reviewer has the right to give recommendations to the author on how to improve the manuscript. The comments and wishes of the reviewer should be objective and principled, aimed at improving the scientific level of the manuscript.

8.3. The final part of the review must contain one of the following solutions:

8.3.1. recommend to accept the manuscript for publication in the Journal;

8.3.2. recommend to accept the manuscript for publication in the Journal with technical revisions;

8.3.3. to recommend to accept the manuscript for publication in the Journal after the author has eliminated the reviewer's comments (with subsequent referral to the same reviewer for re-review);

8.3.4. recommend to refuse publication of the manuscript in the Journal due to the discrepancy between its scientific level or other criteria to the requirements for the corresponding manuscripts.

9. If the reviewer makes the decision specified in sub. 8.3.3 Procedure, revised (revised) by the author, the manuscript is re-sent for review. If the reviewer makes a similar decision during re-reviewing, the manuscript is considered rejected and is no longer subject to review by the editors of the Journal.

10. In cases where the reviewer makes the decisions specified in sub. 8.3.2–8.3.4 Order, the text of the review is sent to the author of the manuscript.

11. The final decision on the acceptance of the manuscript for publication in the Journal is made by the Editorial Board based on the review.

12. The originals of the reviews are kept in the editorial office of the Journal for five years from the moment they are signed by the reviewer.

13. Within the period established by clause 12 of the Procedure, a copy of the review is submitted to the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in case of a corresponding request received by the editorial office of the Journal.

Редактор, переводчик **М.В. Старцева**
Верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, д. 19, корп. 1, офис 12
E-mail: matgip2017@yandex.ru; komarova_tl@mail.ru
Сайт: <http://matgip.ru/magazine>
Телефон: (499) 431-5806

Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков
государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Выход в свет 02.04.2024. Формат 61x86 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 33,69. Усл. п.л. 22,73. Тираж 100 экз. Заказ №28919.

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
www.onebook.ru

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»